

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**№ 2
МАРТ–АПРЕЛЬ**

2021

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор В.С. Мирзеханов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ОддАрне Вестад (США), **А.Б. Давидсон** (Россия), **Штефан Карнер** (Австрия),
Элен Каррер д'Анкосс (Франция), **Николаус Катцер** (Германия), **Доминик Ливен**
(Великобритания), **Г.Ф. Матвеев** (Россия), **В.С. Мясников** (Россия), **В.В. Наумкин** (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), **А.О. Чубарьян** (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), **Л.С. Белоусов** (Россия), **Д.М. Бондаренко** (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), **Владислав Зубок** (Великобритания), **Суви Кансикас** (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), **М.А. Липкин** (Россия), **Леонид Люкс** (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), **Мари-Пьер Рей** (Франция),
Дональд Рейли (США), **Л.П. Репина** (Россия), **И.М. Савельева** (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), **В.В. Согрин** (Россия), **Грегори Фриз** (США), **Б.Л. Хавкин** (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), **Франтишек Штеллнер** (Чехия)

Ответственный секретарь И.А. Фадеев

Адрес редакции: 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 2
MARCH–APRIL

2021

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY:
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL COUNCIL

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Hélène Carrère d'Encausse (France), **Nikolaus Katzer** (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Исаев С.А. «Протестантизм»: значение термина в исторической науке и религиоведении.....	5
Фельдман М.А. Симпатия к России как способ опередить время	19

НОВОЕ ВРЕМЯ

Володько А.В. Императрица Мария Александровна: у истоков создания и развития Российского общества Красного Креста.....	29
Хандажинская С.А. Деятельность Баптистского миссионерского общества (1792–1847 годы) в Индии: от просвещения к крещению	39
Лошаков А.Ю. А.А. Савинский — представитель России на опиумной конференции в Гааге в 1911–1912 годах	53
Наумкин В.В. Турецко-арабское противостояние в Хиджазе и Неджде и Россия в начале XX века (по данным российской дипломатии и военной разведки)	60

XX ВЕК

Остапенко Г.С. Секреты выживания британской монархии: от Виктории до Георга V (1837–1936 годы)	75
Чикризова О.С. Конфессиональный фактор в антибританском восстании 1920 года в Ираке ..	93
Карпюк С.Г. «Помощь России в войне»: свидетельство Мозеса Финли	109
Онищенко А.Г. Англо-египетский договор 1936 года как инструмент британской внешней политики. Подготовка, заключение, результаты	118
Супоницкая И.М. Общество против Джозефа Маккарти	135

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ким Н.Н. Как в Южной Корее вспоминают восстание в Кванджу 18 мая 1980 года: политические коллизии вокруг практик коммеморации в XXI веке	148
Трунов Ф.О. Подходы канцлеров ФРГ К. Аденауэра и А. Меркель к решению политико-военных проблем.....	162

СООБЩЕНИЯ

Стегний П.В. «Я буду царствовать или погибну». Новые материалы Государственного архива РФ о переписке великой княгини Екатерины Алексеевны с английским послом Чарльзом Хенбери-Уильямсом в 1756–1757 годах	179
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Аншаков Ю.П. Россия в системе международных отношений в николаевский период: структура и деятельность МИД (Е.П. Кудрявцева. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М., 2019)	204
Соколов А.Б. Проблемы национальной идентичности в исторической памяти и современной историографии (Прошлое для настоящего. История-память и нарративы национальной идентичности. Под общей редакцией Л.П. Репиной. М., 2020)	207
Канинская Г.Н. Вторая мировая война и трансформация международных отношений (Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру. Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М., 2020)	213

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Петрова М.А., Хорошева А.О. Научная конференция «Европейские дипломаты Нового времени: судьба и карьера».....	219
---	-----

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Isaev S.A. "Protestantism" as a Concept: Its Meaning in Historical and Religious Studies.....	5
Feldman M.A. Sympathy for Russia as a Way to Get Ahead of Time.....	19

MODERN HISTORY

Volodko A.V. The Empress Maria Alexandrovna and the Origins of the Russian Red Cross.....	29
Khandzhinskaya S.A. Baptist Missionary Society (1792–1847) in India: From Enlightenment to Christianization.....	39
Loshakov A.Yu. A.A. Savinsky – the Representative of Russia at the Opium Conference in the Hague, Netherlands 1911–1912.....	53
Naumkin V.V. Turkish-Arab Confrontation in the Hijaz and Nejd and Russia in Early 20 th Century (According to Russian Diplomatic and Military Intelligence Sources).....	60

20th CENTURY

Ostapenko G.S. Secrets of Survival of the British Monarchy: from Victoria to George V (1837–1936).....	75
Chikrizova O.S. Confessional Factor in the 1920 Anti-British Uprising in Iraq.....	93
Karpyuk S.G. "Russian War Relief": Moses Finley's Testimony.....	109
Onishchenko A.G. Anglo-Egyptian Treaty of 1936 as an Instrument of the British Foreign Policy. Preparation, Conclusion, Results.....	118
Suponitskaya I.M. The Society v. Joseph McCarthy.....	135

CONTEMPORARY HISTORY

Kim N.N. How South Koreans Remember the May 18 Gwangju Uprising: Political Collisions Around Commemorative Practices in the 21 st Century.....	148
Trunov Ph.O. The Approaches of Konrad Adenauer and Angela Merkel to the Solution of Political-Military Problems	162

MESSAGES

Stegny P.V. "I Shall Either Perish or Reign". New Materials from the State Archive of Russian Federation on the Correspondence Between Grand Duchess Catherine and the British Ambassador Charles Hanbury Williams in 1756–1757	179
---	-----

REVIEWS

Anshakov Yu.P. Russia in the System of International Relations During the Reign of Nicholas I: Structure and Activities of the Ministry of Foreign Affairs (E.P. Kudryavtseva. The Russia Ministry of Foreign Affairs in the Second Quarter of the 19 th century. Moscow, 2019)	204
Sokolov A.B. The Problems of National Identity in Historical Memory and Contemporary Historiography (The Past for the Present. History-Memory and Narratives of National Identity. General Editor L.P. Repina. Moscow, 2020)	207
Kaninskaya G.N. World War II and the Transformation of International Relations (The Second World War and the Transformation of International Relations. From Multipolarity to Bipolar World. Eds. L.S. Belousov, A.S. Manykin. Moscow, 2020)	213

ACADEMIC LIFE

Petrova M.A., Khorosheva A.O. Academic Conference "European Diplomats of the Modern Age: Destiny and Career"	219
--	-----

DOI: 10.31857/S013038640009040-2

© 2021 г. С.А. ИСАЕВ

«ПРОТЕСТАНТИЗМ»: ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ И РЕЛИГИОВЕДЕНИИ

Исаев Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, исполняющий обязанности заведующего Отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: isayevsviir@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9491-3510

Аннотация. Автор полемизирует со статьёй И.П. Давыдова и И.А. Фадеева, в которой термин «протестантизм» был объявлен несостоятельным. Термин этот возник в 1529 г. и ныне охватывает гораздо более разнообразный конгломерат религиозных объединений, чем термины «православие» и «католичество». И.П. Давыдов и И.А. Фадеев требуют использовать все исторические термины в их первоначальном значении. Автор отвергает это требование и показывает, что многие исторические термины, например «дискурс», «революция», «идеология», «якобинцы», ныне используются в значениях, далеких от первоначальных. Аналогичным образом имеет право на существование и термин «протестантизм». Протестантскими являются как религиозные структуры, отделившиеся от Римско-католической церкви после 1517 г., так и отделившиеся, в свою очередь, от них, и далее по цепочке. Серьезная проблема заключается в том, что некоторые из этих последних — мормоны, Оксфордское движение в англиканстве, Новоапостольская церковь, ландмаркистское движение в баптизме — возникли в результате перемен в направлениях, противоположных преобразованиям Реформации, т.е. через сближение с католической догматикой, усложнение литургии и восстановление иерархического устройства. Такие движения автор предлагает назвать антипротестантскими, но тем не менее считать протестантскими, поскольку их приверженцы отказываются присоединиться к Римско-католической церкви и, следовательно, ценят те отличия своих церквей от римского католичества, которые возникли вследствие Реформации. Если в период Реформации церкви часто раскалывались, порождая новые конфессии, то в наше время церкви Реформации объединяются: лютеране и кальвинисты Германии — в Прусскую Унию (1817 г.), лютеране и кальвинисты Нидерландов — в Протестантскую церковь в Нидерландах (2004 г.). Объединенная церковь Христа, образованная в США в 1957 г., состоит из приходов четырех конфессий. Для характеристики таких «униональных» церквей термин «протестантские» является самым подходящим.

Ключевые слова: протестантизм, Реформация, христианство западное, англиканство, баптизм, кальвинизм, лютеранство.

S.A. Isaev

“Protestantism” as a Concept: Its Meaning in Historical and Religious Studies*Sergei Isaev, Saint-Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia).**E-mail: isayevsviir@yandex.ru**ORCID: 0000-0001-9491-3510*

Abstract. The author polemizes with the article by Ivan Davydov and Ivan Fadeyev, in which the concept “Protestantism” was proclaimed unsound. Emerging in 1529, now it denotes a much more diverse conglomerate of religious bodies than such concepts as “Eastern Orthodoxy”, or “Roman Catholicism”. I.P. Davydov and I.A. Fadeyev insist that all historical concepts must be used in their original sense only. The author rejects this requirement and demonstrates that such widely used concepts as “discourse”, “revolution”, “ideology”, “the Jacobins”, now have meanings quite different from the original ones. The concept “Protestantism” has the same right to exist. Protestant religious structures are both those that separated from the Roman Catholic Church after 1517, and those that separated from them in turn, and further down the chain. The true problem is that some of the latter, like the Mormons, the Oxford Movement in Anglicanism, the New Apostolic Church, and Landmarkism in Baptism, were the result of changes in the directions opposite to the transformations brought about by the Reformation, i.e., dogmatic drift to Roman Catholic doctrines, more complex liturgy, and the restoration of the hierarchical structure. The author proposes to call such movements “anti-Protestant,” but to consider them Protestant, since their adherents refuse to join the Roman Catholic Church and, consequently, appreciate the differences that exist between their churches and Roman Catholicism, which arose as a result of the Reformation. If during the Reformation the churches often split, giving rise to new denominations, in our time the churches founded during Reformation occasionally become united: Lutherans and Calvinists of Germany – in the Prussian Union (1817), Lutherans and Calvinists of the Netherlands – Protestantse Kerk in the Netherlands (2004). The United Church of Christ, formed in the United States in 1957, consists of adherents of four confessions. No one name except that of “Protestant” is suitable for this type of church.

Keywords: Protestantism, Reformation, Western Christianity, Anglicanism, Baptism, Calvinism, Lutheranism.

«ПРОТЕСТАНТИЗМ»: ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ПОНЯТИЯ

В № 5 «Новой и новейшей истории» за 2019 г. увидела свет статья «Первоначальный смысл термина “протестантизм”. Историко-философское исследование». Ее написали философ Иван Павлович Давыдов и историк Иван Андреевич Фадеев¹. О первоначальном смысле термина «протестантизм» в статье сказано следующее: «История понятия “протестантизм” имеет непосредственное отношение к событиям в Германии в XVI в. В 1521 г. по распоряжению императора... Карла V в городе Вормс состоялось заседание рейхстага. Одним из результатов работы этого собрания стал Вормсский эдикт, оглашенный 25 марта 1521 г. Однако через пять лет по решению Первого Шпейерского рейхстага действие эдикта было приостановлено ввиду давления, с одной стороны, немецких князей и свободных городов, которые приняли сторону М. Лютера, и угрозы турецкого вторжения – с другой. Князьям давалось право выбора религии: данное

¹ Давыдов И.П., Фадеев И.А. Первоначальный смысл термина «протестантизм». Историко-философское исследование // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 5–25. Далее ссылки на статью даются в тексте.

решение стало предтечей системы, основанной на принципе “чья власть, того и вера” (“*cuius regio, eius religio*”), которая была окончательно установлена Аугсбургским договором в 1555 г. Второй Шпейерский рейхстаг, собранный императором в 1529 г., восстановил действие Вормского эдикта. Последнее повлекло за собой событие, которое в контексте стоящих перед нами задач исследования представляет особый интерес. 19 апреля 1529 г. шесть князей и четырнадцать имперских городов обратились с апелляцией к Шпейерскому рейхстагу, протестуя против возобновления действия Вормского эдикта. Название апелляции, вошедшей в историю как Шпейерские протестации (“*Protestation zu Speyer*”), было использовано католической стороной, давшей движению, возглавленному Мартином Лютером, имя, носящее ярко выраженную негативную окраску, — “протестантизм”. Впоследствии им стали обозначать реформатские движения в Швейцарии (кальвинизм и цвинглианство), позднее оно было распространено на Английскую церковь, отделившуюся от Рима в XVI в., а также на анабаптистов, которые в XVI–XVII вв. подвергались гонениям как со стороны католиков, так и их противников.

Напомним, что по результатам Марбургского диспута (1–4 октября 1529 г.) Лютер категорически отказался признать в Цвингли единоверца, заявив, что последний и его сторонники не принадлежат “сообществу христианской церкви”. Измененное Ф. Меланхтоном в 1540 г. Аугсбургское исповедание (“*Confessio Augustana Variata*”), которое Ж. Кальвин подписал в том же году, было отвергнуто большинством последователей М. Лютера. В дальнейшем между последними и сторонниками Кальвина разгорелись богословские споры, которые выявили глубину расхождений между этими двумя христианскими конфессиями. Позже содержание понятия “протестантизм” было еще больше расширено, включив в себя даже деноминации, составляющие антитринитарное движение: Свидетелей Иеговы, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, пятидесятников-единственников.

Таким образом, можно констатировать, что термин “протестант”, который изначально был выработан католическими авторами в рамках антилютеранской полемики, в дальнейшем стал не только внутренне противоречивым, но и превратился в анахронизм» (с. 11–12).

Хотя цитата довольно велика, но это все, что сказано в статье на заявленную тему. Мы видим не историко-философское исследование, а предельно краткий обзор истории понятия «протестантизм». В цитате содержится серьезная неточность: правильная дата Вормского эдикта, поставившего Лютера вне защиты имперских законов, — 25 мая 1521 г. Разница в два месяца имеет принципиальное значение: ведь знаменитая сцена, когда Лютер перед императором и Вормским рейхстагом отказался отречься от своих сочинений и взглядов, заявив: «На том стою и не могу иначе», имела место 18 апреля, т.е. до, а не после издания эдикта.

«Протестанты» в первоначальном смысле этого слова суть те члены рейхстага, князья и представители городов, кто подписал документ под названием «Шпейерская протестация», датируемый 19 апреля 1529 г. Это давно известно всем специалистам по истории Реформации.

Однако в статье еще 14 страниц. О чем они?

КАК ФИЛОСОФЫ НАСТАВЛЯЮТ ИСТОРИКОВ

Аннотация к статье уведомляет нас: «Цель исследования заключается в историко-философской верификации бартезианского методологического приема экстраполяции лингвистических методов анализа на предметную область философии и истории религии» (с. 5).

В заголовке статьи фигурирует проблема, которой занимается историческая наука: смысл термина «протестантизм». Однако большая часть статьи посвящена постановке и (если верить заявлениям авторов) решениям проблем чисто философских:

верификации методологического приема, проверке возможности применения семиологии. Прodelывается все это на материале в том числе и на историческом, но на материале последующей истории протестантизма, вплоть до наших дней, а вовсе не протестантизма раннего, понимаемого в первоначальном смысле.

Формулировки «целей» статьи, как и ее «задачи», весьма замысловаты. Но между «целями» и «задачами» авторы высказывают еще и «эпистемологическую гипотезу». Что ж, гипотезу нередко формулируют в самом начале научного текста как предположение, проверяемое затем на протяжении всей работы. Может быть, и в данном случае так?

«Гипотеза» формулируется в пяти тезисах.

Первый: чтобы правильно описывать религиозные явления, надо установить «нулевую степень» первоначального смысла и содержания базовых концептов.

Второй: философия истории вправе заимствовать методологию Женевской и Копенгагенской лингвистических школ.

Третий: у Ролана Барта такое заимствование и применение оказалось удачным по отношению к литературоведению и истории языка; надо попробовать применить это же к истории и религиоведению.

Повторяю: здесь излагается гипотеза! Предположим, надо; предположим, вправе; предположим, удалось. Но четвертый тезис изложить как предположение я не способен. И.А. Давыдов и И.П. Фадеев указывают:

«В случае установления факта выхолащивания первоначального смысла и значения термина, это должно быть зафиксировано научным инструментарием, вынесено на обсуждение исторического и религиоведческого ученого сообщества, отражено в специализированном понятийном аппарате соответствующей научной дисциплины — эпистемологии религиоведения, семиотики религии, философии истории» (с. 7).

Претензии к понятию «протестантизм» высказаны на страницах специализированного исторического журнала. Я, историк с религиоведческими интересами, привык пользоваться термином «протестантизм» и хочу знать, на каком основании мое право пользоваться этим термином как научным ставится под сомнение. Именно этим я займусь чуть позже и буду заниматься почти до самого конца статьи.

Пока же нам осталось познакомиться с последним, пятым, тезисом, который придется процитировать также полностью: «Для фиксации результата историко-лингвистического, семантического и некоторых других видов анализа в качестве “категории анализа” И.П. Давыдов предложил термин “пустое рамочное понятие”, призванный маркировать ситуацию отсутствия однозначного смысла концепта» (с. 7)

Напоминание об исследовательской новации, которую один из авторов статьи предложил ранее, почему-то именуется гипотезой, да еще эпистемологической. Фактически же статья И.П. Давыдова и И.А. Фадеева представляет собой попытку доказать, что понятие «протестантизм» не имеет права на существование в качестве термина исторической науки и религиоведения.

ТЕРМИН «ПРОТЕСТАНТИЗМ» ПОД ОГНЕМ КРИТИКИ

В каком смысле в современной историографии используется понятие «протестантизм»? И.П. Давыдов и И.А. Фадеев ссылаются (с. 6) на «Историю религии»², где протестантизм определен как обозначение «всех форм христианства, развивающихся за рамками католицизма, православия и древних восточных церквей».

Подтверждаю: это определение корректно описывает, что именно называется протестантизмом в наше время в российском ученом сообществе.

И.П. Давыдов и И.А. Фадеев заявляют: «Если понятие “протестантизм” и является категорией практики (т.е. используется в исторических источниках), то оно является контрпродуктивным в качестве категории анализа» (с. 11).

² История религии. Учебник для вузов / Под ред. И.Н. Яблокова. Т. 2. М., 2014. С. 463.

Авторы примирились с тем фактом, что немецкие государи, заключившие 4 мая 1608 г. Протестантскую Унию, использовали в тексте этого документа слово «протестантизм». Но его использование современными исследователями им не нравится категорически: «Понятие “protestant(-ism)”, на наш взгляд, явно не отвечает требованиям, предъявляемым к научным понятиям, которые выполняют роль классификационных категорий» (с. 11).

Посмотрим, что это за требования.

Требование первое. Мое резюме заявлений И.П. Давыдова и И.А. Фадеева: «В современной исторической науке термин “протестантизм” должен употребляться только в том значении, в каком он употреблялся изначально».

Согласно И.П. Давыдову и И.А. Фадееву, всякое слово должно означать в современном научном языке точно то, что и в языке того времени, когда впервые имело место явление, обозначаемое этим словом. Называя первоначальное значение понятия «нулевой степенью», они считают всякое новое, измененное значение не иначе как «выхолащиванием первоначального смысла и значения термина» (см. четвертый тезис «эпистемологической гипотезы»).

И.П. Давыдов и И.А. Фадеев требуют от всех авторов: в текстах непременно «должна присутствовать историческая ретроспекция... “возведение” понятия в “нулевую степень”, очищение термина от всех привнесенных культурой поздних наслоений, искажающих его первоначальный смысл и значение». В этом авторы, все как один, обязаны равняться на Мишеля Фуко и Райнхарта Козеллека (с. 9). И будто бы уже равняются: «Историки и философы стремятся эксплицировать первоначальные, аутентичные смыслы термина “протестантизм”» (с. 8).

Ответ на требование первое. Если слово многозначно и соответствующий ему термин имеет сложную историю, то почему именно первоначальный его смысл, а не появившийся во вторую или в пятую очередь, является единственно правильным? Какими фактами из истории науки И.П. Давыдов и И.А. Фадеев могут обосновать свою позицию? Факты, известные мне, свидетельствуют, что обычно дело обстоит иначе.

Слово «дискурс» (лат. *discursus*) первоначально имело следующие значения: «беганье (езда) туда и сюда, в разные стороны; непрерывное мелькание; бестолковая беготня, суета; барахтанье»; значение «беседа, разговор» указано в авторитетном словаре только в 9-й позиции³.

Слово «революция» не сразу стало обозначением перемен, прерывающих постепенное течение какого-либо процесса. Латинское *revolutio* означало «круговое движение». Знаменитая работа Н. Коперника называлась «О вращениях небесных сфер» — «*De revolutionibus orbium coelestium*» (1543 г.).

«Идеология» в текстах нашего времени — это либо мировоззрение с призывом к действию, либо сумма представлений, которые политические активисты стремятся внушить политически пассивному населению. Однако Антуан-Луи-Клод Дестют де Траси (1754–1836), который ввел этот термин во Франции в 1796 г., назвал так описательную науку, изучающую процесс формирования идей, и пытался создать такую науку. По его словам, «знания о любом живом существе неполны, если не изучены его умственные способности. Идеология есть часть зоологии, а в зоологии человека эта часть особенно важна и заслуживает глубокого изучения»⁴.

Термин «якобинская диктатура» является общепонятным. Но кто такие «якобинцы»? В начале революции так назывались все члены Якобинского клуба, включая Мирабо и тех, кого позже называли фельянами и жирондистами. 16 июля 1791 г. из Якобинского

³ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь, 2-е изд. М., 1976. С. 335.

⁴ Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. М., 2013. С. 26.

клуба ушли фельяны, 10 октября 1792 г. были исключены жирондисты, и в наше время основное значение термина «якобинцы» прочно закрепилось за теми, кто стал называться монтаньярами — Робеспьером, Маратом, Дантоном, Сен-Жюстом, Кутоном и др. Мирабо, умирая 2 апреля 1791 г., знал про себя, что он якобинец. Но в посвященной ему книге в серии «ЖЗЛ» он не назван якобинцем ни во вступительной статье Т.Д. Сергеевой, ни в авторском предисловии Рене де Кастра. В случае «якобинцев» основное значение данного термина в исторической науке значительно уже первоначального.

Полностью отвечают первому требованию только чистые историзмы, т.е. слова, придуманные современниками для обозначения текущих явлений и событий и так никогда и не обретшие никакого иного смысла, — например, «катилинарии», «Пражская дефенестрация», «переворот 18 фрюктидора V года». Такие же термины, как «пролетарии», «сенаторы», «федералисты», «радикалы», «парламент», имеют очень сложную историю и множество значений.

Требование употреблять все понятия в «нулевой степени» отнюдь не безобидно. Оно обещает «очистку» терминов от «культурных наслоений». Это может обернуться «очисткой» от культуры как таковой.

Требование второе. Мое резюме заявлений Давыдова и Фадеева: «Термин “протестантизм” имел бы право на существование, только если бы он описывал столь же внутренне единообразное религиозное явление, как термины “католичество” и “православие”».

И.П. Давыдов и И.А. Фадеев одобрительно цитируют учебник по религиоведению, где говорится, что «в отличие от католицизма и православия, протестантизм никогда не был единым течением»⁵.

На с. 14 статьи авторы воспроизводят таблицу, которая сначала появилась в книге В.Ю. Лебедева и А.М. Прилуцкого⁶, а затем в монографии И.А. Фадеева⁷. Эта таблица 2 характеризует наличие/отсутствие внутреннего (внутриконфессионального) согласия у трех религиозных сообществ — православных, католиков и протестантов — по восьми признакам: тринитарная догматика, согласие в значении таинств, внутренняя рецепция таинств, наличие общепринятых символических книг, литургическое единство, экклезиологическое единство, наличие общей эсхатологии, иерархическая централизация. Таблица 2 призвана продемонстрировать, что католичество и православие — явления с предельно ясными характеристиками по всем перечисленным параметрам, тогда как протестантизм — нечто аморфное, поскольку никакого единства по восьми перечисленным показателям между протестантами нет.

Ответ на требование второе. Требование, которое И.П. Давыдов, В.Ю. Лебедев, А.М. Прилуцкий и И.А. Фадеев предъявляют к систематизации, беспрецедентно. Когда ученый формулирует принцип систематизации и последовательно проводит его, часто получается, что одни выделяемые таким образом классы многочисленны и внутренне разнообразны, другие малочисленны и внутренне единообразны. Например, индоевропейская языковая семья делится на группы. Некоторые группы — романо-германская, славянская — состоят из множества языков. Языки одной группы могут сильно различаться грамматически: например, в русском языке развитая система склонения имен, а в болгарском падежей нет вообще. Палеобалканская же группа представлена только одним языком — албанским. Но филологи, не видя в славянской и в романо-германской группах того единообразия грамматики, какое, естественно, наблюдается в палеобалканской, и не думают упразднить понятия «романо-германские языки» или «славянские языки».

⁵ Религиоведение. Учебное пособие для студентов педагогических вузов / Под ред. А.Ю. Григоренко. СПб., 2008. С. 437.

⁶ Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем. Тверь, 2010.

⁷ Фадеев И.А. Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе / Под общ. ред. И.П. Давыдова и О.В. Осиповой. М., 2015. С. 180.

Наши авторы констатируют у протестантов отсутствие единства по перечисленным показателям. Зато о православных таблица утверждает, будто у них существует полное экклесиологическое единство.

Но есть православие нового (никоновского) обряда, а есть старообрядчество. В старообрядческом православии никакого экклесиологического единства нет, как нет его и между старообрядцами и «никонианами». Теперь даже и православие нового обряда не едино: 15 октября 2018 г. Московский патриархат разорвал евхаристическое общение с Константинопольским.

В другой клетке таблицы утверждается, будто внутренняя рецепция таинств в православии есть и что она абсолютная. Но Русская церковь в XVII и большую часть XVIII в. не признавала крещения обливанием, обычного у греков, а старообрядцы такого крещения не признают и сейчас.

Примечательно, что И.П. Давыдов и И.А. Фадеев, критикуя понятие «протестантизм», сначала сопоставляли его не с двумя, а с тремя понятиями: помимо православия и католичества, в таблице 1 фигурируют еще «древние восточные церкви». Однако в таблице 2 они отсутствуют. Можно, конечно, объяснить это тем, что составлена таблица была еще в 2010 г., уже обрела статус религиоведческого памятника и никакому пересмотру не подлежит. Но можно предположить и более прозаическую причину. Несториане и монофиситы — изначально непримиримо враждебные богословские течения. Они зачислены в единый разряд «древних восточных церквей» только на том основании, что их осудил один и тот же Халкидонский Собор 451 г. Тринитарная догматика их объединяет, но христология этих церквей принципиально различна, таинства различны, канонического единства между ними никогда не было. Все это делает «сектор» древних восточных церквей слишком похожим на протестантизм. Если бы И.П. Давыдов и И.А. Фадеев включили древние восточные церкви в таблицу 2, где тогда было бы 32 клетки, предъявлять протестантизму претензии было бы значительно труднее.

Требование третье. Мое резюме заявлений И.П. Давыдова и И.А. Фадеева: «Термин, применяемый в науке, не должен быть “пустым рамочным понятием”. Поскольку “протестантизм” — “пустое рамочное понятие”, от использования его следует отказаться».

И.П. Давыдов и И.А. Фадеев относят понятие «протестантизм» к категории «пустых рамочных понятий». Что это за понятия?

И.П. Давыдов дает такое разъяснение в своей монографии: «Предвидя критику вводимого нами термина “пустое рамочное понятие”, хотелось бы обсудить этот аспект здесь».

Очевидно, что все понятия можно подразделить на пустые и непустые. Пустые имеют в качестве объема пустой класс, обозначают пустое множество, в котором количество единичностей равно нулю. Е.К. Войшвилло предлагал различать логически и фактически пустые понятия. Понятие будет логически пустым, если наличествует логически противоречивая характеристика предметов: $xP(x) \& \neg P(x)$, нарушающая элементарные законы логики. Понятие будет фактически пустым, если *post factum* не существует предметов с данной характеристикой. Е.К. Войшвилло подчеркивал, что “возможность появления пустых понятий объясняется тем, что в научном мышлении понятия возникают не только о тех предметах, которые имеются налицо”⁸, но и конструируются приемами абстрагирования и т.п.

В свою очередь, Ю.С. Степанов, сближая концепты и понятия, выделил два типа концептов — “рамочные понятия” и “понятия с плотным ядром”⁹. Рамочные указывают на границы, их можно уподобить раме картины, в то время как “плотное ядро” — самой

⁸ Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления. Логико-гносеологический анализ, 3-е изд. М., 2009. С. 168.

⁹ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2001. С. 76 и след.

картине. Отсюда следует, что “пустое рамочное понятие” не должно быть логически пустым (бессмысленным), но может быть фактически пусто (бессодержательно), т.е. наложение этой пустой рамки на какой-то конкретный фрагмент действительности автоматически не структурирует и не систематизирует эту действительность, не упорядочивает ее, границы, очерчиваемые пустым рамочным понятием, оказываются зыбкими и произвольными, принимаются научным сообществом по умолчанию или конвенционально — в мейнстриме определенной “парадигмы” или “эпистемы”.

И именно так, на наш взгляд, дело обстоит с современным религиоведением, метарелигиоведением, религиологией и проч. Логически это непустые концепты, а фактически — пустые, поскольку ими можно обозначить все что угодно¹⁰.

Ответ на требование третье. Пока И.П. Давыдов цитировал Е.К. Войшвилло, было понятно: пустыми понятиями обозначались те, чье содержание — нулевое. Например, «официальный герб Японии» или «президент США, отстраненный от власти по импичменту». У Японии нет официального герба. Ни один президент США не был отстранен от власти по импичменту.

На заявление И.П. Давыдова «очевидно, что все понятия можно подразделить на пустые и непустые» отвечаю: не все. При формулировании научных гипотез используются понятия, относительно которых нет ясности, пустые они или нет: «флогистон», «вечный двигатель», «планета Солнечной системы, чья орбита находится за орбитой Урана», «химический элемент № 31 таблицы Менделеева». Научное исследование, связанное с такими понятиями, заключается в выяснении, существуют ли описанные этими понятиями объекты. В 1846 г. планету Нептун астрономы обнаружили в заранее вычисленном месте. В 1875 г. П.Э. Лекок де Буабодран методом спектрального анализа обнаружил металл, свойства которого Д.И. Менделеев предсказал в 1870 г.; за ним закрепилось название галлий. Но про «флогистон» и «вечный двигатель» выяснилось, что таких объектов нет. Это был отрицательный результат, тоже важный для науки.

Некоторые понятия могут со временем менять статус. В XIX в. американцам представлялось, что понятие «президент США — католик» — пустое и всегда будет пустым. Но в 1961 г. католик Джон Кеннеди стал президентом США.

Как только И.П. Давыдов переходит к пересказу мыслей Ю.С. Степанова, ясность исчезает. Мы с удивлением читаем, что рамочное понятие при «наложении» «на какой-то конкретный фрагмент действительности» почему-то «не структурирует и не систематизирует эту действительность, не упорядочивает ее». Представить это трудно: примеры И.П. Давыдов приводит только из своей специальной области: «религиоведение», «метарелигиоведение», «религиология».

Как ни краток текст И.П. Давыдова, ясно, что речь в нем идет не об одном, а о двух принципиально разных видах понятий. «Пустые» понятия, по Е.К. Войшвилло, — это понятия с ясным значением, но нулевым содержанием. Они точно описывают то, чего нет. «Рамочные» же понятия, по Ю.С. Степанову, — это понятия, относительно содержания которых нет достаточной определенности. Такие понятия не представляют для науки ценности и не задерживаются в ней, поэтому пример такого понятия в реальной истории науки найти трудно. Я придумаю, чисто для иллюстрации, свой: «структура, подобная Галактике». Поскольку в это понятие не заложено уточнение, в чем именно структура подобна Галактике, оно действительно может иметь неопределенно много значений: например «слон», «море», «арабский алфавит». Но «случайная ошибка в счете» этим рамочным понятием не описывается: границы рамочного понятия зыбки, но они все-таки есть.

Концепт же «пустое рамочное понятие» появился, когда И.П. Давыдов механически соединил концепты «пустое понятие» и «рамочное понятие». В таком химерном концепте

¹⁰ Давыдов И.П. Эпистема мифоритуала. М., 2013. С. 145–146.

смысла нет, а значит, невозможно и понять смысл претензий к термину «протестантизм» с этой стороны.

Требование четвертое. Мое резюме заявлений Давыдова и Фадеева: «Поскольку понятия “католичество” и “православие” — видовые, понятие “протестантизм”, чтобы оно могло стать научным термином, тоже должно быть видовым. Однако понятие “протестантизм” — родовое. Следовательно, оно несостоятельно».

И.П. Давыдов и И.А. Фадеев так резюмируют мысли А.М. Прилуцкого: «Сложность, которую создает термин “протестантизм” для традиционной классификационной схемы, заключается, в первую очередь, в том, что католицизм и православие представляют собой видовые понятия, а протестантизм — родовое». Давыдов и Фадеев солидаризируются с его утверждением, будто такое смешение «не только является логической неточностью, но и концептуальным нонсенсом» (с. 13).

Ответ на требование четвертое. Чтобы оценить претензии А.М. Прилуцкого, достаточно заглянуть в любую справочник по проблемам логики. Понятия «род» и «вид» в логике всегда парные¹¹ — точно как понятия «левое» и «правое». «Правое» может быть «правым» только по отношению к «левому». Род может быть родом только по отношению к виду (обычно — многим видам), а вид может быть видом только по отношению к роду. А.М. Прилуцкий не указывает, по отношению к какому роду понятия «католицизм» и «православие» являются видовыми; по отношению к каким видам понятие «протестантизм» является родовым. Очевидно, впрочем, что понятия «католицизм» и «православие» являются видовыми по отношению к родовому «христианство», а понятие «протестантизм» является родовым по отношению к видовым «лютеранство», «реформатство», «баптизм». Но и понятие «католичество» — родовое по отношению к таким видам, как «униатство» (в Западной Украине) и «маронитство» (в Ливане). И понятие «православие» является родовым по отношению к таким видам, как «старообрядчество» и «никонианство». Понятие же «протестантизм» по отношению к родовому «христианство» можно считать точно таким же видовым, как и «православие», «католичество» и «не-халкидонские церкви». Где тут «логическая неточность», в чем «концептуальный нонсенс»?

Итак, все четыре «требования, предъявляемые к научным понятиям» И.П. Давыдовым и И.А. Фадеевым, выглядят неубедительно.

ТЕРМИН «ПРОТЕСТАНТИЗМ»: УТОЧНЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В одном И.П. Давыдов, В.Ю. Лебедев, А.М. Прилуцкий и И.А. Фадеев правы: со значением и употреблением термина «протестантизм» не все ясно. Дать этому термину определение, которое описывало бы его общепринятый современный смысл, непросто. Я все же предприму такую попытку.

Протестантизм — результат Реформации; соответственно Реформация — процесс формирования протестантизма. Чтобы понять, что такое протестантизм, необходимо понять смысл тех перемен, что привнесла в западную Церковь Реформация.

¹¹ «Вид” (в логике) — каждый класс предметов, который входит в объем более широкого класса предметов, называющегося родом. Так, тупоугольные треугольники являются видом, входящим в род треугольников. Логическое понятие “вид”... говорит только о том, что данный класс предметов является классом, менее широким по объему, чем класс, более широкий по объему. Поэтому многие виды в свою очередь являются родами по отношению к тем классам предметов, объем которых еще меньше, чем у класса предметов, составляющих данный вид. Так, хвойные деревья являются видом по отношению ко всему классу деревьев, но они становятся родом по отношению к классу сосен... Таким образом, понятие “вид” характеризует только соотношение объемов, подчинение меньшего по объему класса предметов (вида) большему по объему классу предметов (роду)». — Кондаков Н.И. Логический словарь / Отв. ред. Д.П. Горский. М., 1971. С. 75.

Реформация была катастрофическим, взрывным, во многом стихийным процессом. Все же в преобразованиях той поры можно выделить три стороны: догматическую, литургическую, каноническую (церковное устройство).

Реформация как преобразование церковного устройства. Светские власти ряда государств Европы вывели церковные структуры своих стран из-под власти папы римского и создали национальные церкви. Как только Швеция избавилась от датской власти, Вестеросский риксдаг переподчинил церковь страны королю (1527 г.). В течение 1533 г. король Англии Генрих VIII вывел церковь своей страны из-под власти Рима. 30 ноября 1536 г. король Дании и Норвегии Кристиан III сместил и арестовал всех католических епископов страны. Год спустя было юридически оформлено существование Церкви Дании, подчиненной королю.

Перемены в догматике и литургии начинались в таких странах только после «национализации» церквей и рассматривались как адаптация христианства к особенностям данной нации. Реформа церковного устройства в умеренном варианте предполагала упразднение папской юрисдикции при сохранении епископата (у англикан и скандинавских лютеран), в более радикальном — пресвитериальное устройство (у реформатов и немецких лютеран). Пределом «развития протестантизма» по этой линии является конгрегациональное устройство, т.е. полное отсутствие церковной «вертикали власти», при наличии договорных, «горизонтальных» связей между религиозными общинами (в России в наше время так устроен баптизм). Общая тенденция «протестантских преобразований» церковного устройства выглядит следующим образом: от епископального строя и дистанцированного от мирян профессионального клира, опирающегося на орденское монашество, — через «высокоцерковность» и «низкоцерковность» — ко «всеобщему священству», а значит, к отказу от профессиональных требований к служителям.

Реформация как преобразование литургии. Характерной чертой реформ, которые начал в Цюрихе Ульрих Цвингли (1523 г.), было «очищение» храмов от статуй, икон, витражей, а впоследствии и от органов. Реформатор по поводу и без повода цитировал слова Христа: «Дух животворит; плоть не пользует нимало» (Ин 6:63). На смену литургии пришло публичное чтение Библии с подробным разбором и комментарием. Цвингли сохранил два таинства, прямо предписанные Библией: крещение и причастие. Однако непреклонное стремление к «дематериализации» христианского культа побудило его настаивать на чисто символическом толковании Св. Причастия, которое Лютер яростно критиковал. Цвингли настаивал на крещении во младенчестве, но во всем остальном его реформы предвосхищали баптизм. Если считать, что квакерские коллективные молчаливые моления были «поклонением Богу в духе и истине» (Ин 4:24), то они обозначили предел реформационных преобразований в литургическом направлении: полное упразднение таинств и литургии как таковой.

Реформация и пересмотр догматики. Единой «протестантской» догматики не существует. Догматические системы, разработанные ведущими богословами Реформации, отдалялись от римско-католической догматики в разной степени. Лютеранские реформаторы защищали традиционное представление о Христе как Единственном Искупителе всех грехов человечества и усматривали в католических практиках отступление от него (так они расценивали предположение, что свой грех можно частично искупить самому, приобретя индульгенцию). Все несовместимое с единственностью голгофской жертвы было вычищено лютеранами из догматики и церковного обихода, но почти все прочее осталось в неприкосновенности. Кальвинисты усматривали во многих католических и лютеранских практиках «идолопоклонство» и распушенность и перелагали традиционную христианскую догматику в дисциплинарное руководство. Социниане раскритиковали и отвергли догмат Троицы, что означало отказ от христианства. Англиканская догматика причудливо сочетает глубоко традиционное и не характерное для протестантизма представление «нет церкви без епископа» с чисто кальвинистским пониманием

Св. Причастия. Лютеранство, кальвинизм и социнианство можно рассматривать как учения, мало, сильно и радикально отличающиеся от римского католичества. Но указать англиканству точное место на такой «шкале» невозможно.

Отвечая на вопрос, что же в процессе Реформации происходило с догматикой, литургией, церковным устройством, мы не сможем охарактеризовать одним словом перемены в догматике, но литургия упрощалась, а церковное устройство приближалось ко всеобщему священству. Вот за такими преобразованиями и закрепились характеристики протестантских.

Завершение Реформации обычно связывают с окончанием Тридцатилетней войны (1648 г.). Новые религиозные объединения, обычно считающие себя протестантскими и зачисляемые религиоведами в разряд таковых, возникали и после этой даты: методисты (1784 г.), адвентисты (1843 г.), Свидетели Иеговы (1872 г.). Правоммерно ли считать протестантскими не только перечисленные, но и все те религиозные течения, которые сформировались в результате отделения уже не от Римско-католической церкви, а от церковных структур, еще ранее отделившихся от нее?

Именно в этом и заключается главная и до сих пор не решенная проблема.

От протестантских церквей нередко отделялись (или внутри них обособлялись) религиозные группы, осуществлявшие у себя перемены в направлениях, противоположных протестантским.

Так, мормоны, которых Джозеф Смит объединил своей проповедью в США в 1830 г., быстро превратились в отлично организованное религиозное и военно-политическое сообщество. Отвергнув «всеобщее священство», они восстановили не только епископальный строй, но и институт апостолов, не существовавший у христиан после кончины евангелиста Иоанна.

Новоапостольская церковь, основанная шотландским пресвитерианским проповедником Эдвардом Ирвингом (1792–1834) в 1833 г., также попыталась восстановить институт апостолов (их выбрала община приверженцев Ирвинга) и приблизить свою литургию к католической и православной.

Тогда же в англиканстве началось Оксфордское движение: 14 июля 1833 г. Джон Кебл произнес свою знаменитую проповедь (Assize Sermon). «Оксфордцы» вернули в литургию упраздненные в ходе Реформации элементы, попытались восстановить монашеские ордена. Наименование «протестанты» они воспринимали как оскорбительное.

У баптистов Юга США в 1848–1851 гг. возникло движение под названием «ландмаркизм» (Landmarkism, от слова landmark – «веха»). Его возглавил Джеймс Грейвз, редактор газеты «Tennessee Baptist». Ландмаркисты верили, будто со времен Христа и Иоанна Крестителя в церкви всегда были верующие, крестившиеся в зрелом возрасте полным погружением, и тайная традиция таких крещений сохранялась даже в Средние века. В эпоху Реформации баптизм будто бы не возник, а лишь вышел из подполья¹².

Такие течения я предложил бы назвать антипротестантскими. Не в смысле – не протестантские, но в смысле – протестантские, отвергающие нечто важное из протестантизма. (У приставки «анти-» есть и такое значение: в древнегреческих трагедиях антистрофа это тоже строфа; появившиеся недавно в городах Запада и России антикафе – это тоже кафе; по-французски l'antichambre – прихожая – это тоже комната, la chambre). Виднейший «оксфордец» Дж. Ньюмен в 1845 г. перешел в Римско-католическую церковь, но прочие видные лидеры Оксфордского движения предпочли остаться в Церкви Англии. Отвергая динамику протестантизма, обращая ее своими преобразованиями вспять, клеймя Реформацию презрением, приверженцы антипротестантских течений

¹² Американский исследователь Сидней Альстрем проводит такую аналогию: «Таков был ландмаркизм: тип “высокоцерковного” движения, которое делало упор не на “епископской сукцессии”, столь дорогой для высокоцерковных англикан, но на “сукцессии Крещения”». — *Ahlstrom S.E. A Religious History of the American People. New Haven – London, 1972. P. 722.*

в массе своей не возвращаются в ряды Римско-католической церкви. Значит, им все же дороги их церкви, возникшие в результате Реформации: протестантизм в статике. Поэтому причисляют их к протестантам правомерно, даже вопреки их собственным утверждениям о себе.

Обзор истории протестантизма, который мы видели у И.П. Давыдова и И.А. Фадеева, создает впечатление, будто Реформация порождала все новые и новые разделения, обратных же процессов — примирительных и воссоединительных — не было. На самом деле церкви, возникшие в результате Реформации, иногда и объединялись.

31 октября 1817 г. король Пруссии Фридрих Вильгельм III объединил лютеранскую и реформатскую церкви в единую, которой он присвоил название «евангелической». Причастие велено было понимать по-кальвинистски. Позже такое же объединение — Прусскую Унию — навязали своим подданным правители Саксонии и некоторых других государств Германии.

31 мая 1934 г. примерно 130 пасторов подписали Барменскую декларацию, которая отвергала искажения христианства, навязывавшиеся нацистскими властями Германии. Этот документ составил реформатский богослов Карл Барт, но подписали его также приверженцы Прусской Унии и лютеране. В условиях совместного противостояния нацизму богословские разногласия между кальвинистами и лютеранами отошли на второй план.

Одна из крупнейших церквей США — Объединенная Церковь Христа (United Church of Christ); численность ее прихожан в 2017 г. оценивается примерно в 1 млн. Она образовалась в июне 1957 г. в результате объединительного процесса. Объединенная Церковь Христа устроена как конгрегационалистская. Приходы, ее составляющие, придерживаются различных вероучений: обычно кальвинистского или лютеранского, но некоторые придерживаются учения шотландско-американского проповедника Александра Кэмпбелла (1788—1866). К этой церкви принадлежали и в ней служили всемирно известные христианские интеллектуалы братья Нибуры — Ричард и Рейнгольд. Ее невозможно назвать ни лютеранской, ни кальвинистской. Название «конгрегационалистская» характеризует принцип ее устройства, но не богословие. Назвав же ее протестантской, мы охарактеризуем ее в первом приближении адекватно и сразу с нескольких сторон.

В современных Нидерландах второй по значимости является Протестантская церковь в Нидерландах (Protestantse Kerk in Nederland, PKN). Она образовалась 1 мая 2004 г. в результате слияния трех церквей: двух реформатских и лютеранской.

Высокоцерковные тенденции в протестантской среде ставят под вопрос уместность понятия «протестантизм». Но тенденции к организационному слиянию церквей, относящихся к разным конфессиям; единство кафедры и алтаря между англиканскими и многими либеральными лютеранскими церквями по договору Порво (1992 г.), напротив, делают понятие «протестантизм» даже более уместным, чем столетие назад.

Предлагаемое определение — попытка формализации того смысла и употребления понятия «протестантизм», какие приняты религиоведами в наше время.

Протестантскими являются все христианские религиозные объединения западной традиции (а также религиозные объединения христианского происхождения, отказавшиеся от традиционных христианских догматов), — относящиеся хотя бы к одной из трех категорий:

- 1) все религиозные объединения, отделившиеся от Римско-католической церкви после 31 октября 1517 г.;
- 2) все религиозные объединения, отделившиеся от (1), отделившиеся от отделившихся, и так далее по цепочке;
- 3) религиозные объединения, образовавшиеся иными способами, но установившие единство кафедры и алтаря с (1) или (2).

Категория (3) — это так называемые реставрационистские церкви, например «Ученики Христа» (Disciples of Christ) в США.

* * *

Вынося свои соображения «на обсуждение исторического и религиоведческого учебного сообщества», И.П. Давыдов и И.А. Фадеев надеялись запротоколировать дружный отказ от термина «протестантизм» «в случае установления факта выхолащивания первоначального смысла и значения термина» (с. 7).

Этого не будет просто потому, что выведение неудачных терминов из научного обихода осуществляется совершенно иначе.

В период Великой французской революции публицистический ярлык «враг народа» революционеры навешивали на «аристократов» и одни революционеры на других. В германской социал-демократической публицистике времен II Интернационала имели место бесконечные выяснения, кто «оппортунист», а кто настоящий марксист. Но в наше время трудно найти такого историка, который, изучая Французскую революцию, всерьез выяснял бы, были Лафайет или Дантон «врагами народа» или нет; кто, изучая историю германской социал-демократии, всерьез выяснял бы, были Август Бебель или Пауль Зингер «оппортунистами» или нет. Несостоятельность таких «категорий практики» в качестве «категорий анализа» стала очевидной очень давно. Их тихо удалили из инструментария историков и заменили другими.

Так и теперь. Никто не заставляет И.П. Давыдова и И.А. Фадеева использовать термин «протестантизм». Они могут писать о Церкви Англии, англиканстве и Оксфордском движении, обозначая то, что все называют «протестантизмом», другими словами. Если они найдут этому слову достойную замену, кто же захочет держаться за архаичный и неудобный термин «протестантизм»? Он отомрет естественным образом. И всякие попытки запретить другим пользоваться этим термином окажутся уже не провальными, а попросту ненужными.

Библиография

- Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления. Логико-гносеологический анализ. М., 2009.
 Давыдов И.П. Эпистема мифоритуала. М., 2013.
 Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд. М., 1976.
 Destutt de Tracy A.-L.-K. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. М., 2013.
 История религии. Учебник для вузов / Под ред. И.Н. Яблокова. Т. 2. М., 2014.
 Кондаков Н.И. Логический словарь / Отв. ред. Д.П. Горский. М., 1971.
 Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем. Тверь, 2010.
 Религиоведение. Учебное пособие для студентов педагогических вузов / Под ред. А.Ю. Григоренко. СПб., 2008.
 Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2001.
 Фадеев И.А. Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе / Под общ. ред. И.П. Давыдова и О.В. Осиповой. М., 2015.
 Ahlstrom S.E. A Religious History of the American People. New Haven — London, 1972.

References

- Davydov I.P. Epistema miforituala [Epistema of myth-ritual]. Moskva, 2013. (In Russ.)
 Destutt de Tracy A.-L.-K. Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova [Foundations of ideology. Ideology in the proper sense of the word]. Moskva, 2013. (In Russ.)
 Dvoretckii I.H. Latinsko-russkij slovar'. 2-e izd. [Latin-Russian dictionary]. Moskva, 1976. (In Russ.)
 Fadeev I.A. Cerkov' Anglii: problema konfessional'noj samoidentifikacii v istoricheskoy perspektive / Pod obshch. red. I.P. Davydova i O.V. Osipovoi [Church of England: the problem of confessional self-identification in a historical perspective / Eds. I.P. Davydov, O.V. Osipova]. Moskva, 2015. (In Russ.)
 Istoriya religii. Uchebnik dlya vuzov / Pod red. I.N. Yablokova [History of religion. Textbook for universities / Ed. I.N. Yablokov]. T. 2. Moskva, 2014. (In Russ.)
 Kondakov N.I. Logicheskii slovar' / Otв. red. D.P. Gorskii [Logical dictionary / Ed. D.P. Gorskii]. Moskva, 1971. (In Russ.)

Lebedev V.Yu., Prilutskiy A.M. Semiozis i semiodinamika teologicheskikh i mifologicheskikh znakovykh system [Semiosis and semiodynamics of theological and mythological symbolic systems]. Tver', 2010. (In Russ.)

Religiovedeniye. Uchebnoye posobiye dlya studentov pedagogicheskikh vuzov / Pod red. A.Yu. Grigorenko [Religious studies. A textbook for students of pedagogical universities]. Sankt-Peterburg, 2008. (In Russ.)

Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Voyshvillo Ye.K. Ponyatiye kak forma myshleniya. Logiko-gnoseologicheskiy analiz [Concept as a form of thinking. Logical and epistemological analysis]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Ahlstrom S.E. A Religious History of the American People. New Haven — London, 1972.

DOI: 10.31857/S013038640014265-9

© 2021 г. М.А. ФЕЛЬДМАН

СИМПАТИЯ К РОССИИ КАК СПОСОБ ОПЕРЕДИТЬ ВРЕМЯ

Фельдман Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Екатеринбург, Россия).

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Researcher ID: AAE-3287-2020; Scopus ID: 36349821300

Аннотация. Статья посвящена вкладу монографий американского историка Роберта Такера и британского историка Роберта Дэвиса в изучение проблем советской истории, прежде всего, сложнейшего узла переплетения реализации индустриального проекта (первого пятилетнего плана), становления командно-административной системы; процесса милитаризации советской экономики. Залогом успеха историков стало кропотливое изучение исторических документов, свободное от идеологических канонов; исследование эволюции взглядов участников событий как сложного и изменчивого, зависящего от множества факторов процесса.

Заслугой Р. Такера является раскрытие степени, масштаба и двойственности политического маневрирования И.В. Сталина и его окружения в начале 1930-х годов. Осознание пагубности социально-экономического курса в годы первой пятилетки привело советское руководство к убеждению о необходимости более рациональной политики. Ответом Сталина стал политический маневр: согласившись на временную стабилизацию в экономике, генсек одновременно запустил противовес — общепартийную «чистку».

Р. Дэвису удалось показать характеристики комплекса стабилизационных мер, получивших название «миниреформ». Возникшая в результате «миниреформ» 1931–1933 гг. советская экономическая система воплощала в себе черты, отсутствующие в «командно-административной» модели. Деньги играли значительную, хотя и подчиненную, роль в советском государственном социализме, а «экономический учет» ставился как вспомогательная цель.

«Миниреформы» начала 1930-х годов отражали сталинское понимание сути кризиса и путей выхода из него и носили ограниченный, запаздывающий и непоследовательный характер. Способность режима к выживанию оказывалась в прямой зависимости от судьбы индустриализации в СССР.

Ключевые слова: Роберт Такер, Роберт Дэвис, Россия, СССР, Сталин, индустриализация, планирование, пятилетний план, промышленность, мифология.

M.A. Feldman

Sympathy for Russia as a Way to Get Ahead of Time

Mikhail Feldman, Department of Public Administration and Political Technologies, Ural Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Researcher ID: AAE-3287-2020; Scopus ID: 36349821300

Abstract. The article is devoted to the contribution made by the monographs of the American historian Robert Tucker and the British historian Robert Davis to the study of the problems of Soviet history, first of all, to the study of the complex interplay of the implementation of the industrial project (the first five-year plan), the formation of the command-administrative system, the process of militarization of the Soviet economy. The key to the success of historians has become a painstaking study of historical documents, free from ideological canons; study of the evolution of the views of the participants in the events as a complex and changeable process that depends on many factors.

The merit of R. Tucker's research is to reveal the degree, scale, and duality of the political maneuvering of J. Stalin and his inner circle in the early 1930s. Awareness of the harmfulness of the socio-economic course during the first five-year plan led the Soviet leadership to the conviction of the need for a more rational policy. J. Stalin's response was a political maneuver: by agreeing to temporary stabilization in the economy, the Secretary General simultaneously resorted to counter-measures — a general party “purge”.

Davis was able to show the characteristics of the complex of stabilization measures, called “mini-reforms”. The Soviet economic system that emerged as a result of the “mini-reforms” of 1931–1933 embodied features that were absent in the “command-and-control” model. Money played a significant, albeit subordinate, role in Soviet state socialism, and “economic accounting” was set as an auxiliary goal.

The “mini-reforms” of the early 1930s reflected J. Stalin's understanding of the essence of the crisis and the ways out of it and were limited, delayed and inconsistent. The regime's ability to survive was directly dependent on the fate of industrialization in the USSR.

Keywords: Tucker, Davis, Russia, USSR, Stalin, industrialization, planning, five-year plan, industry, mythology.

ПРОНИКНОВЕНИЕ В СУДЬБУ ЧЕЛОВЕКА И СТРАНЫ

Эта статья планировалась в 2019 г. — к столетию рождения видного американского историка Роберта Чарльза Такера (1919–2010). Но, во-первых, не всегда наши замыслы осуществимы. Во-вторых, только собственные исследования позволяют более отчетливо представить масштаб научного творчества коллег.

Книга Р. Такера «Сталин-диктатор. У власти. 1928–1941»¹ представляет собой яркий пример того, как глубокая симпатия к России, соединенная с талантом исследователя, позволяет обогнать время в науке. Десятилетие (1944–1953 гг.), проведенное в СССР, принесло молодому американскому переводчику посольства США в Москве не только любовь к советской девушке, ставшей его супругой, но и живой интерес к России и ее истории. Вся последующая научная жизнь Такера определялась изучением советской истории, прежде всего, ее «сталинского периода». Для Такера Россия, по сути, стала второй Родиной, а годы преподавания в Принстонском университете — временем основания и реализации его программы по русистике.

Русский перевод монографии Такера² позволил отечественным историкам, к сожалению, лишь через 22 года после появления англоязычного издания, ознакомиться с результатами исследований «самого выдающегося и влиятельного из всех американских, а может быть, и западных специалистов по России его времени»³.

Сложность задачи, стоящей перед Такером, заключалась в том, что технический сотрудник американского посольства в Москве, увезший в 1953 г. в США советскую гражданку, а в 1954–1958 гг. — исследователь в «РЭНД корпорейшн» — организации, известной по засекреченной работе для оборонных и разведывательных ведомств, был лишен возможности работать в советских архивах. Широкий круг советских журналов и газет, книги советских историков времен хрущевской «оттепели» и, в меньшей степени, публикации конца 1980-х годов, массив разнообразной эмигрантской литературы лишь

¹ *Такер Р. Сталин-диктатор. У власти. 1928–1941* / Пер. с англ. А.Э. Габриэляна. М., 2012. 797 с.

² *Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941*. New York, 1990. 707 p.

³ *Коен С. Роберт Ч. Такер (1918–2010): учитель, коллега, друг* // Родина. 2010. № 10. С. 47.

частично восполняли этот пробел. Компенсирующим фактором стали исследовательский талант, целеустремленность и настойчивость автора.

Книга, получившая высокую оценку исследователей, на первый взгляд, не нуждается в дополнительном обращении к ней. Но есть неизученный аспект, высветившийся спустя годы после ее появления: поиск ответа на вопрос, в чем же заключается принципиальное новшество монографии? Можно выделить ряд важных положений. Во-первых, это указание Такера на расхождение решений пленумов ЦК 1929 г. и той реальной политики, которая осуществлялась в советском государстве⁴. Генеральная линия партии нарушалась не «правыми оппортунистами», а Сталиным и его сподвижниками! Так, например, первый пятилетний план, одобренный XVI партийной конференцией в апреле 1929 г., не требовал проведения коллективизации⁵. Более того, и на Ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК среди руководителей регионов преобладало мнение о неготовности к сплошной коллективизации⁶.

Во-вторых, важное методологическое значение имеют слова Такера о том, что и после 1929 г. те, кто поддержал позицию Сталина, не были еще «сталинистами» в смысле автоматического одобрения всех его решений⁷. Большинство членов ЦК, отвечающих за конкретные отрасли экономики и регионы, выполняя сталинские директивы, сталкиваясь с провалами волюнтаристского курса, не желали принимать пропагандистские тезисы за реальность. Показательно, что итоги XVI съезда партии, одоббившего сталинские резолюции, Такер назвал «разочаровывающими»: браваурный тон резолюций съезда скрывал критику положения дел в экономике, прозвучавшую у многих делегатов⁸. Дальнейшим шагом стало появление в 1930 г. оппозиционных групп среди партийных работников, ранее поддержавших Сталина, говорившее о растущем недовольстве генсеком в управленческом эшелоне⁹.

Книга Такера раскрывает психологические и политические качества диктатора: неспособность критически подходить к оценке своих действий; веру в собственную непогрешимость и вытекавшую из нее готовность приписывать себе любые успехи¹⁰. Душевное равновесие Сталин восстанавливал самоубеждением, что в партии и в советском обществе «гнездится измена»¹¹. Борьба с «изменниками», «врагами народа» превращалась в важную составляющую государственной политики. При этом, отмечает Такер, у сталинских подозрений не было «обратного хода»: сделать «перевод» из мнимых врагов в обычных советских людей он был не в состоянии¹². В то же время существенной частью деятельности генсека стал сбор компрометирующих сведений на партийных деятелей. На поиск компромата был нацелен Комитет партийного контроля при ЦК ВКП (б)¹³.

Трагедией советской истории обернулась сталинская позиция — отнесение «непротарского» населения к разряду потенциальных врагов: тем самым Сталин противопоставлял значительную часть населения «социалистическому государству». В результате террористический, карательный характер внутренней политики стоил жизни миллионам советских людей¹⁴.

Формируя на основе марксистской идеологии мифологические конструкции, Сталин фактически сам превращался в их пленника. Так, миф о «разветвленном заговоре» стал

⁴ Такер Р. Указ. соч. С. 109.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 170.

⁷ Там же. С. 169.

⁸ Там же. С. 67.

⁹ Там же. С. 257–261.

¹⁰ Там же. С. 197.

¹¹ Там же. С. 267.

¹² Там же. С. 199.

¹³ Там же. С. 158.

¹⁴ Там же. С. 125–130, 587.

частью сознания генсека. Отождествление себя с партией, требование безусловной поддержки любых начинаний привело Сталина к ситуации, при которой любые деловые замечания, расходящиеся с официальной пропагандой, рассматривались как контрреволюционные действия, как «происки врагов»¹⁵.

Ложь о произошедшем «великом переломе» в деревне осенью 1929 г. послужила основой мифа о «социалистическом» характере коллективизации¹⁶. В монографии Такера убедительно показана роль Сталина в продавливании левацких формулировок в проект Постановления ЦК о незамедлительном начале коллективизации (сокращение сроков коллективизации; безоговорочное недопущение кулаков в колхозы; директивы о «ликвидации кулачества как класса»; исключение из проекта Постановления ЦК положения о том, что после вступления в колхоз крестьянин может оставить у себя мелкий инвентарь, домашнюю птицу, корову и другую мелкую собственность)¹⁷. Такое силовое воздействие было осуществлено вопреки мнению большинства членов комиссии, созданной Политбюро 5 декабря 1929 г.¹⁸

Сила сочеталась с масштабным социально-психологическим обманом: никакого провозглашенного Сталиным «великого перелома» в деревне осенью 1929 г. не существовало — отмечает Такер. Перемены на местах были инициированы сверху и осуществлялись административными мерами с помощью запугивания. По сути, государство экспроприировало значительную часть имущества крестьянских хозяйств¹⁹.

Катастрофические последствия такого «революционного» эксперимента зимой 1929—1930 гг. вызвали крайнее замешательство Сталина и его сподвижников и возложение вины на местных функционеров²⁰.

Миф о «безграничных возможностях государства» привел Сталина к той степени экономического экстремизма, за которой начиналось, по определению Такера, «вакханальное планирование» и превращение плановой экономики в свою противоположность²¹. Осознание пагубности социально-экономического курса в годы первой пятилетки привело советское руководство к убеждению в необходимости более рациональной политики. Ответом Сталина стал политический маневр: согласившись на временную стабилизацию в экономике, генсек одновременно запустил противовес — «общепартийную чистку». Начавшаяся 1 июня 1933 г. в десяти крупнейших городах СССР, она привела к исключению из партии каждого шестого коммуниста, вызванного в «комиссии по чистке»²².

Комплекс мероприятий по жесткому подчинению партийцев сочетался с введением системы привилегий для управленцев; постоянными перемещениями «назначенцев» и угрозой жизни для сомневающихся в непогрешимости вождя. В таких условиях «генеральная чистка» партийных рядов закономерно превращалась в прелюдию «Большого террора» 1937—1938 гг.²³ Главным объектом «чистки» стали старые большевики, причастные, по мнению генсека, к антисталинским настроениям и действиям на XVII съезде партии²⁴.

Такер убедительно показал искусственность раздуваемой кампании по исходящей от Запада в конце 1920-х — начале 1930-х годов угрозе войны. Необходимость быстрой подготовки к предстоящей войне и максимально ускоренные темпы осуществления всех социалистических преобразований стали для Сталина обоснованием превращения страны в «осажденную крепость» с режимом политики самоизоляции²⁵.

¹⁵ Там же. С. 267—268.

¹⁶ Там же. С. 173—174.

¹⁷ Там же. С. 174—180.

¹⁸ Там же. С. 174.

¹⁹ Там же. С. 167, 169.

²⁰ Там же. С. 221—224.

²¹ Там же. С. 123—124.

²² Там же. С. 301.

²³ Там же. С. 140—144, 155—161, 271—272.

²⁴ Там же. С. 296—298, 303—306, 320, 551—556.

²⁵ Там же. С. 66—68.

Общий вывод Такера очевиден: радикальные преобразования в СССР, инициированные Сталиным, проводились под административным давлением сверху и были экономически необоснованы. Масштаб потерь говорил не только о неэффективности, но и о непродуманности, волонтаристском характере выбранного варианта развития страны. Созданный гигантский промышленный потенциал был ориентирован на количественные показатели, отличался высокой затратностью и расточительностью сил и ресурсов, низким качеством выпускаемой продукции. Такой вывод особо актуален сегодня, когда высказывается мнение об отсутствии альтернативы сталинской модернизации²⁶.

Монография Такера, обогнав время, показала несостоятельность того мифологического пространства, которое долгие десятилетия выдавалось за социализм. Обращение к жанру «психобиографии» позволило Такеру создать запоминающийся портрет Сталина как человека, умеющего работать и учиться, но готового ради сохранения власти пойти на любое преступление. Вместе с тем и в силу специфичности жанра, и в силу ограниченности базы источников, Такер весьма схематично касается проблем индустриализации.

Указав на наличие в управленческом корпусе немало количества сторонников рациональных подходов в экономической сфере, монография обходит стороной конкретные примеры сопротивления нарушениям сталинских экспериментов. Выскажу предположение, что жанр «психобиографии» оказался более подходящим для первой книги Такера — о становлении Сталина как политического деятеля²⁷, чем для анализа деятельности Сталина на посту лидера партии и страны.

СВЕРХУ ВИДНЕЕ

Новые подходы к изучению индустриального проекта в СССР связаны с именем выдающегося британского историка-советолога Р.У. Дэвиса (1925 г. рождения). Как и Такера, с историей СССР Дэвис связала Вторая мировая война. Став в 1943 г. в 18 лет пилотом британских военно-воздушных сил, в годы военной службы Дэвис убедился в том, что Советский Союз принял на себя главный удар нацистов. В 1950 г. бывший летчик-фронтовик получил степень бакалавра в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета. Дэвис специализировался на изучении экономической истории СССР. По оценке германского историка Ш. Мерля, Дэвис — «без сомнения, лучший знаток советской экономической истории, которой он занимается почти полвека, а его труды отличает тщательный и добросовестный анализ источников»²⁸.

Исследования Дэвиса были прежде всего направлены на изучение противоречий экономического развития СССР в годы первой пятилетки. Этой проблеме были посвящены пять из шести книг (выпусков) цикла «Индустриализация в Советской России». Сердцевиной цикла стала книга «Индустриализация Советской России. Том 4. Кризис и прогресс в советской экономике, 1931–1933 гг.»²⁹.

Так получилось, что свои главные книги Такер и Дэвис выпустили в свет в одном возрасте — 71 год — времени подведения определенных итогов. В фундаментальной монографии «Кризис и прогресс в советской экономике, 1931–1933 гг.» впервые был проанализирован сложнейший узел переплетения реализации индустриального проекта (первого пятилетнего плана); становления командно-административной системы; процесса милитаризации советской экономики. Залогом успеха стало кропотливое, свободное от

²⁶ Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. 246 с.

²⁷ Такер Р. Сталин. Путь к власти, 1879–1929. История и личность / Пер. с англ. Р. Такер. М., 1991. 478 с.

²⁸ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 307.

²⁹ Davies R.W. Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke – London, 1996. 612 p.

идеологических канонов изучение исторических документов; исследование эволюции взглядов участников событий как сложного и изменчивого, зависящего от множества факторов процесса. Там, где в советское время индустриализация (ее советский этап) понималась как поступательное победоносное движение, а в постсоветское — был сделан акцент на провалы и просчеты экономической политики, монография Дэвиса создавала картину полную страстей, поисков, ошибок и находок; верности идеологическим догмам и попыткам их преодоления. Складывается впечатление, что бывший летчик и в исторических исследованиях сохранил способность видеть панораму событий и воссоздавать ее на объективной основе с помощью лаконичных сдержанных оценок.

Можно выделить основные новаторские положения книги Дэвиса. Автор проследил нарастание ненаучных «левацких» взглядов в высшем руководстве СССР в различных сферах экономики на протяжении «особого квартала» 1929–1930 гг. «Производственные планы были настолько преувеличены, что невозможно было заключать реалистичные контракты»³⁰, — отмечал Дэвис. Поскольку под эти планы было открыто «щедрое финансирование предприятий», это означало, что «деньги никто не считал», и дорога к стремительной инфляции была открыта. Все многочисленные попытки директивным образом ввести хозрасчет и экономное расходование денежных средств ни на уровне наркоматов, ни на предприятиях — не увенчались успехом³¹. В обстановке выдачи средств банками, автоматически — независимо от хода реализации плана и качества произведенных работ³² — государственная политика только внешне носила централизованный характер. На самом деле экономические ведомства мало контролировали ситуацию.

В инфляционных условиях 1930 г. денежное стимулирование за счет дифференцированной заработной платы приобрело второстепенное значение. На первый план вышли распределение жилья, улучшенные пайки и дополнительные отпуска³³. Взгляд автора отмечает «традиционную враждебность к сдельной работе»³⁴ даже у тех советских управленцев, которые тесно были связаны с экономикой, а призыв партии «выкорчевать торгашеский дух из работы потребительской кооперации», Дэвис саркастически характеризует как «замечательный своей утопичностью»³⁵.

Волюнтаристски необоснованное увеличение капитальных вложений в промышленность на основе оторванных от реальности планов; репрессии против специалистов, сопровождаемые травлей ученых и инженерно-технических работников; разрушительные последствия коллективизации поставили страну на грань экономической катастрофы. Кризис охватил всю экономику, но особенно — угольную и металлургическую отрасли промышленности³⁶.

Осознание опасности, пишет Дэвис, в конце 1930 г. пришло Сталину и самым догматичным его сторонникам. Поиски выхода из кризиса побудили советское руководство приступить к ряду стабилизационных мер, получивших в монографии название «мини-реформ»³⁷.

Отсчет «мини-реформ» Дэвис начинает с проведения с 30 января по 4 февраля 1931 г. Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, собравшей представителей ВСНХ, ВЦСПС и руководителей ряда отраслевых профсоюзов, ряда управленцев из государственных и партийных контрольных структур³⁸.

³⁰ Davies R.W. Op. cit. P. 51.

³¹ Ibid. P. 49.

³² Ibid. P. 52.

³³ Ibid. P. 53.

³⁴ Ibid. P. 56.

³⁵ Ibid. P. 59.

³⁶ Ibid. P. 18–19.

³⁷ Ibid. P. XV, 82, 111, 118, 209, 217–223.

³⁸ Ibid. P. 11.

В условиях, когда ни одно контрольное задание на 1930 г. не было выполнено, конференция взяла курс на принятие ряда решений, направленных на активизацию осужденных в конце 1920-х годов экономических стимулов и преодоление скомпрометированных в 1930 г. методов управления экономикой. Лидеры СССР демонстрировали и заметно менее враждебное отношение к «буржуазным специалистам», чем «в последние полтора года»³⁹.

«Миниреформы» предполагали использование не только административных методов, но и различные формы стимулирования заработной платы, применение ограниченных рыночных рычагов⁴⁰. Возникшая в результате «миниреформ» 1931–1933 гг. советская экономическая система при Сталине и после него «постоянно воплощала в себе несколько важных черт, отсутствующих в “командно-административной” модели: деньги играли значительную, хотя и подчиненную роль в советском государственном социализме, а “экономический учет” ставился как вспомогательная цель для каждой экономической единицы. Труд контролировался не только административными приказами, но и посредством стимулирования заработной платы; существовал “квазирынок” для труда»⁴¹. Таким образом, в научную литературу был внесен новый объект исследования — командная система, но со стихийно действующими на всех уровнях производства и распределения рыночными и квазирыночными особенностями.

Британский историк высветил факт рождения и длительного существования двух параллельных миров советской экономической жизни в посленэповской реальности. Дэвис фиксирует дату рождения этой сложной и противоречивой системы — 1932 г., но не называет дату ее смерти.

Развивая мысль Дэвиса, современные историки смогли углубить представления о «гибриде», существовавшем в недрах довоенной советской экономики. С указанного времени (1932 г.), пишет Ш. Мерль, командная экономика начала сливаться с «теневой», сохраняя широчайшее пространство действия неформальной рыночной экономики⁴². По мнению российской исследовательницы Е.А. Осокиной, внедрение сверху принудительно командной экономики уродовало рынок, но не могло искоренить его. Более того, командная экономика не могла существовать без рынка, ведь он, выполняя важнейшие социально-экономические функции, помогал плановой экономике компенсировать дефицит товаров и перераспределять товарные ресурсы⁴³.

Обобщающий характер носит суждение российского историка О.В. Хлевнюка: в советской плановой экономике, в идеале предполагавшей распределение ресурсов и средств между предприятиями из единого центра, на самом деле действовали квазирыночные корректирующие элементы, прежде всего ограниченные и, как правило, нелегальные товарно-денежные отношения⁴⁴.

Дэвис дал наиболее развернутую оценку XVII конференции ВКП (б). По мнению Дэвиса, конференция «отразила двусмысленность и неопределенность, преобладавшие (в руководстве страны. — М.Ф.) в начале 1932 года». Кризисная ситуация в промышленности и в сельском хозяйстве, срыв практически всех плановых заданий заставили Сталина отказаться от выступления на конференции. На первый план вышли управленцы, непосредственно отвечающие за экономику. В докладе народного комиссара тяжелой промышленности С.Г. Орджоникидзе об итогах 1931 г., в докладах о второй пятилетке

³⁹ Ibid. P. 13.

⁴⁰ Ibid. P. XV.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Мерль Ш. Указ. соч. С. 314.

⁴³ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008. С. 13.

⁴⁴ Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Исторические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. С. 75.

председателя СНК СССР В.М. Молотова и председателя ВСНХ В.В. Куйбышева содержались попытки определить место индустриализации в развитии советского социализма. При этом второй пятилетний план, подчеркивает Дэвис, обсуждался с гораздо большей умеренностью, чем в 1930–1931 гг.⁴⁵ Индустриальный проект переходил в рациональное русло.

Однако парадокс и трагедия экономической жизни в СССР заключались в том, что марксистская идеология, отрицающая любые проявления рынка, и советская экономическая действительность находились в состоянии потенциального конфликта. Не случайно на протяжении всех 1930-х годов звучали постоянные магические заклинания о необходимости «подлинного внедрения хозрасчета» на всех уровнях производства. Однако советская управленческая система была готова лишь к формальным переменам, но не к сущностным изменениям.

Следует отдать должное Дэвису, сумевшему на основе научного изучения широкого пласта первоисточников обратиться к непредвзятому изучению не только итогов социально-экономического развития СССР, но и степени осмысления результатов Первой пятилетки представителями советского руководства.

Дэвис не без иронии пишет: «Первый пункт повестки дня пленума ЦК партии, проходившего с 7 по 12 января 1933 года, был смело озаглавлен “итоги первой пятилетки и народно-хозяйственный план на 1933 год — первый год второй пятилетки”»⁴⁶. «Смелость», отмеченная Дэвисом, заключалась, видимо, в том, что итоги 1932 г., а с ним и первой пятилетки, подводились уже через неделю после окончания календарного года, тогда как технические возможности тщательного подсчета требовали иных, существенно больших сроков.

В пользу этого утверждения говорит факт, что все три доклада на Пленуме об итогах первой пятилетки (Сталина, Молотова, Куйбышева, а также речь Орджоникидзе) появились в печати лишь с незначительными изменениями по сравнению с печатным стенографическим отчетом, сохранившимся в архивах⁴⁷. Все это позволяет утверждать, что подготовленные заранее доклады руководителей СССР весьма приблизительно были связаны с анализом статистических показателей. Монография Дэвиса позволяет проследить хронологию событий: 3 декабря 1932 г. Политбюро ЦК ВКП (б), подводя итоги года, определило размеры капиталовложений на 1933 г., на основе которых 5 января 1933 г. Совнарком принял секретные декреты «О государственном бюджете и экономическом плане на 1933 год»⁴⁸.

Секретность распределения капиталовложений прочно войдет в практику управления в СССР, определяя, например, не только соотношение объявленных (1450 млн руб.) и реальных (4178 млн руб.) расходов на оборону в 1933 г.⁴⁹, но и общую закрытость данных о подлинной финансовой политике Советского Союза.

Вывод Дэвиса носит весьма осторожный характер: драматический опыт кризисных событий в годы первой пятилетки вызвал определенную «деидеологизацию» экономической политики, подтолкнув советское руководство к более прагматическому пониманию принципов управления.

Вместе с тем монография Дэвиса показывает, что если для части руководства СССР стабилизация в экономике объективно означала ограничение рамок мифологического пространства «фундамента социализма», то для Сталина и его наиболее догматичных сторонников курс «миниреформ», воплотивший в себя несколько важных черт, отсутствующих в командно-административной модели (товаро-денежные отношения,

⁴⁵ Davies R.W. Op. cit. P. 133–140.

⁴⁶ Ibid. P. 317.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Ibid. P. 319.

система стимулирования заработной платы, «квазирынок» для труда, легализация рыночной торговли), грозил потерей абсолютного господства в партии, обществе и в государстве, поскольку рушилась вся система догматических аргументов о вреде рынка, товарно-денежных отношений, экономической самостоятельности производителей, порождая вопросы о причинах провалов в экономике начала 1930-х годов.

«Миниреформы» начала 1930-х годов действительно отражали сталинское понимание сути кризиса и путей выхода из него и носили ограниченный, запаздывающий и непоследовательный характер⁵⁰. Индустриальный проект из документа, рожденного в недрах Госплана СССР, превратился в своеобразный исторический объект, требующий сравнения с характеристиками развитых капиталистических стран. Способность сталинского режима к выживанию оказывалась в прямой зависимости от судьбы индустриализации в СССР.

* * *

Симпатия иностранных исследователей к России сама по себе еще не гарантирует высокого уровня исторических исследований. Дэвису и Такеру в этом отношении повезло: они увидели мир на изломе и посвятили жизнь изучению увиденного. Британский и американский ученые отказались от идеологизированного и одномерного рассмотрения истории Советской России. Отсутствие идеологической цензуры, господствовавшей в СССР, позволило им провести свободный объективный анализ документов и опередить на несколько десятилетий отечественных историков. Книги Такера и Дэвиса стали классикой историографии, а классика не стареет.

Библиография

Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010.

Коев С. Роберт Ч. Такер (1918–2010): учитель, коллега, друг // Родина. 2010. № 10. С. 47.

Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 303–349.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008.

Такер Р. Сталин. Путь к власти 1879–1929. История и личность / Пер. с англ. Р. Такер. М., 1991.

Такер Р. Сталин-диктатор. У власти. 1928–1941 / Пер. с англ. А.Э. Габриэляна. М., 2012.

Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Исторические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. С. 71–80.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

Davies R.W. Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke – London, 1996.

Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941. New York, 1990.

References

Esikov S.A. Rossijskaya derevnya v gody nepa: K voprosu ob al'ternativnosti stalinskoj kollektivizacii (po materialam Central'nogo Chernozem'ja) [Russian village in the years of the New Economic Policy: On the question of the alternative of Stalinist collectivization (based on materials from the Central Black Earth Region)]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Stalinskij period sovetskoj istorii. Istoricheskie tendencii i nereshennye problem [Stalinist period of Soviet history. Historical trends and unsolved problems] // Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Bulletin]. 2017. P. 71–80. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury [Master. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moskva, 2010. (In Russ.)

⁵⁰ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 117.

Koen S. Robert Ch. Taker (1918–2010): uchitel', kollega, drug [Robert Ch. Tucker (1918–2010): teacher, colleague, friend] // Rodina [Homeland]. 2010. № 10. P. 47. (In Russ.)

Merle S. Sovetskaya ekonomika: sovremennye ocenki [Soviet economy: modern estimates] // Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2016–2017 [Economic history. Yearbook. 2016–2017]. Moskva, 2017. P. 303–349. (In Russ.)

Osokina E.A. Za fasadom “stalinskogo izobiliya”: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941 [Behind the facade of “Stalinist abundance”: Distribution and the market in supplying the population during the years of industrialization. 1927–1941]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Taker R. Stalin. Put' k vlasti 1879–1929. Istoriya i lichnost' / Per. s angl. R. Taker [Stalin. The path to power 1879–1929. History and personality / Translated from R. Tucker]. Moskva, 1991. (In Russ.)

Taker R. Stalin-diktator. U vlasti. 1928–1941 / Per. s angl. A.E. Gabrielyana [Stalin-dictator. In power. 1928–1941 / Translated from A.E. Gabrielyan]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Davies R.W. Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke – London, 1996.

Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941. New York, 1990.

DOI: 10.31857/S013038640014266-0

© 2021 г. А.В. ВОЛОДЬКО

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА: У ИСТОКОВ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА

Володько Анна Вячеславовна — кандидат юридических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: avolodko@inbox.ru

Researcher ID: AAV-7281-2020

Аннотация. Статья посвящена деятельности императрицы Марии Александровны в организации и развитии Российского общества Красного Креста. В лице императрицы организаторы Русского общества попечения о раненых и больных воинах (с 1879 г. — Российское общество Красного Креста (РОКК)) приобрели ценного сторонника и покровителя. Императрица помогла привлечь в учредители организации многих известных и влиятельных людей, от которых зависело финансовое состояние Общества. В мае 1867 г. Устав Общества утвердил император. Подготовительная работа была очень непростой. Но вскоре Российский Красный Крест из гуманитарного проекта превратился в реальную структуру — что едва ли было возможно без энергичного содействия Марии Александровны. Императрица не ограничивалась формальным покровительством, она вникала в дела организации и направляла ее работу. Уже первые годы деятельности Красного Креста показали, что его гуманитарная миссия не должна ограничиваться рамками его уставной задачи — помощью раненым и больным военным. Императрица де-факто расширила полномочия Общества, санкционировав помощь районам страны, охваченным голодом, неурожаем или эпидемиями, а также пострадавшим при стихийных бедствиях. Другим важным направлением работы Общества стала помощь «гражданским» больным. И в этом деле Мария Александровна сыграла важную роль. Ознакомившись с системой «барачных лазаретов» в Европе, императрица поручила устроить при Рождественской больнице первые в России барачные лазареты, которые впоследствии стали создаваться во многих городах России. Во всех своих начинаниях императрица уделяла большое внимание прогрессивным «пилотным» проектам, становившимся полигонами для обкатки передового опыта и его распространения в масштабах всей страны.

Ключевые слова: императрица Мария Александровна, Российское общество Красного Креста, покровительство, пострадавшие, военные действия, «барачные лазареты».

A.V. Volodko**The Empress Maria Alexandrovna and the Origins of the Russian Red Cross***Anna Volodko, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: avolodko@inbox.ru**Researcher ID: AAV-7281-2020*

Abstract. The article deals with the role of the Empress Maria Alexandrovna in the creation and development of the Russian Red Cross Society. For the organizers of the Russian Society for the Care of Wounded and Sick Soldiers (since 1879 – the Russian Red Cross Society (RRCS)) the Empress became a valuable supporter and patron. She helped to recruit many well-known and influential individuals into the ranks of the Society's founders, ensuring its financial stability. On May 3, 1867, the Emperor approved the Society's Charter, and the Russian Red Cross turned from a humanitarian project into a real organization – which would be hardly possible without Maria Alexandrovna's active support. The Empress was by no means a formal "patron" of the Society: she was deeply involved in its affairs and directed its activities. After the first few years it became clear that the humanitarian mission of the Red Cross could not be limited by its chartered role – care for wounded and sick soldiers only. The Empress de facto expanded the Society's powers, approving its assistance to Russian regions suffering from famine, crop failure and epidemics, as well as to the victims of natural disasters. Care for "civilian" patients also became an important sphere of the Society's work. Here Empress Maria's role was indispensable as well. After studying the European system of "barrack type" hospital wards, she ordered to construct several of them at the premises of the Rozhdestvensky Hospital in Petersburg, and consequently this novel form of patient care spread to many other Russian cities. In all her endeavors the Empress paid special attention to advanced "pilot projects" serving as testing grounds for best practices and their expansion in the countrywide scale.

Keywords: Empress Maria Alexandrovna, Russian Red Cross Society, patronage, victims, hostilities, "barrack type" hospital wards.

Начало и середина XIX столетия вошли в историю как эпоха масштабных вооруженных конфликтов. Его первые десятилетия ознаменовались чередой Наполеоновских войн, которые не без оснований можно в совокупности рассматривать как первый конфликт мирового масштаба. На 1850-е годы пришлись Крымская война (1853–1856 гг.) и австро-итало-французская (1859 г.), вскоре последовали австро-прусская (1866 г.) и франко-прусская войны (1870–1871 гг.). Совершенствование вооружений приводило к огромным потерям воюющих сторон.

Развитие военных медико-санитарных служб в этот период намного отставало от других составляющих вооруженных сил. В результате во время крупных сражений медицинские подразделения не справлялись с потоком раненых, многие из которых погибали, лишённые врачебной помощи. Высока была смертность среди увечных воинов: на том уровне медицинской техники проводить сложные и длительные полостные операции было невозможно (из-за риска смерти от болевого шока), и серьезные ранения конечностей из-за опасения гангрены зачастую приводили к ампутациям. Так, после Бородинского сражения в одном из полевых госпиталей наполеоновской армии были размещены 14 серьезно раненных офицеров и генералов.

Несмотря на оказанную помощь, в течение суток 12 из них умерли¹. Столь же печальное зрелище представлял собой и главный госпиталь французов в Колоцком монастыре. Капитан Ш. Франсуа, принимавший участие в этой битве, вспоминал: «Я вхожу в палату; 27 офицеров полка, из них 5 ампутированных, лежат на соломе или на полу и нуждаются решительно во всем»². Капитану повезло — его ранение оказалось сравнительно легким, но, как он указывает, в течение 8–10 дней после сражения три четверти раненых, находившихся в госпитале, скончались³.

Не меньшую опасность для солдат той эпохи представляли эпидемии — неизбежный результат скученности людей в военных казармах и гарнизонах. В частности, в научной литературе приводятся такие данные: за первые 25 лет царствования Николая I, то есть еще до Крымской войны, российская армия, не ведя масштабных боевых действий, потеряла умершими от болезней 1 028 650 человек⁴.

К середине XIX в. медицинская наука шагнула далеко вперед: появились новые передовые методы лечения раненых и больных. Достаточно вспомнить, что благодаря выдающемуся русскому хирургу Н.И. Пирогову в мировую практику было внедрено проведение операций под наркозом в военно-полевых условиях, что позволяло спасти жизнь многим тяжелораненым. Однако организация медицинских служб в армиях всех государств по-прежнему не соответствовала потребностям времени в первую очередь из-за их малочисленности, что со всей трагической наглядностью проявилось в ходе Крымской войны: раненые подолгу оставались без медицинской помощи, а смертность от болезней во всех воюющих армиях измерялась десятками тысяч. Организационные меры — например, разработанная Пироговым научная система сортировки и эвакуации раненых и больных — повышали эффективность работы санитарной службы, но не могли компенсировать острую нехватку персонала.

Середина XIX в. во всей Европе стала временем общественного подъема, и в том числе «пробуждения женщин». Возросло влияние средств массовой информации: несмотря на цензурные ограничения, в английскую, французскую, русскую прессу проникали сведения о бедственном положении раненых и больных солдат. И общественность не замедлила прийти им на помощь. Масштабная благотворительная помощь позволяла не только улучшить систему военно-медицинского снабжения, но порой полностью заменяла коррумпированные интендантские службы. В зону боевых действий устремились женщины-добровольцы, готовые облегчить участь пострадавших воинов. Весь мир знает имя англичанки Флоренс Найтингейл, отправившейся с группой сестер милосердия в тыловые госпитали британской армии для помощи раненым и больным. Менее известен другой факт: примерно в это же время (октябрь 1854 г.) в России по инициативе великой княгини Елены Павловны была создана Крестовоздвиженская община сестер милосердия, направившая в осажденный Севастополь несколько отрядов сестер, общим числом до 200 человек. Многим из них эта самоотверженная работа стоила жизни: 17 сестер милосердия скончались от болезней при исполнении долга⁵. Работали в Крыму и французские сестры милосердия.

¹ Целорунго Д.Г. О потерях русской и наполеоновской армий в Бородинском сражении 24–26 августа 1812 г. С. 12. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2005a/Celorungo.pdf (дата обращения: 23.06.2020).

² Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. В 2-х кн. Кн. 1. Нашествие на Москву. М., 2004. С. 212.

³ Целорунго Д.Г. Там же.

⁴ Буряковский Р.О. Офицерский корпус Российской империи в первой половине XIX века // Вестник университета (Государственный университет управления). 2012. № 7. С. 210.

⁵ Соколова В.А. Организация общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста (1854–1918 гг.) // Клио. 2013. № 4 (76). С. 41–42.

Идея о том, что уход за ранеными воинами нельзя полностью передавать государству и необходим если не контроль, то хотя бы участие общественности, стала чрезвычайно актуальной. Уже через несколько лет движение переросло рамки национальных границ и вышло на международный уровень. У истоков движения стоял швейцарский предприниматель Анри Дюнан, невольный очевидец генерального сражения австро-итало-французской войны — битвы при Сольферино. Своими глазами увидев страдания десятков тысяч раненых, которым не могли помочь медицинские службы, он задумал создать международную общественную организацию для помощи пострадавшим в военных действиях и их защиты и активно пропагандировал эту идею. Благодаря его усилиям в 1864 г. в Женеве была проведена Международная конференция с участием представителей из 16 стран, принявшая знаменитую Женевскую конвенцию, согласно которой все раненые, больные и лица врачебно-санитарного персонала в зонах боевых действий объявлялись состоящими под защитой Международного комитета помощи раненым (с 1880 г. — Международный Комитет Красного Креста). Эмблемой новой организации был избран «перевернутый» флаг Швейцарии — красный крест на белом поле. 22 августа Конвенцию подписали 12 государств и ратифицировали 10. С этого момента по всей Европе стали создаваться общества помощи раненым и больным воинам.

России среди стран-участниц конференции не было, и к Конвенции она не присоединилась. Вероятно, это было связано с позицией военного ведомства, не желавшего, чтобы ему диктовала условия общественная организация, тем более международная. Очевидно, информация о предстоящей конференции была соответствующим образом подана императору Александру II, и 27 марта 1864 г. он распорядился «не давать хода этому делу и не допускать иностранного вмешательства в дело устройства в нашей армии санитарной части»⁶.

Ситуация изменилась осенью 1866 г. накануне приезда в Россию невесты цесаревича принцессы Дагмар. В придворных кругах хотели отметить это событие чем-то необычным, и поскольку традиционной сферой деятельности «женской половины» императорского дома была благотворительность, лейб-медик Ф.Я. Карель и лейб-хирург П.А. Наронович предложили устроить в Петербурге поликлинику, оснащенную по последнему слову медицинской техники. Этой идеей он поделился с двумя незаурядными женщинами из ближайшего окружения императрицы Марии Александровны: фрейлиной Марией Петровной Фредерикс и Марфой Степановной Сабининой, преподававшей музыку детям императорской четы. В ходе обсуждения родился альтернативный план — создать в России общество Красного Креста. Среди исследователей нет единого мнения о том, кто из них стал инициатором этого проекта: В.А. Соколова в своей диссертации об истории Российского общества Красного Креста считает таковым Кареля⁷, а историк И.В. Зимин полагает, что искушенные в интригах придворные дамы «аккуратно “навели” врача» на собственную идею, чтобы подкрепить ее авторитетом лейб-медика⁸. Главное — инициатива была сформулирована и началась ее проработка. Деятельные дамы быстро провели подготовительную работу, выписав из-за границы уставы зарубежных обществ, другие документы, справочную литературу и изучив их. 14 декабря на квартире М.П. Фредерикс состоялось совещание организаторов общества, в котором, помимо четырех инициаторов, принял участие и инспектор Петербургского окружного военно-медицинского управления Х.Б. Риттер. На заседании были определены цель будущего

⁶ Тернова Н. Марфа Степановна Сабинина — удивительная русская женщина, оставившая свой след в истории России. URL: <https://n-terno.livejournal.com/4514.html> (дата обращения: 02.06.2020).

⁷ Соколова В.А. Российское общество Красного Креста (1867–1918): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 27. URL: https://www.redcross.ru/sites/default/files/books/sokolova_dissertat.pdf (дата обращения: 12.05.2020).

⁸ Зимин И.В. Люди Зимнего дворца. Монаршие особы, их фавориты и слуги. М., 2014. С. 624–625.

общества — «облегчение участи раненых и больных воинов на поле сражения» и обязанность — «заготавливать мирным временем весь тот материал, о котором не время уже будет думать во время войны»⁹. Предусматривалась, что Общество будет открыто для всех, включая женщин.

В самодержавном государстве для реализации масштабной инициативы необходим был мощный «административный ресурс», то есть санкция, а лучше поддержка на «самом верху» — в императорской семье. Сабинина и Фредерикс, хорошо знавшие свою августейшую патронессу-императрицу, предложили обратиться за помощью именно к ней и на следующий день доложили о своем проекте Марии Александровне, и просили ее взять Общество под свое высочайшее покровительство. Вот как описывает эту встречу Н.И. Алмазова в работе, посвященной 25-летию Общества, на основе личных архивов участников: «Государыня сейчас заметила необычное выражение их лиц и милостиво спросила: “Отчего это вы так празднично настроены?” Они рассказали свои планы и просили разрешения на учреждение Общества вспомоществования раненым. Очевидно, Государыня лелеяла в душе своей ту же самую мысль, так как она с радостью откликнулась на нее, взялась исходатайствовать разрешение у Государя Императора, согласилась взять общество под свое покровительство и, прощаясь с ними, благословила их на это новое милосердное дело»¹⁰. Императрица выбрала и девиз для общества: «Сила не в силе, а сила в любви»¹¹.

Этот поступок весьма характерен для императрицы Марии Александровны, поэтому будет уместным подробнее рассказать об этой незаурядной женщине с непростой, даже трагической судьбой, сыгравшей видную роль в истории российской благотворительности. Принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария родилась в 1824 г. в семье великого герцога Людвиг Гессенского. По ряду причин девочка росла вдали от отцовского двора, в уединении, что не могло не наложить отпечаток на характер будущей императрицы. Жизнь юной принцессы резко изменилась в 1839 г., когда с ней познакомился наследник российского престола великий князь Александр. В 1841 г. принцесса (принявшая православие и новое имя Мария Александровна) и Александр обвенчались. Это был один из нечастых для монарших семей случаев брака по любви, и долгое время семейная жизнь цесаревны была счастливой. Кроме того, и по статусу, и по склонности характера Мария Александровна активно занималась благотворительностью.

В 1855 г. в ее жизни начался новый этап: Александр Николаевич после кончины отца стал самодержцем всероссийским Александром II, а Мария Александровна — императрицей. В этом статусе она поддерживала прогрессивные реформы мужа, а ее просветительская и благотворительная деятельность приобрела новый масштаб. Однако последние десятилетия жизни Марии Александровны складывались трагически: она пережила смерть любимого сына и наследника престола Николая Александровича, вынуждена была мириться с многочисленными изменами мужа. Здоровье императрицы продолжало ухудшаться, что усугублялось переживаниями из-за многочисленных покушений на императора, и в возрасте 55 лет она скончалась от легочного заболевания.

Нельзя сказать, что личность Марии Александровны обойдена вниманием мемуаристов и исследователей, однако в большинстве случаев их интересуют в основном трагические обстоятельства ее семейной жизни, общественная деятельность императрицы освещалась слабее — однако ее достижения на этом поприще весьма впечатляют. Императрица активно участвовала в реформе женского образования, создала Мариинский театр и балетную школу в Петербурге.

⁹ Зимин И.В. Там же. С. 625.

¹⁰ Алмазова Н.И. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. М., 1892. С. 3.

¹¹ Бертенсон И.В. Императрица Мария Александровна в ее заботах о деятельности Российского общества Красного Креста. СПб., 1892. С. 8.

Современники-мемуаристы были об этом почти не осведомлены, и даже многие в ее ближайшем окружении считали ее человеком пассивным и слабовольным.

Вероятно, такие оценки были связаны с особенностями характера Марии Александровны: ее природной скромностью, даже застенчивостью, нелюбовью к публичности, сдержанностью, неумением и нежеланием «выпячивать» себя — одним словом, как выражались мемуаристы, стремлением «не слыть, а быть». Поэтому добрые дела она творила в тишине, без лишнего шума и огласки. Сильной стороной императрицы была не столько собственная инициативность — сказывались ее скромность и некоторая стеснительность, сколько умение выделять из поступающих на ее имя многочисленных проектов и предложений наиболее целесообразные и отвечающие духу времени, оказывать им поддержку, и негласно, но искусно и твердо направлять ход их реализации.

Таким образом, в лице Марии Александровны организаторы Общества приобрели ценного сторонника и покровителя, и результат не замедлил сказаться: 16 декабря Карель доложил Александру II проект, и тот, уже предупрежденный супругой, дал свое согласие и приказал писать Устав¹². Благодаря личному участию императрицы, решение о создании Общества было принято в кратчайшие сроки — всего за два дня.

Наступил черед организационной работы: подготовки Устава и привлечения в Общество учредителей (как сейчас сказали бы — спонсоров). Формулировки Устава имели важное значение, тем более, что инициаторы, предвидя упреки в «низкопоклонстве перед Западом», подчеркивали: заимствование «чужой идеи» делает необходимым «облечь ее в свою самобытную, к местным данным приуроченную форму»¹³. Поэтому было подготовлено несколько его проектов, всесторонне обсуждавшихся и проходивших юридическую экспертизу. На этом же этапе было сформулировано название новой организации: Русское общество попечения о раненых и больных воинах (с 1879 г. — Российское общество Красного Креста (РОКК)). Определены были источники финансирования (ежегодные членские взносы и частные пожертвования) и структура Общества: Центральный и местные комитеты¹⁴.

Не менее важной задачей было привлечение учредителей, от которых зависело финансовое состояние будущей организации. Кроме того, участие в обществе известных и влиятельных людей подавало пример другим: поначалу проект пользовался популярностью далеко не во всех аристократических кругах. В этом процессе императрица приняла самое деятельное участие. Сохранилась, в частности, ее записка относительно кандидатуры А.К. Карамзиной, позволяющая судить о принципах выбора: «Мне кажется, что Аврора Казимировна была бы прекрасным приобретением для вашего комитета. Русское имя, богата и очень благотворительна. Я уже говорила ей об Обществе мимоходом»¹⁵. Естественно, если предложение о вступлении в общество исходило от самой императрицы, от него было трудно отказаться. Сознывая большую роль религии в жизни России, Мария Александровна настаивала на привлечении в Общество влиятельных представителей духовенства. Во многом благодаря ее усилиям, состав учредителей за считанные месяцы (к концу апреля 1867 г.) увеличился до 218 человек в Петербурге и Москве¹⁶.

Приходилось ей задействовать свое влияние и после попыток отдельных ведомств, прежде всего Военного министерства, взять формирующуюся организацию под свой контроль. Эту «атаку» инициаторам удалось успешно отразить, но в марте 1867 г. возникло новое затруднение: влиятельнейший митрополит Московский и Коломенский

¹² Алмазова Н.И. Указ. соч. С. 5.

¹³ Юкина И.И. Праведные Марфа и Мария // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 27. М., 2019. С. 162.

¹⁴ Соколова В.А. Российское общество Красного Креста (1867–1918). С. 27.

¹⁵ Алмазова Н.И. Указ. соч. С. 6.

¹⁶ Соколова В.А. Российское общество Красного Креста (1867–1918). С. 28.

Филарет категорически возразил против совместной работы мужчин и женщин в местных учреждениях Общества, настаивая на создании отдельных Дамских комитетов и грозя в противном случае выйти из его состава, и отказаться от написания воззвания в его поддержку. Такое требование вызвало негодование инициаторов Общества — М.П. Фредерикс и М.С. Сабининой (обе дамы были сторонницами равноправия женщин), и они попытались через императрицу повлиять на митрополита, передав ему, что она выражает «сожаление» в связи с его позицией¹⁷. Однако даже недовольство государыни не помогло; Мария Александровна проявила свойственную ей гибкость: понимая, что влияние Филарета необходимо новому Обществу, она убедила возмущенных дам не настаивать на своем. В результате Фредерикс сообщила министру государственных имуществ генерал-адъютанту А.А. Зеленому, которого императрица прочила в руководители Общества: «Вопроса о дамах Ея Величество не берет на себя решить, а поручает это комиссии»¹⁸. Таким образом, Мария Александровна уступила митрополиту, не выражая при этом согласия с его позицией. Забегая вперед, заметим, что императрица в этом вопросе продемонстрировала дальновидность, предоставив ходу событий расставить все по местам. Ее расчет оправдался: через несколько лет участники Общества «дозрели» до идеи равноправия женщин, и разделение комитетов на мужские и женские было ликвидировано, что было официально закреплено в новой редакции его Устава¹⁹.

Конфликт и другие разногласия негативно сказывались на подготовительной работе. Между организаторами случались раздоры, возникали взаимные подозрения, и принятие Устава затягивалось. Дело вновь потребовало личного вмешательства императрицы: она вызвала к себе А.А. Зеленого и потребовала, чтобы ко дню рождения императора — 17 апреля 1867 г. — «все было кончено»²⁰. 13 апреля Устав был единогласно принят учредителями, а 28 апреля — без всяких поправок одобрен Государственным советом. Остался последний штрих — выбор эмблемы Общества. Здесь свое слово вновь сказала Мария Александровна. В своей записке М.П. Фредерикс она написала: «Полагаю, что Красный Крест, как в Женеве, потому что мы примкнули к Конвенции» (Россия подписала Женевскую конвенцию 10 мая 1867 г.)²¹. 3 мая 1867 г. Устав утвердил император.

Таким образом, всего за полгода Российский Красный Крест из гуманного проекта превратился в реальную структуру — что вряд ли было бы возможно без энергичного содействия императрицы. Наступило время практической деятельности и структурного расширения. Новое Общество развивалось динамично: к 1875 г. количество его членов возросло до 10 000, а местных учреждений — до 170²². Следует отметить, что Мария Александровна не ограничивалась формальным покровительством, она по-прежнему вникала в дела организации и направляла ее работу.

Через три года после создания Общества Европу потряс очередной масштабный конфликт: началась непродолжительная, но кровопролитная франко-прусская война (1870—1871 гг.). Российское общество, откликнувшись на призыв Международного комитета Красного Креста, организовало сбор пожертвований на нужды пострадавших. Императрица попросила своих давних сподвижниц — М.П. Фредерикс и М.С. Сабинину, к тому времени оставивших придворную службу и занимавшихся благотворительной деятельностью на местах, — выехать в зону боевых действий для сбора информации и изучения опыта деятельности Красного Креста в условиях боевых действий. Обо всем увиденном они направляли государыне подробные отчеты²³. Кроме того, в качестве

¹⁷ Юкина И.И. Указ. соч. С. 166.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Соколова В.А. Российское общество Красного Креста (1867—1918). С. 33.

²⁰ Там же.

²¹ Алмазова Н.К. Указ. соч. С. 17.

²² Соколова В.А. Российское общество Красного Креста (1867—1918). С. 43.

²³ Юкина И.И. Указ. соч. С. 170—171.

уполномоченного Общества и куратора отряда русских врачей из 30 человек на фронт был командирован вызванный из сельского уединения Н.И. Пирогов, которого перед отъездом лично приняла императорская чета²⁴.

Уже первые годы деятельности Красного Креста показали, что его гуманитарная миссия не должна ограничиваться рамками уставной задачи — помощью раненым и больным военнослужащим. Осознав эту, как выразилась В.А. Соколова, «логику жизни», высочайшая покровительница де-факто расширила полномочия Общества, санкционировав помощь районам страны, охваченным голодом, неурожаями или эпидемиями, а также пострадавшим при стихийных бедствиях (землетрясение в Шемахе в 1872 г.)²⁵.

Другим важным направлением работы Общества стала помощь «гражданским» больным. И в этом деле Мария Александровна сыграла важную роль. В 1871 г. заведующий Рождественской больницей в Петербурге И.В. Бертенсон, ознакомившись с системой «барачных лазаретов» в Европе, обобщил полученный опыт в монографии «Барачные лазареты в военное и мирное время», посвятив его императрице. Мария Александровна ознакомилась с этим трудом и поручила устроить при Рождественской больнице новые для России барачные лазареты. Закладка первого состоялась в апреле 1871 г. в присутствии императорской четы²⁶. Слово «барачный» в данном случае не должно вводить в заблуждение: такие лазареты в то время считались передовым достижением европейской медицины, бараками назывались небольшие, отдельно стоящие (чтобы избежать скученности пациентов и, соответственно, эпидемий) больничные корпуса, спроектированные и оснащенные по последнему слову медицинской науки. От «капитальных» больничных зданий их отличали только размеры, одноэтажность и отсутствие подвальных помещений.

За первым «барак» были в кратчайшие сроки построены еще четыре, приспособленные для размещения больных в условиях русской зимы. Для управления ими при Обществе был создан Петербургский дамский лазаретный комитет. Следующим этапом стало устройство при больнице по поручению Марии Александровны поликлиники и школы для женского санитарного персонала, готовивших для Красного Креста сестер милосердия. Императрица, всегда уделявшая женскому образованию первостепенное внимание, по случаю открытия училища отправила из Ливадии приветственную телеграмму: «Душевно радуюсь открытию школы и желаю от всего сердца успеха сему учреждению»²⁷. Позднее она распорядилась расширить программу обучения и практической подготовки учениц за счет преподавания акушерства, навыков лечения женских и детских заболеваний. В этих целях при больнице были возведены пятый, гинекологический барак и шестой — построенный на собственные средства императрицы, предназначенный для рожениц²⁸.

В этой истории проявилась еще одна характерная черта благотворительной деятельности Марии Александровны: во всех своих начинаниях она уделяла большое внимание прогрессивным «пилотным» проектам, становившимся полигонами для обкатки передового опыта и его распространения в масштабах всей страны. Ее дальновидный расчет оправдался: вскоре «барачные лазареты» стали создаваться во многих городах России.

Серьезнейшим испытанием для молодого общества стала Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Масштабные боевые действия с большим количеством раненых и больных потребовали от Красного Креста мобилизации всех имеющихся ресурсов (его расходы

²⁴ Соколова В.А. Российское общество Красного Креста в военных конфликтах (1870–1902 гг.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 3. С. 162.

²⁵ Соколова В.А. Российское общество Красного Креста (1867–1918). С. 224–228.

²⁶ Бертенсон И.В. Указ. соч. С. 6, 8.

²⁷ Там же. С. 12.

²⁸ Там же.

в этот период составили астрономическую по тем временам сумму — почти 17 млн рублей)²⁹. Работа велась сразу по целому ряду направлений: был создан парк санитарных поездов для эвакуации раненых, развернута по всей стране целая сеть госпиталей, где работали до 430 врачей и более 1500 медсестер и санитарок, на фронт отправлялись летучие санитарные отряды общин сестер милосердия, оказывавшие самоотверженную помощь раненым и больным воинам.

После окончания войны военный министр Д.А. Милютин выразил руководству и членам Общества благодарность за ценное содействие воюющей армии. Императрица, уже тяжело больная, также обратилась к ним: «Почитаю себя счастливою, что Промысел Божий судил мне стоять, в великую для России годину брани, послужившего столь достойно и с таким успехом к облегчению бедствий войны для храбрых воинов»³⁰.

Императрица скончалась в 1880 г., но у Российского общества Красного Креста, для создания и становления которого она так много сделала, впереди была большая и славная история.

Библиография

- Алмазова Н.И. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. М., 1892.
- Бертенсон И.В. Императрица Мария Александровна в ее заботах о деятельности Российского общества Красного Креста. СПб., 1892.
- Буряковский Р.О. Офицерский корпус Российской империи в первой половине XIX века // Вестник университета (Государственный университет управления). 2012. № 7. С. 209–212.
- Зимин И.В. Люди Зимнего дворца. Монаршие особы, их фавориты и слуги. М., 2014.
- Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. В 2-х кн. Кн. 1. Нашествие на Москву. М., 2004.
- Соколова В.А. Российское общество Красного Креста в военных конфликтах (1870–1902 гг.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 3. С. 162–168.
- Соколова В.А. Организация общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста (1854–1918 гг.) // Клио. 2013. № 4 (76). С. 40–50.
- Соколова В.А. Российское общество Красного Креста (1867–1918): Дисс. ... канд. ист. наук., СПб, 2014. URL: http://www.redcross.ru/sites/default/files/books/sokolova_dissertat.pdf (дата обращения: 12.05.2020).
- Тернова Н. Марфа Степановна Сабина — удивительная русская женщина, оставившая свой след в истории России. URL: <https://n-terno.livejournal.com/4514.html> (дата обращения: 02.06.2020).
- Целорунго Д.Г. О потерях русской и наполеоновской армий в Бородинском сражении 24–26 августа 1812 г. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2005a/Celorungo.pdf (дата обращения: 23.06.2020).
- Юкина И.И. Праведные Марфа и Мария // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 27. М., 2019. С. 149–181.

References

- Almazova N.I. K dvadcatipjatiletiju Rossijskogo obshhestva Krasnogo Kresta [On the occasion of the twenty-fifth anniversary of the Russian Red Cross Society]. Moskva, 1892. (In Russ.)
- Bertenson I.V. Imperatrca Marija Aleksandrovna v ee zabotah o dejatel'nosti Rossijskogo obshhestva Krasnogo Kresta [Empress Maria Alexandrovna in her worries about the activities of the Russian Red Cross Society]. Sankt-Peterburg, 1892. (In Russ.)
- Burjakovskij R.O. Oficerskij korpus Rossijskoj imperii v pervoj polovine XIX veka [The officer corps of the Russian Empire in the first half of the 19th century] // Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniia) [University Bulletin (State University of Management)]. 2012. № 7. P. 209–212. (In Russ.)
- Zimin I.V. Ljudi Zimnego dvorca. Monarshie osoby, ih favority i slugi [People of the Winter Palace. Royal people, their favorites and servants]. Moskva, 2014. (In Russ.)

²⁹ Соколова В.А. Российское общество Красного Креста (1867–1918). С. 145.

³⁰ Бертенсон И.В. Указ. соч. С. 16.

Napoleon v Rossii v vospominaniyah inostrancev. V 2 kn. Kn. 1. Nashestvie na Moskvu [Napoleon in Russia in the memoirs of foreigners. In 2 books. Book 1. The invasion of Moscow]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Sokolova V.A. Rossijskoe obshhestvo Krasnogo Kresta v voennykh konfliktakh (1870–1902 gg.) [Russian Red Cross Society in Military Conflicts (1870–1902)] // Vestnik PbGU [Bulletin of PbSU]. Ser. 2. 2013. Vyp. 3. S. 162–168. (In Russ.)

Sokolova V.A. Organizacija obshhin sester miloserdija Rossijskogo obshhestva Krasnogo Kresta (1854–1918 gg.) [Organization of Communities of Sisters of Charity of the Russian Red Cross Society (1854–1918)] // Klio [Klio]. 2013. № 4(76). S. 40–50.

Sokolova V.A. Rossijskoe obshhestvo Krasnogo Kresta (1867–1918): diss. kand. ist. nauk: 07.00.02 [Russian Red Cross Society (1867–1918): dis. candidate of historical sciences]. Sankt-Peterburg, 2014. URL: https://www.redcross.ru/sites/default/files/books/sokolova_dissertat.pdf (access date: 12.05.2020). (In Russ.)

Ternova N. Marfa Stepanovna Sabinina – udivitel'naja russkaja zhenshhina, ostavivshaja svoj sled v istorii Rossii [Marfa Stepanovna Sabinina – an amazing Russian woman who left her mark on the history of Russia]. URL: <https://n-terno.livejournal.com/4514.html> (access date: 02.06.2020). (In Russ.)

Celorungo D.G. O poterjah russkoj i napoleonovskoj armij v Borodinskom srazhenii 24–26 avgusta 1812 g. [About the losses of the Russian and Napoleonic armies in the battle of Borodino on August 24–26, 1812]. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2005a/Celorungo.pdf (access date: 23.06.2020). (In Russ.)

Jukina I.I. Pravednye Marfa i Marija [Righteous Martha and Mary] // Adam i Eva. Al'manah gendernoj istorii. [Adam and Eve. Almanac of gender history]. Vyp. 27. Moskva, 2019. S. 149–181. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640014267-1

© 2021 г. С.А. ХАНДАЖИНСКАЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАПТИСТСКОГО МИССИОНЕРСКОГО ОБЩЕСТВА (1792–1847 годы) В ИНДИИ: ОТ ПРОСВЕЩЕНИЯ К КРЕЩЕНИЮ

Хандажинская Софья Анатольевна — ассистент кафедры древних языков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: sofia-istfak@mail.ru

Researcher ID: AAB-6877-2021

Аннотация. В статье анализируется влияние идей эпохи Просвещения на процесс христианизации населения колониальной Индии. В центре внимания — деятельность Баптистского миссионерского общества, созданного в Англии в 1792 г. и организовавшего одну из самых успешных в истории миссионерского движения Нового времени экспедиций в индийскую область Серампур. Баптистское миссионерское общество было одной из центральных христианских организаций на территории Британской империи. Ее членами стали видные религиозные мыслители эпохи Просвещения, в том числе Уильям Кэри, считающийся основоположником миссионерского движения Нового времени.

Опираясь на идеи английских просветителей, миссионеры стремились привить индийцам христианские ценности с помощью образования. Миссионеры в духе концепций эпохи Просвещения полагали, что образование является залогом общего блага, а успех христианизации зависит от просвещения «язычников», которыми они считали местное население Индии.

Одной из главных практических заслуг деятельности Баптистского миссионерского общества в Серампуре стало открытие первых школ-интернатов как для индийских, так и для европейских детей в 1800 г. Главным направлением деятельности миссионеров в школе было обучение местного населения английскому языку и санскриту, языку священных текстов индуизма, а также основам христианства. Миссионеры не только создали первые школы, но и перевели Библию на бенгали, сделав ее доступной пониманию местного населения. Христианские идеи члены Баптистского миссионерского общества старались адаптировать к традиционным индуистским верованиям. Реализация теорий Просвещения на практике привела к первому крещению и стала шагом к формированию в Индии новой социальной группы — англо-индийцев.

Ключевые слова: христианизация, Просвещение, образование, Баптистское миссионерское общество, колониальная политика.

S.A. Khandazhinskaya

Baptist Missionary Society (1792–1847) in India: From Enlightenment to Christianization

Sofya Khandazhinskaya, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: sofia-istfak@mail.ru

Researcher ID: AAB-6877-2021

Abstract. The paper addresses the impact of the Enlightenment ideas on the process of Christianization in colonial India. The focus is on the activities of the Baptist Missionary Society, which was

founded in England in 1792 and organized one of the most successful expeditions in the history of the modern missionary movement to the Indian region of Serampur. The Baptist Missionary Society was one of the most influential Christian organizations in the British Empire. Its members were prominent religious thinkers of the Enlightenment, including William Carey. He is considered to be the founder of the missionary movement in Modern times.

Inspired by the ideas of the English Enlightenment the missionaries sought to instill Christian values in the Indians through education. They believed that education was the key to the “commonwealth” and the success of Christianization depends on the enlightenment of the “heathens”, as they called the Indians.

One of the main practical achievements of the Baptist Missionary Society in Serampur was the opening of the first boarding schools for both Indian and European children (1800). The missionaries taught the locals English and Sanskrit, the language of the sacred texts of Hinduism, as well as the basics of Christianity. They not only found the first schools but also translated the Bible into Bengali, to make it more easily understandable for locals. Members of the Baptist Missionary Society tried to adapt Christian ideas to traditional Hindu beliefs. The implementation of the Enlightenment theories in practice led to the first baptism and was a step towards the formation of a new social group in India — the Anglo-Indians.

Keywords: Christianization, Enlightenment, education, Baptist Missionary Society, colonial policy.

Рубеж XVIII–XIX вв. ознаменовался расширением колониальной экспансии европейских держав. В это время ясно наметился переход к новой колониальной модели, в основе которой лежало не господство над отдельными стратегическими регионами в колониях, а стремление к обладанию целыми странами¹. Классическим примером в этом отношении можно назвать Индию, ставшую в XVIII в. ареной колониальной борьбы европейских держав при явном доминировании Англии. Освоение европейцами новых индийских территорий — продвижение в глубь Бенгалии, главного центра хлопководства и производства тонкого текстиля — требовало укрепления и расширения методов внутренней колонизации, фундаментом для которых стала христианизация местного населения. История миссионерства в Индии насчитывала к XVIII в. уже не одно столетие. Первые европейские (французские) миссионеры прибыли сюда еще в XIV в. В XVI в. в Гоа проповедовали католические священники-иезуиты во главе со знаменитым Франциском Ксаверием². С XVIII в. началось активное проникновение в Индию протестантских евангелических миссий. Первые протестантские миссионеры Бартоломей Цигенбалг (1682–1719) и Генрих Плютшау (1676–1752) обосновались в колонии Транквебар (Южная Индия, территория современного штата Тамилнад) в 1706 г.³

Миссионерское движение XVIII в. по сравнению с предыдущими периодами, безусловно, претерпело целый ряд изменений⁴, среди которых одним из главных стал новый метод христианизации. В XVIII столетии насильственное перекрещивание местного населения, встречавшееся в более ранние периоды⁵, не пользовалось популярностью,

¹ О колониальной политике и тенденциях ее развития в Новое время подробнее см.: *Cohn B.S. Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India. Princeton, 1996; Cooper F. Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley — Los Angeles, 2005; Hart J. Empires and Colonies. Cambridge, 2008.* Для сравнения: *Медяков А.С. История международных отношений в Новое время. М., 2007. С. 77.*

² См.: *Neill S.C. A History of Christianity in India. The Beginnings to AD 1707. Vol. 1. Cambridge, 1984. P. 135–140.*

³ *Nicols W. Orationes Duae: una Gulielmi Nicols, A.M. altera Bartol. Ziegenbalgii, missionarii Danici ad Indos Orientales: utraque coram venerabili societate pro promovenda Religione Christiana, habita Londini Dec. 29. 1715. Accedit utriusque Orationis versio Anglicana. A Translation of Two Speeches, Deliver'd ad London Dec. 29. 1715. Before the Society for Promoting Christian Knowledge, One by Mr. Nicols, the other by Mr. Ziegenbalg, On Account of the Mission to the East-Indies. London, 1716. P. 16.*

⁴ *Kelly M.T. A life of Saint Francis Xavier: based on authentic sources. London, 1918. P. 95–97.*

⁵ *Frykenberg R.E. Christianity in India: From Beginnings to the Present. Oxford, 2008.*

потому что идеология миссионерского движения оказалась проникнута «духом Просвещения». Благодаря философии эпохи Просвещения миссионеры переосмыслили традиционные представления о религии и вере, пошатнувшиеся под влиянием просветительского культа человеческого разума. Культ разума, составлявший стержень философии Просвещения⁶, подчеркивал необходимость распространения знаний, формирования культуры, становления нравственных норм⁷, однако категорически отвергал насильственные формы как методы просвещения и христианизации. Просветители создали педагогическое учение, основанное на ценностях христианской морали, которое легло в основу деятельности миссионеров рубежа XVIII–XIX вв. В наиболее законченном виде эти концепции оказались отраженными в наследии английских миссионеров конца XVIII – начала XIX в., отправившихся для миссионерской деятельности в Индию.

С началом Нового времени деятельность английских миссионеров заметно активизировалась. В конце XVIII в. в Англии было создано немало миссионерских обществ для дальнейшей христианизации язычников, среди которых большой вес имели Лондонское миссионерское общество и Церковное миссионерское общество. Однако особую известность приобрело Баптистское миссионерское общество, основанное в 1792 г., значение появления которого невозможно переоценить⁸. Оно способствовало созданию множества аналогичных организаций⁹, благодаря чему миссионерское движение получило важнейший импульс для своего дальнейшего развития. Идейным вдохновителем общества был Джон Сатклифф (1752–1814). Он учился в баптистском колледже в Бристоле, позже служил пастором в городе Олни. Сатклифф глубоко впитал идеи эпохи Просвещения, утверждая культ разума, он настаивал на том, что каждый человек «должен думать сам за себя, каждый имеет право на высказывание своего мнения». Разум, по его мнению, должен руководить и религиозными убеждениями человека. В духе концепций Просвещения он провозглашал, что «вера должна быть не слепой, а разумной и здоровой»¹⁰. Сатклифф довольно рано высказал идею необходимости начала широкого миссионерского движения по обращению язычников, для организации которого была необходима некая ассоциация миссионеров-единомышленников¹¹. Зимой 1792 г. по его инициативе в городе Кеттеринг графства Нортгемптоншир было организовано Баптистское миссионерское общество, официальной целью которого провозглашалось «донести идею спасения какой-то части языческого мира»¹². В созданное Баптистское миссионерское общество вошли 13 англичан-протестантов: Джон Райланд, Рейнольд Хогг, Уильям Кэри, Джон Сатклифф, Эндрю Фуллер, Абрахам Гринвуд, Эдвард Шарман, Джошуа Бертон, Сэмюэль Пирс, Томас Блюндель, Уильям Хайтон, Джон Эйрес и Джозеф

⁶ См.: Общественно-политическая мысль европейского Просвещения / Под ред. Н.М. Мещеряковой. М., 2002. С. 10.

⁷ Ср.: *Лабутина Т.Л., Ильин Д.В.* Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012. С. 8–9.

⁸ Подробнее см.: *Chute A.L., Finn N.A., Haykin M.A.G.* The Baptist Story: From English Sect to Global Movement. Nashville, 2015. P. 106. Для сравнения: *Хандажинская С.А.* Антиимпериализм – инкультурация – христианство: английская пост-колониальная историография о миссионерском движении в Индии // Вестник МГУ. Серия 8: История. 2018. № 1. С. 51–65.

⁹ Baptist Missionary Society (1792, сейчас – BMS World Mission); London Missionary Society (1795, сейчас часть – Council for World Mission, 1977); Church Mission Society (1799).

¹⁰ Serampore letters: being the unpublished correspondence of William Carey and others with John Williams, 1800–1816 / Eds L. Williams, M. Williams. New York – London, 1892. P. 4–5.

¹¹ *Cathcart W.* The Baptist encyclopaedia: a dictionary of the doctrines, ordinances, usages, confessions of faith, sufferings, labors, and successes, and of the general history of the Baptist denomination in all lands; with numerous biographical sketches of distinguished American and foreign Baptists, and a supplement. Vol. 2. Philadelphia, 1881. P. 1123. Для сравнения: *Haykin M.A.G.* One Heart and One Soul: John Sutcliffe of Olney, His Friends and His Times. Darlington, 1994.

¹² Serampore letters... P. 10.

Тиммс¹³. Краткий просопографический портрет первых членов Баптистского миссионерского общества показывает, что в основном это были выходцы из духовной среды (45% потомки священников), получившие хорошее образование (45% закончили колледж), с юности впитавшие баптистское вероучение (30% учились в баптистской академии в Бристоле) и избравшие карьеру пастора или священника¹⁴. Благодаря полученному образованию, будущие члены Баптистского миссионерского общества еще в молодости познакомились не только с работами известных просветителей¹⁵, в первую очередь Дж. Локка, но увлекались сочинениями и не таких именитых просветителей. Так, отец одного из активных членов Баптистского миссионерского общества Джона Райланда, Джон Райланд-старший, сам писал просветительские статьи, на которых вырос его сын и другие миссионеры. Следуя идеологии Просвещения, молодые люди считали своим долгом донести идеи цивилизации язычникам, основой которых для них было христианство. Они полагали, что смогут помочь «необращенным найти правильный путь понимания христианства, путь правильной жизни во Христе»¹⁶, вслед за которым язычники обретут плоды европейской цивилизации. Наиболее активными членами Баптистского миссионерского общества наряду с Джоном Сатклиффом были пасторы Эндрю Фуллер, Джон Райланд, Джон Стотон, Уильям Ворд, Джошуа Маршман и Уильям Кэри. Первым секретарем Баптистского миссионерского общества был назначен Эндрю Фуллер (1754–1815), пастор, служивший вначале в городе Соэм, а затем в Кеттеринге. Он обосновывал необходимость миссионерского движения тем, что вера способна вызвать в человеке «бесконечную доброту», определяющую его характер и дальнейшее поведение в обществе. Фуллер утверждал, что идея греха не может быть неотъемлемой частью человеческой природы¹⁷. Его взгляды оказали значительное влияние на теоретические основы миссионерского движения. В качестве своей главной задачи на посту секретаря Фуллер видел организацию миссии на практике.

Своеобразной программой Баптистского общества стал памфлет «Исследование вопроса об обязательстве христиан использовать все средства для обращения язычников» Уильяма Кэри (1761–1834)¹⁸. Уильям Кэри считается «отцом» современных миссионеров¹⁹. Он не только заложил систематизированные теоретические основы миссионерской деятельности, но сам стал первым миссионером, проповедовавшим в Индии от имени Баптистского миссионерского общества. Кэри происходил из семьи духовенства. Его отец и дед состояли на службе в епископальной (англиканской) церкви. В 1787 г. Кэри стал пастором в деревне Мултон. Он обладал поразительными способностями к языкам, освоив латинский, греческий, иврит, французский, голландский, бенгали и санскрит. Вдохновленный путешествиями Кука, Кэри задумался о необходимости проповеди за пределами Англии. В 1792 г. Кэри писал: «Ожидайте великих дел от Бога, предпринимайте великие дела ради Бога»²⁰. Это утверждение стало своеобразным

¹³ Cox F.A. History of the Baptist Missionary Society, from 1792 to 1842: to which is added a sketch of the General Baptist Mission. Vol. 1. London, 1842. P. 3.

¹⁴ На основе просопографической базы данных «Миссионеры», составленной автором статьи.

¹⁵ О влиянии идей Просвещения на английскую систему высшего образования подробнее см.: Bygrave S. Uses of Education: Readings in Enlightenment in England. Lewisburg, 2009; Hilton M., Shefrin J. Educating the Child in Enlightenment Britain: Beliefs, Cultures, Practices. Farnham, 2009.

¹⁶ Fuller A. The Gospel worthy of all acceptance, or the Duty of sinners to believe in Jesus Christ. Philadelphia, 1805. P. 137.

¹⁷ Ibid. P. 125, 137.

¹⁸ Carey W. An Enquiry into the Obligations of Christians to Use Means for the Conversion of the Heathens. Leicester, 1792.

¹⁹ Smith G. The Life of William Carey: Shoemaker and Missionary. London, 1887; Marshman J.C. Life and Times of Carey, Marshman and Ward Embracing the History of the Serampore Mission. London, 1859; George T. Faithful Witness: The life and mission of William Carey. Leicester, 1992; Beck J.R. Dorothy Carey: The Tragic and Untold Story of Mrs. William Carey. Eugene, 2000.

²⁰ Cox F.A. Op. cit. P. 17.

девизом англичан-миссионеров на рубеже XVIII—XIX вв. Во вступительной части «Исследования...» Кэри обосновывал важность миссионерского дела. В духе научных трактатов Просвещения он подробно описал разные религиозные течения мира, останавливаясь на христианстве, иудаизме и исламе²¹. Отдельную категорию в религиозной классификации Кэри составили язычники, основная группа, с которой предстояло работать миссионерам. Он с горечью указывал, что в современной ему Англии в настоящее время много неверующих людей, однако это не может служить препятствием для будущих миссионеров: «Я с готовностью допускаю, что в нашей стране тысячи тех, кто так далек от Бога, насколько это возможно, но это должно побудить нас удешевить усилия в нашей работе». Давая общую характеристику миссионерскому движению, он напоминал про первых апостолов, которые «рассредоточились в каждой стране обитаемого земного шара и проповедовали всем жителям без исключения или ограничений». Однако, по мнению Кэри, хотя за века существования миссионерства «было сделано много попыток подобного рода, в последние годы (за исключением нескольких лиц) эта работа не проводилась с [...] рвением и настойчивостью». Кэри активно выступал за христианизацию и просвещение других народов, у которых «нет Библии, нет письменности, [...] священников, нет хорошего правительства и нет тех преимуществ, которыми обладаем мы». Важной составляющей программного сочинения Кэри стало создание образа идеального миссионера. Уделяя основное внимание тем качествам, которыми должны обладать миссионеры, он подчеркивал трудности, которые могли встретиться на их пути: отдаленность места организации миссии, «варварский образ жизни» местного населения, «опасность быть убитым», отсутствие предметов первой необходимости, чужие непонятные языки — все это обуславливало необходимость твердого характера, смелости, внутреннего благородства и высоких моральных принципов будущих миссионеров. «Миссионеры должны быть терпеливыми и быть среди людей до тех пор, пока не будут в состоянии передать им свои мысли», — писал Кэри. Миссионерами могут становиться только женатые мужчины, потому что члены их семей станут теми единомышленниками, чья поддержка столь необходима в далекой стране²².

Наряду с доказательствами необходимости работы миссионеров и теоретическими основами для деятельности будущих миссий, другой важной частью работы членов Баптистского общества стало создание своеобразных концепций воспитания, просвещения и образования язычников. Они полагали, что воспитание, особенно с детских лет, может привести к обретению всеобщего блага²³, оно поможет вырастить того «нового, гармоничного, человека», о котором мечтали просветители, начиная со времен Локка. В эпоху Просвещения воспитание воспринималось философами как «инструмент реализации морального единства нации», способствовавший укреплению «цивилизационного государства»²⁴. Миссионеры надеялись, что правильное воспитание станет первым шагом к «счастью» — еще одной излюбленной категории эпохи Просвещения. Однако в полном соответствии с его духом ключевое место миссионеры отводили образованию, считая его единственно верным методом евангелизации. По их мнению, вера, не подкрепленная знанием, рождала нетерпимую и фанатичную религию. Некоторые члены Баптистского миссионерского общества обладали широким педагогическим опытом, так, например, миссионер Уильям Стотон часто читал лекции по разным предметам в школах, а позже занимал руководящие посты в разнообразных высших учебных заведениях в Америке,

²¹ Для сравнения: *Harrison P.* “Religion” and the Religions in the English Enlightenment. London, 2002.

²² *Ibid.* P. 8, 12, 45–50, 74.

²³ Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне, Д. Роша. М., 2003. С. 250. Для сравнения: *Carey W.* An Enquiry into the Obligations of Christians to Use Means for the Conversion of the Heathens. Leicester, 1792; *Marshman J.* School Dialogues; or, Lessons on the Commandments and the Way of Salvation. London, 1821.

²⁴ Мир Просвещения... С. 250, 253.

куда он переехал в 1793 г., получив там степень доктора богословия. Стотон стал главой Баптистского теологического института Филадельфии, выпускающего священников, а также был основателем первого женского библейского общества²⁵.

Основой для практических представлений Баптистского миссионерского общества о воспитании и образовании юношества стали педагогические сочинения Джона Коллетта Райланда (1723–1792), отца секретаря Баптистского миссионерского общества Джона Райланда (1753–1825). Сочинения Райланда-старшего, видного английского просветителя, пользовались особой популярностью в духовных кругах²⁶. Джон Райланд-младший, в силу должностных обязанностей непосредственно занимавшийся организацией первой баптистской миссии в Индию²⁷, при ее подготовке руководствовался теми идеями, которые сформулировал в своих трудах его отец²⁸. Являясь одним из просветителей, Райланд-старший стремился найти в своих трактатах баланс между собственным научным знанием и религиозной духовностью. Он считал, что христианство внутренне преобразует человека, прививает ему «высокие моральные принципы», спасает от гибели и направляет к окончательному блаженству. «Следование догматам призвано увеличить нашу радость, уменьшить нашу боль», — писал он²⁹. Однако в мире, проникнутом идеями Просвещения, необходимо учитывать научный прогресс, который должен служить на благо христианству. Идеи о взаимосвязи духовного и научного знаний Райланд высказал в сочинении «Простое и приятное введение в философию Исаака Ньютона» (1772 г.)³⁰. В нем Райланд-старший особое внимание уделял астрономии, как наиболее близкой к христианскому, «небесному», вероучению сфере, ссылаясь при доказательстве их связи на псалом Давида: «Взираю я на небеса Твои — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил» (Пс. 8:4). В приложении к книге он привел отрывки из лекций известного шотландского астронома Джеймса Фергюсона «Астрономия для школьников», которого называл своим «другом»³¹.

Представления Райланда-старшего о божественном и научном знании легли в основу самобытной концепции образования молодежи. Главной задачей учителей он считал необходимость «преодолеть ужас в головах молодых людей» перед воображаемыми трудностями обучения, чтобы «сила и красота Истины полностью очаровали их». Тогда, по мнению Райланда-старшего, «юноши Англии и колоний отвергли бы чувственные наслаждения и погрузились в изучение естественных наук». «Если они смогут понять всю красоту и радость изучения геометрии, механики или философии, то с помощью этих наук будут подготовлены для восприятия других знаний и по окончании курса обучения станут достойными членами своей семьи и всего общества»³². В доказательство этого Райланд-старший приводил в пример непроработанный учебный план современной ему системы английского образования: тогда как в течение 7 или 10 лет в школах ученики изучают «немного более сложные слова», более фундаментальное знание

²⁵ Cathcart W. Op. cit. P. 1096–1097.

²⁶ Roe N. John Keats and the Culture of Dissent. Oxford, 1998. P. 29–33.

²⁷ The American Baptist magazine. 1825. Vol. 5. October. P. 317.

²⁸ Ryland J.C. A Contemplation on the Existence and Perfections of God, drawn from the several parts of the visible world, the structure of the body and the wonderful powers of the soul; as an Image of the Wisdom, Power, and the invisible and immortal nature of God. Designed as a specimen of a Body of Divinity, executed in the same manner. London, 1774; *Idem*. Contemplation on the Insufficiency of Reason. London, 1775; *Idem*. Select Essays, on the Moral Virtues: And on Genius, Science, and Taste, Interspersed with Striking Facts. Being the Author's Last Present to the Public, in the Seventieth Year of His Age. London, 1792; *Idem*. An address to the Ingenuous Youth of Great-Britain. London, 1792.

²⁹ Ryland J.C. An address... P. 21, 26.

³⁰ Ryland J.C. An easy and pleasant Introduction to sir Isaac Newton's philosophy: containig the first principles of mechanics, trigonometry, optics and astronomy. Advertisment. London, 1772.

³¹ *Ibid*. P. III.

³² *Ibid*. P. III–IV.

отрицается³³. Среди необходимых предметов он называл природоведение, арифметику и геометрию.

Райланд-старший предложил собственную методику обучения³⁴. Необходимыми для молодежи он считал не только естественные науки, но и историю³⁵. Через несколько лет, в 1792 г., Джон Коллетт Райланд издал более подробный план по воспитанию юношества с целью привить достойное поведение, сформировать правильные манеры и суждения, без которых молодые люди рискуют вырасти «невежественными и извращенными»³⁶. Краеугольным камнем плана образования для юношества в возрасте от 12 до 21 года, который «проведет их по пути познания», предложенного Райландом-старшим, являлось изучение христианской религии, так как только религия дает «вечную радость»³⁷. Именно этот труд лег в основу взглядов на образование его сына Джона Райланда-младшего. Если отец учил, что молодые умы освобождены от жизненных забот и очень восприимчивы ко всем видам идей, особенно если их подавать в простой и доступной манере, то сын, следуя этому положению, в свою очередь написал трактат для юношества, состоявший из разъяснений христианства³⁸. Если Райланд-старший в своем сочинении в прозаической и стихотворной формах повествовал об основных понятиях христианства — о душе, о Боге, о грехе: «душа — духовная сущность, бестелесная, невидимая и бессмертная»³⁹, «Бог — наш создатель», «следует избегать грехов в мысли, слове и действии»⁴⁰, то Райланд-младший практически дословно повторял его сентенции: кто создал человека, как произошло грехопадение, из чего состояла тайная вечеря, что такое Судный день⁴¹. Примечательно, что ответы на эти вопросы христианства в работе Райланда-младшего состояли из четверостиший, простых для детского восприятия и запоминания, как и требовал от учителей его отец⁴². Воспитание детей для отца и сына Райландов было невозможно без религиозного фундамента, потому что именно познание христианства создавало возможность решить три главных вопроса, ведущих к общему благу, — христианство позволяет урегулировать конфликты, улучшить поведение и пробудить чувства⁴³. Конечную цель образования они представляли как освобождение от последствий грехопадения человека путем насыщения юных умов знанием и превращения детей в «добрых христиан». Получая подобное воспитание, человек становится способным любить Бога и подражать «божественному Христу настолько, насколько это возможно»⁴⁴. В итоге были выделены компоненты правильного воспитания молодого поколения, основанные на христианстве, которые включали в себя как общеобразовательные предметы, так и морально-нравственные основы. Для первой ступени образования основой стали общие навыки чтения, произношения, письма и арифметики. В дальнейшем юноши должны были получить гармоническое физическое и умственное развитие, постигая общеобразовательные предметы, среди которых важную роль играли

³³ *Nicholas H., Nicholas A.H. New Trends in Education in the Eighteenth Century. London, 1951.*

³⁴ *Ryland J.C. An easy and pleasant Introduction... P. I—IV.*

³⁵ Древняя история разделена на эпохи, каждая названа по имени библейского или исторического персонажа: первая эпоха — Адам, вторая — Ной, третья — Авраам, четвертая — Моисей, пятая — падение Трои, шестая — Соломон, седьмая — Ромул, восьмая — Кир, девятая — Сципион Африканский, десятая — Христос (*Ibid. P. XII*).

³⁶ *Ryland J.C. An address... P. 104.*

³⁷ *Ibid. P. 3, 7—10.*

³⁸ *Ryland J. A Compendious View of the Principal Truths of the Glorious Gospel of Christ. For the Use of Youth. London, 1769.*

³⁹ *Ryland J.C. An address... P. 33.*

⁴⁰ *Ibid. P. 39, 46.*

⁴¹ *Ryland J. A compendious view... P. 22.*

⁴² *Ryland J.C. An address... P. 104.*

⁴³ *Ibid. P. 20—25.*

⁴⁴ *Ibid. P. 105, 107.*

знание латинских и древнегреческих историков, знакомство с греческим Новым Заветом и Еврейской Библией, родной язык, логика, геометрия, география, астрономия, философия, история, искусство составления хороших писем, рисование, поэзия. Кроме того, считалось необходимым обрести в юности навыки коммерческой деятельности или какой-то иной профессии. Среди необходимых моральных принципов особо выделялась самодисциплина и благоразумие⁴⁵. Таким образом, отец и сын Райланды предложили систему образования, чтобы воспитывать человека и как гражданина, способного с успехом исполнять любые государственные и военные должности, и как семьянина, вносящего посильный вклад в развитие страны⁴⁶.

Практическая деятельность членов Баптистского миссионерского общества связана прежде всего с их первой миссией в Индию, организованной уже через год после появления самого общества. Просуществовав более 50 лет, в 1793–1847 гг., эта миссия стала одной из самых успешных и значительных внутри миссионерского движения Нового времени. Ее возглавили три члена Баптистского миссионерского общества — Уильям Кэри, Уильям Ворд и Джошуа Маршман. Миссионеры расположились на территории датской колонии Серампур (Бенгалия) и стали более известны как «Серампурское трио». Баптистское миссионерское общество тщательно продумывало и организовывало миссию: выбор страны назначения и методов евангелизации был неслучаен. Еще Эндрю Фуллер посчитал Индию «золотой жилой» в деле христианизации народов стран Востока. В 1793 г. Уильям Кэри вместе с семьей отплыл от берегов Англии и направился в Индию. Однако в районе Африки Кэри остановила Ост-Индская компания из-за отсутствия у него лицензии на въезд в колонию⁴⁷. Лишь спустя несколько месяцев капитан датского корабля согласился отвезти его в Калькутту. Противодействие английских властей вынудило Уильяма Кэри оставаться на датской территории и обосноваться в колонии Серампур. В 1799 г. к ним присоединились Уильям Ворд (1769–1823), который впоследствии работал в типографии при миссии, и Джошуа Маршман (1768–1837) — блестящий интеллектual, основавший школу, а затем и колледж в Серампуре.

В противовес европейскому обществу XVIII в., которое, по выражению Бенедикта Андерсона, переживало период «заката религиозных способов мышления»⁴⁸, Индия оставалась сугубо религиозной страной. Несмотря на то что миссионеры называли индийцев «язычниками», в реальности им приходилось сталкиваться скорее с индуистами. Несмотря на множество богов в индийском пантеоне, индуизм предписывает веру в одного бога — Абсолюта⁴⁹, что несколько облегчало деятельность миссионеров в проповедовании христианского монотеизма. Серампурская миссия выбрала главным методом евангелизации распространение образования, доступ к которому многим индийцам был закрыт по причине их принадлежности к низкой варне. Кастовость определяла своеобразие индийского культурного развития: она обеспечивала связь индийца с религией, его положение в обществе от рождения до смерти, упорядочивала всю его жизнь. На протяжении нескольких тысячелетий индийцы воспринимали отказ от варны (даже низшей) как подобие духовной и физической смерти. Главной проблемой для миссионеров, направлявшихся в Индию с конца XVI в., была приверженность к кастовому делению. Образованность, таким образом, отличала представителей высшей касты от низшей⁵⁰. На протяжении всей истории индийского общества только брахманы

⁴⁵ Ibid. P. 107–115.

⁴⁶ Ibid. P. 103.

⁴⁷ George T. Faithful Witness... P. 81.

⁴⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. С. 54.

⁴⁹ Woodburne A.S. The Idea of God in Hinduism // The Journal of Religion. 1925. Vol. 5. P. 52–66.

⁵⁰ Подробнее см.: Dalal R. The Religions of India: A Concise Guide to Nine Major Faiths. New Delhi, 2010; Clothey F.W. Religion in India: A Historical Introduction. Abingdon, 2006.

(высшая варна) имели право читать и толковать священные тексты, являлись духовными наставниками и учителями. Низшие варны были лишены права получать элементарные начальные навыки грамотности. Еще в раннем миссионерском течении в Индии XVI–XVII столетий центральной задачей всегда была замена кастовости и других индийских культурных ценностей на систему христианских ориентиров. Миссионеры XVIII в. в соответствии с просветительской концепцией прогресса и общего блага полагали, что с помощью образования смогут перешагнуть через кастовую систему, усовершенствовать природу индийцев и подарить им «счастье», которого, по мнению просветителей, заслуживал каждый. Следовательно, задача миссионера состояла в объяснении и, даже лучше сказать, разъяснении им основ христианства, что наиболее последовательно достигалось с помощью продуманной системы образования.

Первые баптистские миссионеры считали, что для успеха своей деятельности в области образования и широкого просвещения индийцев, им необходимо близко узнать повседневную жизнь будущей паствы, завоевав ее доверие и, самое главное, изучив ее язык. Особое внимание к родному языку было характерно для протестантского взгляда на евангелизацию. Уильям Кэри как глава миссии, стремясь подать положительный пример другим миссионерам в первые годы своего пребывания на Индийском субконтиненте, работал с 1794 г. на заводе наравне с индийцами⁵¹. Вместе с Кэри там трудились в основном представители низших варн, однако миссионеры никогда не критиковали необразованных индийцев и считали их «способными к познанию, как и мы», т.е. европейцы⁵². Кэри смог в краткие сроки выучить язык бенгали, что стало одним из важнейших шагов для дальнейшего просвещения местного населения. В итоге через пять лет Кэри перевел на бенгали Библию⁵³, превратив священный текст в доступный для простого населения Бенгалии. Этот перевод использовался как главный учебник в тех школах, которые впоследствии открылись благодаря деятельности Серампурской миссии. Стараниями членов Баптистского миссионерского общества с конца XVIII в. в Индии стали появляться первые школы, в которых могли учиться представители низших варн⁵⁴. В 1800 г. Джошуа Маршман и его жена учредили школы-интернаты, которые достаточно быстро завоевали уважение местных жителей и даже приносили миссионерам небольшой доход. Характерной особенностью этих школ стало совместное обучение, которое велось на бенгали как индийских, так и детей самих миссионеров. Более того, дети местного населения могли посещать ее бесплатно. В первую очередь они учились основам христианства и грамоте, а также проводили время в молитвах⁵⁵. Маршман, как и Кэри, со временем так овладел бенгали, что мог свободно разговаривать с местным населением⁵⁶.

В 1818 г. был сделан новый шаг в реализации миссионерской образовательной программы — основан колледж, который существует до сих пор⁵⁷. Главными предметами в нем считались санскрит и христианство⁵⁸. В 1821 г. Джошуа Маршман издал оригинальный учебник — руководство для преподавания, состоящее из своеобразных диалогов школьников и учителей. В этой книге, продолжая традиции Райланда-младшего, Маршман в одном из диалогов рассказывал об основах христианства в простой

⁵¹ Serampore letters... P. 15.

⁵² Carey W. Op. cit. P. 63.

⁵³ New Testament in Bengali / Translated by W. Carey. Serampore, 1801.

⁵⁴ Schools in India // The Evangelical Magazine and Missionary Chronicle. 1819. Vol. XXVII. P. 293.

⁵⁵ Staughton W. The Baptist Mission in India: containing a narrative of its rise, progress, and present condition, a statement of the physical and moral character of the Hindoos, their cruelties, tortures and burnings, with a very interesting description of Bengal. Philadelphia, 1811. P. 34–35.

⁵⁶ Biographical sketch of Joshua Marshman, D.D. // The Newcastle Chronicle. 1838. March. P. 21.

⁵⁷ Официальное название: Serampore College.

⁵⁸ New college at Serampore // The Evangelical Magazine and Missionary Chronicle. 1819. Vol. XXVII. P. 294.

и доступной детям манере⁵⁹. Миссионеры старались «перевести» христианство на язык понятных индийцам представлений⁶⁰, «подтягивая» индийские реалии и обычаи к христианскому мировосприятию⁶¹. Например, идею любви к Иисусу они накладывали на идею любви к Кришне⁶². Красноречивым итогом религиозно-просветительской деятельности Серампурской миссии стало первое крещение в 1800 г.

Знакомство членов Серампурской миссии с Кришной Палом (1764–1822) — первым человеком, принявшим христианство благодаря деятельности Баптистского миссионерского общества, — произошло в результате несчастного случая: плотник Пал вывихнул руку и обратился за помощью к миссионерам. Врач-миссионер Джон Томас, вылечив руку, рассказал Палу о «большей болезни, которая может поразить человека, — о грехе». В подтверждение слов доктора Джошуа Маршман принес индийцу «листы», из которых тот узнал «о грехе и о том, что можно спасти свою душу, уверовав в Христа». Маршман и другие члены миссии тщательно готовили Пала к принятию христианства. Словно ребенку, они объясняли ему то, чему учили детей в школе. В итоге не только сам Кришна Пал проникся идеями христианства, но и вся его семья. Однако перед крещением индийцу предстояло покинуть свою варну. Кришна Пал на виду у всех разделил трапезу с миссионерами, что в контексте индийского мышления означало отрицание варновой системы как таковой. Несмотря на противодействие односельчан, Кришна Пал крестился 28 декабря 1800 г. Перед обрядом миссионеры объяснили всем присутствующим, многие из которых были учениками миссионерской школы, что вода в реке не священна (в противовес индуистским представлениям), это лишь символ того, что человек смывает с себя грехи. Церемонию провел Уильям Кэри на бенгали и на английском, крестив одновременно Кришну Пала и своего сына Феликса⁶³. В дальнейшем Кришна Пал стал одним из самых активных проповедников христианства в Индии⁶⁴, ему принадлежал ряд религиозных гимнов⁶⁵.

Попытки миссионеров изменить традиционные ценности индийского общества с помощью образования, в основе которого лежали христианские религиозные догмы, стали ключевыми для восприятия индийцами европейских культурных ориентиров. Серампурская миссия на практике доказывала возможность широкого просвещения местного населения колоний с помощью организации школ и колледжей. Культ разума, родившийся в эпоху Просвещения, апеллировал к вере, постигаемой через знание. Опираясь на идеи эпохи Просвещения, члены Баптистского миссионерского общества утверждали, что через образование возможно «совершенствование всех природных и добродетельных талантов». Используя риторику просветителей, миссионеры рассуждали о «естественном добре», которое есть в «язычниках»-индийцах. Религия, по их мнению, учила «производить славные плоды знания и доброжелательности... и таким образом демонстрировать красоту Божественных моральных качеств перед человечеством»⁶⁶. Взяв на вооружение нравственные константы просветителей, такие как «общее благо» и «счастье», миссионеры утверждали, что достичь этого возможно с помощью христианской веры, так как верующий человек духовно более развит, а значит, более счастлив.

⁵⁹ *Marshman J. School Dialogues...* P. 74.

⁶⁰ *Frykenberg R.E. Avarna and Adivasi Christians and Missions: A Paradigm for Understanding Christian Movements in India // International Bulletin of Missionary Research. 2008. Vol. 32. № 1. P. 14–20.*

⁶¹ *Bauman C.M. Christian Identity and Dalit Religion in Hindu India, 1868–1947. Michigan, 2008. P. 71–131.*

⁶² *Bellenoit H.J.A. Missionary Education, Religion and Knowledge in India, c. 1880–1915 // Modern Asian Studies. 2007. Vol. 41(2). P. 376.*

⁶³ *The First Hindoo Convert: A Memoir of Krishna Pal, a Preacher of the Gospel to His Countrymen more than twenty years. Philadelphia, 1852. P. 8–10, 14–16.*

⁶⁴ *Ibid. P. 18.*

⁶⁵ *Julian J. Dictionary of Hymnology, second edition. London, 1907. P. 633.*

⁶⁶ *Ryland J.C. An address... P. 20, 23–24.*

Однако для того, чтобы стать хорошим христианином, надо не только иметь веру, но и понимать христианство. Именно этот принцип лежал в основе организации первых общеобразовательных учреждений, созданных миссионерами Баптистского миссионерского общества. Миссионеры разрабатывали специальные учебные планы, а преподававшиеся в миссионерских школах предметы могли помочь индийцу из низшей варны подняться вверх по той социальной лестнице, которую предлагало английское правительство, и тем самым обеспечить себе успешную жизнь. Залогом этого стало крещение. Действия миссионеров, направленные на размыивание кастовой структуры общества, были важным шагом к появлению новой социальной прослойки населения — «англо-индийцев»⁶⁷, что в дальнейшем оказало влияние на формирование национального самосознания населения Индии.

Библиография

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016.
- Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012.
- Медяков А.С. История международных отношений в Новое время. М., 2007.
- Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне, Д. Роша. М., 2003.
- Общественно-политическая мысль европейского Просвещения / Под ред. Н.М. Мещеряковой. М., 2002.
- Хандажинская С.А. Антиимпериализм — инкультурация — христианство: английская постколониальная историография о миссионерском движении в Индии // Вестник МГУ. Серия 8: История. 2018. № 1. С. 51—65.
- Andrews R. Christianity as an Indian Religion: The Anglo-Indian Experience // Journal of Contemporary Religion. 2010. Vol. 25. Issue 2. P. 173—188.
- Bauman C.M. Christian Identity and Dalit Religion in Hindu India, 1868—1947. Michigan, 2008.
- Beck J.R. Dorothy Carey: The Tragic and Untold Story of Mrs. William Carey. Eugene, 2000.
- Bellenoit H.J.A. Missionary Education, Religion and Knowledge in India, c. 1880—1915 // Modern Asian Studies. 2007. Vol. 41 (2). P. 369—394.
- Biographical sketch of Joshua Marshman, D.D // The Newcastle Chronicle, 1838. March. P. 19—25.
- Bygrave S. Uses of Education: Readings in Enlightenment in England. Lewisburg, 2009.
- Carey W. [New Testament in Bengali / Translated by William Carey]. Serampore, 1801.
- Carey W. An Enquiry into the Obligations of Christians to Use Means for the Conversion of the Heathens. Leicester, 1792.
- Cathcart W. The Baptist encyclopaedia: a dictionary of the doctrines, ordinances, usages, confessions of faith, sufferings, labors, and successes, and of the general history of the Baptist denomination in all lands; with numerous biographical sketches of distinguished American and foreign Baptists, and a supplement. Vol. 2. Philadelphia, 1881.
- Chute A.L., Finn N.A., Haykin M.A.G. The Baptist Story: From English Sect to Global Movement. Nashville, 2015.
- Clothey F.W. Religion in India: A Historical Introduction. Abingdon, 2006.
- Cohn B.S. Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India. Princeton, 1996.
- Cooper F. Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley — Los Angeles, 2005.
- Cox F.A. History of the Baptist Missionary Society, from 1792 to 1842: to which is added a sketch of the General Baptist Mission. Vol. 1. London, 1842.
- Dalal R. The Religions of India: A Concise Guide to Nine Major Faiths. New Delhi, 2010.
- Frykenberg R.E. Avarna and Adivasi Christians and Missions: A Paradigm for Understanding Christian Movements in India // International Bulletin of Missionary Research. 2008. Vol. 32. № 1. P. 14—20.
- Frykenberg R.E. Christianity in India: From Beginnings to the Present. Oxford, 2008.
- Fuller A. The Gospel worthy of all acceptance, or the Duty of sinners to believe in Jesus Christ. Philadelphia, 1805.

⁶⁷ Подробнее см.: Andrews R. Christianity as an Indian Religion: The Anglo-Indian Experience // Journal of Contemporary Religion. Vol. 25. 2010. Issue 2. P. 173—188.

- George T.* Faithful Witness: The life and mission of William Carey. Leicester, 1992.
- Harrison P.* 'Religion' and the Religions in the English Enlightenment. London, 2002.
- Hart J.* Empires and Colonies. Cambridge, 2008.
- Haykin M.A.G.* One Heart and One Soul: John Sutcliffe of Olney, His Friends and His Times. Darlington, 1994.
- Hilton M., Shefrin J.* Educating the Child in Enlightenment Britain: Beliefs, Cultures, Practices. Farnham, 2009.
- Julian J.* Dictionary of Hymnology, second edition. London, 1907.
- Kelly M.T.* A life of Saint Francis Xavier: based on authentic sources. London, 1918.
- Marshman J.* School Dialogues; or, Lessons on the Commandments and the Way of Salvation. London, 1821.
- Marshman J.C.* Life and Times of Carey, Marshman and Ward Embracing the History of the Serampore Mission. London, 1859.
- Neill S.C.* A History of Christianity in India. The Beginnings to AD 1707. Vol. 1. Cambridge, 1984.
- New college at Serampore // The Evangelical Magazine and Missionary Chronicle. 1819. Vol. XXVII. P. 294.
- Nicholas H., Nicholas A.H.* New Trends in Education in the Eighteenth Century. London, 1951.
- Nicols W.* Orationes Duae: una Gulielmi Nicols, A.M. altera Bartol. Ziegenbalgii, missionarii Danici ad Indos Orientales: utraque coram venerabili societate pro promovenda Religione Christiana, habita Londini Dec. 29. 1715. Accedit utriusque Orationis versio Anglicana. A Translation of Two Speeches, Deliver'd ad London Dec. 29. 1715. Before the Society for Promoting Christian Knowledge, One by Mr. Nicols, the other by Mr. Ziegenbalg, On Account of the Mission to the East-Indies. London, 1716.
- Roe N.* John Keats and the Culture of Dissent. Oxford, 1998.
- Ryland J.* A compendious view of the principal truths of the glorious Gospel of Christ. For the use of youth. London, 1769.
- Ryland J.C.* An easy and pleasant Introduction to sir Isaac Newton's philosophy: containing the first principles of mechanics, trigonometry, optics and astronomy. Advertisement. London, 1772.
- Ryland J.C.* A Contemplation on the Existence and Perfections of God, drawn from the several parts of the visible world, the structure of the body and the wonderful powers of the soul; as an Image of the Wisdom, Power, and the invisible and immortal nature of God. Designed as a specimen of a Body of Divinity, executed in the same manner. London, 1774.
- Ryland J.C.* An address to the Ingenuous Youth of Great-Britain. London, 1792.
- Ryland J.C.* Contemplation on the Insufficiency of Reason. London, 1775.
- Ryland J.C.* Select Essays, on the Moral Virtues: And on Genius, Science, and Taste, Interspersed with Striking Facts. Being the Author's Last Present to the Public, in the Seventieth Year of His Age. London, 1792.
- Schools in India // The Evangelical Magazine and Missionary Chronicle. 1819. Vol. XXVII. P. 293–294.
- Serampore letters: being the unpublished correspondence of William Carey and others with John Williams, 1800–1816 / Eds L. Williams, M. Williams. New York – London, 1892.
- Smith G.* The Life of William Carey: Shoemaker and Missionary. London, 1887.
- Staughton W.* The Baptist Mission in India: containing a narrative of its rise, progress, and present condition, a statement of the physical and moral character of the Hindoos, their cruelties, tortures and burnings, with a very interesting description of Bengal. Philadelphia, 1811.
- The American Baptist magazine. 1825. Vol. 5. October.
- The First Hindoo Convert: A Memoir of Krishna Pal, a Preacher of the Gospel to His Countrymen more than twenty years. Philadelphia, 1852.
- Woodburne A.S.* The Idea of God in Hinduism // The Journal of Religion. 1925. Vol. 5. P. 52–66.

References

- Anderson B.* Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Khandazhinskaya S.A.* Antiimperializm – inkul'turatsiia – khristianstvo: angliiskaia postkolonial'naia istoriografiia o missionerskom dvizhenii v Indii [Anti imperialism – Enculturation – Christianity: English postcolonial historiography of the missionary movement in India] // Vestnik MGU. Serii 8: Istoriia [Moscow State University Bulletin. Series 8: History]. 2018. № 1. P. 51–65. (In Russ.)
- Labutina T.L., Il'in D.V.* Angliiskoe Prosveshchenie: obshchestvenno-politicheskaia i pedagogicheskaia mysl' [English Enlightenment: Socio-Political and Pedagogical Thought]. Sankt-Peterburg, 2012. (In Russ.)
- Medyakov A.S.* Istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Novoe vremia [History of International Relations in the Modern Time]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Mir Prosveshcheniia. Istoricheskii slovar' / Pod red. V. Ferrone, D. Rosha [The world of the Enlightenment. Historical dictionary / Eds V. Ferrone, D. Roche]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Obshchestvenno-politicheskaia mysl' evropeiskogo Prosveshcheniia / Pod red. N.M. Meshcheriakovoi [Socio-political thought of European Enlightenment / Ed. N.M. Meshcheryakova]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Andrews R. Christianity as an Indian Religion: The Anglo-Indian Experience // *Journal of Contemporary Religion*. Vol. 25. London, 2010. P. 173–188.

Bauman C.M. Christian Identity and Dalit Religion in Hindu India, 1868–1947. Michigan, 2008.

Beck J.R. Dorothy Carey: The Tragic and Untold Story of Mrs. William Carey. Eugene, 2000.

Bellenoit H.J.A. Missionary Education, Religion and Knowledge in India, c. 1880–1915 // *Modern Asian Studies*. Vol. 41(2). 2007. P. 369–394.

Biographical sketch of Joshua Marshman, D.D. // *The Newcastle Chronicle*. 1838. March. P. 19–25.

Bygrave S. Uses of Education: Readings in Enlightenment in England. Lewisburg, 2009.

Carey W. [New Testament in Bengali / Translated by William Carey]. Serampore, 1801.

Carey W. An Enquiry into the Obligations of Christians to Use Means for the Conversion of the Heathens. Leicester, 1792.

Cathcart W. The Baptist encyclopaedia: a dictionary of the doctrines, ordinances, usages, confessions of faith, sufferings, labors, and successes, and of the general history of the Baptist denomination in all lands; with numerous biographical sketches of distinguished American and foreign Baptists, and a supplement. Vol. 2. Philadelphia, 1881.

Chute A.L., Finn N.A., Haykin M.A.G. The Baptist Story: From English Sect to Global Movement. Nashville, 2015.

Clothey F.W. Religion in India: A Historical Introduction. Abingdon, 2006.

Cohn B.S. Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India. Princeton, 1996.

Cooper F. Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley – Los Angeles, 2005.

Cox F.A. History of the Baptist Missionary Society, from 1792 to 1842: to which is added a sketch of the General Baptist Mission. Vol. 1. London, 1842.

Dalal R. The Religions of India: A Concise Guide to Nine Major Faiths. New Delhi, 2010.

Frykenberg R.E. Avarna and Adivasi Christians and Missions: A Paradigm for Understanding Christian Movements in India // *International Bulletin of Missionary Research*. Vol. 32. № 1. 2008. P. 14–20.

Frykenberg R.E. Christianity in India: From Beginnings to the Present. Oxford, 2008.

Fuller A. The Gospel worthy of all acceptation, or the Duty of sinners to believe in Jesus Christ. Philadelphia, 1805.

George T. Faithful Witness: The life and mission of William Carey. Leicester, 1992.

Harrison P. 'Religion' and the Religions in the English Enlightenment. London, 2002.

Hart J. Empires and Colonies. Cambridge, 2008.

Haykin M.A.G. One Heart and One Soul: John Sutcliffe of Olney, His Friends and His Times. Darlington, 1994.

Hilton M., Shefrin J. Educating the Child in Enlightenment Britain: Beliefs, Cultures, Practices. Farnham, 2009.

Julian J. Dictionary of Hymnology, second edition. London, 1907.

Kelly M.T. A life of Saint Francis Xavier: based on authentic sources. London, 1918.

Marshman J. School Dialogues; or, Lessons on the Commandments and the Way of Salvation. London, 1821.

Marshman J.C. Life and Times of Carey, Marshman and Ward Embracing the History of the Serampore Mission. London, 1859.

Neill S.C. A History of Christianity in India. The Beginnings to AD 1707. Vol. 1. Cambridge, 1984.

New college at Serampore // *The Evangelical Magazine and Missionary Chronicle*. 1819. Vol. XXVII. P. 294.

Nicholas H., Nicholas A.H. New Trends in Education in the Eighteenth Century. London, 1951.

Nicols W. Orationes Duae: una Gulielmi Nicols, A.M. altera Bartol. Ziegenbalgii, missionarii Danici ad Indos Orientales: utraque coram venerabili societate pro promovenda Religione Christiana, habita Londini Dec. 29. 1715. Accedit utriusque Orationis versio Anglicana. A Translation of Two Speeches, Deliver'd ad London Dec. 29. 1715. Before the Society for Promoting Christian Knowledge, One by Mr. Nicols, the other by Mr. Ziegenbalg, On Account of the Mission to the East-Indies. London, 1716.

Roe N. John Keats and the Culture of Dissent. Oxford, 1998.

Ryland J. A compendious view of the principal truths of the glorious Gospel of Christ. For the use of youth. London, 1769.

Ryland J.C. An easy and pleasant Introduction to sir Isaac Newton's philosophy: containing the first principles of mechanics, trigonometry, optics and astronomy. Advertisement. London, 1772.

Ryland J.C. A Contemplation on the Existence and Perfections of God, drawn from the several parts of the visible world, the structure of the body and the wonderful powers of the soul; as an Image of the

Wisdom, Power, and the invisible and immortal nature of God. Designed as a specimen of a Body of Divinity, executed in the same manner. London, 1774.

Ryland J.C. An address to the Ingenuous Youth of Great-Britain. London, 1792.

Ryland J.C. Contemplation on the Insufficiency of Reason. London, 1775.

Ryland J.C. Select Essays, on the Moral Virtues: And on Genius, Science, and Taste, Interspersed with Striking Facts. Being the Author's Last Present to the Public, in the Seventieth Year of His Age. London, 1792.

Schools in India // *The Evangelical Magazine and Missionary Chronicle*. 1819. Vol. XXVII. P. 293–294.

Serampore letters: being the unpublished correspondence of William Carey and others with John Williams, 1800–1816 / Eds L. Williams, M. Williams. New York – London, 1892.

Smith G. The Life of William Carey: Shoemaker and Missionary. London, 1887.

Staughton W. The Baptist Mission in India: containing a narrative of its rise, progress, and present condition, a statement of the physical and moral character of the Hindoos, their cruelties, tortures and burnings, with a very interesting description of Bengal. Philadelphia, 1811.

The American Baptist magazine. 1825. Vol. 5. October.

The First Hindoo Convert: A Memoir of Krishna Pal, a Preacher of the Gospel to His Countrymen more than twenty years. Philadelphia, 1852.

Woodburne A.S. The Idea of God in Hinduism // *The Journal of Religion*. 1925. Vol. 5. P. 52–66.

А.А. САВИНСКИЙ – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РОССИИ НА ОПИУМНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ГААГЕ В 1911–1912 годах

Лошаков Антон Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим» (Москва, Россия).

E-mail: antonloshakov@yandex.ru

Researcher ID: 348620081

Аннотация. В статье впервые освещается участие России в Первой международной опиумной конференции 1911 г. в Гааге. Задача конференции состояла в выработке международных норм в сфере контроля за оборотом опиума, морфина и кокаина. По итогам работы конференции 23 января 1912 г. была принята Международная опиумная конвенция, подписанная представителями 12 стран, в том числе и России, положившая начало международному регулированию оборота наркотических веществ. Центральное место в исследовании отведено руководителю российской делегации Александру Александровичу Савинскому, опытному и незаурядному дипломату, несколько лет занимавшему пост директора канцелярии министерства иностранных дел. Впервые с опорой на архивные источники прослеживается его биография и этапы карьеры дипломата. В работе показано, что участие России в работе опиумной конференции было обусловлено как соображениями престижа и стремлением продемонстрировать солидарность с европейскими союзниками, так и пониманием потенциальной угрозы неконтролируемого распространения наркотиков. А.А. Савинский вместе с коллегами сразу активно включился в работу конференции. В соответствии с полученными из министерства иностранных дел инструкциями российская делегация воздерживалась от внесения конкретных предложений на рассмотрение конференции, ограничиваясь поддержкой инициатив делегаций Великобритании, Франции и США. Такая тактика была обусловлена тем, что распространение наркотиков не являлось на тот момент для Российской империи актуальной проблемой и, как показал в своем выступлении на конференции А.А. Савинский, российские власти достаточно успешно боролись с их незаконным распространением. Автор впервые вводит в научный оборот документальные материалы из Архива внешней политики Российской империи.

Ключевые слова: Александр Александрович Савинский, Международная опиумная конференция, Международная опиумная конвенция, Гаага, международные отношения, внешняя политика России, борьба с распространением наркотиков, контроль за оборотом наркотиков.

A.Yu. Loshakov

A.A. Savinsky – the Representative of Russia at the Opium Conference in the Hague, Netherlands 1911–1912

Anton Loshakov, Historical and Art Museum “New Jerusalem” (Moscow, Russia).

E-mail: antonloshakov@yandex.ru

Researcher ID: 348620081

Abstract. The article for the first time highlights Russia's participation in the First International Opium Conference of 1911 in The Hague, Netherlands. The objective of the Conference was to develop international standards for controlling the circulation of opium, morphine, and cocaine. As a result of the Conference, on January 23, 1912, the International Opium Convention was adopted, signed by representatives of 12 countries, including Russia, which laid the foundation for international regulation of the circulation of narcotic drugs. The central place in the study is given to the head of the Russian delegation, Alexander Savinsky, an experienced and outstanding diplomat who served as Director of the Chancellery of the Ministry of Foreign Affairs for several years. For the first time, relying on archival sources, his biography and the stages of his career as a diplomat are traced. The paper shows that Russia's participation in the Opium Conference was due to both prestige considerations and a desire to demonstrate solidarity with its European allies, as well as an understanding of the potential threat of the uncontrolled spread of drugs. A.A. Savinsky, along with his colleagues, immediately became actively involved in the work of the Conference. Per the instructions received from the Ministry of Foreign Affairs, the Russian delegation refrained from submitting concrete proposals for consideration of the Conference, limiting itself to supporting the initiatives of the delegations of Great Britain, France, and the USA. As it is shown in the article, this tactic was determined the fact that drug trafficking was not an immediate problem for the Russian Empire at that time, and as A.A. Savinsky showed in his speech at the Conference, the Russian authorities were quite successful in fighting against illegal distribution of drugs. The article is based on the documentary materials from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Alexander Alexandrovich Savinsky, International Opium Conference, International Opium Convention, The Hague, International Relations, Russian Foreign Policy, Fighting against drug distribution, Drug Control.

В 2022 г. исполнится 110 лет Международной опиумной конвенции. Документ, положивший начало международному контролю за оборотом наркотиков и борьбе с их распространением, был подписан в Гааге 23 января 1912 г. Международная опиумная конвенция и международная конференция, предшествовавшая ее принятию, не нашли отражения в отечественной историографии. Все упоминания о Международной опиумной конференции и принятой по ее итогам конвенции в русскоязычных источниках ограничиваются литературой по криминологии и уголовному праву¹. Тем не менее это событие заслуживает внимания отечественной исторической науки, потому что российская делегация приняла активное участие в работе конференции и подпись представителя России стоит под принятым на конференции текстом конвенции.

Делегацию Российской империи на конференции возглавил Александр Александрович Савинский, директор канцелярии министерства иностранных дел и церемониймейстер Двора Его Императорского Величества. А.А. Савинский, незаурядный сановник, в свое время имевший большое влияние в придворных и дипломатических кругах, сейчас мало известен даже профессиональным историкам. Он родился в 1868 г. в Ковно в семье почетного мирового судьи Ковенского округа, предводителя дворянства Ковенской губернии, председателя и попечителя нескольких благотворительных обществ Александра Анастасьевича Савинского². Александр Александрович окончил ковенскую классическую гимназию и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С юности он проявлял большой интерес к путешествиям, истории и культуре разных стран. Будучи студентом, Савинский летом 1889 г.

¹ Кримова А.А. Контрабанда наркотиков (статья 229.1 УК РФ). М., 2014. С. 9; Косевич Н.Р. Международно-правовая борьба с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права. Научные труды кафедры уголовного права. 2017. Вып. 6. М., 2017. С. 74.

² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 340. Личный архив А.А. Савинского. Оп. 706. Д. 52. Л. 110.

совершил большое путешествие по Европе, побывав в Германии, Швейцарии, Италии и Франции. В личном фонде А.А. Савинского в Архиве внешней политики Российской империи сохранились его письма из Европы родителям, где он живо, со множеством интересных подробностей и деталей описывает посещение Лувра, оперы и Всемирной выставки в Париже, античные памятники и красоты природы Италии, деревушки в швейцарских Альпах, чистые, уютные города и готические соборы Германии³. В последующие годы А.А. Савинский демонстрировал глубокие знания истории и культуры. На службу в МИД Савинский поступил в 1891 г. Быстрый карьерный рост Савинского начался в 1896 г., тогда он становится третьим секретарем канцелярии министерства, а на следующий год — вторым секретарем. С приходом на должность министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, ценившего профессиональные качества Савинского, последний становится первым секретарем канцелярии и чиновником особых поручений при министре. Наконец, в 1905 г. Савинский занимает пост директора канцелярии МИД⁴. За время службы в министерстве А.А. Савинский в 1894—1895 гг. в качестве курьера дипломатической почты объездил все европейские столицы от Вены до Мадрида⁵. Именно его В.Н. Ламздорф взял в сопровождающие в 1901 г. при посещении императором Николаем II и императрицей Александрой Фёдоровной Дании, Германии и Франции⁶. В 1902—1903 гг. Савинский принимал участие в подготовке и проведении переговоров Ламздорфа в Белграде, Софии и Вене по вопросам прекращения беспорядков в Македонии и проведения там реформ в интересах христианского населения, непосредственно участвовал в разработке и согласовании пунктов Мюрцштегской программы⁷. В 1902 и 1904 гг. Савинский направлялся с дипломатическими поручениями в Италию. Его таланты переговорщика способствовали сближению России с этой страной и постепенному отдалению Италии от Германии и Австро-Венгрии⁸. В период русско-японской войны именно Савинскому были поручены переговоры во Франции по поводу займа для России во французских банках. Не менее ответственной задачей было убедить Париж в том, что Россия, несмотря на все трудности, остается преданной союзницей Франции и готова к выполнению взятых на себя обязательств⁹. В 1909 г. Савинский новым министром иностранных дел А.П. Извольским был включен в делегацию, сопровождавшую Николая II в Швецию, Францию, Данию и Италию. В Италии Савинский участвовал в проведении встречи российского императора с королем Виктором-Эммануилом в местечке Раккониги, закрепившей ранее достигнутые успехи в сближении России и Италии¹⁰.

Сменивший в конце 1910 г. А.П. Извольского на посту министра иностранных дел С.Д. Сазонов сначала предложил Савинскому место посланника в Лиссабоне, освободившееся в связи со смертью предыдущего посланника А.И. Кояндера. Но посланник в Стокгольме К.М. Нарышкин, уставший от северного климата, договорился с А.А. Савинским об обмене вакансиями. Теперь Савинскому предстояло отправиться в Швецию, но это назначение было отложено в связи с болезнью министра иностранных дел. Решив с пользой провести освободившееся время, Савинский предпринял путешествие на автомобиле по России и Европе¹¹. Находясь в Париже, Савинский получил телеграмму из МИД, датированную 11 ноября за подписью товарища министра А.А. Нератова.

³ Там же. Д. 38. Л. 3—50 об.

⁴ Там же. Д. 52. Л. 25.

⁵ Там же. Д. 38. Л. 135—138, 237—297.

⁶ *Savinsky A. Recollections of a Russian diplomat.* London, 1927. P. 18—24.

⁷ *Ibid.* P. 28—59.

⁸ *Ibid.* P. 25, 87—89.

⁹ *Ibid.* P. 86—87.

¹⁰ *Ibid.* P. 168—170.

¹¹ *Ibid.* P. 176.

В документе, в частности, говорилось: «Вследствие выраженного Вашим Превосходительством согласия (телеграмма гофмейстера Извольского от 5 ноября № 173), я не преминул войти с верноподданнейшим докладом о назначении Вас русским уполномоченным на Международной конференции для борьбы с курением опиума, созываемой по почину правительства Северо-Американских Соединенных Штатов в Гааге, 1/14 декабря (исправлено на 18 ноября — 1 декабря) с. г. В помощь Вам, в качестве технического делегата, назначен от министерства внутренних дел почетный лейб-медик Двора Его Императорского Величества Т.С. (тайный советник. — А.Л.) Шапиров, который и ознакомит Вас со специальной стороной настоящего вопроса. Равным образом и пребывающий в Париже Т.С. (тайный советник. — А.Л.) Вексель, принимавший участие в суждениях медицинского совета по сему предмету, конечно, не откажется поделиться с Вами имеющимися в его распоряжении данными. Со своей стороны, считая долгом препроводить при сем, по прилагаемой описи, некоторые документы, касающиеся цели настоящей конференции в связи с результатами работ международной подготовительной комиссии в Шанхае»¹². Предложение принять участие в конференции А.А. Савинского заинтересовало, так как ему впервые предоставлялась роль руководителя делегации в столь представительном международном мероприятии. В период работы конференции все дни недели, кроме субботы, были заняты пленарными заседаниями либо выработкой отдельных положений будущей конвенции в комиссиях. Как отмечает в воспоминаниях Савинский, заседания никогда не были очень длинными, поэтому утром и вечером у него оставалось время, чтобы посетить все достопримечательности Гааги и пополнить свою коллекцию редкостями из местных антикварных магазинов¹³. Кроме заседаний, участников конференции ждали прием у королевы Нидерландов Вильгельмины и торжественный банкет, устроенный руководителем голландской делегации господином Крамером¹⁴.

У России не было определенных интересов на конференции, так как в стране производилось очень мало опийного мака и проблема наркомании не входила, по мнению российских властей, в число приоритетных. Инструкции, полученные членами российской делегации на конференции, сводились к поддержанию предложений Великобритании, Франции и США, выступавших в роли инициаторов предложений, вынесенных на обсуждение конференцией¹⁵. В личном фонде А.А. Савинского в АВПРИ сохранился напечатанный типографским способом стенографический отчет заседаний конференции на французском языке, в нем содержится выступление руководителя российской делегации на конференции. В нем Савинский отметил, что кокаин и морфин в России не производятся, а продажа и использование этих наркотиков ограничены специальным законом и находятся под строгим контролем. Продажа этих веществ осуществляется только через аптеки. По словам Савинского, случаи злоупотребления наркотическими веществами, которые являлись бы результатом нелегальной продажи, в Российской империи не зафиксированы¹⁶. Исходя из этого, российская делегация заявила о готовности присоединиться к мерам, имеющим целью регламентацию импорта морфина и кокаина, но, это было особо подчеркнуто, не их продажи в аптеках¹⁷. Далее Савинский заявил, что российское правительство, которое он представляет на конференции, имеет самое искреннее желание и считает своим долгом содействовать усилиям ведущих мировых держав в борьбе со злом наркомании и нелегального распространения наркотиков¹⁸. Вслед

¹² АВПРИ. Ф. 340. Личный архив А.А. Савинского. Оп. 706. Д. 75. Л. 22–22 об.

¹³ *Savinsky A.* Op. cit. P. 177.

¹⁴ *Ibidem.*

¹⁵ *Ibid.* P. 178.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 340. Личный архив А.А. Савинского. Оп. 706. Д. 75. Л. 42 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 43.

за этим дипломат перешел к перечислению мер, которые были предприняты за последнее время российскими властями для борьбы с нелегальным распространением наркотиков. В частности он сообщил, что в России в 1910 г. был утвержден новый таможенный устав, статья № 943 которого запрещает ввоз опиума в Китай (наряду с порохом, огнестрельным оружием и солью. — *А.Л.*)¹⁹. Затем Савинский перешел к рассказу о работе специальной медицинской комиссии, созданной при военном министерстве для изучения возможного применения опиума в войсках, расквартированных на Дальнем Востоке. Как российский дипломат сообщил участникам конференции, медицинская комиссия констатировала большую опасность использования опиума для психики и интеллекта человека и отметила, что привыкание к опиуму только прогрессирует и неизбежно ведет к гибели. В связи с этим медицинская комиссия признала ввоз и свободную циркуляцию опиума медико-санитарной угрозой государству²⁰. В выступлении перед членами делегаций Савинский признал, что власти Российской империи не располагают точными статистическими данными о масштабах употребления опиума, но отметил, что ни в Центральной Азии, ни на Дальнем Востоке количество наркоманов не очень велико. Например, во Владивостоке, по его словам, опиум курили только китайцы, а среди русских наркоманы отсутствовали²¹. Рисуя в целом благополучную картину в сфере борьбы с наркотической угрозой, Савинский указал на впечатляющие масштабы проведенной российскими властями работы: по указанию Приамурского генерал-губернатора во Владивостоке удалось выявить и закрыть все подпольные опиумные курильни; в ходе борьбы с контрабандой наркотиков в 1909 г. российскими таможенниками и полицейскими было произведено 391 задержание преступников, у которых изъято 6850 кг опиума, а в 1910 г. 537 задержаний принесли улов в 3116 кг опиума²².

Как сообщает в мемуарах А.А. Савинский, американская делегация проявляла наибольшую активность на конференции, вносила различные предложения и инициировала дополнительные обсуждения уже рассмотренных вопросов. В итоге конференция затянулась до конца декабря, когда было принято решение разъехаться на Рождество и вновь собраться уже в январе. На время праздников Савинский вернулся из Гааги в Петербург через Стокгольм. В январе он вновь прибыл в Гаагу раньше многих других делегатов, так как являлся членом редакционной комиссии, которая должна была подготовить документы к возобновлению работы конференции²³. После праздников конференция продолжалась совсем недолго²⁴. Шла подготовка заключительного документа, который был подписан 23 января 1912 г. представителями 12 стран: Германии, США, Китая, Франции, Великобритании, Италии, Японии, Нидерландов, Персии, Португалии, России и Сиамом²⁵. В принятой конвенции указывалось, что использование опиума и кокаина должно быть ограничено медицинским применением. Подписавшие ее страны брали на себя обязательство «постепенно искоренить злоупотребление опиумом, морфином, кокаином, а также препаратами, приготовленными из этих веществ или их производными, которые являются причиной или могут являться причиной подобных злоупотреблений». Некоторые страны, например Сербия и Турция, отказались присоединиться к соглашению, а Германия присоединилась с оговорками, так как немецкие фирмы не желали ограничивать

¹⁹ Свод Законов Российской империи. Т. VI. Устав Таможенный. СПб., 1910. С. 85.

²⁰ АВПРИ. Ф. 340. Личный архив А.А. Савинского. Оп. 706. Д. 75. Л. 43.

²¹ Там же. Л. 43—43 об.

²² Там же. Л. 43 об.

²³ *Savinsky A.* Op. cit. P. 178.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Papers relating to the foreign relations of the United States (FRUS) 1912. Washington (DC), 1912. P. 193—195.

производство кокаина и тем самым уступать этот прибыльный рынок другим странам. Лондонская торговая палата также не желала в полной мере выполнять условия конвенции, если Германия будет свободна от обязательств. В результате была достигнута договоренность, что Гагская конвенция не вступит в силу, пока ее не ратифицируют 35 государств. Страны – участницы конвенции брали обязательство постепенно запретить курение опиума на своей территории, понемногу сократить импорт наркотика в Китай, чтобы полностью прекратить его к 1917 г., а также запретить международный импорт и экспорт опиума (если не сразу, то как можно скорее)²⁶. На этом работа конференции в Гааге завершилась. Первая мировая война временно отодвинула тему борьбы с наркотиками на второй план, но уже в 1919 г. в соответствии со статьей 295 Версальского мирного договора все договаривающиеся стороны обязались безотлагательно приступить к исполнению условий конвенции и принять соответствующие законодательные акты²⁷.

Исходя из изученного документального материала, можно говорить о том, что участие России в работе опиумной конференции было обусловлено в большей степени соображениями престижа и стремлением продемонстрировать солидарность со своими европейскими союзниками, но также и пониманием потенциальной угрозы неконтролируемого распространения наркотиков.

А.А. Савинский после конференции продолжил дипломатическую карьеру в должности российского посланника в Швеции и прибыл в январе 1912 г. в Стокгольм²⁸. На этой должности он пробыл чуть меньше двух лет. В конце декабря 1913 г. он вернулся в Санкт-Петербург²⁹, где получил инструкции для должности посланника в Болгарии, и немедленно отправился в Софию, куда прибыл 14(27) января 1914 г.³⁰ А.А. Савинский возглавлял российское посольство в Софии до момента официального разрыва дипломатических отношений в связи с вступлением Болгарии в Первую мировую войну на стороне Германии и ее союзников. Сотрудники российского посольства покинули Софию 24 сентября (7 октября) 1915 г.³¹ Когда разразилась Октябрьская революция 1917 г., А.А. Савинский находился в Кисловодске. В период Гражданской войны он являлся представителем Добровольческой армии при штаб-квартире Британской армии в Закавказье³². В 1920 г. А.А. Савинский эмигрировал. Умер в Париже в октябре 1934 г. в возрасте 65 лет.

Библиография

Дейвентпорт-Хайнс Р. В поисках забвения. Всемирная история наркотиков. 1500–2000. М., 2004.

Косевич Н.Р. Международно-правовая борьба с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права. Научные труды кафедры уголовного права. 2017. Вып. 6. М., 2017. С. 69–98.

Кромов А.Я. Контрабанда наркотиков (статья 229.1 УК РФ). М., 2014.

Свод Законов Российской империи Т. VI. Устав Таможенный. СПб., 1910.

Papers relating to the foreign relations of the United States (FRUS) 1912. Washington (DC), 1912.

Savinsky A. Recollections of a Russian diplomat. London, 1927.

²⁶ *Дейвентпорт-Хайнс Р.* В поисках забвения. Всемирная история наркотиков. 1500–2000. М., 2004. С. 113.

²⁷ Там же. С. 123.

²⁸ *Savinsky A.* Op. cit. P. 179.

²⁹ Ibid. P. 196.

³⁰ Ibid. P. 201.

³¹ Ibid. P. 302.

³² Ibid. P. 315–316.

References

Deivenport-Khains R. V poiskakh zabvenii. Vsemirnaia istoriia narkotikov. 1500–2000 [In Search of Oblivion: A World History of Drugs. 1500–2000]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Kosevich N.R. Mezhdunarodno-pravovaia bor'ba s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv [International legal struggle against illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances] // Aktual'nye problemy ugovnogo prava, kriminologii i ugovno-ispolnitel'nogo prava: Nauchnye trudy kafedry ugovnogo prava [Actual problems of criminal law, criminology and criminal enforcement law. Scientific works of the Department of Criminal Law]. 2017. Vyp. 6. Moskva, 2017. P. 69–98. (In Russ.)

Kromova A.Ia. Kontrabanda narkotikov (stat'ia 229.1 UK RF) [Drug smuggling (Article 229.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Svod Zakonov Rossiiskoi imperii. T. VI. Ustav Tamozhennyi [The code of Laws of the Russian Empire. Vol. VI. Charter of Customs]. Sankt-Peterburg, 1910. (In Russ.)

Papers relating to the foreign relations of the United States (FRUS) 1912. Washington (DC), 1912.

Savinsky A. Recollections of a Russian diplomat. London, 1927.

DOI: 10.31857/S013038640014269-3

© 2021 г. **В.В. НАУМКИН**

ТУРЕЦКО-АРАБСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ХИДЖАЗЕ И НЕДЖДЕ И РОССИЯ В НАЧАЛЕ XX века (по данным российской дипломатии и военной разведки)

Наумкин Виталий Вячеславович — действительный член РАН, научный руководитель Института востоковедения (ИВ) РАН, руководитель базовой кафедры ИВ РАН в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

E-mail: vinaumkin@yandex.ru

Researcher ID: R-9576-2019; ORCID: 0000-0001-9644-9862

Аннотация. Статья посвящена анализу сложных и временами напряженных отношений между турецкими властями и арабским населением двух входящих в Османскую империю областей Аравийского полуострова — Хиджаза (Западная Аравия) и Неджда (Центральная Аравия) в конце XIX — начале XX в., а также деятельности российских дипломатов и военных разведчиков в этих областях. Статья основана преимущественно на малоизвестных документах из Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива и некоторых зарубежных хранилищ. Отмечается, что в рассматриваемый период как бедуинские племена, так и городские нотабли неоднократно поднимали восстания против турецкого господства, которые подавлялись военной силой. Турецко-арабские отношения, в особенности турецкие военные экспедиции в аравийских областях, были объектом пристального интереса российской дипломатии, а также разведки с учетом возможности военного столкновения между Россией и Турцией. Сотрудники, основанного в 1890 г. российского консульства в Джидде, перед которыми стояла задача изучать использование турецкими властями паломничества для оказания влияния на приезжавших в Хиджаз российских мусульман, подвергались опасностям, грозившим их жизни и здоровью. Политику Великобритании в этих областях они оценивали как направленную на дестабилизацию обстановки, что подтверждает налаженная контрабанда оружием, которое шло местным племенам. В столице Российской империи внимательно следили за действиями Константинополя. В статье показано влияние на российскую политику в регионе различия во взглядах и симпатиях высокопоставленных чиновников, руководивших различными ведомствами Российской империи.

Ключевые слова: Главный штаб, военная разведка, племена, восстание, хадж, Шариф, Османская империя.

V.V. Naumkin

Turkish-Arab Confrontation in the Hijaz and Nejd and Russia in Early 20th Century (According to Russian Diplomatic and Military Intelligence Sources)

Vitaly Naumkin, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Institute of Oriental Studies (IOS) Russian Academy of Sciences, Head and Chair of the IOS at the National Research University "High School of Economics" (Moscow, Russia).

E-mail: vinaumkin@yandex.ru

Researcher ID: R-9576-2019; ORCID: 0000-0001-9644-9862

Abstract. Through the lens of its analysis, the article reveals the most entangled relationships, reaching the highest degree of tension at times, between the Turkish authorities and the Arab people inhabiting two regions of the Arabian Peninsula, incorporated into the Ottoman Empire — the Hejaz (West Arabia) and Najd (Central Arabia) — in the late 19th — early 20th centuries. It also sheds light on the activities undertaken by the Russian diplomats and military intelligence officers seeking to establish more details about the situation in those regions. The article is primarily based on a body of little-known documents stored in the records of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire and Russian State Military-Historical Archive, as well as some archives outside Russia. It is shown that within the period in question, both the Bedouin tribes and the urban notables rose in rebellions against the Turkish stranglehold, that were suppressed with military force. The Turkish-Arab relationships, especially the Turkish military expeditions into the Arabian regions, were the focus of intense interest of the Russian diplomacy, as well as military intelligence, given the possibility of an armed conflict between Russia and Turkey. Staff members of the Russian consulate in Jeddah, founded in 1890, who were entrusted with the task of gaining knowledge on the use of pilgrimage by the Turkish authorities to influence the Russian Muslims who arrived in the Hejaz, were exposed to dangers that threatened their lives and health. They assessed the British policy in these areas as aimed at destabilizing the situation, given the smuggling of arms destined for the local tribes. The author also looks at the way how the difference in visions and preferences among the high-ranking Russian officials, in charge of various departments within the Russian Empire, impacted the Russian policies in the area.

Keywords: Main Headquarters, military intelligence, tribes, insurgency, Hajj, Sharif, Ottoman Empire.

ВВЕДЕНИЕ

В XVI в. Османская империя завоевала большую часть арабского мира. При султанах Селиме I Явзуе Грозном (1512–1520 гг.) турки присоединили к уже захваченным областям Аравийского полуострова область Хиджаз с двумя священными городами ислама — Меккой и Мединой. Она получила статус эялета, затем вилайета Османской империи (административно-территориальная единица высшего, первого уровня во главе с вали, или губернатором, назначаемым султаном). В Мекке располагалась резиденция эмира, т.е. управителя главного города вилайета. Этот пост занимал старейшина клана шарифов — потомков пророка Мухаммада¹, считавшийся одновременно духовным главой всех мусульман Хиджаза, причем его авторитет признавался и далеко за пределами вилайета.

В данной статье на основе преимущественно еще не введенных в научный оборот материалов из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) с привлечением отдельных документов из зарубежных хранилищ рассматривается период конца XIX — начала XX в., в особенности — 1904–1907 гг. В эти годы и в Хиджазе, и Недже (область в центральной части Аравии), равно как и в Йемене, вспыхивали новые массовые восстания местного населения против турецкого господства. В Хиджазе к этому времени уже действовало расквартированное в г. Джидда российское императорское консульство, основанное в 1890 г.² В середине первого десятилетия XX в. Россия уделяла особое внимание этому региону, являвшемуся центром притяжения для всех мусульман, в связи с осложнением внутривосточной ситуации в стране, вызванным

¹ В тексте, в отличие от других членов клана, он будет именоваться Шарифом.

² В доверительной инструкции русско-императорского посла в Константинополе действительному статскому советнику Шагимардану Ибрагимовичу Ибрагимову, назначенному первым консулом России в Хиджазе, сообщалось, что цель учреждения консульства состояла «преимущественно в покровительстве нашим паломникам, ежегодно в значительном числе отправляющимся на поклонение мусульманским святыням в Мекку и Медину». — АВПРИ. 1891 г. Ф. Турецкий стол. Оп. 502 «Б». Д. 3312. Л. 4–5.

опасным для монархии ростом самосознания российских мусульман³, событиями русско-японской войны 1904–1905 гг. и русской революции 1905–1907 гг. В эти же годы Россия выстраивала союзнические отношения с Францией и Великобританией, увенчавшиеся созданием Антанты, что одобряли не все представители правящей элиты, среди которых были и сторонники прогерманской ориентации. Внутриполитическая ситуация в арабских провинциях Османской империи была объектом интереса Петербурга также и в свете подготовки к возможной войне с турками. Как свидетельствуют использованные в статье документы, в столице Российской империи внимательно следили за действиями Константинополя, как тогда продолжали называть столицу Османской империи⁴.

ТЯГОТЫ СЛУЖБЫ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ В ДЖИДДЕ

С открытием консульства в Хиджазе российские дипломаты в этом портовом городе получили возможность непосредственно наблюдать, как складывались отношения турок с местным населением и какова была ситуация с паломничеством из Российской империи и ее протекторатов к мусульманским святыням, подробно информируя об этом Петербург. Работать здесь было трудно не только из-за ужасной жары, отсутствия бытовых удобств и плохих санитарных условий. Служба была еще и небезопасной, а для некоторых дипломатов складывалась драматически. Так, 18 мая 1895 г. на секретаря русского императорского консульства в Джидде, исполнявшего в отсутствие консула обязанности управляющего, титулярного советника⁵ Г.В. Брандта, и группу сотрудников других консульств (двух англичан — консула Ричардса и вице-консула — врача, уроженца Индии и мусульманина по вероисповеданию Абдурраззака, а также французского драгомана Дорвилля и слугу английского консула) во время их регулярно совершаемой совместной прогулки в лунный вечер напали бедуины. Докладывая депешей о деталях происшествия в Петербург вслед за инцидентом, российско-императорский посол в Константинополе А.И. Нелидов⁶ сообщал из Буюкдере⁷, что в тот день к консулам приблизились восемь бедуинов, которые, как неполиткорректно по нынешним временам выразился посол, «оказались неграми, но вел их араб». Они с нескольких метров начали стрелять по отдыхавшим из револьверов, после чего убежали и, сев на верблюдов, скрылись. Брандт получил ранение в щеку навывлет, английский вице-консул был убит (причем его, уже мертвого, за пару часов обобрали бродившие по окрестностям бедуины), французский драгоман ранен, другие ранены или контужены. Посол считал, что это не был простой грабеж. Хотя Шарифу были известны имена нападавших, он, в ответ на приказание задержать их, «заявил, что опасается противодействия весьма раздраженных кочевых племен и беспорядков, пока там еще проходят поклонники, за безопасность коих он ответственен»⁸. 15 бедуинов были сразу же задержаны, но ненадолго.

³ Показательно, что в инструкции говорилось: «Нам важно знать, какое влияние имеет поездка в Мекку и Медину на миросозерцание мусульманских народов вообще, в особенности в политическом отношении, а также и какое значение имеет при этом для них принадлежащее султану звание халифа, т.е. вождя правоверных». — Там же. Л. 8 об.

⁴ Это название употреблялось вплоть до 28 марта 1930 г., когда город был официально переименован в Стамбул.

⁵ Гражданский чин 9-го класса «Табели о рангах», соответствовавший военным чинам штабс-капитана пехоты и лейтенанта флота.

⁶ *Нелидов, Александр Иванович* (1835–1910) — известный русский дипломат, действительный тайный советник с 1896 г. (гражданский чин 2-го класса «Табели о рангах»), соответствовавший военным чинам генерала рода войска, т.е. полного генерала, в армии и адмирала во флоте), советник посольства России в Турции в 1874–1877 гг., посол в 1883–1897 гг. Был противником прогерманской ориентации министра иностранных дел Н.К. Гирса (1882–1895 гг.), выступал за союз с Францией, раздел Османской империи и овладение Россией проливами Босфор и Дарданеллы.

⁷ Буюкдере — селение на европейском берегу Босфора, недалеко от его соединения с Черным морем, где были расположены летние резиденции европейских послов, в том числе российского.

⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 778. Л. 23–24.

Тогда же, 19 мая, обеспокоенный посол в секретной телеграмме временно исполняющему обязанности министра иностранных дел Н.П. Шишкину⁹ прогнозировал обострение ситуации и предлагал весьма радикальные меры реагирования: «Очень желательна немедленная посылка в Джидду военного судна, хотя бы “Кубанца”. Но так как, ввиду возбуждения мусульманского фанатизма вообще, можно опасаться беспорядков и в других местах, то надо быть готовыми к возможной необходимости защиты христиан, а равно и к иноземному, особенно английскому, вмешательству»¹⁰. То ли посла охватила паника, то ли он увидел повод обострить отношения с турками, лелея давнюю мечту о захвате проливов, но идея отправить в Джидду военное судно под предлогом защиты христиан выглядела довольно авантюрно. Не случайно уже 24 мая управляющий морским министерством Н.М. Чихачев¹¹ в письме министру иностранных дел А.Б. Лобанову-Ростовскому¹² подверг критике предложения и прогнозы Нелидова (копия телеграммы была Чихачеву переправлена). Адмирал писал, что командирование канонерской лодки в Красное море для министерства не проблема, но это «будет сопряжено с большим риском для здоровья команды, так как в тех местностях наступило время чрезвычайных жаров». Кроме того, судно, которому пришлось бы стоять на якоре в двух верстах от города, имело малочисленный экипаж (170 человек) и мало орудий, поэтому «ни высадке десанта, ни бомбардированию с нашей стороны город не может быть подвергнут», и даже если туда отправят свои корабли другие государства, русское судно заведомо не сможет «произвести сколь-либо нравственное влияние на арабов»¹³. Судно, к счастью, не послали.

Брандт сначала был помещен в посольскую больницу в Константинополе, где его консультировал приглашенный для этого лучший турецкий хирург Кумбуроглу. Опасности для жизни дипломата не было, но ему предстоял ряд операций, в том числе по протезированию пробитого нёба и раздробленной верхней челюсти, для чего посольство отправило его в Египет. Проявляя похвальную заботу о пострадавшем на службе подчиненном, посол в депеше от 8 июня ходатайствовал, чтобы тот помимо вознаграждения от турецкого правительства получил бы еще «от щедрот монарших... вспомоществование в виде единовременного пособия или пожизненной пенсии для облегчения содержания его довольно многочисленной семьи»¹⁴. Что касается вознаграждения от турецкого правительства, то, как информировал в депеше от 7 июня Петербург советник посольства В.В. Жадовский, оно передало для Брандта денежную компенсацию в размере 200 тыс. фр.¹⁵ Этот инцидент дает полное представление об опасностях, подстерегавших

⁹ Шишкин, Николай Павлович (1830–1902) — с 1853 г. служил в Азиатском департаменте МИД, с 1891 г. — товарищ (заместитель) министра, с 14 января 1895 г. временно исполнял обязанности министра, с 19 августа 1896 г. по 1 января 1897 г. — министр иностранных дел, действительный тайный советник, с 1897 г. — член Государственного совета.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 772. Л. 4.

¹¹ Чихачев, Николай Матвеевич (1830–1917) — адмирал (1892 г.), генерал-адъютант Александра III (с 1893 г.), государственный деятель. Участник Амурской экспедиции Г.И. Невельского (1851–1853 гг.), служил на кораблях, в 1862–1876 гг. — директор — распорядитель Русского общества пароходства и торговли, в 1876–1884 гг. — начальник морской обороны в Одессе, в 1884 г. — начальник Главного морского штаба, затем исполняющий обязанности управляющего, в 1888–1896 гг. — управляющий морским министерством, с 1896 г. — член Государственного совета.

¹² Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович (1824–1896) — русский дипломат, государственный деятель, из рода Рюриковичей, действительный тайный советник с 1879 г., в 1856–1858 гг. — советник, в 1858–1859 гг. — поверенный в делах, затем чрезвычайный посланник и полномочный министр (до 1863 г.) в Константинополе, потом губернатор, товарищ министра внутренних дел, вернулся в МИД в 1878 г., посол в Константинополе до 1879 г., посол в Лондоне и Вене, министр иностранных дел с 26 февраля 1895 г. по 18 августа 1896 г.

¹³ АВПРИ. Ф. Полиархив. Оп. 482. Д. 772. Л. 12 об. — 13.

¹⁴ Там же. Д. 778. Л. 22 об. — 23.

¹⁵ Там же. Д. 771. Л. 21.

дипломатов в Хиджазе, и господствовавших там нравах, которые не менялись в течение долгого времени.

Местные власти считали, что нападавшие, которым удалось скрыться, подобным образом выразили свое недовольство карантинными мероприятиями против холеры (донесение секретаря консульства Ф.Ф. Никитникова от 5 июня 1895 г.). Подстрекаемое шейхами племен местное арабское население думало, что те «выпускают из пузырьков лекарство и производят окуривание, от чего мрут бедуины и хаджи»¹⁶.

Испытывая ненависть к «злодеям в белых халатах», бедуины разрушили в Мекке «помещение и заключавшийся в нем дезинфекционный аппарат и искали карантинных врачей, скрывшихся в меккских крепостцах». Консульство информировало, что этим событиям предшествовало недовольство местных торговцев и бедуинов запретом на продажу на рынке арбузов и дынь, «сопровождавшееся насилием над меккскими врачами»¹⁷.

В то же время консульство полагало, что если причиной нападения было стремление отомстить «злодеям», то логичнее было бы набрасываться не на дипломатов, среди них был всего лишь один медик (лекарь, как в ту пору официально называли врачей, и он же секретарь консульства Ф.Ф. Никитников), а на группу врачей, которые обычно, как и сотрудники иностранных миссий, также прогуливались вместе, только по другим маршрутам. Поэтому выдвигалась версия, что причиной нападения было на самом деле «желание враждебных Шарифу лиц доставить ему неприятности», а не ненависть к медикам. Встревоженный инцидентом Никитников, анализируя ситуацию, находил странным, что буквально перед нападением «город был оставлен при малом составе войск», а каймакама, который не хотел ехать в хадж, вали вызвал в Мекку. Секретарь сетовал на отсутствие достоверной информации, называя этому во все времена привычные для российских чиновников за рубежом причины: «Обыкновенные сведения и те неохотно сообщаются близко стоящими к Консульству лицами вследствие незначительности получаемого содержания» и «вследствие боязни каких-либо других для себя последствий» (донесение секретаря консульства от 5 июня 1895 г.)¹⁸.

Обо всем этом информировал свое начальство в Джидде консульский драгоман Шакирзян Ишаев, который будто бы слышал, что правитель расположенного в Центральной Аравии эмирата Джебель-Шаммар (что переводится как «Горы [племени] шаммаров») со столицей в г. Хаиль Мухаммад бин Абдалла Ааль Рашид (Ибн Рашид)¹⁹ «послал в Медину своих старшин с требованием от вали изгнания из святой земли всех неверных» (донесение от 14 июня 1895 г.)²⁰.

Драгоман подробно описал нападение местных жителей на холерную больницу: они разломали аптеку, ценные вещи и посуду унесли, а больных вытащили за ноги. Кроме того, он отмечал, что некие «неблагонамеренные лица» после нападения на консулов

¹⁶ Там же. Л. 51–51 об.

Писавший позднее об этих событиях секретарь российского консульства Михаил Эрастович Никольский (см. о нем: *Наумкин В.В.* Русский дипломат в вилаете исламских святынь в начале XX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1 (38). С. 229–260.) сообщал, что действующими лицами разрушения дезинфекционной камеры и убийства английского вице-консула, которого они считали виновником ее учреждения, были люди «наиболее фанатичные, взвинченные нелепыми слухами, что в камере будут сжигать голых (!) женщин, но движение имело чисто экономическую подкладку, так как мекканцы боялись, что от учреждения камеры уменьшится количество богомольцев, а следовательно и их доходы». — *Никольский М.Э.* Паломничество мусульман в Мекку // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Том СХХIV. СПб., 1911. С. 282.

¹⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 771. Л. 51 об. — 52.

¹⁸ Там же. Л. 53 об.

¹⁹ Этот эмират существовал на полуострове с 1830 по 1921 г. В 1891 г. эмир Мухаммад захватил город Эр-Рияд, изгнав оттуда саудитов, с которыми они постоянно вели борьбу, но в 1902 г. Ибн Сауд вернул себе город, а в 1921 г. установил полный контроль над землями эмирата.

²⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 771. Л. 57.

стали распространять среди паломников слухи «о возможности неполучения депозитов» из российского консульства, и только в ходе трудных переговоров с ташкентскими старшинами паломников Шакирзяну удалось уговорить их не забирать сданные ими туда деньги.

Данные сообщения свидетельствовали об интригах против российского консульства, в которых, в частности, принимали активное участие ставшие турецкими подданными выходцы из мусульманских областей Российской империи и ее среднеазиатских протекторатов — Бухары и Хивы. Турецкие власти увидели в нападении на консулов симптом арабской мятежности и решили проучить племена испытанным способом. Они арестовали более 300 бедуинов из племени харб, в том числе одного из главных шейхов. Помимо этого, всем купцам Хиджаза запретили продавать бедуинам рис, муку и другие продукты в пределах городской черты. Русское консульство, информируя об этом российско-императорское посольство в Константинополе, отмечало, что неожиданный арест бедуинов и запрещение продажи продовольствия объяснялись «желанием властей иметь на всякий случай заложников и совместно с голодом побудить бедуинов к выдаче виновных в нападении лиц» (донесение от 27 ноября 1895 г.)²¹.

Однако предпринятые меры не снизили напряженности в отношениях между местными племенами и турецкими властями. В Джидде повысились цены на продовольствие, топливо и на наем верблюдов. Консульство сообщило, что бедуины, живущие в окрестностях одного из расположенных неподалеку городков, «потребовали очищения турками этого города»²², из-за чего туда было направлено подкрепление, а мекканский и джиддинский гарнизоны были усилены.

Положение в Хиджазе в тот период оценивалось российским консульством как опасное для турок, тем более что враждебное отношение к ним бедуинов приобрело более острый характер. Возросло и недовольство племен Шарифом. Это сказывалось на отношении ко всем иностранным представителям в вилайете. Имели значение любые мелочи, которые могли спровоцировать инциденты, например как были одеты иностранцы.

С учетом усилившегося внимания российских дипломатов к внутривластной ситуации в Хиджазе, Никитников детально передавал личное свидетельство о бедуинском бунте Ишаева, как раз в это время совершавшего вместе с женой хадж: «Отправившись из Мекки на Арафат... и проезжая по городскому предместью Мекки, я видел, что около десяти человек с большими усилиями разламывали стены здания, в коем помещался дезинфекционный аппарат; крыша со здания была уже снята; двери и окна оторваны; из среднего помещения возвышалась только труба, а сама камера лежала на полу. Около здания валялась масса разорванной бумаги...

По возвращении с Арафата, на месте вышеуказанного здания для дезинфекции я видел только груды развалин, труба же была выброшена на дорогу, и на нее была навалена куча камней, из-под которых виднелись только концы ее» (донесение от 14 июня 1895 г.)²³. Драгоман описывал и нападение бедуинов на помещения почты и телеграфа в Мине: «Распространился слух, что между Меккой и Джиддой восстали арабы, ограбили почту, оборвали телеграфную проволоку и убивают и грабят проезжающих». Нападение, в ходе которого был ранен Брандт, очень напугало драгомана, волновавшегося еще и за безопасность своего семейства. «В случае каких-либо неприятностей надеяться на охрану и содействие турецких властей нельзя было и думать, так как турки и сами здесь едва держались, потакая самовольству и грабительским наклонностям арабов»²⁴. А в Мекке, где нельзя было, как и в Джидде, получить защиту со стороны консульства

²¹ Там же. Л. 60 об.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 56—58.

²⁴ *Ишаев Ш.* Мекка, священный город мусульман. Рассказ паломника // Средне-Азиатский вестник. Ташкент, декабрь 1896. С. 80—81.

и стоявших на рейде Джидды английских и французских военных судов, находиться было особенно опасно. Драгоман отмечал, что в пустынной местности по дороге между Меккой и Мединой погибало особенно много паломников, отчасти «от грабежей арабов, отчасти от причин весьма таинственного, загадочного свойства»²⁵. Нетрудно заметить, что бедуинская вольница вызывала у российского мусульманина устойчиво негативную реакцию, и во время всякого рода беспорядков его симпатии были не на стороне местных арабов, хотя доставалось от него и своим соплеменникам, и туркам. Описывая свой испуг призывами извозчика во время стояния на Арафате «истреблять презренных кяфиров», он писал: «Что я мог сделать один среди десятков полудиких, фанатизированных людей именно на Арафате, где, естественно, религиозный фанатизм среди паломников возбуждается более, чем в другом месте... Достаточно кому-нибудь в шутку крикнуть: вот консул-урус!, чтобы меня разорвали на клочки... Не говоря уж о местных диких арабах, даже и наши паломники, вступив на землю Геджаса, немедленно превращаются в самых ярых мусульман, полных ненависти ко всему европейскому и христианскому... Кто мог мне оказать здесь защиту? Во всяком случае, не турки и не турецкий вали, который не мог отстоять от фанатичной толпы арабов даже свой невинный дезинфектор, разрушенный ими у него на глазах». Еще больший страх претерпели драгоман с женой, когда к его палатке вдруг направилась группа возбужденных вооруженных бедуинов, в которых Ишаев заподозрил «своих палачей» (как выяснилось, они всего лишь искали пропавшего верблюда). Он вспоминал: «Все то хорошо, что хорошо кончается, но, тем не менее, это так напугало нас с женой, что она заболела скоротечной чахоткой и вскоре умерла»²⁶. Надо сказать, что для российских представителей, побывавших в те времена в Хиджазе, особенно из числа мусульман, столь неприязненное отношение к местному населению было исключительно редким.

АКТИВНОСТЬ ДИПЛОМАТОВ И ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

Не только отношения между коренным населением вилайета и турецкими властями, но и противоборство Великобритании и Турции в Аравии были объектами весьма пристального интереса со стороны российских дипломатов, одной из задач которых был сбор развединформации, а прежде всего военных представителей. В штате русского посольства в столице и российских консульств в вилайетах Османской империи работали сотрудники военной разведки — офицеры Главного штаба, получавшие на время командировки для прикрытия гражданский ранг. Военные агенты, как их тогда было принято называть, в том числе негласные, как правило, становились надворными, иногда коллежскими советниками²⁷ и занимали различные должности в консульствах, к примеру вице-консулов. Бывший сотрудник военной разведки полковник К.Н. Смирнов²⁸ в написанных в Тбилиси в 1937 г. и хранящихся сегодня в одном из архивов Грузии

²⁵ Там же. С. 82.

²⁶ Там же. С. 74–75.

²⁷ Надворный советник — гражданский чин 7-го класса «Табели о рангах», соответствовавший военным чинам подполковника в армии и капитана II ранга во флоте. Коллежский советник — гражданский чин 6-го класса, соответствовавший военным чинам армейского полковника и флотского капитана I ранга.

²⁸ Смирнов, Константин Николаевич — русский и советский военный разведчик, до революции был сотрудником Разведывательного отделения штаба Кавказского военного округа, с 1907 г. — воспитателем Солтан Ахмад-Мирзы, наследника шахского престола в Иране, служил также в Турции, после революции был военным переводчиком при Штабе Красной Армии в Грузии, затем — преподавателем восточных языков при информационном отделении Разведывательного отдела штаба Красной Армии. Говорил, что оставался последним «из прежнего интеллидженса». Его воспоминания изложены на 86 архивных листах в трех советских ученических тетрадах. В 1938 г. был репрессирован.

весьма ярких воспоминаниях «“Интеллидженс” Кавказского фронта в период 1878–1918 годов»²⁹ раскрывал кухню работы русских разведчиков на Ближнем и Среднем Востоке. Он, в частности, следующим образом характеризовал работу военного агента в генеральном консульстве в Эрзеруме: тот должен был подчиняться генконсулу (обычно в ранге статского или действительного статского советника³⁰), но по обыкновению с ним ссорился, а уж если в управление консульством временно вступал первый секретарь, то тут «дело совсем уже осложнялось». При этом турки знали, что этот дипломат являлся офицером Генерального штаба. «Такой агент не назывался тайным военным агентом, а лишь “негласным”... У такого агента был отдельный драгоман и отдельный кавас (телохранитель, носильщик. — В.Н.)»³¹.

Рассказывая о работе этой резидентуры, Смирнов сообщал, что «у эрзерумского военного агента на содержании было не менее двух десятков подкупленных личностей, получавших постоянные жалованье — несколько золотых лир в месяц. То время было эпохой султана Абдул-Хамида в Турции: не было здорового патриотизма, было глухое общее недовольство, необеспеченность, бедность и даже нищета в служилом люде... Все это было использовано нашей агентурой с большими результатами». И еще несколько любопытных штрихов о кабинете военного агента: окна «занавешивались черными занавесками, чтобы с улицы не было видно, что ночью в комнате горел свет». Дело в том, что вечером приносились пакеты с документами, перехваченные на почте и телеграфе. Военный агент с драгоманом всю ночь снимали с них копии, а утром драгоман возвращал вновь запечатанные оригиналы, которые передавались по назначению. «Так как военные агенты не знали турецкой письменности (замечу: среди них в разных консульствах попадались и настоящие знатоки восточных языков. — В.Н.), то они механически срисовывали буквы на восковку». Описание Смирнова ярко передает все трудности фактически ручной работы разведчиков. Разве что «пробовали прибегать к фотографии, но тогда фотография не давала еще надежной и быстрой без отказа работы»³².

Но вернемся вновь к Аравии. 6 апреля 1901 г. российский генеральный консул в Багдаде сообщал в секретной телеграмме, которая ввиду ее важности была сразу переправлена министром иностранных дел военному министру А.Н. Куропаткину³³, о выступлении в Басру VI Багдадского корпуса турецкой армии с целью овладеть Кувейтом³⁴. В связи с этим сообщением курировавший разведку российский Главный

²⁹ Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов. Черновая рукопись // Архив Национального центра рукописей Грузии. Личный фонд К.Н. Смирнова. 1937. Ф. 39. Д. 37. См. также: Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Saarbrücken, 2015. С. 162–261.

³⁰ Статский советник — гражданский чин 5-го класса «Табели о рангах», соответствовавший военным чинам армейского бригадира и капитан-командора флота. Действительный статский советник — гражданский чин 4-го класса, соответствовавший военным чинам генерал-майора армии и контр-адмирала флота.

³¹ Смирнов К.Н. Указ. соч.; Тер-Оганов Н.К. Указ. соч. С. 199.

³² Смирнов К.Н. Указ. соч.; Тер-Оганов Н.К. Указ. соч. С. 200.

³³ Куропаткин, Александр Николаевич (1848–1925) — российский государственный и военный деятель, генерал-адъютант с 1902 г., военный министр Российской империи (1898–1904 гг.), главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами, воевавшими против Японии в 1904–1905 гг., член Государственного совета с 1906 г. Внес большой вклад в основание военной разведки, создатель контрразведки. С 1916 г. — командующий 5-й армией Северного фронта, главнокомандующий армиями этого фронта, Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. После Октябрьской революции до конца жизни оставался в России, жил и преподавал в селе Шешурино Тверской области, рядом с которым, у церкви в Наговье, был похоронен. Его единственный сын Алексей был расстрелян в 1920 г.

³⁴ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 3.

Автор статьи у могилы А.Н. Куропаткина

штаб³⁵ пояснял, что кувейтский шейх Мубарак³⁶, находившийся во вражде с правителем Джебель-Шаммара Абдель Азизом бин Рашидом (он наследовал упоминавшемуся выше эмиру Мухаммаду в 1897 г.), после ряда успехов, в том числе временного занятия рашидидской столицы Хаиля, потерпел серьезное поражение. Турецкое правительство, как считали военные, намеревалось воспользоваться ослаблением Мубарака для овладения Кувейтом,

³⁵ Главный штаб — в то время высший орган управления вооруженными силами в рамках военного министерства Российской империи, он также ведал, в частности, Николаевской академией Генерального штаба, Военно-топографическим училищем и Офицерским курсом восточных языков при Азиатском департаменте МИД России. Генеральный штаб был выделен в качестве самостоятельного органа только в 1905 г.

³⁶ Шейх Мубарак ас-Сабах, седьмой правитель Кувейта (1896—1915 гг.).

который был важен «как выход в море проектированного Багдадского железнодорожного пути»³⁷. Таким образом, российское военное ведомство уже в самом начале столетия отмечало, что борьба за Кувейт в то время приобрела довольно острый характер. Российская империя в определенной мере втягивалась в эту борьбу, о чем свидетельствовал рейд российских военных и торговых кораблей в Персидский залив в самом начале XX в.

В донесении русского военного агента от 11 апреля 1901 г. сообщалось, что кувейтский правитель шейх Мубарак «подготавливал в последнее время план уступки русскому правительству береговой полосы у г. Кувейта для устройства угольной станции в Кувейтской бухте»³⁸. А надо заметить, что устройство угольной станции в те времена рассматривалось как серьезный шаг к установлению влияния или даже колонизации. Однако России не удалось переиграть англичан.

В середине января 1904 г. в Медине начались бурные протесты местных жителей во главе с городскими нотаблями (а'йан) против действий турецкого наместника и командира расквартированных здесь армейских подразделений Османа-паши. Жители были возмущены решением последнего обложить их налогом, что, как они считали, противоречило привилегии, которую султан даровал горожанам, — быть освобожденными от любых поборов. Офицеры гарнизона отказались помогать властям в усмирении бунта, и войска все это время оставались в казармах. Самому Осману-паше едва удалось избежать грозившей ему гибели от рук взбунтовавшихся граждан.

Как доносил российскому послу в Константинополе 21 июля 1904 г. консул в Джидде Владимир Владимирович фон Циммерман, организаторами и руководителями беспорядков были городские нотабли Мансур-думли, Яхья Дефдердар, шейх аль-муфати (глава муфтиев) Эмин Берденджи и другие, всего около 60 человек, на которых власти и возлагали вину за беспорядки. Предполагательно, эти люди хотели отомстить мединскому наместнику за намерение «продать смерти многих из их среды по составленному заранее списку при помощи подкупленных Османом-пашой бедуинов племени харб»³⁹. Когда турецкому командиру удалось спастись от расправы, предводители бунта пришли на местный телеграф, заставили сотрудника связать их с Константинополем и потребовали, чтобы с ними говорил сам султан. Когда к аппарату подошел великий визир, они стали в довольно грубой форме настаивать на своем, но затем все же озвучили свое требование — сместить Османа-пашу. Бунтовщики добавили, «что если их претензия не будет удовлетворена, то они сами его низложат, а если это не удастся, то обратятся за помощью к британскому правительству и объявят себя подданными Англии»⁴⁰.

Неудивительно, что российские дипломаты в Джидде предполагали, что эти чрезвычайные для Хиджаза происшествия вызваны интригами британского правительства. Предположение казалось самому консулу тем более правдоподобным, что беспорядки совпали по времени с поездкой в Медину британского вице-консула доктора Мухаммеда Хусейна. Его направил в город консул Великобритании в Джидде в связи с делом об ограблении бедуинами в сезон минувшего хаджа на пути из Мекки в Медину «владельницы» (бегум) индийского княжества Бхопал⁴¹. В пользу сделанного предположения говорило и то, что поднявшие бунт жители Медины были вооружены скорострельными ружьями, которые попали туда контрабандным путем через Джидду. Консул сообщал,

³⁷ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 4.

³⁸ Там же.

³⁹ АВПРИ. 1904 г. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 778. Л. 2 об. — 3.

⁴⁰ Там же. Л. 3—3 об.

⁴¹ Бхопал — в то время княжество в центральной части Британской Индии, второе по величине мусульманское образование вплоть до независимости. С 1819 по 1926 г. им управляли женщины. С 1956 г. г. Бхопал — столица штата Мадхья-Прадеш. 3 декабря 1984 г. в г. Бхопал на принадлежащем американской корпорации химическом заводе произошла крупнейшая в современной истории техногенная катастрофа, жертвой которой пало около 18 тыс. человек.

что за последние шесть лет таких ружей было привезено в Джидду более 70 тыс., о чем консульство уже сообщало в прошлых депешах. Контрабандные ружья продавались на городских рынках почти открыто, кроме того, там можно было купить старые ружья, переделанные в Европе на систему Маузера. Цены были до смешного низкие — в пересчете на кредитные рубли от 4,8 до 8. Посредником в контрабанде выступал английский торговый дом Gelatly Hankey & Co, которому помогал шейх местных лодочников — араб по имени Хамбадад. В результате, как консул писал послу, «помянутый старшина лодочников, пользуясь столь безграничным доверием и благосклонностью к нему Али Юмни-бея, еще беззастенчивее предается своей преступной деятельности»⁴².

Исходя из предположения, что за угрозами стабильности в регионе стояла Великобритания, в усилении позиций которой Россия, естественно, не была заинтересована, фон Циммерман неоднократно пытался привлечь к проблеме нелегальных поставок стрелкового оружия и его едва ли не бесплатной раздачи, либо продажи за символическую цену, бедуинам внимание каймакама⁴³ Медины Али Юмни-бея, но безрезультатно. Консул также обращал внимание российского посла в Константинополе на то, что контрабанда оружия использовалась Лондоном как средство достижения его политических целей. По его мнению, англичане как в Йемене, так и в Хиджазе готовили население к восстанию против турецкой власти, чтобы облегчить возможность «утвердить свое господство»⁴⁴, что означало перспективу контроля над величайшими мусульманскими святынями.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

В рапорте № 5 от 18 января 1905 г. российский военный агент в Константинополе подполковник Алексеев сообщал в Главный штаб по VII отделению: «Как известно, во главе арабских шейхов, отстаивающих свою независимость от посягательств турок, стремящихся к господству в центральной части Аравии, стоит шейх Ибн Сауд, успевший укрепиться в области Эль-Касыма, составляющей северную окраину Неджда. С целью распространения своего господства и влияния в стране он, по предположению турок, стремится овладеть священным для мусульман городом Мединой, для чего будто бы вошел в тайные сношения с руководителями недавно вспыхнувшего в этом городе восстания»⁴⁵. При этом информация о движении саудитов уже не впервые поступала российскому военному командованию.

По данным Алексеева, вскоре для умирения Ибн Сауда из Басры в Эль-Касым отправилась турецкая военная экспедиция, которая «после тяжких испытаний и поражений спаслась от гибели только благодаря помощи, оказанной ей Ибн Рашидом», после чего ей пришлось предпринять новый широкомасштабный поход против Ибн Сауда⁴⁶.

Позднее, в середине октября, назначенному на должность командира VI Багдадского корпуса турецкой армии муширу⁴⁷ Ахмеду Фейзи-паше для восстановления порядка было предписано двинуться к Эль-Касиму (в северной части Неджда, между Хаилем и Кувейтом) с поступившим в его распоряжение 20-тысячным контингентом низама (регулярной армии). В корпусном округе были созданы редифы (резервисты, набираемые из числа тех, кто отслужил в армии, и регулярно проходившие переподготовку на сборах). Из константинопольских складов муширу отправили винтовки Маузера и несколько пушек. К его контингенту должны были присоединиться еще четыре-пять батальонов из Медины.

⁴² АВПРИ. 1904 г. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 778. Л. 3—3 об.

⁴³ Каймакам — заместитель, управитель уезда, или подокруга (каза), — административно-территориальной единицы в Османской империи (использовался также термин каймакамлык).

⁴⁴ АВПРИ. 1904 г. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 778. Л. 5.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 7.

⁴⁶ Там же. Л. 7 об.

⁴⁷ Маршал, высший воинский чин в турецкой армии.

Однако после осеннего выступления турецких сил под командованием опытного Фейзи-паши ситуация внутри его отряда быстро обострилась. «Начались массовые побеги и грабежи; два батальона целиком дезертировали, один из них перешел на сторону Ибн Сауда, а другой отправился в Кувейт предложить свои услуги англичанам» (по донесениям военного агента в Константинополе)⁴⁸. Понятно, что эти дезертиры были местными арабами. В целом для турок обстановка была критической. Основываясь на данных российской военной разведки, Главный штаб в сводном обзоре от 26 марта 1905 г. «Волнения в Аравии», подписанном генерал-майором А.А. Поливановым⁴⁹, отмечал низкий моральный дух солдат и даже офицеров: «солдаты, убежденные в дурном исходе ее, стали дезертировать еще до выступления в поход, и даже офицеры подавали прошения об отставке; выючных животных было недостаточно, так как арабы, у которых их можно бы найти, удалились»⁵⁰. Это Алексеев объяснял исключительно неблагонадежностью войска и низкими качествами самого корпусного командира, а также недостатком средств вилайета для снабжения экспедиции всем необходимым. Действия же Ибн Сауда были настолько успешными, что туркам пришлось даже приостановить отправку экспедиции. Султан вернулся к своему прежнему решению лишь по настойчивому ходатайству мекканского Шарифа, который считал Ибн Сауда, равно как и шейха Кувейта Мубарака Ас-Сабаха, «непримиримым врагом Турции и орудием английской политики»⁵¹. Параллельно с войсками мушира в Медину было решено двинуть еще несколько батальонов.

Хотя российский военный агент не комментировал утверждение об английских связях Ибн Сауда, он постоянно сообщал о поддержке его движения англичанами. В какой-то мере этого же мнения придерживались и российские дипломаты, служившие в императорском консульстве в Джидде, они иногда даже путали Ибн Сауда с Мубараком. Косвенно в пользу английских связей с недждийским вождем свидетельствовала его поддержка Мубараком, находившимся под покровительством Англии. Алексеев приводил несколько фактов, свидетельствовавших о заинтересованности Англии в антитурецком восстании в Аравии, что в принципе вряд ли можно было подвергнуть сомнению. В частности, англичане отправили в Персидский залив в дополнение к двум постоянно находившимся там военным кораблям еще два. Как доносил военному агенту его постоянный источник из ближайшего окружения турецкого вали Басры, поездка в Кувейт английского капитана с тремя чиновниками «имела целью расширение владений кувейтского шейха и изыскание средств помочь шейху Ибн Сауду в его борьбе с турками»⁵². Английские должностные лица отправились в Басру, а затем в Багдад, где заявили о своем желании посетить Неджд, но в этом им было отказано.

После 15-дневного похода сильно ослабленным дезертирством и потерявший верблюдов отряд мушира дошел до колодцев Вахиса в шести переходах к югу от Неджефа⁵³ и остановился. Ахмед Фейзи-паша запросил инструкций у военного министерства.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 67 об.

⁴⁹ Поливанов, Алексей Андреевич (1855–1920) — известный российский, затем советский военный деятель. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в январе–июне 1905 г. — второй генерал-квартирмейстер (куратор разведки), с июня 1905 по февраль 1906 г. — исправляющий должность начальника, в феврале–апреле 1906 г. — начальник Главного штаба, с 1906 г. — генерал-лейтенант, с 1911 г. — генерал от инфантерии, в 1912–1917 гг. — член Государственного совета, в 1915–1916 гг. — военный министр. Принял Октябрьскую революцию, с февраля 1920 г. служил в РККА, был членом Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете, членом Особого совещания при Главкоме. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры вместе с единственным сыном Александром, офицером Русской императорской армии, погибшим на фронте в 1914 г.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 67.

⁵¹ Там же. Л. 7.

⁵² Там же. Л. 11 об.

⁵³ Священный город в современном Ираке, к югу от Багдада, где находится одна из главных шиитских святынь, объект массового паломничества — гробница Али бин Аби Талиба, двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада.

Но умелый тактик Ибн Сауд, не желая идти на неоправданный риск, повел хитрую игру с турками. Он «с многочисленными своими приверженцами» прибыл в Басру и испросил свидание с местным вали. Русская военная разведка через свою агентуру узнала о содержании телеграммы, отправленной басрским вали в Константинополь: он информировал о результатах встречи с Ибн Саудом. Недждийский вождь «уверял в своей преданности султану, просил об отмене принятой против него экспедиции и, в случае согласия на свою просьбу, предлагал снабдить турецкий отряд всем необходимым для возвращения в Басру» (рапорт от 12 февраля 1905 г.)⁵⁴. При этом Ибн Сауд «просил обратить внимание на происки Джебель-Шаммарского шейха Ибн Рашида», которого он считал виновником затеянной против него турецкой кампании. Проявляя разумную осторожность, опытный Ибн Сауд отклонил присланное ему от имени султана приглашение прибыть в Константинополь для объяснений. По мнению российского посла в Константинополе, султан одновременно и хотел помириться с Ибн Саудом, и опасался оскорбить этим своего верного сторонника рашидидского шейха.

Во второй половине февраля Ибн Сауд вновь обратился к султану с просьбой о помиловании, «выражая согласие на утверждение турецкой власти в его области Аль-Касyme» (рапорт от 20 марта 1905 г.)⁵⁵. Султан предписал басрскому вали объявить Ибн Сауду о помиловании и о том, что отряд Фейзи-паши направлен в Аль-Касым для утверждения там турецкой власти, так же как и другой отряд в Медину. В то время действия недждийского вождя против Ибн Рашида, писал агент, «побудили султана усомниться в искренности уверений Ибн Сауда». Поэтому планы проведения военной экспедиции остались прежними. 27 февраля 1-й, 2-й и 4-й батальоны 40-го пехотного полка, расквартированные в Медине, получили приказ двинуться в Аль-Касым⁵⁶.

После того, как Ибн Сауд «проявил полную готовность подчиниться вали султана», мушир привел его к присяге и вручил ему управление Аль-Касымом с прилегающими областями, объединенными под общим названием «Риад»⁵⁷. По мнению военного агента, мушир был вынужден ограничиться этой мерой, получив от Ибн Сауда гарантии поддержания порядка. Однако шейх Мубарак продолжал снабжать Ибн Сауда оружием, что не способствовало стабильности положения. Не менее шатким было оно и в Хиджазе, где продолжало шириться недовольство. Агент сообщал, что турецкие войска в Хиджазе «терпят во всем нужду».

По донесению военного агента, удачливому командиру Фейзи-паше удалось занять Бурейду и Анейзу, после чего он поехал в Медину, а оттуда через Джидду переправился в соответствии с новым назначением в Йемен⁵⁸.

Штаб КВО продолжал развивать неоднозначную тему «узурпации священной власти халифов» царствующим турецким султаном, в то время как «истинный халиф — потомок Магомета — находится среди арабов» (секретный доклад второму генералквартирмейстеру Главного штаба по VII отделению от 28 июля 1905 г. за подписями начальника штаба и старшего адъютанта)⁵⁹. Для осторожности штабисты сообщали об этом, ссылаясь на мнение надворного советника Аверьянова, который свои умозаключения выстраивал, опираясь на распространяемые среди турецких мусульман английские прокламации на турецком языке.

В рапорте от 12 декабря 1905 г. Алексеев, теперь уже полковник Генерального штаба, опять сообщал о создании в Аравии нового образования — то ли вилайета, то ли мутесаррифлыка⁶⁰ Аль-Касыма. Позднее, 17 марта 1906 г., Алексеев информировал, что маленький

⁵⁴ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 17 об.

⁵⁵ Там же. Л. 23.

⁵⁶ Там же. Л. 26.

⁵⁷ Там же. Л. 41.

⁵⁸ Там же. Л. 79.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 82.

⁶⁰ Территориально-административная единица второго уровня, входивший в вилайет округ. Некоторые мутесаррифлыки в Османской империи получали автономный статус, близкий к статусу вилайета.

в недавнем прошлом турецкий отряд был опять увеличен и доведен до 10 батальонов. Благодаря успешной агентурной работе и анализу открытой информации Главный штаб точно знал, откуда именно были направлены войска на укрепление этого гарнизона.

Передвижения турецких войск интересовали Петербург не столько ввиду самозначимости для России положения в Аравии, сколько опять же в плане возможности возникновения нового военного конфликта между ней и Портой. В штабе пришли к выводу, что войска V и VI корпусов, которые в случае войны с Россией, «несомненно, будут двинуты к Закавказью», из-за необходимости удержания ситуации в Западной Аравии под контролем окажутся «значительно ослабленными в своем составе»⁶¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российские дипломаты, и особенно военная разведка, прогнозировали возможность новых обострений обстановки в Западной и Центральной Аравии. Так, Ибн Сауд при первом удобном случае мог снова поднять восстание, особенно если усилится «арабское движение» в соседней с Недждом Хиджазской провинции. В своих прогнозах военные аналитики шли еще дальше, во многом выдавая желаемое за действительное. Они утверждали, будто бы арабские волнения вообще грозили принять характер всеобщего движения арабов с целью освобождения от турецкого владычества. Арабы действительно восстали, только это произошло не так скоро, как прогнозировали некоторые российские гражданские и военные дипломаты. Что же касается российско-турецких отношений, то признаки приближающегося столкновения между двумя державами довольно четко просматривались через призму аравийской действительности, где важную роль играл религиозный фактор, не говоря уже о далеко идущих планах определенных кругов политической элиты и в Петербурге, и в Константинополе, хотя до Первой мировой войны оставалось еще несколько лет. За это время предстояло создание Антанты с участием России, заключение русско-английского соглашения 1907 г., должны были свершиться младотурецкая революция 1908 г., балканские войны 1912–1913 гг. и многое другое. Пока даже Россия не была заинтересована в дестабилизации ситуации в Османской империи. При этом в эволюции российского внешнеполитического курса в ближневосточном регионе в рассматриваемый период проявлялось влияние противоборства различных групп петербургских политических элит, ориентированных на разные зарубежные центры силы и оказывающих непосредственное влияние на формирование российской внешней политики.

Отношения России с мировыми и региональными державами на Ближнем Востоке в то время были составной частью сложного геополитического, зачастую маятникового, маневрирования между многочисленными глобальными и региональными центрами силы. Именно таким путем, в частности, развивались и российско-британские отношения в регионе: они переживали взлеты и падения, но, как показывают исследованные в статье документы, недоверие и соперничество все же были их постоянными неотъемлемыми характеристиками.

Библиография

Ишаев Ш. Мекка, священный город мусульман. Рассказ паломника // Средне-Азиатский вестник. Ташкент, декабрь 1896. С. 45–83.

Наумкин В.В. Русский дипломат в вилайете исламских святынь в начале XX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1 (38). С.229–260.

Никольский М.Э. Паломничество мусульман в Мекку // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. СПб., 1911. Т. СХХV. С. 603–638.

Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов. Черновая рукопись // Архив Национального центра рукописей Грузии. Личный фонд К.Н. Смирнова. 1937. Ф. 39. Д. 37.

⁶¹ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 109.

Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Saarbrücken, 2015.

References

Ishaev Sh. Mekka, svyashchennyj gorod musul'man. Rasskaz palomnika [Mecca, the sacred city of the Muslims. The story of the pilgrim] // Sredne-Aziatskij vestnik. Tashkent, dekabr' 1896 [Middle-Asian Bulletin. Tashkent, December 1896]. P. 45–83. (In Russ.)

Naumkin V.V. Russkij diplomat v vilajete islamskih svyatyn' v nachale XX veka [Russian diplomat in the vilayet of Islamic Holiest Sites in the beginning of the 20th century] // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2020. № 1 (38). P. 229–260. (In Russ.)

Nikolskiy M.E. Palomничество musul'man v Mekku [The Muslim pilgrimage to Mecca] // Istoricheskiy Vestnik. Istoriko-Literaturniy Zhurnal [Historical Bulletin. Historical and literary magazine]. Sankt-Peterburg, 1911. Vol. CXXV. P. 603–638. (In Russ.)

Smirnov K.N. "Intellidzhens" Kavkazskogo fronta v period 1878–1918 godov. Chernovaya rukopis' ["Intelligence" of the Caucasian Front in the period of 1878–1918. Draft manuscript] // Arhiv Nacional'nogo centra rukopisej Gruzii. Lichnyj fond K.N. Smirnova [Archive Of the national center of manuscripts of Georgia. Personal Fund of K.N. Smirnov]. 1937. Fund 39. File 37. (In Russ.)

Ter-Oganov N.K. Iz istorii razvedki SHKVO v Turcii i Irane (1870–1918). K istorii razvedyvatel'noj deyatel'nosti neglasnyh voennyh agentov Shtaba Kavkazskogo VO v Turcii i Irane (1870–1918 gg.) [From the history of intelligence of the Headquarters of the Caucasian Military District in Turkey and Iran (1870–1918). On the history of intelligence activities of covert military agents of the Headquarters of the Caucasian Military District in Turkey and Iran (1870–1918)]. Saarbrücken, 2015. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640014270-5

© 2021 г. Г.С. ОСТАПЕНКО

СЕКРЕТЫ ВЫЖИВАНИЯ БРИТАНСКОЙ МОНАРХИИ: ОТ ВИКТОРИИ ДО ГЕОРГА V (1837–1936 годы)

*Остапенко Галина Сергеевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*

E-mail: ostap-man@mail.ru

Researcher ID: AAY-3175-2020

Аннотация. В статье анализируются причины сохранения британской монархии в условиях развития демократического процесса. Статья разделена на три части. В первой части прослеживается, как в эпоху либеральных реформ королева Виктория (1837–1901 гг.), лишавшаяся исполнительной власти, которая переходила к премьер-министрам, во многом благодаря своим личным качествам, соответствовавшим протестантским ценностям поднимающейся буржуазии, сохранила свою общественную значимость, а ее семья стала образцовой семьей нации. Анализируется книга английского экономиста В. Баджота «Английская конституция» (1867 г.), в которой фиксируется фактическое превращение королевства в республику и выявляются новые рычаги воздействия монарха на власть. Во второй части статьи показано, как королю Эдуарду VII (1901–1911 гг.) при сохранении политической нейтральности с помощью круга высокопоставленных друзей и личной инициативы удалось содействовать обновлению внешнеполитического курса страны. В третьей части статьи при анализе царствования Георга V (1911–1936 гг.) большое внимание уделяется его роли как двигателя национального патриотизма в годы Первой мировой войны и его посредничеству при урегулировании внутрипартийных и межпартийных конфликтов, что явилось реализацией отмеченной Баджотом резервной функции монарха. Исследование показало, что в условиях развития демократического процесса произошло и укрепление института монархии в его новом предназначении: символа объединения нации в чрезвычайных ситуациях, фактора, влияющего на сохранение социальной стабильности, уникальных рычагов воздействия на власть, выявленных Баджотом. В сознании британцев остается и образ идеальной королевской семьи. Все это и является секретами выживаемости монархии. Но имеется еще один фактор — островное положение Англии, оградившее ее от внешних вторжений и способствовавшее сохранению ее традиций. Монархия и стала одной из почитаемых традиций.

Ключевые слова: Британская монархия, королева Виктория, король Эдуард VII, король Георг V, В. Баджот, демократический процесс, премьер-министр.

G.S. Ostapenko

Secrets of Survival of the British Monarchy: from Victoria to George V (1837–1936)

*Galina Ostapenko, Department of Modern and Contemporary History, Institute of World History,
Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).*

E-mail: ostap-man@mail.ru

Researcher ID: AAY-3175-2020

Abstract. The article analyzes the reasons for the preservation of the British Monarchy in the context of the development of the democratic process. The article is divided into three parts. The first part traces how, in the era of liberal reforms, Queen Victoria (1837–1901), deprived of executive power, which passed to the Prime Minister, largely due to her personal qualities, which corresponded to the Protestant values of the rising bourgeoisie, retained her social significance, and her family became the model family of the nation. The book by the English economist W. Bagehot “The English Constitution” (1867) which records the actual transformation of the kingdom into a republic and identifies new levers of influence of the monarch on power, is analyzed. The second part of the article shows how King Edward VII (1901–1911) while maintaining political neutrality, managed to promote the renewal of the country's foreign policy with the help of a circle of high-ranking friends and personal initiative. In the third part of the article, when analyzing the reign of George V (1911–1936), much attention is paid to his role as an engine of national patriotism during the First World War and to his mediation in the settlement of intra-party and inter-party conflicts, which was the implementation of the reserve power of the Monarch noted by Bagehot. The study shows that in the context of the development of the democratic process, the institution of the Monarchy was also strengthened in its new purpose: a symbol of the unification of the nation in emergencies, a factor affecting the preservation of social stability, and unique levers of influence on power, identified by Bagehot. The image of the ideal royal family remains engraved in the British psyche. All these are the secret of the survival of the Monarchy. But there is one more factor – the island position of Britain, which protected it from external invasions and contributed to the preservation of its traditions. The Monarchy has become one of the most revered traditions.

Keywords: British Monarchy, Queen Victoria, King Edward VII, King George V, W. Bagehot, democratic process, prime-minister.

Монархия – один из древних государственных институтов, доживших до настоящего времени. На Востоке монархия процветает и поныне. В Европе конституционные монархии помимо Великобритании сохранились в Бельгии, Дании, Испании, Лихтенштейне, Люксембурге, Монако, Нидерландах, Норвегии и Швеции. Монархическая идея находит своих сторонников и в России. Русская православная церковь при всей ее лояльности к современному политическому режиму считает монархию идеальным государственным устройством. В Соединенном Королевстве с XVII в. трон не переживал серьезных потрясений. При этом присутствует преувеличение роли и полномочий современного британского суверена.

В данной статье автор ставит перед собой две основные задачи. Первое: раскрыть причины выживания британского института монархии, который в ходе демократического процесса, теряя исполнительские функции, сумел остаться частью государственной системы и сохранить отдельные самостоятельные полномочия, что и отличает его от собратьев континентальной Европы. Второе: показать особенности царствования королевы Виктории (1837–1901 гг.) и двух ее наследников – сына Эдуарда VII (1901–1911 гг.) и внука Георга V (1911–1936 гг.). Значительное внимание уделяется правлению королевы Виктории, поскольку именно в этот период суверен лишился исполнительной власти, которая переходила к премьер-министру и его кабинету.

КОРОЛЕВА ВИКТОРИЯ – «МАТЬ НАЦИИ»

Королева Виктория царствовала 64 года. Это была эпоха промышленного, торгового, морского и колониального могущества Великобритании, а в политической сфере – расцвета либерализма, когда Британия шагнула от олигархии к демократии. Изучение личности и правления Виктории облегчается уникальным наследием, которое она оставила своим потомкам: объемные тома дневников и переписки с бельгийским королем Леопольдом, дочерью Викки и министрами правящего кабинета.

Виктория выгодно отличалась от своих предшественников – Георга IV и Вильгельма IV – молодостью, обаянием и воспитанием в христианских традициях, а от природы обладала волей и решительностью. Премудростям королевской власти Викторию обучал ее дядя, бельгийский король Леопольд. Сразу же после вступления ее на престол дядя дал ей несколько важных советов: постоянно подчеркивать свое английское происхождение, чтобы избежать упреков в онемечивании династии, при каждом удобном случае восхвалять достоинства английской нации, поддерживать государственную англиканскую церковь и, в свою очередь, опираться на нее. Но прежде всего королева, как и ее подданные, должна трудиться, чтобы соответствовать ценностям протестантской религии и предпринимательского общества¹.

Последний совет был особенно важен, так как основой религиозного мировоззрения большинства ее граждан был протестантизм, включающий государственную англиканскую церковь (Церковь Англии) и совокупность конфессий, т.е. «свободных» или неконформистских церквей. Концепция предопределения к спасению в неземной жизни, заложенная в богословской доктрине протестантизма, отдавала предпочтение не выполнению предписаний церкви, а стимулировала верующего к доказательству своей богоизбранности через достижения успеха в трудовой деятельности². Виктория добросовестно следовала этим советам, что укрепляло ее связи с подданными. Но Леопольд был далеко, а в Англии для роли наперсника больше всего подходил глава правительства вигов лорд Мельбурн.

К моменту восшествия Виктории на престол достопочтенному лорду было 58 лет, и он уже три года занимал пост премьер-министра. Страсть к чтению, а отсюда и глубокие познания в области философии и истории, сформировала его как личность и позволила достичь политических высот. В свои далеко не молодые годы лорд выглядел импозантным и привлекательным. В отношениях с молодой королевой премьер-министр неизменно соблюдал дистанцию, и его трогательная забота и почтительность не переходили в фамильярность. Виктория подкупала лорда своей открытостью, а близость к трону тешила его тщеславие. Совместная, почти ежедневная, работа с государственными бумагами, в ходе которой Виктория вникала в суть политических проблем, и беседы о британской конституции и истории империи, пополнявшие не столь глубокое образование королевы, сменялись продолжительными прогулками верхом и торжественными ужинами с танцами³.

В обществе ходили слухи, что Виктория влюблена в своего министра. Судя по дневниковым записям, молодая королева действительно находилась в состоянии влюбленности и в течение нескольких лет, осуществляя предначертанные ей функции, полагалась на опыт и мудрость своего кумира⁴. Это время – самый беззаботный период царствования Виктории. Исполнение монарших обязанностей приносит ей удовлетворение и радость⁵.

28 июня 1838 г. состоялась коронация Виктории, что узаконило ее нахождение на престоле. А вскоре начались и первые неприятности. Самой тяжелой из них была отставка вигского кабинета Мельбуерна в 1839 г., имевшего лишь незначительное большинство в Палате общин. Приход к власти нового торийского правительства во главе

¹ Munich A. Queen Victoria's Secrets. New York, 1996. P. 237; Остапенко Г.С. Британская монархия от королевы Виктории до наследников Елизаветы II: концепция управления и личность суверена. М., 2015. С. 31–32.

² См. подробнее: Вейш Я.Я. Религия и церковь Англии. М., 1976. С. 32–58; Остапенко Г.С. Британские церкви во второй половине XIX – первой четверти XXI в.: социальный и исламский вызовы. СПб., 2018. С. 13–18.

³ Weintraub S. Victoria. London, 1996. P. 100–108.

⁴ Hibbert Ch. Queen Victoria in Her Letters and Journals. London, 1984. P. 25; Weintraub S. Op. cit. P. 100–108.

⁵ Hibbert Ch. Op. cit. P. 24.

с известным политиком Р. Пилем не устраивал королеву только из-за привязанности к Мельбурну. Правда, в данном случае, используя уходящее в историю право монарха назначать премьер-министров, Виктории удалось на некоторое время вернуть своего кумира. Фактически же этот случай был последним, когда суверен смог помешать формированию нового кабинета⁶.

Конституционная реформа 1832 г., расширившая электорат за счет представительства промышленной буржуазии, обеспечила выборы более демократичного парламента. В пределах него политические группировки вигов и тори постепенно превращались в Либеральную и Консервативную партии с определенными идеологическими установками. Кабинет министров, комплектуемый политической группировкой, получившей большинство в Палате общин, приобретал авторитет в обществе⁷. Из рук суверена уплывала возможность играть на противоречиях между фракциями и в самом правительстве, а следовательно, и его мнение оставалось без весомой поддержки. Но процесс был еще далек от своего завершения, и в изменяющейся обстановке многое зависело от двух личностей – самого суверена и его премьер-министра.

Что же касается личной жизни Виктории, то здесь судьба ей благоволила. Уже вскоре лучшим советником и опорой Виктории стал ее супруг принц Альберт, являвшийся племянником Леопольда по другой родственной линии, уроженец небольшого германского герцогства Кобург. Их первая встреча состоялась весной 1836 г., когда направляемые рукой дяди Леопольда принцы Альберт и его старший брат Эрнест прибыли в Лондон. При знакомстве Виктория была очарована Альбертом, на что и рассчитывал Леопольд. Однако он предупредил племянницу, что брак будет возможен только после достижения ею 18 лет, поскольку тогда возможность регентства исчезнет, как злой рок⁸.

10 октября 1839 г. принц Альберт в сопровождении Эрнеста вновь посетил Лондон. Не являясь наследником герцога Кобурга, принц был озадачен устройством своей дальнейшей судьбы, что соответствовало и планам кобургского клана. Судя по характеристикам, данным биографами, Альберт являл собой идеал молодого человека. Природа наделила его привлекательной внешностью, умом и волей. Домашнее образование, включавшее уроки музыки и чтение произведений немецкой литературы и философии, было дополнено занятиями с профессором математики в Брюсселе, углубленным изучением юриспруденции, политической экономии в Боннском университете и путешествием в Италию для знакомства с памятниками античной культуры⁹.

Новая встреча с Альбертом была для Виктории подобна удару молнии. Теплые чувства, оставшиеся в душе Виктории после первой встречи, вспыхнули с новой силой. Пожилой светский лев и удачливый политик отошел на задний план. Молодость и красота взяли верх. 11 октября влюбленная девушка в дневнике с восхищением описывает каждую черточку милого ей лица. И в заключение признание: «Мое сердце окончательно покорено»¹⁰.

14 октября королева сказала лорду Мельбурну, что готова к замужеству. На следующий день состоялось объяснение Виктории с Альбертом. Дневнику Виктория поведала о самом сокровенном, не скрывая и того, что сама сделала принцу предложение соединиться с ней на всю жизнь¹¹. Она была королевой великой державы и свое решение принимала самостоятельно. Обожание и любовь к супругу не покидали Викторию всю их совместную жизнь.

⁶ Остапенко Г.С. Британская монархия... С. 39.

⁷ См. подробнее: Айзенштадт М.П. Британский парламент и общество в 30–40-х гг. XIX в. М., 1997. С. 250–252.

⁸ Weintraub S. Op. cit. P. 69–90.

⁹ Grey C. The Early years of His Royal Highness the Prince Consort compiled under the direction of Her Majesty the Queen, 4 ed. London, 1867. P. 1–74.

¹⁰ Hibbert Ch. Op. cit. P. 56–57.

¹¹ Ibid. P. 57.

Еще до замужества королевы было очевидно, что по образованию и интеллектуальному развитию Альберт выше Виктории и, как оказалось вскоре, не собирается ограничиться ролью супруга монархини, а готов облегчить ей бремя монарших обязанностей. О своем намерении служить во благо Британии он писал своему студенческому другу еще в ноябре 1839 г., т.е. до церемонии венчания с Викторией, но там же не забыл упомянуть, что «никогда не перестанет быть истинным немцем и человеком Кобурга и Готы»¹². Именно это и послужило причиной недоверия к принцу, в первую очередь со стороны британской знати.

Венчание молодых людей состоялось 10 февраля 1840 г. С этого времени появление детей и семейные заботы все больше сближали супругов, но не менее важным стало для них и исполнение государственных обязанностей.

В то время как королева царствовала, ее супруг вместе с ней, а нередко и без нее, делал рутинную королевскую работу. Все, что должна была видеть Виктория, проходило через его руки и возвращалось с его комментариями, а порой и проектом ответа. С немецкой скрупулезностью принц готовил меморандумы по вопросам текущей политики. Облегчая работу Виктории, Альберт, по ее признанию, формировал ее как правительницу¹³.

С утверждением авторитета Альберта с монархическим институтом произошли интересные метаморфозы. Большинство исследователей говорят о неофициальной дуалистической монархии, зародившейся еще при Мельбурне и установившейся в стране в годы министерства Р. Пиля¹⁴. К концу 1845 г., не имея титула короля, Альберт по существу выполнял его обязанности. По мнению секретаря Тайного совета Ч. Гревилла, принц стал одной личностью с Викторией, но при этом бремя государственных обязанностей в большей степени лежало на нем¹⁵.

Постепенно в духовной жизни британского общества под влиянием двора стали складываться принципы так называемой викторианской эпохи. Представители возрастающего в своей численности буржуазного класса с одобрением взирали на брак Виктории и Альберта, заключенный по любви, на их пристрастие к домашнему очагу и семейным ценностям, на усердие и чувство долга, проявленные супругами в служении на государственном поприще. Симпатию вызывали и простота в одежде и убранстве замков, высокие нормы морали, принятые при дворе, и, наконец, искренняя религиозность королевской четы¹⁶.

Женская часть общества с умилением приветствовала появление в семье монарха каждого из девяти детей. А семья Виктории и Альберта утвердилась как идеальная семья, о которой до сих пор складывают легенды¹⁷.

Влияние монархии на государственную политику зависело от отношений королевской четы с министрами. Как правило, дворец информировали о происходящем, строго следовали всем традиционным ритуалам уважения к короне, но к советам, содержащимся в меморандумах Альберта, прислушивались не всегда. Лучшие контакты складывались с кабинетами, представлявшими группировку тори, а позднее Консервативную партию. Более сложные отношения возникали с вигским правительством. Особенно неприятным для Виктории и Альберта было привлечение в вигский кабинет лорда Дж. Рассела (1846–1852 гг.) на должность министра иностранных дел лорда Г.Дж.Т. Пальмерстона, устранявшего Викторию и Альберта от участия в деятельности его ведомства. В связи с этим имела место даже безуспешная попытка королевы сместить министра с его поста¹⁸.

¹² Weintraub S. Op. cit. P. 135.

¹³ Остапенко Г.С. Британская монархия... С. 53.

¹⁴ Cannadine D. History in our Time. London, 1999. P. 42.

¹⁵ The Greville Memoirs. Vol. VII. London, 1938. P. 305.

¹⁶ Thomson D. England in the 19th Century 1815–1914. London, 1964. P. 91–107; Cannadine D. Op. cit. P. 143.

¹⁷ Остапенко Г.С. Британская монархия... С. 117–123.

¹⁸ Там же. С. 58.

В ходе революции 1848 г. царствующая чета была обеспокоена судьбой европейских королевских династий. «Кажется, лицо Европы изменилось, – писала Виктория в этот год. – Я уверена, что революция всегда зло для страны и причина невероятной нищеты для народа»¹⁹. Солидарность с монархами континента являлась одной из постоянных забот британских суверенов.

Важным событием в жизни дворца и всей страны была Всемирная выставка машин, товаров, предметов прикладных искусств и скульптуры, проходившая в Лондоне в 1851 г. Идея проведения такого мероприятия, как и его организация, принадлежала Альберту. Газеты называли проведение выставки главным событием века²⁰. Благодаря ее устройству Виктория и Альберт идентифицировали себя с ролью Великобритании как лидера в области передовых индустрии, технологий и прогресса.

В годы Крымской войны (1853–1856 гг.), где Англия и Франция выступали на стороне Турции против России, популярность монаршей четы значительно возросла. Официально войска уходили в поход по повелению королевы, солдаты с умилением принимали награды из ее рук, что и отражалось в возросшем престиже обладательницы короны и ее супруга²¹.

Удары судьбы обрушились на Викторию в 1861 г. Самыми тяжелыми были болезнь и смерть Альберта. От этого удара королева, прожившая еще 40 лет, так и не оправилась. А что же страна? Жители Лондона оделись в траур, а многие недоброжелатели, включая лорда Пальмерстона, превратились в его почитателей.

Пресса почти единодушно признала ценность деятельности принца для королевства²². Еще более впечатляющим было высказывание видного деятеля Консервативной партии, будущего премьер-министра Б. Дизраэли: «С принцем Альбертом мы похоронили нашего суверена. Этот германский принц правил Англией в течение 21 года с мудростью и энергией, которые ни один из наших королей не проявлял прежде»²³.

Погруженная в свое горе Виктория вплоть до 1874 г. не принимала активного участия в делах государства. Возвращению к нормальной жизни королева во многом была обязана Дизраэли как главе правительства (1874–1880 гг.). Причина же – в проницательности этого деятеля, увидевшего в Виктории не только правительницу, но и страдающую женщину, чем сумел завоевать ее доверие. Сближало королеву и ее премьера еще то, что консерваторам в большей степени, чем либералам, была свойственна защита престола и использование его в своих политических интересах. Существенным для самой правительницы и последующих монархов было получение ею короны императрицы Индии, дарованное ей при содействии того же премьер-министра²⁴.

Последние два десятилетия царствования Виктории отмечены противостоянием королевы и либерального кабинета, возглавляемого великим реформатором У. Гладстоном. Отстаивая защиту своих уходящих в прошлое полномочий, она с настороженностью относилась к либеральным реформам, в частности была противницей предоставления гомруля Ирландии, ограничения полномочий Палаты лордов. Впрочем, все стремления Виктории противостоять демократическим реформам оказывались тщетными.

Новые избирательные реформы 1867 и 1884 гг., проведенные либеральным и консервативным кабинетами, расширили состав избирателей, которые получили еще большую

¹⁹ *Hibbert Ch.* Op. cit. P. 75–77.

²⁰ *Briggs A.* Victorian People. A Reassessment of Persons and Themes 1851–1867. London, 1987. P. 33–36; *Weintraub S.* Op. cit. P. 214–218.

²¹ *Остапенко Г.С.* Британская монархия... С. 56–57.

²² *The Observer*, 15. XII.1861.

²³ Цит. по: *Weintraub S.* Op. cit. P. 307.

²⁴ *Blake R.* Disraeli. London, 1966. P. 765; *Трухановский В.Г.* Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. М., 1993. С. 276–280; *Виноградов В.Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. М., 2004. С. 120–129.

возможность влиять на состав Палаты общин. В ситуации, когда какая-либо партия на выборах завоевывала большинство в нижней палате и имела одного признанного лидера, все усилия монарха, направленные против того, чтобы он занял пост премьера, стали уже бесполезными. Прерогатива влиять на назначение премьер-министра осталась в руках монарха лишь в случае с «висячим» парламентом, т.е. когда ни одна из партий не обеспечивала себе большинство мест в нижней палате или же в ее руководящем ядре на роль лидера претендовало несколько деятелей.

Таким образом, именно в годы царствования Виктории монарх, не теряя общественной значимости, уходил в политическую нейтральность. Результаты этого процесса были зафиксированы в книге «Английская конституция» (1867 г.) известного экономиста В. Баджота. Автор труда сумел уловить основные тенденции эволюции монархической власти, хотя сам процесс во время написания труда еще не получил своего завершения²⁵.

Баджот пришел к выводу, что фактическая власть в стране принадлежит кабинету министров, который, в свою очередь, опирается на партию, контролирующую Палату общин. По своей структуре и полномочиям, по словам автора, все это свидетельствует, что «мы имеем в Соединенном Королевстве республику». Фасад же государственного управления, персонифицированный монархией, Баджот рассматривал как театральный спектакль, который давал упрощенное представление о действиях правительства. «При королевской власти, – отмечал он, – внимание нации концентрируется на одной личности... ее власть будет достаточно сильной и в будущем, так как она апеллирует к самым различным чувствам людей. Жизнь монарха окружена тайной, и нам не следует рассеивать эту магию с помощью дневного света»²⁶. Вместе с тем Баджот обнаружил и более глубокий смысл существования монархии. По его убеждению, королевская власть, возвышающаяся над партиями, способна нейтрализовать политическую борьбу, быть охранительным департаментом внутренней стабильности и символом национального единства.

Позднее подобное мнение было высказано английским социологом лейбористом Г.Дж. Ласки (1883–1950). Он отмечал, что в период правления Виктории и позднее монарх сохранял за собой существенную резервную власть, которая использовалась во время политических кризисов и могла потребоваться при каких-либо непредвиденных ситуациях²⁷.

Своеобразной и отвечающей сложившимся в народе представлениям о Виктории и ее доме оказалась идея Баджота о семье, находящейся на троне, как нравственном образце нации. Наблюдая упадок влияния суверена на политические процессы, Баджот определил путь выживания монархии в ее обращении к церемониальным функциям, где каждый член королевской семьи может занять свое место.

Автору классического труда принадлежит и приоритет в определении трех прав суверена: права быть информированным по всем важнейшим вопросам государственной политики, права награждать за государственные заслуги и права давать советы главе правительства или министрам. Первое и третье право – особенно существенны, так как при смене партийных кабинетов часть важных материалов остается в архивах лидеров той или иной партии, а королева, знакомая с предшествующей ситуацией, может давать нужные советы вновь избранным главам правительства²⁸. Постепенно право давать советы, реализуемое при встречах монарха и премьер-министра, стало традицией, а его значимость зависела от авторитета суверена.

Так или иначе, но власть венценосной правительницы падала, а ее престиж возрастал. Причем немалую роль в его утверждении имели ее личные качества: трудолюбие в исполнении государственных обязанностей, религиозность и скромность в быту. Все

²⁵ Bagehot W. The English Constitution. London – New York – Toronto, 1952. P. 34–63.

²⁶ Ibid. P. 30–33.

²⁷ Laski H.J. The Crisis and Constitution // Day to Day Pamphlets. 1932. № 9. P. 34–36.

²⁸ Bagehot W. Op. cit. P. 59–60.

это соответствовало протестантским ценностям ее эпохи, в которую Виктория гармонично вписалась. Особое место легендарной монархини во внутренней и имперской политике королевства очень точно определил английский историк Д. Кэннедайн: «В Британии и менее значительно в большей части Ирландии Виктория олицетворяла собой образ матери нации, нравственного идеала, возвышающегося над грубой повседневностью; в международном плане она стала имперским матриархом»²⁹. Последнее указание Кэннедайна не случайно, так как именно во времена Виктории Британская империя расширилась в размерах и достигла своего могущества.

Можно сказать, что секреты выживаемости британской монархии были определены особенностями жизни и правления королевы Виктории и политикой ее выдающихся премьер-министров, которые, проводя демократические реформы, оставались монархистами. В обстановке могущества и внутренней стабильности страны она стала символом национального единства, имперского величия и всех достижений, обеспеченных реформами и авторитетом их инициаторов, начиная от Р. Пиля и кончая лордом Солсбери.

При трансформации роли короны от властных полномочий к влиянию, согласно наблюдению Баджота, сформировались церемониальные функции монарха, дошедшие до настоящего времени.

Для большей части подданных разница между церемониальными и реальными прерогативами Виктории едва просматривалась, и создавалось впечатление, что именно королева, а не премьер-министр, является центром государственного управления.

ЭДУАРД VII – «КОРОЛЬ-ОЧАРОВАНИЕ»

Это определение старший сын Виктории, вступивший на престол в 60-летнем возрасте под именем Эдуарда VII, получил благодаря привлекательной внешности, веселому нраву и многочисленным любовным похождениям. Эти же пристрастия послужили причиной, по которой королева считала сына виновным в смерти принца Альберта и недолюбливала его. В результате наследник не был посвящен в премудрости королевского управления.

Тем не менее Виктория и Альберт уделили немало внимания его обучению в юности. Эдуард первый из наследников получил образование вне стен дворца, прослушав курсы по гуманитарным и естественным наукам в Оксфордском и Кембриджском университетах³⁰. Вместе с тем, опасаясь, что склонность Эдуарда к светским искушениям расшатает трон, родители нашли выход в его ранней женитьбе. Их выбор пал на дочь наследника датского короля Фредерика VII, вступившего в 1863 г. на трон под именем Христиана IX, 17-летнюю Александру. Дочь обучали музыке, танцам, живописи, она славилась красотой, грацией и искусством верховой езды.

Жених и невеста понравились друг другу. Свадьба состоялась 10 марта 1863 г. Брак оказался прочным, но своеобразным. Женитьба не смогла обуздать бурный темперамент принца. Прежнее веселое времяпровождение стало постоянной частью жизни принца, а с 1901 г. и короля. Александра же постепенно приучила себя воспринимать амурные похождения супруга как проказы озорного школьника. К тому же ранняя глухота лишила ее возможности вести светский образ жизни. Утешение она нашла в религии и заботе о детях. Груз образцовой семьи нации лежал на ее плечах.

Эдуард проявлял сочувствие к недугу Александры. Его жизнелюбия хватало на то, чтобы превратить каждое свое появление в доме в праздник. Дети росли в обстановке семейного тепла и, в свою очередь, обожали родителей. Эдуард считал себя счастливым отцом и в августе 1894 г. писал 29-летнему младшему сыну, будущему королю Георгу V:

²⁹ Cannadine D. Op. cit. P. 43–44.

³⁰ Остапенко Г.С. Британская монархия... С. 155–163; Lee S. King Edward VII. A Biography. Vol. I. From Birth to Accession. London, 1925. P. 27–31; Gore J. King George V. A Personal Memoir. New York, 1941. P. 7–8; Magnus Ph. King Edward the Seventh. New York, 1964. P. 2–28.

«Мы скорее братья, чем отец и сын»³¹. С этого времени ушла в прошлое традиция враждебности между сувереном и наследником, характерная для XVIII столетия.

При Эдуарде VII процесс устранения суверена от исполнительной власти имел свое продолжение. Это касалось ограничения его прав получать информацию о деятельности кабинета. Официальное общение монарха и премьер-министров постепенно сводилось к их регулярным встречам. При этом последние становились рупором всего кабинета³². В церемониальном распоряжении от 3 декабря 1905 г. Эдуард признал новый статус премьер-министра как высшую координирующую власть³³.

И все же устранение суверена от исполнительной власти нельзя назвать абсолютным. Подтверждением этому может служить негативное отношение Эдуарда к инициированной либеральным кабинетом Г. Асквита в январе 1910 г. реформе по ограничению прав Палаты лордов³⁴. Его личный секретарь барон Ноллис сообщил Асквиту, что «король считает, что политика правительства приведет к разрушению Палаты лордов»³⁵.

В Палате общин Асквит признал, что ему не удалось получить от Эдуарда VII желаемых гарантий, но при этом напомнил депутатам об утвердившейся традиции, согласно которой «обязанность государственных деятелей в этой стране состоит в том, чтобы держать суверена и прерогативы Короны в целом вне сферы деятельности политических партий настолько, насколько это возможно»³⁶. Вместе с тем сам премьер-министр еще не решился следовать этой установке. Конституционный кризис остался неразрешенным.

В целом же независимый характер короля не позволил ему наладить дружеские отношения с премьер-министрами правящих кабинетов. И все же худшие предположения Виктории в отношении царствования сына не оправдались. Эдуард VII сумел проявить себя в ряде областей внутренней и внешней политики и принести пользу своему государству. Это произошло благодаря кругу высокопоставленных друзей, близких ему по интересам и духу.

Лидерство в этом придворном клубе принадлежало лорду Эшеру, который, обладая обширными знаниями в области военного дела и международной политики, не раз отказывался от престижных назначений. Пристрастием Эшера была игра за сценой в образе серого кардинала, и дружба с королем обеспечила ему эту роль. В марте 1905 г. монарх сказал Эшеру: «Хотя Вы и не являетесь государственным служащим, я считаю Вас самым ценным из таковых»³⁷.

Во внутренней политике Эдуарда интересовало положение в армии и на флоте, во внешней — европейские дела. Реформа во флоте, укрепившая боеспособность Англии накануне Первой мировой войны, была проведена одним из круга его друзей — военноморским министром Дж. Фишером при непосредственной поддержке короля. Столь же необходимая реформа в армии, последовавшая после окончания войны в Южной Африке в 1902 г., также проводилась при содействии Эдуарда VII. Глава военного министерства У.Д. Бродрик в консервативном правительстве А.Дж. Бальфура, имевший отнюдь не добрые отношения с королем, в мемуарах признал этот факт³⁸.

Из других инициатив короля следует назвать его содействие в заключении англо-французского союза 1904 г., что соответствовало новому направлению во внешней политике Англии — расставанию с политикой блестящей изоляции при сохранении баланса сил в Европе и вовлечению в дела континента. Задачу облегчало то обстоятельство, что

³¹ *Magnus Ph.* Op. cit. P. 279.

³² *Остапенко Г.С.* Британская монархия... С. 165–166.

³³ *Magnus Ph.* Op. cit. P. 281.

³⁴ *Ibid.* P. 114–115.

³⁵ *Spender J.A. and Asquith C.* Life of Herbert Asquith, Lord Oxford and Asquith. Vol. 1. London, 1932. P. 261.

³⁶ Great Britain. The Parliamentary Debates. House of Commons. 1910. Vol. 14. Col. 55–56.

³⁷ *Magnus Ph.* Op. cit. P. 283–286.

³⁸ *Ibid.* P. 277, 288, 295.

сердце короля с молодых лет принадлежало Франции. Большое значение для подготовки благожелательной обстановки для заключения этого договора имел визит Эдуарда во Францию в мае 1903 г., в ходе которого он сумел завоевать доверие президента страны Э. Лубе и симпатии французской публики³⁹.

Политическая оценка вклада короля в подписанное 8 апреля англо-французское соглашение уже после смерти монарха была сделана бывшим главой правительства, лидером консервативной оппозиции Бальфуrom: «Его Величество сделал то, что ни министры, ни кабинет, ни послы, ни договоры, ни протоколы, ни дебаты, ни банкеты не могли сделать. Король, благодаря своей личности и только благодаря ей, донес до сознания миллионов людей на континенте дружеские чувства нашей страны»⁴⁰.

Сравнивая в общих чертах царствование Виктории и Эдуарда, можно констатировать, что если Виктория боролась главным образом с лидерами либералов за сохранение своих полномочий, в первую очередь за право влиять на назначение премьер-министра, то ее наследник, проявив инициативу и самостоятельность в ряде областей политики, оставался в отведенном ему конституционном поле. Церемониальные функции, несколько утраченные при королеве Виктории после смерти ее супруга, при Эдуарде VII вернули свой блеск и парадность.

Характеризуя личность своего сына, Виктория ошиблась еще в одном, в том что он не способен на глубокие чувства. Эдуарду исполнилось 57 лет, когда он встретился со своей самой сильной любовью – 29-летней дочерью адмирала и супругой офицера знатного происхождения – Алисой Кеппел. Эта хорошо образованная любовница-аристократка стала душой дружеской деловой компании Эдуарда. Именно она умела сглаживать внутренние трения и выступать посредником в отношениях с министрами. Либеральные политические взгляды Кеппел, ее дружба с Д. Ллойд Джорджем оказались особенно полезны в годы правления либерального кабинета⁴¹. Во всех биографиях Эдуарда Кеппел предстает не только как возлюбленная принца, а затем короля, но и как его мудрая наперсница⁴².

О фривольной жизни и любовных похождениях своего суверена британская публика знала мало. Все ограничивалось толками и сплетнями в кругах придворной знати. Там же бытовали разные точки зрения. Одни характеризовали Эдуарда VII как первого джентльмена Европы и способного дипломата. Другие обращали внимание на его легкомыслие и донжуанство⁴³.

При всем этом можно утверждать, что Эдуард VII не уронил престиж монархии. Не вступая в прямой контакт с премьер-министрами, а действуя через влиятельных друзей, он оказал позитивное влияние на ряд направлений внутренней и внешней политики Британии.

ГЕОРГ V – ИДЕАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ МОНАРХ

Примечательной чертой царствования преемника Эдуарда VII, его второго сына, вступившего на престол под именем Георга V, стало установление стандартов идеальной конституционной монархии. Между тем как личность Георг V не походил на отца ни по характеру, ни по склонностям и был менее одарен и интересен для своего окружения. Тем не менее, как это порой случается с людьми ординарного склада, в сложных политических обстоятельствах он сумел проявить себя как мудрый государственный деятель.

В воспитании Георга сочетались два, казалось бы, взаимоисключающих момента – теплые отношения в семье и суровая жизненная школа – он служил на флоте.

³⁹ *Aubyn G.* St. Edward VII. Prince and King. New York, 1979. P. 320–321.

⁴⁰ *Ibid.* P. 330.

⁴¹ *Brook-Shepherd G.* Uncle of Europe. The Social and Diplomatic Life of Edward VII. London, 1975. P. 54–55, 107.

⁴² *Ibid.* P. 139–140.

⁴³ *Auchinloss L.* Persons of Consequence. Queen Victoria and her Circle. New York, 1979. P. 155.

В 1876 г. Георгу было 11 лет, когда Эдуард решил отправить его вместе со старшим братом, наследником престола 12-летним Альбертом Виктором, служить на учебное судно «Британия». Решение было принято под влиянием воспитателя, обучавшего мальчиков азам начальных знаний. Свое мнение о воспитанниках он честно выразил следующим образом: «Принцы по своим знаниям ниже уровня средних учащихся частных школ и чувствовали бы себя ущемленными среди сверстников этих заведений»⁴⁴. Таким образом, перед вторым сыном, не являвшимся наследником, открылась возможность выбрать морскую службу как карьеру. Семья Эдуарда и Александры была дружна со многими морскими офицерами. Георг мечтал походить на них, поэтому решение отца не было для него тягостным.

Через три года морская служба королевских внуков уже в качестве кадетов была продолжена на корабле «Вакханка». Здесь они наравне с матросами выполняли тяжелые корабельные работы и боролись со штормами, когда парусник в любой момент мог потонуть⁴⁵. В 1884 г. Георг поступил в Королевский военно-морской колледж в Гринвиче, а в 1890 г. принял командование канонеркой первого класса «Дрозд». В августе 1891 г. 26-летний принц Георг получил звание капитана. В среде морских офицеров он считался профессионалом, а матросы уважали его за справедливость и демократизм. Политикой морской офицер интересовался не больше, чем его сослуживцы⁴⁶. Классическое образование, которое, хотя и фрагментарно, получил Эдуард VII, его миновало. И что самое важное – принц был доволен своим положением и лишен амбиций. И тут в январе 1892 г. случилось несчастье – его старший брат Альберт Виктор заболел воспалением легких и умер. Волею трагических обстоятельств Георг стал наследником трона. Неудивительно, что будущие свои обязанности он воспринял как несение тяжкого бремени. Было лишь одно облегчающее обстоятельство – счастливый брак с принцессой Викторией-Марией Тек, устроенный королевой Викторией⁴⁷.

В период 25-летнего царствования Георга V произошло немало внешнеполитических и внутриполитических событий. Но мы будем останавливаться лишь на тех из них, в которых роль монарха была значительной.

Самой трагической страницей в истории царствования Георга V была Первая мировая война. А в периоды войн, как это было при правлении королевы Виктории, общественные обязанности монарха как главы государства приобретали новое значение. Король становился символом объединения нации, олицетворением патриотизма. Помимо посещения госпиталей, вручения тысяч наград военнослужащим на счету Георга было пять поездок в действующую армию во Францию⁴⁸.

Не менее важно и то, что во время войны Георг V выполнял посредническую миссию в урегулировании внутрипартийных и межпартийных отношений. В 1916 г. глава коалиционного правительства⁴⁹ либерал Асквит потерял поддержку Палаты общин и ушел в отставку. Его партия была расколота, а консерваторы не имели в палате достаточное число мест, чтобы обеспечить устойчивость созданного ими кабинета. Выборы же, необходимые для изменения политического баланса в стране, в военное время были невозможны. Для урегулирования межпартийных разногласий требовался авторитетный посредник, которым и стал Георг V. Путем отдельных консультаций с лидерами

⁴⁴ *Gore Jh. Op. cit. P. 28.*

⁴⁵ *Gore Jh. Op. cit. P. 36–37; Magnus Ph. Op. cit. P. 35–37; Somervell D.S. The Reign of King George the Fifth. An English Chronicle. London, 1935. P. 496.*

⁴⁶ *Gore Jh. Op. cit. P. 47–49.*

⁴⁷ *Ibid. P. 297.*

⁴⁸ *Ibidem. P. 297.*

⁴⁹ В периоды войн и чрезвычайных ситуаций партии заключают политическое перемирие и образуют коалиционное правительство. В данном случае в коалиционный кабинет входили представители Либеральной, Консервативной и Лейбористской партий.

Либеральной, Консервативной и Лейбористской партий – Г. Асквитом, Э. Бонар Лоу и А. Гендерсоном, а затем организации их общей конференции в Букингемском дворце – были согласованы программа нового коалиционного правительства, действующего на основе того же парламента, и кандидатура его главы, видного деятеля Либеральной партии Ллойд Джорджа.

Возник прецедент успешного участия монарха в назначении премьер-министра коалиционного правительства в условиях национального бедствия⁵⁰. Иначе говоря, Георг V реализовал свою резервную функцию, зафиксированную Баджотом. При этом он действовал не напрямую, подобно королеве Виктории, а при согласовании с лидерами ведущих политических партий. В итоге, несмотря на консерватизм своих взглядов, он показал себя гибким и нейтральным политиком.

Забегая вперед, отметим, что во многом благодаря посреднической роли Георга V был преодолен конституционный кризис 1923 г. Суть его заключалась в том, что премьер-министр и лидер консерваторов Бонар Лоу неожиданно заболел и ушел в отставку. Соперничество за высший государственный пост и лидерство в Консервативной партии развернулось между министром иностранных дел, бывшим вице-королем Индии лордом Дж. Керзоном и канцлером Казначейства, лидером Палаты общин С. Болдуином. Для решения спора король привлек в качестве консультанта единственного здравствующего бывшего премьер-министра консервативного кабинета лорда Бальфура, который поддерживал кандидатуру Болдуина. Причем существенным аргументом в пользу канцлера Казначейства было то, что премьер-министром должен быть член Палаты общин, так как лейбористская оппозиция не имеет своих представителей в верхней палате и не могла бы вступать в контакты с представленным там лордом Керзоном. Авторитет двух государственных мужей оказался достаточным, чтобы в партии консерваторов не возникло серьезных разногласий по поводу назначения Болдуина главой правительства⁵¹. Важно также, что с этого времени стало общепризнанным, что премьер-министр должен быть членом Палаты общин, т.е. пройти процедуру выборов⁵².

Таким образом, Георг, пользуясь предсказанной Баджотом резервной властью монарха в чрезвычайных обстоятельствах, сыграл посредническую роль в преодолении кризисных ситуаций 1916 и 1923 гг.

Между тем осенью 1918 г. победа в войне была достигнута. Этот успех стоил стране немалых человеческих жертв. Не случайно в массовом сознании народа этот глобальный конфликт закрепился как Великая война. Вместе с тем последствия европейской битвы для монархической системы Старого Света оказались поистине трагическими. Падение династий Гогенцоллернов в Германии, Габсбургов в Австро-Венгрии и Романовых в России повлекло за собой ослабление монархических принципов в Европе. Республиканизм континента бросал вызов Соединенному Королевству. Кроме того, возросший авторитет американского президента В. Вильсона с его программой, изложенной в знаменитых «14 пунктах», сделал эту форму государственного управления панацеей от всех бед, с которыми столкнулся послевоенный мир⁵³.

В Англии мало кто тогда мог помыслить о ликвидации монархии. Реальной угрозы британскому трону не было. Позиция отдельных групп была не в счет. Резолюция находящейся на левом фланге политической жизни Лейбористской партии, принятая на ее ежегодной конференции 1923 г. и отвергавшая республиканское устройство государства, была тому подтверждением⁵⁴. И все же основания для серьезных волнений у королевской семьи имелись. В личном плане самым болезненным для Георга V была потеря

⁵⁰ Judd D. The Life and Times of Georg V. London, 1973. P. 113.

⁵¹ Ibid. P. 120.

⁵² Бромхед П. Эволюция Британской конституции. М., 1978. С. 9–12.

⁵³ Остапенко Г.С. Британская монархия... С. 201.

⁵⁴ Billing M. Talking of the Royal Family. London – NewYork, 1993. P. 3–8.

корон его кузенами – немецким императором Вильгельмом II и российским царем Николаем II. В отношении последнего, особенно близкого к нему родственника, на Георге V лежит тень предательства. В обстановке полевления масс под влиянием Октябрьской революции в России в 1917 г., опасаясь за судьбу своего трона, Георг, как доказано английскими исследователями, несет прямую ответственность за отказ в предоставлении политического убежища низвергнутому российскому императору Николаю II и его семье. Между тем поселение российского родственника в Англии позволило бы предотвратить казнь царя, его супруги и четырех детей, совершенную большевиками 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге, – трагического события, вписавшего кровавую страницу в историю Российской империи⁵⁵.

О мотивах, побудивших британского короля принять роковое для его российского родственника решение, английские историки П. Брендон и Ф. Уайтхед пишут следующее: «Исходя из сложившейся ситуации, Георг не пожелал провоцировать своих социалистов (лейбористов. – Г.О.) предоставлением пристанища суверену, которого их зарубежные товарищи только что свергли... и не считал нужным подвергать опасности свою популярность содействием русскому кузену»⁵⁶. Кроме того, Георг опасался, что его гостеприимство ассоциирует британскую конституционную монархию с чужеземной автократией, что не исключало появления антимонархического движения. Николай II воспринимался здесь как кровавый диктатор, подавивший революцию 1905 г. Выживание династии в любой обстановке всегда было главной задачей наследственной монархии.

Кроме того, британского монарха настораживали и новые тенденции в общественной жизни Великобритании: выдвижение на передовые политические позиции Лейбористской партии и усиление под ее эгидой профсоюзного движения. А вскоре настоящим потрясением для Георга V стал приход к власти в 1924 г. лейбористского правительства, возглавляемого Р. Макдональдом, незаконнорожденным сыном служанки из рыбацкого поселка в Шотландии, сделавшим свою карьеру на поприще служения социалистическим идеалам⁵⁷.

В январе 1924 г. после приема в Букингемском дворце лейбористского премьера и формирования его правительства в королевском дневнике появилась запись: «Сегодня минуло 23 года, как умерла дорогая бабушка (королева Виктория. – Г.О.). Я даже представить не могу, что бы она сказала о лейбористском правительстве»⁵⁸. Король опасался, что революционные песни «Красный флаг» и «Марсельеза», оглушавшие здание в Альберт-Холле на предвыборных митингах лейбористов, будут звучать и в Палате общин. При встрече с новым премьером суверен затронул болезненную тему. В итоге беспокойство монарха, выразившего мнение всей элиты, было учтено, и митинговые привычки не были перенесены в парламент.

После обретения власти революционный накал руководства Лейбористской партии значительно ослаб. Не произошло и существенных изменений в отношениях между двором и новым кабинетом. Осознание изменений в общественно-политической реальности пришло и к королю. В разговоре со своей матерью, королевой Александрой, Георг следующим образом охарактеризовал новых правителей: «Я должен сказать, что эти люди интеллигентны и делают серьезное дело. Они проповедуют идеи, отличные от нас, так как являются социалистами. Но они должны были получить шанс воспользоваться властью»⁵⁹.

⁵⁵ См. подробнее: *Остапенко Г.С.* Король Георг V и царь Николай II: к истории убийства царской семьи // Электронный научно-образовательный журнал. История. 2018. Вып. 7(71). С. 144–152.

⁵⁶ *Brendon P. and Whitehead Ph.* The Windsors. A Dynasty Revealed. 1917–2000. London, 2000. P. 15–16.

⁵⁷ См. подробнее: *Суслопарова Е.А.* Джеймс Рамзей Макдональд (1866–1937). К политическому портрету политического лидера // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 141–157.

⁵⁸ Цит. по: *Judd D.* Op. cit. P. 171–174.

⁵⁹ *Ibidem.*

Лейбористы имели в своем распоряжении только 10 месяцев, но за это время они совершили прорыв во внешней политике, признав Советскую Россию. В специальной беседе по этому поводу с Макдональдом Георг сетовал на то, как трудно будет для него выполнять prerogative монарха по аккредитации иностранных послов, принимая представителей страны, которые прямо или косвенно связаны с убийством его кузена-императора и членов его семьи. Но выполнять эти церемониальные обязанности Георгу и его преемникам все же пришлось⁶⁰.

Во время ирландской революции и англо-ирландской войны 1918–1921 гг., а затем Всеобщей стачки 1926 г. Георг V, хотя и без видимого успеха, пытался быть миротворцем в их урегулировании. Так, в 1920 г. после ввода британских войск в Ирландию и начавшихся там репрессий монарх обратился с письмом к коалиционному правительству Ллойд Джорджа, в котором выразил беспокойство в связи с происходящим там террором⁶¹.

В ходе Всеобщей стачки Георг настоятельно советовал консервативному правительству Болдуина не вводить чрезвычайное положение, которое, в частности, угрожало бы тред-юнионам конфискацией их фондов и могло спровоцировать стачечников на ответные действия⁶². Главы правительств не последовали совету монарха. И все же миротворческая миссия короля способствовала тому, что даже лидеры левого лейбористского движения не ставили своей задачей ликвидацию института монархии.

О почитании короля его подданными свидетельствует и созданный филантропический Фонд благодарения во время тяжелой болезни монарха осенью 1928 г. Была собрана значительная сумма пожертвований — 689 597 фт. стерл.⁶³

В августе 1931 г. Георг V, как в 1916 и 1923 гг., сыграл роль посредника при назначении премьер-министра в сложной политической ситуации. На этот раз лейбористское правительство, возглавляемое Макдональдом, в условиях «висячего» парламента потеряло доверие своей партии. А вскоре же стало ясно, что достигнуть соглашения между враждующими группировками лейбористов нереально, а страна стоит на пороге отказа от золотого стандарта национальной валюты и финансового банкротства.

В данных обстоятельствах после консультаций с лидерами Либеральной и Консервативной партий — Г. Самуэлом и С. Болдуином — король пришел к заключению, что Макдональд, уже отторгнутый коллегами из Лейбористской партии и таким образом не обремененный партийными обязательствами, единственный государственный деятель, способный возглавить коалиционное правительство. 24 августа на совещании в Букингемском дворце, организованном Георгом V, Макдональд, Болдуин и Самуэл достигли соглашения о необходимости сформировать Национальное правительство⁶⁴. В итоге Национальное правительство Макдональда осталось у власти и после последующих выборов и провело ряд мер по выводу страны из экономического кризиса.

Таким образом, авторитет короля вновь позволил ему подняться над внутрипартийными и межпартийными разногласиями ведущих политических партий и выступить посредником в переговорах между их лидерами в довольно сложных обстоятельствах, поскольку в 1916 и 1931 гг. премьер-министрами стали политики, не являвшиеся первыми лицами в своих партиях. Ллойд Джордж еще не был избран лидером либералов, а Макдональд потерял связь с Лейбористской партией, а после формирования Национального правительства даже был исключен из нее.

Георг V был первым британским монархом, использовавшим радио в 1934 г. для рождественского приветствия граждан, что позволило ему, а в дальнейшем и его наследникам, непосредственно обращаться к миллионам слушателей в Великобритании

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibid. P. 160–161.

⁶² Ibid. P. 178–180.

⁶³ Ibid. P. 180–195.

⁶⁴ Ibidem.

и Британской империи, что укрепляло популярность монархии и создавало иллюзию о возможности королевского покровительства.

Воспитанный при королеве Виктории, Георг до конца жизни оставался «викторианцем», с опаской относившимся к либеральным реформам и видевшим свою опору в консерваторах. Но предрассудки не мешали ему выполнять свои обязанности и объединять подданных в годы Первой мировой войны, а в периоды политических кризисов – играть посредническую роль в достижении компромисса между противостоящими сторонами, что способствовало сохранению в стране внутренней стабильности.

Королевская семья восстановила несколько померкшую в годы царствования Эдуарда VII славу образцовой семьи нации.

Известный деятель Лейбористской партии, апостол республиканизма Г. Ласки, высоко оценил вклад Георга V в победу страны в Первой мировой войне и его умение установить контакт с представителями радикального политического течения – министрами первого лейбористского правительства: «Его имя отождествляется с той энергией самопожертвования и тяжелой работой, которая позволила выиграть войну; он установил дружеские и тактичные отношения с первым британским лейбористским правительством; его семейная жизнь, чуждая выставленной напоказ роскоши, соответствовала идеалам среднего класса»⁶⁵.

Определяя отличия царствования Георга V от его предшественников, можно сказать, что он не питал пристрастия к своим министрам и воздерживался от проявления симпатий к кому бы то ни было, что было свойственно королеве Виктории. Тесно связанный с традициями и склонный, не в пример Эдуарду VII, идти старыми испытанными дорогами, Георг V, как правило, действовал в согласии с главами правящих кабинетов. Именно это обстоятельство позволило говорить о нем, как об «идеальном конституционном монархе», который соответствовал известной формуле, гласящей, что король царствует, но не управляет.

Правда, абсолютизировать применимость этой формулы к царствованию Георга V все же нельзя, так как в 1912–1914 гг. при решении вопроса о предоставлении гомруля Ирландии он предпринимал все усилия, чтобы вернуть себе королевские полномочия, неиспользуемые с 1834 г., т.е. со времен правления Вильгельма IV, предшественника королевы Виктории⁶⁶.

Анализ царствования трех суверенов – королевы Виктории и ее наследников Эдуарда VII и Георга V, – находившихся на троне с 1837 по 1936 г., при учете изменений общественно-политической обстановки позволяет сделать следующие выводы.

Демократический процесс, включающий проведение трех избирательных реформ в 1832, 1867 и 1884 гг., расширивших мужской электорат, и, наконец, реформу 1918 г., предоставившую избирательные права женщинам, привел к возрастанию политической активности общества. Успех на парламентских выборах во многом определялся теперь политическими симпатиями рядового избирателя. Для завоевания его предпочтений Либеральная и Консервативная партии вырабатывали свои программы, выстраивали организационные структуры и превращались в национальные партии.

Благодаря массовой опоре укреплялась власть парламента, а вместе с ним и влияние его руководящего органа – кабинета министров, сформированного победившей на выборах партией. Возрастал престиж главы этого кабинета – премьер-министра, который и отбирали у суверена его исполнительные полномочия. Складывалась ситуация, при которой монарх должен был принять совет, а точнее указание, премьер-министра, каким бы неприятным для него оно ни казалось.

Кульминация данного процесса пришлась на царствование королевы Виктории. Вместе с тем в эпоху этой легендарной королевы, названной ее именем, произошло

⁶⁵ Цит. по: Rose K. King Georg V. New York, 1984. P. 360.

⁶⁶ См. подробнее: Остапенко Г.С. Британская монархия... С. 191–193.

и укрепление института монархии в его новом предназначении. Современнику Виктории экономисту Баджоту удалось определить новые рычаги воздействия монарха на государственную политику. Важнейшие из них – использование выявленных им трех прав и резервной власти, вытекающей из непрерывности королевского управления и проявлявшейся в периоды политических кризисов.

Каждый из монархов внес свой вклад в стойкость института монархии: Виктория – соответствием основных черт ее личной жизни и правления христианским идеалам поднимающейся буржуазии и созданием образа идеальной королевской семьи как образцовой семьи нации; Эдуард VII – содействием обновленному внешнеполитическому курсу страны; Георг V – посредничеством в урегулировании внутрипартийных и межпартийных кризисов. Все три суверена являлись символом единства нации, особенно значимым в периоды войн и кризисных ситуаций, частью национальной идентичности.

Указанные факторы и можно считать секретами выживаемости британского трона. Но имеется и еще один фактор – островное положение Англии, сделавшее ее отличной от стран континентальной Европы и также сказавшееся на выживании данного института. «Многие столетия, в течение которых английская земля не знала внешних вторжений, – писал известный английский историк Р. Блейк, – укрепляли ее традиции, что было невозможно для опустошаемого войнами континента. Особое чувство связывало англичан с историей, которая окружала их, – будь то королевские или парламентские церемонии или замки в стиле Тюдор»⁶⁷.

Монархия и стала одной из почитаемых и укоренившихся традиций Британии.

В целом же в рассматриваемый период в Соединенном Королевстве происходили два противоречивых и одновременно гармоничных процесса – удаление суверена от исполнительной власти и сохранение его общественно-политического влияния.

При этом королевская прерогатива в отношении власти к концу правления Георга V была очень большой⁶⁸. По закону суверен – глава исполнительной, судебной властей и составная часть законодательной, главнокомандующий всех вооруженных сил, светский правитель церкви Англии. Как глава государства монарх выполнял такой важный акт, как созыв и роспуск парламента, имел право объявлять войну и заключать мир. Но это лишь формальная сторона дела, так как все перечисленные мероприятия производились по воле премьер-министра или членов его кабинета, ответственных перед парламентом. Ни один билль, прошедший обе палаты парламента, не становится законом, пока монарх не даст ему своего согласия. На практике же все это происходило автоматически⁶⁹.

Библиография

- Айзенштат М.П.* Британский парламент и общество в 30–40-х гг. XIX в. М., 1997.
Бромхед П. Эволюция Британской конституции. М., 1978.
Вейш Я.Я. Религия и церковь Англии. М., 1976.
Виноградов В.Н. Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. М., 2004.
Остапенко Г.С. Британская монархия от королевы Виктории до наследников Елизаветы II: концепция управления и личность суверена. М., 2015.
Остапенко Г.С. Британские церкви во второй половине XIX – первой четверти XXI вв.: социальный и исламский вызовы. СПб., 2018.
Остапенко Г.С. Король Георг V и Царь Николай II: к истории убийства царской семьи // Электронный научно-образовательный журнал. История. 2018. Вып. 7(71). С. 144–152.
Суслопарова Е.А. Джеймс Рамзей Макдональд (1866–1937). К политическому портрету политического лидера // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 141–157.
Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. М., 1993.

⁶⁷ *Blake R.* Introduction // *The English World History, Character and People.* London, 1982. P. 8.

⁶⁸ См. подробнее: *Остапенко Г.С.* Британская монархия.... С. 153.

⁶⁹ *Howard Ph.* *The British Monarchy in the Twentieth Century.* London, 1977. P. 15, 25, 34, 73; *Бромхед П.* Указ. соч. С. 9, 11–12, 16, 31–32, 37–38.

- Aubyn G.S.* Edward VII. Prince and King. New York, 1979.
- Auchinloss L.* Persons of Consequence. Queen Victoria and her Circle. New York, 1979.
- Bagehot W.* The English Constitution. London – New York – Toronto, 1952.
- Billing M.* Talking of the Royal Family. London – New York, 1993.
- Blake R.* Disraeli. London, 1966.
- Blake R.* Introduction // The English World History, Character and People. London, 1982. P. 2–8.
- Brendon P. and Whitehead Ph.* The Windsors. A Dynasty Revealed. 1917–2000. London, 2000.
- Briggs A.* Victorian People. A Reassessment of Persons and Themes 1851–1867. London, 1987.
- Brook-Shepherd G.* Uncle of Europe. The Social and Diplomatic Life of Edward VII. London, 1975.
- Cannadine D.* History in our Time. London, 1999.
- Hibbert Ch.* Queen Victoria in Her Letters and Journals. London, 1984.
- Gore J.* King George V. A Personal Memoir. New York, 1941.
- Grey C.* The Early years of His Royal Highness the Prince Consort compiled under the direction of Her Majesty the Queen, 4 ed. London, 1867.
- Howard Ph.* The British Monarchy in the Twentieth Century. London, 1977.
- Judd D.* The Life and Times of Georg V. London, 1973.
- Laski H.J.* The Crisis and Constitution // Day to Day Pamphlets. 1932. № 9. P. 34–36.
- Lee S.* King Edward VII. A Biography. Vol. I. From Birth to Accession. London, 1925.
- Magnus Ph.* King Edward the Seventh. New York, 1964.
- Munich A.* Queen Victoria's Secrets. New York, 1996.
- Rose K.* King Georg V. New York, 1984.
- Somervell D.S.* The Reign of King George the Fifth. An English Chronicle. London, 1935.
- Spender J.A. and Asquith C.* Life of Herbert Asquith, Lord Oxford and Asquith. Vol. 1. London, 1932.
- The Greville Memoirs.* Vol. VII. London, 1938.
- Thomson D.* England in the 19th Century 1815–1914. London, 1964.
- Weintraub S.* Victoria. London, 1996.

References

- Ayzenshtat M.P.* Britanskiy parlament i obschestvo v 30–40-kh gg. XIX v. [British Parliament and society in the 30–40s of the XIX century]. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Bromkhed P.* Evolyuciya Britanskoy konstitucii [Evolution of the British Constitution]. Moskva, 1978. (In Russ.)
- Ostapenko G.S.* Britanskaya monarkhiya ot korolevy Viktorii do naslednikov Elizavety II: koncepciya upravleniya i lichnost' suverena [The British monarchy from Queen Victoria to the heirs of Elizabeth II: the concept of governance and the identity of the sovereign]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Ostapenko G.S.* Britanskije cerkvi vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XXI vv.: social'nyy i islamskiy vyzovy [British churches in the second half of the XIX and first quarter of the XXI centuries: social and Islamic challenges]. Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)
- Ostapenko G.S.* Korol' Georg V i Car' Nikolay II: k istorii ubiystva carskoy sem'i [King George V and Tsar Nicholas II: on the history of the murder of the Royal family] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal. Istoriya [Electronic scientific and educational journal. History]. 2018. Vyp. 7(71). P. 144–152. (In Russ.)
- Susloparova E.A.* Dzheymz Ramzey Makdonal'd (1866–1937). K politicheskomu portretu politicheskogo lidera [James Ramsay MacDonald (1866–1937). To the political portrait of a political leader] // Novaya i Noveyshaya istoriya [New and Contemporary History]. 2003. № 4. S. 141–157. (In Russ.)
- Trukhanovskiy V.G.* Bendzhamin Dizraeli ili istoriya odnoy neveroyatnoy kar'ery [Benjamin Disraeli or the story of an incredible career]. Moskva, 1993. (In Russ.)
- Veysh Ya.Ya.* Religiya i cerkov' Anglii [Religion and the Church of England]. Moskva, 1976. (In Russ.)
- Vinogradov V.N.* Bendzhamin Dizraeli i Feya na prestole [Benjamin Disraeli and the Fairy on the throne]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Aubyn G.S.* Edward VII. Prince and King. New York, 1979.
- Auchinloss L.* Persons of Consequence. Queen Victoria and her Circle. New York, 1979.
- Bagehot W.* The English Constitution. London – New York – Toronto, 1952.
- Billing M.* Talking of the Royal Family. London – New York, 1993.
- Blake R.* Disraeli. London, 1966.
- Blake R.* Introduction // The English World History, Character and People. London, 1982. P. 2–8.
- Brendon P. and Whitehead Ph.* The Windsors. A Dynasty Revealed. 1917–2000. London, 2000.
- Briggs A.* Victorian People. A Reassessment of Persons and Themes 1851–1867. London, 1987.
- Brook-Shepherd G.* Uncle of Europe. The Social and Diplomatic Life of Edward VII. London, 1975.

- Cannadine D.* History in our Time. London, 1999.
- Hibbert Ch.* Queen Victoria in Her Letters and Journals. London, 1984.
- Gore J.* King George V. A Personal Memoir. New York, 1941.
- Grey C.* The Early years of His Royal Highness the Prince Consort compiled under the direction of Her Majesty the Queen, 4 ed. London, 1867.
- Howard Ph.* The British Monarchy in the Twentieth Century. London, 1977.
- Judd D.* The Life and Times of Georg V. London, 1973.
- Laski H.J.* The Crisis and Constitution // Day to Day Pamphlets. 1932. № 9. P. 34–36.
- Lee S.* King Edward VII. A Biography. Vol. I. From Birth to Accession. London, 1925.
- Magnus Ph.* King Edward the Seventh. New York, 1964.
- Munich A.* Queen Victoria's Secrets. New York, 1996.
- Rose K.* King Georg V. New York, 1984.
- Somervell D.S.* The Reign of King George the Fifth. An English Chronicle. London, 1935.
- Spender J.A. and Asquith C.* Life of Herbert Asquith, Lord Oxford and Asquith. London, 1932.
- The Greville Memoirs. London, 1938.
- Thomson D.* England in the 19th Century 1815–1914. London, 1964.
- Weintraub S.* Victoria. London, 1996.

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В АНТИБРИТАНСКОМ ВОССТАНИИ 1920 ГОДА В ИРАКЕ

Чикризова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (РУДН) (Москва, Россия).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-41002 «Взаимодействие России и Русской Православной Церкви с мусульманскими и христианскими общинами на Ближнем Востоке».

E-mail: chikrizova-os@rudn.ru

Researcher ID: P-8143-2016

Аннотация. Статья посвящена малоизученной в российской историографии проблеме — исследованию особенностей влияния конфессионального фактора в антибританском восстании 1920 г. в Ираке, которое послужило толчком к смене британской стратегии в этом подмандатном государстве, а также на всем Ближнем и Среднем Востоке. Опираясь на научную литературу и исторические источники, важное место среди которых занимают дневники и личные письма сотрудницы колониальной администрации Великобритании в Ираке Гертруды Белл, автор выделяет специфические черты британской политики в отношении племен и шиитского населения страны, а также анализирует общерегиональный контекст, в котором развивались иракские события, завершившиеся в итоге восстанием 1920 г. Отмечается, что политика Великобритании в отношении иракских племен во многом продолжила курс Османской империи на этом направлении. Революционные настроения в Ираке подпитывались итогами «арабского восстания» 1916–1918 гг. в Хиджазе, успехами национально-освободительной борьбы против Великобритании в Египте, а также событиями в соседних Сирии, Иране и Турции. Подчеркнута ведущая роль шиитских муджахидов в восстании 1920 г., которые сумели консолидировать противников оккупационного режима в Ираке, на время сплотить две конфессиональные общины, а также различные племена Среднего Евфрата в ходе событий 1920 г. Религиозные разногласия между суннитами и шиитами усугублялись межплеменным соперничеством, которое поощрялось оккупационными властями. Среди последствий восстания 1920 г. выделяется коренной пересмотр британской стратегии в Ираке — отказ от «индийской модели» управления в пользу постепенного превращения Ирака в самоуправляемое независимое государство, а также возвращение к османской модели суннитского доминирования в Ираке.

Ключевые слова: Ирак, восстание 1920 г., шииты, шиитские муджахиды, Великобритания, сунниты, племена Ирака, Османская империя, «арабское восстание» в Хиджазе.

O.S. Chikrizova**Confessional Factor in the 1920 Anti-British Uprising in Iraq***Olga Chikrizova, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia).**The research was funded by RFBR according to the scientific project № 20-014-41002 "Interaction between Russia and the Russian Orthodox Church with Muslim and Christian communities in the Middle East".**E-mail: chikrizova-os@rudn.ru**Researcher ID: P-8143-2016*

Abstract. The article is devoted to a problem that is little studied in Russian historiography – the study of the influence of the confessional factor in the 1920 Iraqi Revolt, which triggered a change in the British strategy in this mandatory state, as well as in the entire Middle East. Based on the study of academic literature and historical sources, among which the diaries and personal letters of Gertrude Bell, an employee of the British colonial administration in Iraq, occupy an important place, the author highlights the specific features of two closely interrelated issues – British policy towards tribes and the Shi'ite population of the country, and also analyzes the region-wide context in which the Iraqi events developed, that eventually ended in the uprising of 1920. It is noted that revolutionary sentiments in Iraq were fueled by the results of the "Arab Revolt" of 1916–1918 in the Hejaz, the successes of the national liberation struggle against Great Britain in Egypt, as well as events in neighbouring Syria, Iran, and Turkey. The article points to the leading role of Shi'ite theologians (mujtahids) in the uprising of 1920, who managed to consolidate the opponents of the occupation regime in Iraq, temporarily unite the Sunnis and Shi'as, as well as various tribes of the Middle Euphrates during the events of 1920. The author reveals the consequences of the 1920 uprising. The most important were the radical revision of the British strategy in Iraq – the abandonment of the "Indian model" of government in favour of the gradual transformation of Iraq into a self-governing independent state, as well as the return to the Ottoman model of Sunni dominance in Iraq.

Keywords: Iraq, 1920 revolt, Shi'as, Shi'ite mujtaheeds, Great Britain, Sunnis, Iraqi tribes, Ottoman Empire, "Arab uprising" in Hejaz.

Изучение восстания в Ираке, начавшегося летом 1920 г. в Багдаде, представляется актуальным и важным по ряду причин. Во-первых, оно положило начало формированию иракского национализма и самой иракской нации. На современной ситуации в стране – этноконфессиональных разногласиях, неспособности различных групп общества к сотрудничеству в деле государственного строительства – сказались политика Великобритании после восстания 1920 г. и деятельность новых суннитских правящих кругов, ограничивших совместными усилиями участие шиитского большинства в политическом процессе на национальном и местном уровнях, что привело к усилению центробежных тенденций внутри иракского государства. События 1920 г. и их последствия оказывают влияние на развитие страны вплоть до настоящего времени: отдельные черты протестов 1920 г. проявились и в шиитском восстании против режима С. Хусейна в 1990 г., и в противостоянии иракского народа американскому вторжению 2003 г.

Во-вторых, «великая революция», как иногда именуют восстание 1920 г. в Ираке, продемонстрировала тесную взаимосвязь между различными арабскими провинциями Османской империи, несмотря на разницу их этноконфессионального состава и других особенностей территорий. На положение дел в Ираке накануне 1920 г. сильнейшее влияние оказали события в Сирии и Египте, а ситуация в стране в начале 1920-х годов отразилась на всем Ближневосточном регионе.

В-третьих, восстание 1920 г. стало решающим аргументом для Великобритании в ее намерении посадить на иракский трон Фейсала. Его активность на сирийском направлении шла вразрез с интересами Франции — второй по значимости державы на Ближнем Востоке в исследуемый период — и могла повредить британско-французским отношениям. В широком контексте восстание 1920 г. заставило британцев пересмотреть свою стратегию в отношении Ирака.

Наконец, восстание стало одним из примеров сотрудничества мусульман-суннитов и мусульман-шиитов, объединивших свои усилия в борьбе против британских колонизаторов и добившихся некоторых успехов, несмотря на жестокое подавление восстания колониальными властями. Кроме того, именно накануне волнений возникли тайные политические общества со смешанным — суннито-шиитским — составом, что свидетельствовало об общих целях и устремлениях, пусть и на краткосрочную перспективу, у двух конфессиональных общин Ирака. Религиозные разногласия между суннитами и шиитами усугублялись межплеменным соперничеством, которое поощрялось оккупационными властями.

Восстание началось в мае 1920 г. с мирных массовых демонстраций, участниками которых были и сунниты, и шииты, выступавшие против сэра Арнольда Вильсона, исполняющего обязанности гражданского комиссара Великобритании в Ираке и ставшего для иракцев символом британской оккупации. Главными целями протестующих было изгнание британцев из страны и создание национального правительства.

В ходе событий 1920 г. различные конфессиональные общины, а также конфедерации племен, городские жители и иракские офицеры, находившиеся в соседней Сирии, выступили как единое целое в борьбе с британскими оккупационными войсками. Волнения охватили районы Среднего и Нижнего Евфрата, населенные преимущественно шиитами. К концу 1920 г. восстание было в основном подавлено, но отдельные очаги антибританских протестов возникали по всей стране вплоть до 1922 г.

В историографии преобладают следующие позиции, отражающие отношение к восстанию 1920 г. Согласно первой точке зрения, события 1920 г. представляют собой хаотичное народное выступление при активном участии неуправляемых племен, инициированное иностранными «агентами» в лице иранцев, турок или большевиков. Подобное мнение содержится в официальных отчетах и документах британского правительства, а также поддерживается в трудах многих исследователей, отрицающих «арабский» характер восстания. Племена рассматриваются как деструктивный элемент легко управляемого и политически наивного иракского общества, способного только на примитивные чувства и мотивы, а шейхи племен — как политические спекулянты, игравшие на патриотических чувствах своих соплеменников¹. Шииты зачастую описываются как «неистинные» арабы и иракцы, нелояльные своему собственному государству. Наиболее ярко данную позицию выражают А. Вильсон в своих мемуарах², британский историк П.В. Айрленд³ и его многочисленные последователи.

Другого мнения придерживается Х. Батату⁴: восстание 1920 г. было вдохновлено шиитскими улемами и сепаратистскими движениями, стремившимися отнять власть у суннитов — арабов и османов. Исходя из этого, восстание 1920 г. предстает как суннито-шиитский политический конфликт, в котором шииты стремились добиться создания независимого теократического шиитского государства на части территории Ирака. Батату также не верит в возможность появления националистических устремлений в среде «необразованных» представителей племен.

¹ Wilson A.T. *Mesopotamia 1917–1920. A Clash of Loyalties. A Personal and Historical Record*. London, 1931. P. 321.

² Ibid.

³ Ireland P.W. *Iraq. A Study in Political Development*. London, 1937.

⁴ Batatu H. *The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq*. Princeton, 1978.

Третью позицию отстаивает американская исследовательница Амаль Виноградов: восстание 1920 г. продемонстрировало адаптацию иракского общества, отличавшегося кланово-племенной структурой и сильной дифференциацией по конфессиональному и имущественному признакам, к изменившимся социально-экономическим и политическим реалиям⁵. Эти изменения произошли в результате прямого вмешательства западной — то есть принадлежащей другой цивилизации — державы в дела Ирака и попытки насаждения там чуждой Ираку модели управления.

Как представляется, названные точки зрения не противоречат друг другу. Делая акцент на разных аспектах восстания 1920 г., сторонники различных позиций дополняют общую картину и подтверждают многогранность причин антибританских выступлений в Ираке.

Особняком стоит видение советских исследователей (Б.М. Данцига, Л.Н. Котлова, А.М. Ментешашвили, Н.О. Оганесяна, А.А. Федченко), которые, в отличие от современных российских востоковедов, игнорирующих восстание 1920 г., уделили ему в своих трудах значительное внимание. Основной движущей силой антибританских протестов 1920 г. они называли крестьян (феллахов) и кочевников-бедуинов, которых в борьбе против «централизаторской политики английских оккупантов» возглавили «шиитские муджтахиды, мелкая и средняя знать племен»⁶. Данная точка зрения представляется вполне взвешенной, хотя в ней по вполне понятным причинам недостаточное внимание уделяется религиозному фактору. Более того, Л.Н. Котлов подчеркивает негативную роль шиитского духовенства в восстании: «Религиозные лозунги, выдвинутые руководителями шиитской духовной организации, тормозили сближение народных масс Ирака, разделенных на многие враждовавшие друг с другом религиозные общины. Это открывало широкий простор для использования империалистами разногласий между различными национальными и родоплеменными группами»⁷.

А.М. Ментешашвили называет высшее суннитское духовенство «социальной опорой английского колониального господства в Ираке»⁸ и отмечает значительный вклад шиитских сейидов и муджтахидов в мобилизацию местных племен Ирака на борьбу против англичан и «уничтожение английской гражданской администрации на нижнем Евфрате» в рамках «священной войны»⁹. Вслед за Б.М. Данцигом среди основных причин восстания он называет «наличие... религиозного... антагонизма»¹⁰ в Ираке, хотя антибританское восстание 1920 г. стало примером кратковременного единения шиитских и суннитских антиколониальных сил.

Советские авторы делали акцент на выяснении целей и задач Великобритании на Ближнем Востоке, определении ее мотивов, а в контексте антибританского восстания 1920 г. — его причин, а также роли крестьян и зарождающегося рабочего класса в национально-освободительном движении Ирака. Конфессиональные аспекты восстания затрагивались поверхностно — в связи с интересами отдельных слоев мелких и средних феодалов, к которым относилось шиитское духовенство¹¹.

Новейшие зарубежные исследования, посвященные восстанию 1920 г. в Ираке, а также документы из Национального архива Великобритании и архив личных писем (май—декабрь 1920 г.) Гертруды Белл, советника по политическим вопросам

⁵ Vinogradov A. The 1920 Revolt in Iraq Reconsidered: The Role of Tribes in National Politics // International Journal of Middle East Studies. 1972. № 3. P. 125.

⁶ Федченко А.А. Ирак в борьбе за независимость (1917—1969). М., 1970. С. 17.

⁷ Котлов Л.Н. Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке. М., 1958. С. 90.

⁸ Ментешашвили А.М. Ирак в годы английского мандата. М., 1969. С. 97.

⁹ Там же. С. 99.

¹⁰ Данциг Б.М. Ирак в прошлом и настоящем. М., 1960. С. 23; Ментешашвили А.М. Указ. соч. С. 101.

¹¹ Оганесян Н.О. Национально-освободительное движение в Ираке (1917—1958 гг.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1967. С. 20.

колониальной администрации Великобритании в Месопотамии, позволяют по-новому взглянуть на вопрос о роли конфессионального фактора в восстании. При этом за рамками статьи остаются такие аспекты, как ход восстания и дебаты внутри британского правительства относительно управления Ираком, проходившие в 1920 г. и сопровождаемые межведомственной борьбой за контроль над Месопотамией между Министерством колоний, с одной стороны, и Министерством по делам Индии и Военным министерством — с другой¹².

ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ИРАКЕ

Великобритания на Ближнем Востоке, в частности в Ираке, старалась оградить регион от проникновения иностранного (не британского) влияния, в первую очередь российского и германского. Лондон стремился защитить свои стратегические интересы, связанные с контролем нефтяных месторождений в иранском Хузестане и нефтеперерабатывающих заводов в Абадане, а также обезопасить подступы к Индии и закрепиться в зоне Персидского залива. Наконец, британцы надеялись обеспечить нейтралитет арабов в борьбе великих держав за передел мира.

Важно отметить, что в своей политике на Ближнем Востоке и во взаимоотношениях с местными правителями, в том числе шейхами племен, колониальные власти спекулировали на страхе перед возрождением мощи Османской империи, а в некоторых случаях — и на страхе перед ростом влияния Ирана в регионе. Шейхи племен, особенно не получавшие поддержку от османов, рассчитывали на патронаж Великобритании, который обеспечит им процветание и личную власть при новых покровителях.

Многие исследователи британской политики на Ближнем Востоке обращают внимание на неравноправные торговые договоры, несправедливые концессии, соглашения о «временных льготах и преимуществах», а также капитуляции, закрепленные в статьях мирных договоров¹³. В случае Ирака Лондон был также вынужден учитывать племенной и конфессиональный факторы.

Национальный архив Великобритании содержит ноту майора Макдональда Тайлера, сотрудника колониального аппарата в Хилле, провинции, равноудаленной от Багдада и шиитских священных городов — Неджефа и Кербелы. В документе даются любопытные оценки и размышления о предшествующей восстанию обстановке в Ираке, в частности о настроениях шиитов провинций Хилла, Диванийя и Шамийя: «Три провинции... образуют самый плодородный и густонаселенный район Месопотамии, в котором расположены священные города Кербела и Неджеф; они также занимают самое важное место как с экономической, так и с финансовой точки зрения... Население провинций составляет около 600 тыс. человек, три четверти из которых принадлежат к тому или иному племени. За небольшим исключением они принадлежат к шиитской ветви [ислама]. Племенная система очень хорошо развита, каждое племя представляет собой отдельную политическую единицу с собственной системой внешних альянсов и со своей внешней политикой. Если приводить параллель с нашей собственной страной, то мы как будто вернулись в Ирландию времен Тюдоров»¹⁴. Сравнение с Ирландией оказалось фактически пророческим: на протяжении всего периода пребывания британцев в Ираке население страны не было готово мириться с внешним контролем и не прекращало борьбу за свою независимость.

¹² Подробнее об этом см.: *Klieman A.S. Foundations of British Policy in the Arab World. The Cairo Conference of 1921. Baltimore — London, 1970.*

¹³ *Никонов О.А. Эволюция колониальной политики Великобритании на Востоке (вторая половина XIX — первая половина XX в.) // ЛОКУС: люди, общество, культура, смыслы. 2017. № 1. С. 32–45.*

¹⁴ *The National Archives of Great Britain. Cabinet Office. Note on the Causes of the Present Unrest on the Euphrates, by Major H.N.F.M. Tyler, C.I.E., Political Officer at Hillah, dated 3rd August 1920, CAB 24/110/54.*

Политика Великобритании в отношении иракских племен во многом продолжила курс Османской империи на этом направлении. Еще в 1831 г. Блистательная Порта начала политику седентаризации иракских кочевых племен, стимулируя их переход к оседлому образу жизни и занятию сельским хозяйством. Это привело к эрозии племенного порядка и кризисам внутри племен, вынудив их приспосабливаться к новой действительности и искать свое место в социорелигиозной структуре Ирака¹⁵. Был нарушен баланс в уровне жизни и политическом влиянии кочевых и оседлых племен в стране, поскольку обладавшие земельной собственностью оседлые племена, платившие налоги в османскую казну, считались более «ценными» подданными.

Неожиданным результатом политики седентаризации стало активное обращение суннитских племен в шиизм и рост влияния сейидов — потомков пророка Мухаммада по линии его двоюродного брата и зятя Али, дочери Фатимы и их сына Хусейна, третьего шиитского имама. Сейиды, будучи духовными лидерами новообращенных шиитских оседлых племен, нивелировали фрагментацию кланово-племенной системы Ирака, отчасти замещая племенных лидеров — шейхов, которые становились крупными землевладельцами и обогащались, но при этом теряли связь со своими бедными соплеменниками, их чаяниями и проблемами. Примечательно, что в кочевых племенах Ирака сейиды не проживали и нередко исповедовали суннизм. Кочевники сохраняли традиционную структуру племен, где все важнейшие функции, в том числе роль духовного лидера, исполнял шейх¹⁶.

Мотивами обращения в шиизм часто были не духовные поиски, а причины социально-экономического характера: к началу XX в. священные шиитские города Неджеф и Кербела, а также Хилла, расположенная между ними, стали крупнейшими городами-рынками в пустынных районах Ирака, и принадлежность к шиитской ветви ислама облегчала отдельным племенам процесс «вхождения» в местное торговое сообщество. Многие рядовые члены племен, настроенные против османских (позже — британских) властей, подорвавших традиционный племенной уклад жизни ради реализации собственных политических и экономических целей, использовали политические аспекты шиизма в контексте борьбы против угнетения и тирании¹⁷.

Обращению в шиизм также способствовало активное влияние соседнего Ирана через крупные иранские общины, проживающие в различных городах Ирака, главным образом в центрах шиизма — Неджефе, Кербеле, Казимейне (ныне часть Багдада) и Самарре. Особенно наглядно это проявилось в ходе конституционной революции в Иране (1905–1911 гг.) и в годы Первой мировой войны, когда Османская империя фактически утратила политический контроль над Ираком и образовавшийся вакуум стали заполнять местные силы: арабские националисты, выступавшие против европейской оккупации Ирака; исламские реформисты и модернисты, предлагавшие свои сценарии будущего для иракского государства; шиитские богословы (муджахиды), которые имели собственные взгляды на политическую систему Ирака в постосманский период.

Таким образом, Британская империя в Ираке столкнулась с фрагментированным обществом, состоящим из кочевых и оседлых племен, суннитов и шиитов, арабов и курдов, городских и сельских жителей, торговцев, улемов, военных и проч. В этой связи Лондон видел лишь один сценарий дальнейшего развития событий — правление военной администрации и замена законов, основанных на шариате, на действующие в Британской Индии. Османская лира была заменена на индийскую рупию. Страну

¹⁵ *Nakash Y.* The Shi'is of Iraq. Princeton (NJ), 1994. P. 28.

¹⁶ *Ibid.* P. 38.

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Чикризова О.С.* Дихотомия «обездоленные — высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 279–289.

разделили на 16 провинций (лива'), которые, в свою очередь, состояли из районов и управлялись британскими чиновниками, обладавшими фактически неограниченной властью, но не имевшими представления о местных нравах и порядках и зачастую не владевших арабским языком.

В 1919 г. британские колониальные власти инициировали «земельную реформу», которая формально представляла собой перерегистрацию документов на земельные наделы, а фактически давала шейхам племен и крупным феодалам право присваивать государственные земли, принадлежавшие сельским общинам. Реформа должна была привлечь на британскую сторону феодальную верхушку Ирака, а также позволяла смещать непокорных шейхов и назначать вместо них людей, лояльных Великобритании¹⁸.

Британская политика в отношении племен отличалась «двойными стандартами», что усиливало внутриплеменную и межплеменную дифференциацию и укореняло феодальные порядки в стране. Американский исследователь арабского происхождения А. Казим отмечает, что «нередко британские чиновники награждали лояльных шейхов земельными и налоговыми льготами, а также вставали на их сторону в спорах с шейхами других племен или даже с собственными соплеменниками. Они также поддерживали племенную систему, приняв в 1918 г. Положение о племенных спорах»¹⁹. Таким образом, сохранялась обстановка непрекращающегося конфликта между племенами и шейхами, обострявшегося передачей британцами земельных наделов дружественным племенам на чужих или спорных территориях. Лондон опасался консолидации иракского общества и возникновения единого национально-освободительного движения в Ираке.

Отношения между оккупационной администрацией и шиитской частью иракского населения обострило введение налога на перевозку тел для захоронения в священных шиитских городах. Эта традиция (накль аль-джанаиз, накль аль-амват) была основана на подражании первому шиитскому имаму — Али, тело которого после смерти было перезахоронено в Неджефе. Считается, что мусульмане, похороненные рядом с Али, избегнут испытания в загробном мире и воскреснут скорее²⁰.

За захоронение тел в священных городах взималось от 3 до 1000 рупий²¹. Добавочное вознаграждение муджтахидов за сопровождение и организацию похорон увеличивало эту сумму. Новый британский налог, а также усложнение процедуры транспортировки тел существенно сократили доходы шиитского духовенства и причастных лиц и укрепили среди иракцев-шиитов антибританские настроения. Положение усугублялось последовательной политикой британских оккупационных властей по ликвидации автономии Неджефа и Кербелы, проводившейся силами жандармерии и военных²².

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ВОССТАНИЯ 1920 ГОДА

Важными факторами, повлиявшими на ситуацию в Ираке, стали так называемое «арабское восстание» в Хиджазе (1916—1918 гг.) и формирование режима Фейсала в Сирии.

«Арабское восстание» не было полноценной народной революцией или национально-освободительным движением против Османской империи, а скорее восстанием династии Хашимитов, стремившихся вернуть себе статус защитников ислама и былое величие. При поддержке группы бывших офицеров османской армии (преимущественно иракского происхождения) и британских военных советников восставшим удалось к 1 октября 1918 г. взять под свой контроль Дамаск, и сын шерифа Хусейна Фейсал

¹⁸ Федченко А.А. Указ. соч. С. 15.

¹⁹ Kadhim A. Reclaiming Iraq: The 1920 Revolution and the Founding of the Modern State. Austin, 2012. P. 61.

²⁰ Nakash Y. Op. cit. P. 186.

²¹ Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 29.

²² Там же. С. 79.

начал формировать в Сирии арабскую администрацию, опираясь на обещания британского верховного комиссара в Каире А.Г. Мак-Магона²³. В переписке с Хусейном Мак-Магон сообщал шерифу Мекки о намерении Великобритании поддержать создание «Арабского королевства» (Arab kingdom) с Хусейном во главе в случае арабского восстания против османской администрации и отказа Стамбула от контроля над территориями, населенными арабами.

В марте—мае 1918 г. в Неджефе и ряде соседних с ним провинций Среднего Евфрата поднялось восстание против британской оккупации. Народные выступления возглавила организация «Джамиат ан-нахда аль-исламийя» («Общество исламского возрождения»), созданная местными муджтахидами и торговцами, представителями шиитской буржуазии и интеллигенции²⁴. Волнения 1918 г. не приобрели общеиракского характера, но стали «первой ласточкой» будущего национально-освободительного движения.

События 1920 г. в Ираке стали естественным продолжением «арабского восстания», поскольку большинство иракцев, участвовавших в протестах, поддерживали шерифа Хусейна и видели одного из его сыновей — Абдаллу или Фейсала — лидером будущего независимого иракского государства²⁵. Шериф Мекки Хусейн и его сыновья были потомками пророка Мухаммада по линии Али и Фатимы, то есть представителями «ахль аль-бейт», или Алидов — рода, особо почитаемого шиитами.

Однако итоги «арабского восстания» быстро разочаровали народ Ирака: они увидели результаты правления шерифа Хусейна в Хиджазе, а также неудачи Фейсала в противостоянии с французами в Сирии и его слабость как правителя, и взоры иракцев (особенно суннитов) обратились на Абдаллу.

На ситуации в стране отразилась политическая борьба, разгоревшаяся в то же время в Иране и Турции. Иранские шиитские муджтахиды, проживавшие в Ираке, не прерывали связей со своей исторической родиной. В частности, авторитетные шиитские улемы — Казим аль-Язди, Мухаммад Хусейн ан-На'ини и Ахунд аш-Шахрастани — принимали активное участие в борьбе конституционализма (аль-машрута) и антиконституционализма (аль-мустабидда) в Иране, занимая при этом разные позиции²⁶.

Столетия турецкого господства в Ираке и титул халифа, принадлежащий османскому султану, прочно связали иракских суннитов и Турцию. Борьба за власть в Стамбуле между младотурками, выступавшими за конституционные реформы в империи, их противниками в лице окружения султана Абдул-Хамида II и набирающим силу националистическим движением во главе с Мустафой Кемалем-пашой, будущим Ататюрком, оказывала влияние на соседний Ирак. Всплеск активности национально-освободительных движений во всей империи — от Восточной Европы до Леванта, и успех некоторых из них воскрешал надежды иракцев на самоопределение и независимость.

На антибританских настроениях народа Ирака сказалась египетская революция 1919 г., которая стала решающим шагом к провозглашению независимости Египта в 1922 г. и указала иракцам путь взаимодействия с Великобританией — переговоры. Шиитские улемы и лидеры племен изначально обсуждали лишь стратегии мирных акций протеста, насилие рассматривалось только в качестве крайней меры, если мирные демонстрации не принесут результатов.

Британский гражданский комиссар в Багдаде Арнольд Вильсон не хотел повторения египетского сценария в Ираке и саботировал переговорный процесс, вовлекая в него

²³ Kadhim A. Op. cit. P. 48.

²⁴ Федченко А.А. Указ. соч. С. 17.

²⁵ Kadhim A. Op. cit. P. 48.

²⁶ Ibid. P. 51.

пробританских представителей иракского народа, чье мнение перевесило бы голоса членов делегации «за независимость». Однако эта затея провалилась, поскольку две группы встретились заранее и выработали единую национальную повестку переговоров с Великобританией²⁷.

Вильсон предложил провести референдум, который должен был выявить отношение «образованных» мужчин Месопотамии к возможности правления Фейсала в стране. В ходе референдума предлагалось ответить на три вопроса: «1) Вы поддерживаете создание арабского государства под британской опекой в границах от Мосульского вилайета на севере до Персидского залива? 2) Если да, считаете ли вы, что это новое государство должен возглавить арабский лидер (эмир)? 3) Если да, кого вы предпочтете видеть в должности эмира?»²⁸

Иракцы не бойкотировали референдум, осознавая преимущества конституционализма, победившего в соседнем Иране. Однако, как и ожидали британцы, голосование продемонстрировало отсутствие единства мнений среди различных сегментов иракского общества. В частности, среди шиитов обозначились расхождения не только между шейхами племен и рядовыми членами племени, но и между торговцами, городской знатью и муджтахидами. Зачастую даже члены одной семьи высказывались по-разному²⁹.

Как и рассчитывал А. Вильсон, стремившийся дискредитировать кандидатуру Фейсала, большинство шейхов племен, чиновников, а также представителей торгового сословия высказались за сохранение британского прямого управления над Месопотамией, которое гарантировало им сохранение и рост благосостояния. Причем среди представителей этих групп иракского общества были как сунниты, так и шииты.

РОЛЬ ШИИТСКИХ УЛЕМОВ В АНТИБРИТАНСКОМ ВОССТАНИИ

Несмотря на все дискуссии относительно природы восстания 1920 г., большинство исследователей сходятся во мнении, что главную роль в инициировании протестов 1920 г. и вовлечении в них племен сыграли шиитские улемы, которые видели в британской политике в Ираке и Иране угрозу своему социально-экономическому статусу, особенно в священных городах. Поставив под свой контроль источники доходов шиитских проповедников, британцы уронили в глазах местных жителей авторитет муджтахидов и фактически лишили их самостоятельности³⁰.

Угрозу со стороны укрепляющегося британского присутствия в Ираке чувствовали и сейиды. Британские чиновники, стремившиеся взять на себя все административные и организационные функции, ослабляли влияние сейидов среди соплеменников, которые отныне могли бы обращаться за помощью и защитой к колониальным властям. Таким образом, у муджтахидов и сейидов обозначились общие интересы, побудившие их поднять племена на восстание против британцев ради сохранения позиций среди шиитов Ирака³¹.

Однако некоторые шиитские муджтахиды руководствовались именно религиозным мотивом: они рассматривали оккупацию мусульманского Ирака христианами — «неверными» — как тревожный сигнал, свидетельствующий о грядущем крахе исламской цивилизации. Их опасения подкреплялись и сокрушительным поражением Османской империи в Первой мировой войне, и присутствием в Иране войск Британской (ранее и Российской) империи, и оккупацией Палестины, на территории которой находится священный город Иерусалим. Поэтому призывы к восстанию, раздававшиеся из Кербелы и Неджефа, многими мусульманами воспринимались как подъем на борьбу против

²⁷ Ibid. P. 50.

²⁸ Nakash Y. Op. cit. P. 62.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. P. 67.

³¹ Ibid.

«попыток христианских государств разрушить основы исламской религии в Сирии, Палестине и Ираке»³². Муджахиды выступали за формирование исламского правительства в Ираке, независимого от влияния извне.

2 июля 1920 г., когда мирные демонстрации переросли в вооруженное восстание, в одной из неджефских мечетей шиитские богословы объявили происходившую борьбу против колониального гнета «джихадом», 6 июля аналогичное заявление сделали муджахиды Кербелы. При этом попытки урегулировать конфликт с оккупационным режимом не прекращались³³.

Один из главных просчетов британцев в понимании иракских событий заключался в следующем: они и представить себе не могли, что у арабов-шиитов, проживавших на юге Ирака, и суннитов Багдада и Мосула найдутся общие цели, которые позволят им выступить в качестве консолидированной силы в восстании. А. Вильсон также заведомо отстранил от участия в процессе создания национального государства в Ираке такую влиятельную силу, как шиитское духовенство. Он неверно оценивал силу националистического движения, настойчивость шиитского духовенства в их стремлении организовать противодействие неисламскому господству в Ираке, а также не учел, что большинство населения Ирака воспринимает британский мандат на управление страной как замаскированную форму колониализма³⁴.

Великобритания и ее гражданский комиссар недооценили и влияние шиитского духовенства на иракские племена, участие которых в восстании обусловило его беспрецедентный масштаб. Племена, контролировавшие обширную территорию страны и имевшие доступ к воде и продовольствию, смогли вовлечь британцев в ожесточенную борьбу и заставить их задуматься о целесообразности сохранения контроля над Ираком.

«Некоронованная королева Месопотамии» Г. Белл в своих письмах отцу подчеркивала «затруднения» для британской политики, связанные с «экстремистскими» взглядами муджахидов³⁵, однако А. Вильсон далеко не всегда прислушивался к мнению своей прозорливой сотрудницы.

Подавляющее большинство мусульман Ирака — и сунниты, и шииты — крайне негативно отнеслись к британской оккупации и ненадолго даже объединились в борьбе с общим противником. Свидетельством этому стали общие молитвы и участие представителей обоих течений в религиозных обрядах и праздниках друг друга. Так, сунниты участвовали в праздновании ашуры, дня памяти мученической смерти имама Хусейна, а шииты приняли участие в ритуалах в честь дня рождения пророка Мухаммада (мавалид). Сунниты также посетили богослужения по случаю смерти главного шиитского муджахида Сайида Казима аль-Язди летом 1919 г.³⁶

Изучение восстания 1920 г. и роли конфессионального фактора в нем было бы неполным без упоминания двух ключевых тайных политических обществ, сформировавших костяк антибританского движения в Ираке: «Аль-Ахд аль-иракий» («Иракский завет») представлял собой преимущественно суннитскую организацию, объединившую офицеров османской армии; «Харас аль-истикляль» («Страж независимости») составляли гражданские лица, преимущественно шииты³⁷.

Как отмечает А. Казим, накануне 1920 г. багдадская интеллигенция и знать по своим политическим воззрениям, интересам и предпочтениям делилась на три группы.

³² Ibid.

³³ Котлов Л. Н. Указ. соч. С. 127.

³⁴ Iraq between Occupations: Perspectives from 1920 to the Present / Eds A. Baram, A. Rohde, R. Ziedel. New York, 2010. P. 249.

³⁵ Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 23 August 1920 // Gertrude Bell Archive — Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=411 (access date: 08.11.2020).

³⁶ Kadhim A. Op. cit. P. 5.

³⁷ Tripp Ch. A History of Iraq. 3rd edition. Cambridge University Press, 2007. P. 40.

В первую входили те, кто видел главную угрозу в шиитах и не хотел иметь ничего общего ни с ними, ни с их лидерами. В эту группу можно включить, среди прочих, Абдуррахмана аль-Гайлани, занимавшего в то время пост накиб аль-ашрафа (старшины сословия шерифов, потомков пророка Мухаммада) Багдада. Он считал, что есть три категории людей, которые хуже сатаны: евреи, французы и шииты³⁸.

Вторую группу составляли политически амбициозные представители привилегированных слоев общества, многие из которых были ранее офицерами османской армии. Их лояльность переходила от одной силы к другой, но всегда была на стороне победителя. В конце концов, они остановились на британцах, избрав их своими покровителями³⁹.

Третья группа объединила националистические силы, выступавшие за независимость Ирака. Большинство националистов впоследствии присоединились к «Харас аль-истикляль».

Организация «Джамиат аль-ахд» («Общество договора»), предшественница «Аль-Ахд аль-иракий», возникла в 1913 г., за 5 лет до британской оккупации Ирака, и требовала автономии арабских территорий в составе Османской империи при сохранении халифата Османов. Арабы рассматривались членами «Аль-Ахд» в качестве «резервной силы» османских властей в случае попыток западных держав проникнуть на Ближний Восток⁴⁰.

Отделения «Аль-Ахд» существовали в таких крупных городах Османской империи, как Бейрут, Дамаск, Багдад, Мосул и Басра. Начало Первой мировой войны «разбросало» членов организации по различным уголкам империи и на несколько лет заморозило деятельность общества. Ассоциация возродилась в годы «арабского восстания», но имела только два отделения — «Аль-Ахд ас-сурий» и «Аль-Ахд аль-иракий».

«Аль-Ахд» несколько раз меняла свои политические предпочтения: с проосманских в период своего создания на пробританские в годы «арабского восстания» 1916–1918 гг., затем с антибританских накануне и во время восстания 1920 г. вновь на пробританские после избрания Фейсала королем Ирака⁴¹.

Общество «Харас аль-истикляль» было создано в 1919 г. в Багдаде десятью иракскими интеллектуалами, среди которых были Джаляль Бабан, Али аль-Барзиган и Мухи ад-Дин ас-Сухраварди. Советский востоковед А.А. Федченко утверждает, что организация возникла раньше, и уже в ходе волнений 1918 г. в Неджефе и на Среднем Евфрате координировала свои действия с «Аль-Ахд»⁴², однако другими материалами и источниками данная информация не подтверждается.

Вскоре после основания «Харас аль-истикляль» между ним и багдадским отделением «Аль-Ахд» возникло ожесточенное соперничество. Каждая сторона обвиняла оппонента в предательстве интересов иракского народа: «Аль-Ахд» была заподозрена в связях с британцами, а «Харас» — с турками⁴³. Взаимная вражда ослабила обе организации, и они были распущены.

«Харас аль-истикляль» возродилось в конце 1919 г., большинство членов общества были шиитами. Организация неизменно настаивала на полной независимости Ирака, видела страну конституционной монархией, возглавляемой одним из сыновей шерифа Хусейна. Кроме того, программа «Харас аль-истикляль» содержала требование отказа от любых форм этнической и конфессиональной дискриминации в стране: в организацию входили как курды (например, офицер Джаляль Бабан), так и арабы — сунниты

³⁸ *Kadhim A. Op. cit. P. 116.*

³⁹ *Ibid.*

⁴⁰ *Ibid. P. 113–114.*

⁴¹ *Ibid. P. 114.*

⁴² *Федченко А.А. Указ. соч. С. 17.*

⁴³ *Kadhim A. Op. cit. P. 115.*

(землевладелец Юсуф ас-Сувайди) и шииты (богослов Мухаммад ас-Садр)⁴⁴. Следует отметить, что с таким утверждением не согласен А.А. Федченко: по его мнению, и «Аль-Ахд», и «Харас аль-истикляль» «занимали шовинистическую позицию по отношению к освободительному движению курдского населения и вынашивали планы подчинения курдских районов Мосульского вилайета будущему иракскому арабскому государству»⁴⁵. При этом обоснования своей позиции историк не приводит, указывая, что судьба Мосула еще не была окончательно решена: по соглашению Сайкса — Пико на него претендовали французы, отказавшиеся позднее на конференции в Сан-Ремо (1920 г.) от своих притязаний в обмен на 25% акций Turkish Petroleum Company⁴⁶, у британцев Мосул оспаривала Турция. Вследствие распространения восстания 1920 г. главным образом в районах, населенных шиитами, курды не играли существенной роли в этих тайных организациях. Поскольку вопрос принадлежности Мосула к моменту начала восстания решен не был, утверждать о планах подчинения курдов будущему национальному правительству Ирака представляется не вполне целесообразным.

Отделения «Харас аль-истикляль» возникли в Багдаде, Хилле, Неджефе, Шамийе и Дияле. Популярность организации росла, особенно среди шиитов, и «Джамиат аш-шабиба аль-иракийя» («Общество иракской молодежи») решило слиться с «Харас аль-истикляль». Лозунгом был избран девиз: «Свобода не даруется, а берется силой»⁴⁷.

Накануне восстания 1920 г. «Харас аль-истикляль» удалось скоординировать с шиитскими муджтахидами Среднего Евфрата, шейхами племен и создать Комитет восстания («Мактаб ас-саура») ⁴⁸, что, безусловно, облегчило в дальнейшем управление народными протестами. Один из самых авторитетных шиитских муджтахидов, аятолла Мухаммад Таки ад-Дин аш-Ширази, издал фетву, объявляющую службу в британской колониальной администрации «незаконной»⁴⁹ и провозглашавшую, что «все иракцы обязаны требовать [осуществления] своих прав, но должны при этом обеспечить сохранение мира и безопасности. Им разрешается, однако, прибегнуть к защите силой (аль-кувват ад-дифа'ийя) в случае, если англичане откажутся от удовлетворения их требований»⁵⁰. Это легализовало применение оружия восставшими. Советский исследователь Л.Н. Котлов отмечает, что М.Т. аш-Ширази выступил против «шиито-суннитского сближения», став выразителем позиции «части влиятельной среди крестьянских масс религиозной верхушки шиитов»⁵¹, и тем самым ненамеренно облегчил британцам победу над восстанием.

Письма Г. Белл раскрывают ряд фактов, подтверждающих позицию Л.Н. Котлова о непростых отношениях между суннитами и шиитами в ходе восстания. В частности, в письме отцу от 26 июля 1920 г. она отмечает, что с целью умиротворения восставших она разрабатывала «схему совместной суннито-шиитской комиссии для поездки в Кербелу и Неджеф». Однако реализация этой схемы оказалась под вопросом вследствие недоверия суннитов, обратившихся за помощью к британцам для скорейшего прекращения восстания, препятствовавшего их торговле: «Их [суннитов. — О.Ч.] желание состоит в том, чтобы возложить всю вину [за восстание. — О.Ч.] на шиитов, а затем бросить последних, чтобы они выбрались из ямы, которую, по сути, сунниты рыли с таким же рвением, как и шииты. Они ненавидят идею создания совместной

⁴⁴ Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 96; Kadhim A. Op. cit. P. 116.

⁴⁵ Федченко А.А. Указ. соч. С. 18.

⁴⁶ Там же. С. 14.

⁴⁷ Цит. по: Федченко А.А. Указ. соч. С. 18.

⁴⁸ Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 96.

⁴⁹ Tripp Ch. Op. cit. P. 40.

⁵⁰ Цит. по: Саид А. Восстания арабов в XX веке. М., 1964. С. 187.

⁵¹ Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 90.

комиссии с шиитами, хотя и не могут доверить шиитам единолично решать этот вопрос»⁵². Подобные замечания неоднократно встречаются в личных бумагах Г. Белл⁵³.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОССТАНИЯ

Восстание 1920 г., стоившее британцам 400 жизней и 40 млн ф. ст.⁵⁴, послужило для них импульсом к пересмотру своей колониальной стратегии в Ираке, которая изначально выстраивалась на основе индийской модели имперского управления, но вскоре продемонстрировала свою несостоятельность. Г. Белл писала: «Я полагаю, мы недооценили тот факт, что эта страна на самом деле представляет собой зарождающуюся массу племен, которую еще нельзя свести к какой-либо системе. Турки не правили, а мы пытались править — и потерпели неудачу»⁵⁵.

Новый министр колоний Великобритании Уинстон Черчилль принял решение о смене аппарата колониальной администрации в Ираке и других подмандатных территориях Англии на Ближнем Востоке. В этой связи в марте 1921 г. была созвана Каирская конференция, на которой обсуждалось будущее Ирака. Было принято решение о переходе от прямого к косвенному управлению Ираком с привлечением лояльных лидеров племен, не участвовавших в восстании, а также чиновников из прошлой — османской — администрации, дружелюбно настроенных к планам Великобритании на Ближнем Востоке. Таким образом, политика маргинализации и отстранения от государственных дел военных и чиновников из числа арабов-суннитов, ранее состоявших на службе у османских властей в Ираке, была признана ошибочной.

На конференции обсуждалось назначение Фейсала королем Ирака, что должно было послужить двум целям: с одной стороны, поощрить поддержку, оказанную Фейсалом британцам в ходе восстания, и тем самым получить в его лице пробританского правителя Ирака, а с другой — купировать притязания Фейсала на Сирию, ставшую подмандатной территорией Франции, что позволило бы Великобритании избежать нежелательных столкновений с Парижем, способных привести к ухудшению двусторонних отношений.

Однако даже то, что король Фейсал был активным деятелем арабского национально-го движения и происходил из рода пророка Мухаммада, не делало его желанным лидером. Как удачно отметила американский эксперт по Ираку Джудит Яф, «как арабу, ему не доставало поддержки со стороны курдов; как сунниту, ему не хватало милости со стороны шиитов, а как хашимит родом с Аравийского полуострова он был отвергнут большинством местных старинных и знатных суннитских семейств»⁵⁶.

Важным последствием восстания 1920 г. стало закрепление доминирования суннитов в Ираке и дискриминации шиитского большинства населения страны, основу которых заложила еще Османская империя на закате своего влияния в Ираке. Шииты не были представлены в органах власти⁵⁷ на уровне провинций (мухафаз), поскольку не обладали опытом государственной службы⁵⁸, а также среди знатных арабов-суннитов Багдада

⁵² Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 26 July 1920 // Gertrude Bell Archive — Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=406 (access date: 30.10.2020).

⁵³ Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 30 August 1920 // Gertrude Bell Archive — Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=415 (access date: 01.11.2020); Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 12 September 1920 // Gertrude Bell Archive — Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=418 (access date: 01.11.2020).

⁵⁴ Iraq between Occupations... P. 251.

⁵⁵ Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 23 August 1920 // Gertrude Bell Archive — Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=412 (access date: 30.10.2020).

⁵⁶ Iraq between Occupations... P. 243.

⁵⁷ Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 26 July 1920 // Gertrude Bell Archive — Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=406 (access date: 30.10.2020).

⁵⁸ Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 7 November 1920 // Gertrude Bell Archive — Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=432 (03.11.2020).

преобладали антишиитские настроения, разделяемые и британцами, испытывавшими недоверие к местному шиитскому духовенству. Кроме того, сунниты, еще в ходе восстания видевшие Ирак светским государством, управляемым Абдаллой, быстрее смирились с навязанным британцами королем в лице Фейсала и легче пошли на сотрудничество с его марионеточным режимом.

Г. Белл приводит еще одну причину, почему шииты практически не были представлены во временном правительстве Ирака после восстания: «Одна из трудностей состоит в том, что все или почти все лидеры шиитских городов являются персидскими подданными и их необходимо заставить принять месопотамское гражданство, прежде чем они займут официальные должности в месопотамском государстве»⁵⁹.

Таким образом, при британцах, как и при турках, «в Ираке снова доминировали арабы-сунниты, получившие османское образование, и “арабизированные” курды под иностранным патронажем»⁶⁰.

Результатом восстания 1920 г. стало учреждение временного правительства страны, возглавляемого арабом, и Государственного совета. Первым председателем правительства стал лидер багдадской суннитской общины Абдуррахман аль-Хайдари аль-Гайлани, глава суфийского ордена кадирийя. А. аль-Гайлани не участвовал в восстании 1920 г., не имел политического опыта, но его авторитет среди местных жителей, религиозность, а также лояльность Великобритании сделали его кандидатуру приемлемой как для большинства иракцев, так и для колониальной администрации в лице британского Верховного комиссара в Месопотамии Перси Кокса, который сосредотачивал тем самым реальную власть в своих руках.

В Государственный совет вошли представители традиционных высших классов, в основном религиозные лидеры-сунниты, а также крупные землевладельцы и племенные шейхи, на чью лояльность полагались англичане.

Большинство шиитов, которые видели будущее Ирака в теократической форме правления на основе законов шариата, игнорировало политическую систему, контролируруемую Великобританией, но позже немногочисленные шииты вошли в парламент и даже возглавляли правительство: пост премьер-министра занимали Салих Джабир с марта 1947 г. по январь 1948 г., Сейид Мухаммад ас-Садр в январе-июне 1948 г. и Мухаммад Фадель аль-Джамали с сентября 1953 г. по апрель 1954 г. Однако многие авторитетные шиитские аятоллы были депортированы из Ирака, поскольку отказались поддержать власть нового короля. В вооруженных силах Ирака, главным образом в среде высшего офицерства, сунниты также составляли основную массу. Эти факторы способствовали установлению власти суннитского меньшинства в стране и дискриминации шиитского большинства. Тем не менее в Багдаде, Неджефе и провинциях Среднего Евфрата оформилось движение, стремившееся противостоять британскому контролю над Ираком. Главную роль в движении играли муджтахиды, а также шейхи и сейиды многочисленных племен, не желавших мириться со сложившейся ситуацией.

Восстание не покончило с оккупацией Ирака и не привело к его полной независимости, но события 1920 г. способствовали вовлечению иракцев в управление страной за счет участия в работе первого национального правительства. Ирак постепенно обретал суверенитет. Великобритания стремилась отстоять свои интересы в регионе Ближнего Востока, не допуская трансформации страны в теократическое государство и поддерживая доминирование суннитского меньшинства над шиитским большинством.

⁵⁹ Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 1 November 1920 // Gertrude Bell Archive – Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=431 (access date: 05.11.2020).

⁶⁰ Iraq between Occupations... P. 244.

Библиография

- Данциг Б.М.* Ирак в прошлом и настоящем. М., 1960.
- Котлов Л.Н.* Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке. М., 1958.
- Ментешашвили А.М.* Ирак в годы английского мандата. М., 1969.
- Никонов О.А.* Эволюция колониальной политики Великобритании на Востоке (вторая половина XIX – первая половина XX в.) // ЛОКУС: люди, общество, культура, смыслы. 2017. №1. С. 32–45.
- Оганесян Н.О.* Национально-освободительное движение в Ираке (1917–1958 гг.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1967.
- Сауд А.* Восстания арабов в XX веке. М., 1964.
- Федченко А.А.* Ирак в борьбе за независимость (1917–1969). М., 1970.
- Чикризова О.С.* Дихотомия «обездоленные – высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 279–289.
- Batai H.* The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq. Princeton (NJ), 1978.
- Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 1 November 1920 // Gertrude Bell Archive – Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=431 (access date: 05.11.2020).
- Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 12 September 1920 // Gertrude Bell Archive – Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=418 (access date: 01.11.2020).
- Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 23 August 1920 // Gertrude Bell Archive – Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=411 (access date: 08.11.2020).
- Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 26 July 1920 // Gertrude Bell Archive – Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=406 (access date: 30.10.2020).
- Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 30 August 1920 // Gertrude Bell Archive – Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=415 (access date: 01.11.2020).
- Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 7 November 1920 // Gertrude Bell Archive – Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=432 (03.11.2020).
- Iraq between Occupations: Perspectives from 1920 to the Present / Eds A. Baram, A. Rohde, R. Ziedel. New York, 2010.
- Ireland P.W.* Iraq. A Study in Political Development. London, 1937.
- Kadhim A.* Reclaiming Iraq: The 1920 Revolution and the Founding of the Modern State. Austin, 2012.
- Klieman A.S.* Foundations of British Policy in the Arab World. The Cairo Conference of 1921. Baltimore – London, 1970.
- Nakash Y.* The Shi'is of Iraq. Princeton (NJ), 1994.
- Tripp Ch.* A History of Iraq. 3rd edition. Cambridge, 2007.
- Vinogradov A.* The 1920 Revolt in Iraq Reconsidered: The Role of Tribes in National Politics // International Journal of Middle East Studies. 1972. № 3. P. 123–139.
- Wilson A.T.* Mesopotamia 1917–1920. A Clash of Loyalties. A Personal and Historical Record. London, 1931.

References

- Chikrizova O.S.* Dikhotomiia “obezdolennye – vysokomernye” v shiitskom vospriiati mezhdu narodnykh otoshenii [“Oppressed – oppressors” Dichotomy in Shi'ite Perception of International Relations] // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Mezhdunarodnye otosheniia [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. International Relations]. 2017. Vol. 17. № 2. P. 279–289. (In Russ.)
- Dantsig B.M.* Irak v proshlom i nastoiashchem [Iraq in the Past and Present]. Moskva, 1960. (In Russ.)
- Fedchenko A.A.* Irak v bor'be za nezavisimost' (1917–1969) [Iraq in the struggle for independence (1917–1969)]. Moskva, 1970. (In Russ.)
- Kotlov L.N.* Natsional'no-osvoboditel'noe vosstanie 1920 goda v Irake [National liberation uprising of 1920 in Iraq]. Moskva, 1958. (In Russ.)
- Menteshashvili A.M.* Irak v gody angliiskogo mandata [Iraq during the British Mandate]. Moskva, 1969. (In Russ.)
- Nikonov O.A.* Evoliutsiia kolonial'noi politiki Velikobritanii na Vostoke (vtoraia polovina XIX – pervaiia polovina XX vv.) [Evolution of Great Britain's colonial policy in the East (second half of 19th – first half of 20th centuries)] // LOKUS: liudi, obshchestvo, kul'tura, smysly [LOCUS: people, society, culture, meanings]. 2017. № 1. P. 32–45. (In Russ.)

Oganesian N.O. Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Irake (1917–1958 gg.): avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk [National liberation movement in Iraq (1917–1958): summary of the doctoral thesis]. Tbilisi, 1967. (In Russ.)

Said A. Vosstaniia arabov v XX veke [Arab revolts in the 20th century]. Moskva, 1964. (In Russ.)

Batatu H. The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq. Princeton (NJ), 1978.

Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 1 November 1920 // Gertrude Bell Archive – Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=431 (access date: 05.11.2020).

Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 12 September 1920 // Gertrude Bell Archive – Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=418 (access date: 01.11.2020).

Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 23 August 1920 // Gertrude Bell Archive – Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=411 (access date: 08.11.2020).

Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 26 July 1920 // Gertrude Bell Archive – Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=406 (access date: 30.10.2020).

Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 30 August 1920 // Gertrude Bell Archive – Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=415 (access date: 01.11.2020).

Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 7 November 1920 // Gertrude Bell Archive – Letters. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=432 (03.11.2020).

Iraq between Occupations: Perspectives from 1920 to the Present / Eds A. Baram, A. Rohde, R. Ziedel. New York, 2010.

Ireland P.W. Iraq. A Study in Political Development. London, 1937.

Kadhim A. Reclaiming Iraq: The 1920 Revolution and the Founding of the Modern State. Austin, 2012.

Klieman A.S. Foundations of British Policy in the Arab World. The Cairo Conference of 1921. Baltimore – London, 1970.

Nakash Y. The Shi'is of Iraq. Princeton (NJ), 1994.

Tripp Ch. A History of Iraq. 3rd edition. Cambridge, 2007.

Vinogradov A. The 1920 Revolt in Iraq Reconsidered: The Role of Tribes in National Politics // International Journal of Middle East Studies. 1972. № 3. P. 123–139.

Wilson A.T. Mesopotamia 1917–1920. A Clash of Loyalties. A Personal and Historical Record. London, 1931.

DOI: 10.31857/S013038640014272-7

© 2021 г. С.Г. КАРПЮК

«ПОМОЩЬ РОССИИ В ВОЙНЕ»: СВИДЕТЕЛЬСТВО МОЗЕСА ФИНЛИ

Карпюк Сергей Георгиевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: oxlos@yandex.ru

Researcher ID: E-4905-2017; ORCID: 0000-0001-8515-9560; Scopus ID: 57194379068

Аннотация. В статье публикуется и анализируется «Меморандум Финкельштейна», важное свидетельство о гуманитарной помощи, которую общественные организации США оказывали советскому народу в завершающий период Второй мировой войны. Автор документа — Мозес Финли (Финкельштейн), один из наиболее известных историков античного мира, а в рассматриваемый период — член компартии США, активный организатор помощи Советскому Союзу. С 1942 г. Финли работал Исполнительным секретарем Еврейского комитета некоммерческой организации «Помощь России в войне» («Russian War Relief», RWR, в советских дипломатических документах — «Рашен Уор Релиф», РУР). Финли считал свою деятельность в этой организации крайне важной, что подтверждает интервью, которое он дал в 1980 г. корпорации Би-би-си. В написанной в конце 1944 г. докладной записке, обращенной к руководству «Помощи России в войне» («Меморандум Исполнительного секретаря Еврейского комитета Рашен Уор Релиф Финкельштейна об организации “Национальный военный фонд”»), он активно отстаивал интересы СССР, резко выступал против того, чтобы помощь, собранная американскими гражданами для советского народа, перенаправлялась враждебным Советскому Союзу эмигрантским организациям. «Меморандум Финкельштейна» был переведен на русский язык сотрудником советского Министерства иностранных дел в августе 1945 г., в преддверии визита руководства «Помощи России в войне» в Советский Союз. Публикуемый документ позволяет пролить свет на межгосударственные отношения СССР и США в завершающий период Второй мировой войны, а также характеризует политические взгляды историка.

Ключевые слова: взаимоотношения СССР и США, Вторая мировая война, гуманитарная помощь, «Помощь России в войне», Мозес Финли, «Меморандум Финкельштейна».

S.G. Karpyuk

“Russian War Relief”: Moses Finley's Testimony

Sergey Karpyuk, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: oxlos@yandex.ru

Researcher ID: E-4905-2017; ORCID: 0000-0001-8515-9560; Scopus ID: 57194379068

Abstract. The article publishes and analyses the "Finkelstein Memorandum", an important testimony about the humanitarian assistance that U.S. public organizations provided to the Soviet people during the final period of World War II. The author of the document is Moses Finley

(Finkelstein), one of the most famous historians of Antiquity, and in the period in question — a member of the U.S. Communist Party, an active organiser of assistance to the Soviet Union. Since 1942 Finley worked as Executive Secretary of the Jewish Committee of the non-profit organization “Russian War Relief” (RWR). Finley considered his activities in this organisation to be extremely important, as confirmed by an interview he gave in 1980 to the BBC. In a memo written at the end of 1944 and addressed to the leaders of the “Russian War Relief” (“Memorandum of the Executive Secretary of the Jewish Committee of the Russian War Relief Finkelstein on the National War Fund”), he actively defended the interests of the USSR. Finley strongly opposed the practice of diverting assistance collected by American citizens for the Soviet people to emigrant organisations hostile to the Soviet Union. The “Finkelstein's Memorandum” was translated into Russian by a staff member of the Soviet Ministry of Foreign Affairs in August 1945, ahead of the visit of the leaders of the “Russian War Relief” to the Soviet Union. The published document makes it possible to shed light on the interstate relations between the USSR and the United States during the final period of World War II, as well as characterises the political views of the historian.

Keywords: Soviet-American relations, the Second World War, humanitarian relief, “Russian War Relief”, Moses Finley, Finkelstein's Memorandum.

Одному из самых известных историков античности XX в. сэру Мозесу Финли (1912–1986), эмигрировавшему в конце 1954 г. из США в Великобританию, «не повезло» с переводом его сочинений на русский язык. Несмотря на притягательность идей историка, по разным причинам (и идеологического, и финансового свойства) ни одного перевода его научных трудов не было опубликовано ни в советское время, ни в 1990-е годы. Только в 2003 г. был издан первый перевод сравнительно небольшой статьи М. Финли¹. Тем не менее первый перевод на русский язык текста, автором которого был Мозес Финли, датирован 1945 г. Этот текст хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в Москве и озаглавлен «Меморандум Исполнительного секретаря Еврейского комитета Рашен Уор Релиф Финкельштейна об организации “Национальный военный фонд”» (в октябре 1946 г. историк поменял фамилию Финкельштейн на Финли). Судя по тексту документа, «Меморандум Финкельштейна» был написан до 1 октября 1944 г. — в конце лета или в начале осени 1944 г. Русский перевод, выполненный сотрудником Министерства иностранных дел СССР Е. Перфильевым, не датирован, но подшитые рядом с ним в деле документы позволяют предположить, что перевод был выполнен в августе 1945 г.² Исследователям творчества Мозеса Финли, и российским, и зарубежным, этот документ неизвестен³.

Исследования, вышедшие к 100-летию Финли, внесли большой вклад не только в изучение научного творчества, но и жизненного пути историка. Финли был видным членом американской компартии, активным организатором помощи СССР в годы войны, стал жертвой маккартизма: он потерял работу и был вынужден эмигрировать из США⁴. Документы из московских архивов позволяют уточнить детали биографии

¹ *Finley M. Empire in the Greco-Roman World // Greece and Rome. 1978. Vol. 25. № 1. P. 1–15.* Перевод А.В. Заршикова, О.В. Любимовой на сайте www.ancientrome.ru (дата обращения: 12.12.2020).

² ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 291 (1). Л. 134–138.

³ Не случайно историографы склонны преувеличивать влияние на историка теоретических идей и приуменьшать значение его практической деятельности. См.: *Green K. Technological Innovation and Economic Progress in Ancient World // Economic History Review. 2000. Vol. 53. № 1. P. 31; Жарков И.А. М. Финли и советская историография античной истории. Иркутск, 2008. С. 19.*

⁴ Об этом периоде биографии Финли см.: *Naiden F.S. Finley's War Years // American Journal of Philology. 2014. Vol. 135. № 2. P. 243–266; Tompkins D.P. Moses Finkelstein and the American Scene // Moses Finley and Politics / Ed. W.V. Harris. Leiden, 2013. P. 5–30; Tompkins D.P. The Making of Moses Finley // M.I. Finley: An Ancient Historian and His Impact / Eds D. Jew, R. Osborne, M. Scott. Cambridge, 2016. P. 13–30.*

и взглядов Финли. В предшествующих публикациях удалось достоверно подтвердить членство Финли в компартии США с 1937 или 1938 г.⁵, его тесное взаимодействие с высокопоставленными советскими дипломатами (включая М.М. Литвинова и А.А. Громыко) в 1942–1943 гг. по организации визита в США советских деятелей еврейской культуры С. Михоэлса и И. Фефера⁶ и в первые послевоенные годы, в период сворачивания деятельности просоветских организаций в США в 1946–1947 гг.⁷

В 1942–1947 гг. Финли полностью отошел от преподавания и науки и работал в Нью-Йорке в организациях, тесно связанных с Советским Союзом: в комитете «Помощь России в войне» в 1942–1946 гг., а впоследствии в «Американо-русском институте» в 1946–1947 гг. Расцвет деятельности «Рашен Уор Релиф» (так в советских официальных документах обозначали название этого комитета, сокращенно — РУР) приходился на последние годы Второй мировой войны⁸. Финли упомянул свою работу в этой организации в интервью, которое он дал в 1980 г. британской вещательной корпорации Би-би-си:

«Интервьюер. Имели ли Вы, на самом деле, что-либо общее с коммунистической партией?

Финли. Поскольку я отказывался отвечать на этот вопрос в течение сорока лет, я буду твердо стоять на этом. Извините.

Интервьюер. Как Вы провели годы войны?

Финли. Я не был призван, по медицинским показаниям. Я нашел работу в агентстве «Помощь России в войне», где проявил себя с самой лучшей стороны, выполняя обязанности директора общенациональных компаний»⁹.

Очевидны причины, по которым Финли отказывался признать свое членство в компартии США: он дважды под присягой отрицал этот факт¹⁰. Однако при этом Финли всегда гордился своей эффективной деятельностью в комитете «Помощь России в войне», и в конце жизненного пути он хотел подчеркнуть важность своей деятельности во время Второй мировой войны.

Неформальная встреча бизнесменов, религиозных деятелей и филантропов, которая привела к созданию комитета «Помощь России в войне», состоялась в Нью-Йорке в июле 1941 г.¹¹; к 1943 г. число региональных и городских филиалов комитета превысило 400. Самый большой нью-йоркский филиал объединял 30 подкомитетов. В руководстве большинства структур работали добровольцы, и благодаря этому затраты на административный аппарат и управленческие расходы составляли менее 5%. Волонтеры занимались сбором денег и одежды, распространением агитационных материалов. Во многих городах были созданы собственные небольшие производства и налажена продажа выпускаемой ими продукции¹².

«Помощь России в войне» подразделялась на национальные комитеты (советы). Мозес Финли с 1942 г. работал в должности Исполнительного секретаря Еврейского

⁵ На основании хранящейся в архиве «Вестника древней истории» записки его товарища по партии Эмили Грейс (Эмили Львовны Казакевич), которая была написана в 1960 г. См.: *Kazakevich (Grace) E. M.I. Finley: a Note on His Life and Work* // Вестник древней истории. 2016. Т. 76. № 3. С. 780–784.

⁶ См.: *Карпюк С.Г.* Переписка Мозеса Финли с советскими дипломатами, декабрь 1942 — август 1943 г. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2018. Т. 18. № 2. С. 283–292.

⁷ См.: *Карпюк С.Г.* Мозес Финли: документы из московских архивов. Беседа Финли с 3-м секретарем советского посольства А.А. Ермолаевым // Вестник древней истории. 2018. Т. 78. № 1. С. 113–121.

⁸ *Васин А.Н., Велембовская К.М.* Комитет «Помощь России в войне». Американская гуманитарная помощь СССР в годы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 84–99.

⁹ Cambridge University Library. The Finley Papers. Add 9607. Box 16. F. 3.

¹⁰ *Naiden F.S.* Finley's War Years // *American Journal of Philology*. 2014. Vol. 135. № 2. P. 258; *Naiden F.S.* Moses Finley's Communist Party Membership // *American Journal of Philology*. 2017. Vol. 138. № 4. P. 739.

¹¹ *Carter E.C.* Russian War Relief // *Slavonic and East European Review. American Series*. 1944. Vol. 3. № 2. P. 64.

¹² *Васин А.Н., Велембовская К.М.* Указ. соч. С. 93.

комитета, выступал в качестве организатора общенациональных компаний. У Финли накопился большой опыт контактов и с советскими, и с американскими дипломатическими и бюрократическими структурами. «Помощь России в войне», при активном участии самого Финли, вела успешные кампании по сбору помощи для СССР. Как отмечалось в советских дипломатических документах, «“Рашен уор релиф” — широко разветвленная организация военной помощи Советскому Союзу и вместе с тем крупнейшая просоветская организация США — за последние три года прислала в СССР медикаментов, одежды и пр. на сумму свыше 46 млн долларов. Кроме того, кампании, проводимые РУРом в США (митинги, посвященные знаменательным датам жизни СССР, опубликование информации о зверствах немцев и т.п.), играют большую положительную роль в распространении в США объективных знаний о Советском Союзе»¹³.

Однако, когда исход войны стал ясен, правительство США переориентировало потоки помощи, которую американские граждане собирали для СССР, на лояльные США режимы и структуры. Национальному военному фонду (НВФ) было передано исключительное право на сбор денежных пожертвований на всей территории США. Этот фонд сам распределял, согласно квотам, средства между организациями-получателями. «Для Рашен Уор Релиф была установлена ежегодная квота — 9 млн долларов, превышать которую организация не имела права. Все деньги, перечисленные в местные отделения РУР, регистрировались, и итоговая сумма, превышающая квоту, изымалась»¹⁴. Такая навязанная сверху переориентация гуманитарной помощи послужила побудительной причиной написания в конце лета или начале осени 1944 г. «Меморандума Финкельштейна». В те годы написание меморандума — документа, который перемещал политический анализ в сферу принятия решений, — стало обычной практикой доведения до руководства собственной точки зрения¹⁵.

Переориентация американской гуманитарной помощи нашла отражение и в советских внешнеполитических документах. 5 февраля 1945 г. исполнявший обязанности председателя правления Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) А.В. Караганов сообщал заместителю народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинскому, что НВФ с одобрения контрольного комитета при президенте США сократил денежный фонд комитета помощи России с 21 млн в 1944 г. до 7 млн в 1945 г.¹⁶ Основанием для этого послужило перераспределение средств в пользу только что освобожденных стран Европы¹⁷. В переписке советских должностных лиц отмечалось, что сокращение помощи СССР с 21 млн долл. в 1943/44 финансовом году до 7 млн долл. в 1944/45 финансовом году (1 октября 1944 г. — 30 сентября 1945 г.) «объясняется американцами необходимостью выделения фондов для комитетов помощи вновь освобожденных европейских стран»¹⁸. Уже после окончания Второй мировой войны руководство «Помощи России в войне» было удостоено советских орденов и медалей: председатель Эдвард Картер и директор Фред Майерс —

¹³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 129. Оп. 29. Д. 81. П. 176. Л. 17. Впрочем, председателю оргкомитета «Помощи России в войне» Эдварду Картеру советские дипломаты сообщили несколько иные цифры: с начала операций (ноябрь 1941 г.) по 1 марта 1945 г. СССР было получено 203 450 мест на сумму 37 868 тыс. долларов. — Там же. Л. 34.

¹⁴ Позняков В.В. Американская гуманитарная помощь советскому народу (1941–1945) // Американский ежегодник. 1991. М., 1992. С. 47–48.

¹⁵ См., например, меморандум московского представителя «Помощи России в войне» Лео Грулева, врученный директору Совинформбюро С.А. Лозовскому: Васин А.Н., Велембовская К.М. Указ. соч. С. 95.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 29. Д. 81. П. 176. Л. 10.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ Там же. Л. 14 (письмо А.Я. Вышинскому от 21 февраля 1945 г.).

ордена Трудового Красного Знамени, экономический директор Вейнгард и представитель в СССР Лео Грулио — медали «За трудовую доблесть»¹⁹. В преддверии визита руководства «Помощи России в войне» в Советский Союз, очевидно, в августе 1945 г. был осуществлен перевод «Меморандума Финкельштейна» на русский язык.

«Меморандум Финкельштейна» — свидетельство заинтересованного современника об изменениях в советско-американских отношениях, которые происходили в конце Второй мировой войны. Финли и как современник и участник событий, и как профессиональный историк смог определить важнейший поворотный момент, можно сказать, точку невозврата не только в распределении американской гуманитарной помощи, но и в американо-советских отношениях. К осени 1944 г. исход войны стал очевиден. На первый план выходило не сотрудничество, а соперничество держав-победительниц. Гуманитарная помощь стала важнейшим инструментом внешней политики. США с их мощнейшей и не пострадавшей от войны экономикой могли использовать этот инструмент в полной мере²⁰. Политические предпочтения историка в 1944 г. были очевидны: член компартии США и убежденный антифашист Мозес Финли выступал за максимальную поддержку Советского Союза как главного и решающего участника войны с нацистской Германией.

Перевод с английского

МЕМОРАНДУМ

Исполнительного секретаря Еврейского комитета

Рашен Уор Релиф²¹ Финкельштейна

об организации «Национальный военный фонд»

1. Национальный военный фонд наряду со своей историей имеет и предысторию. В течение многих лет в стране существовала тенденция — объединить сборы средств на общественные мероприятия, такие как финансирование госпиталей, детских домов, учреждений по улучшению быта и т.п., в одну ежегодную кампанию, обычно называемую общественным сбором. Такие сборы имеют три задачи: 1) предохранить жертвователей от необоснованных вымогательств; 2) снизить стоимость проведения сборов и 3) ограничить время сбора средств коротким периодом в году. Как только появились организации помощи военного времени, развилась тенденция объединять их в разных городах с организациями общественных сборов и сборов помощи военного времени. В течение всего 1942 г. такие организации создавались в одном городе за другим. РУР, подобно другим организациям помощи иностранным государствам, договаривался с каждой такой организацией отдельно о работе, всегда при условии, что РУР прекращает независимые сборы средств в данном районе. (Случайно в гор. Нью-Йорке не существует общественного сбора.)

В начале 1943 г. появилась идея создания Национального военного фонда. Эта идея исходила из группы руководителей крупнейших банков и корпораций, которые хотели избежать надобности давать деньги большому числу отдельных организаций. Естественно, они получили благословение от Центрального управления военной помощи Президента, возглавляемого братом сенатора Тафта²². После нескольких месяцев

¹⁹ Там же. Л. 63 (письмо А.Я. Вышинскому от 20 августа 1945 г.).

²⁰ Porter S.N. Humanitarian Diplomacy after World War II: The United Nations Relief and Rehabilitation Administration // Foreign Policy Breakthroughs: Cases in Successful Diplomacy / Eds R. Hutchings, J. Suri. New York, 2015. P. 21–46.

²¹ Russian War Relief — «Помощь России в войне», сокращение в советских официальных документах: РУР.

²² Роберт Альфонсо Тафт — сторонник изоляционизма; его младший брат Чарльз Фелпс Тафт в годы Второй мировой войны возглавлял экономический отдел Госдепартамента США.

переговоров и нажима Уинтропом Олдрич[ем]²³ из Чейз Нашенел Банк и был создан Национальный военный фонд²⁴ не как федерация или совет представителей различных организаций помощи военного времени, а как сверхкорпорация, подчиненная интересам Рокфеллера Чейза²⁵. 16 организаций помощи иностранным государствам стали тогда «организациями-членами» по контракту. Главными условиями контракта были: 1) НВФ будет вручать каждой организации-члену определенную сумму ежемесячно (если деньги будут); 2) каждая организация-член должна прекратить самостоятельные сборы денег; 3) организациям-членам разрешается продолжать собирать вещи и продукты²⁶. Вероятно, что основные работники, возглавляющие НВФ, пришли из фирм Джон Прайс Джонс²⁷, наиболее значительной и наиболее реакционной корпоративной общественной организации в стране.

Первая кампания НВФ была проведена осенью 1943 г. или независимо, как в Нью-Йорке, или, как фактически было во всех других городах, через местные военные сборы. Вторая кампания начнется 1 октября этого года²⁸. Кампания будет длиться от одной недели до двух месяцев, в зависимости от величины города, главным образом.

С тех пор как основные 16 организаций подписали контракт с НВФ, в него вступило небольшое число новых организаций с получением свидетельства Центрального управления военной помощи Президента, например: Итальян Уор Релиф, Литвениан (!!!) Уор Релиф²⁹.

2. Задачей НВФ является якобы обеспечение максимальной эффективности сбора средств для помощи военного времени через единую организацию. Три факта показывают его истинное назначение:

1) Ежегодный план сборов НВФ устанавливается не в соответствии с требуемой помощью, а в соответствии с тем, сколько можно собрать без труда. Другими словами, задача НВФ защитить крупных жертвователей, а не получающих помощь.

2) Квота для кампании этого года 115 млн долларов, т.е. на 10.100.000 долларов меньше, чем в прошлом году, несмотря на то, что каждая отдельная организация просит больше.

3) Лозунгом прошлогодней кампании было «Дай один раз для всех» — не в смысле единства, а в смысле — дай один раз, и никто не будет беспокоить тебя весь год.

Определение суммы, которую получит каждая организация-член НВФ, устанавливается до начала кампании бюджетным комитетом НВФ. Он получает детальные бюджеты от каждой организации, покрывающие не только закупки для помощи, но также и административные расходы, собирает совещания, которые довольно нелепы, и тогда определяет получаемую сумму. Случайно ЮСО³⁰ по своему контракту с НВФ

²³ Winthrop W. Aldrich (1885–1974) — американский банкир, с 1930 по 1953 г. президент банка «Чейз Нэшнал» (Chase National Bank), в 1953–1957 гг. американский посол в Великобритании; во время войны возглавлял Национальный военный фонд.

²⁴ National War Fund, inc.

²⁵ Семья Рокфеллеров была связана с крупнейшим банком «Чейз Манхэттен» (Chase Manhattan Bank), который впоследствии возглавлял Дэвид Рокфеллер.

²⁶ В том числе так называемые «чрезвычайные наборы для домохозяйств».

²⁷ «Джон Прайс Джоунс» (John Price Jones Company) — основанная в 1917 г. компания, специализировавшаяся на сборе пожертвований; она развернула активную деятельность в середине XX в.

²⁸ 1944 г.

²⁹ Очевидно негативное отношение автора меморандума к враждебным СССР эмигрантским организациям, в частности литовским.

³⁰ The United Service Organization (USO) — неправительственная организация, обеспечивающая американских военных и их семьи развлечениями, партнер министерства обороны США. Существует с 1941 г.

получила право представлять бюджет без просмотра. Другими словами, они получают столько, сколько просят.

На бумаге прошлогодняя кампания НВФ выполнила свою квоту в 125 млн долларов. Из этой суммы было отпущено только для ЮСО свыше 50 млн долларов, для РУР — 9 млн. В действительности РУР получила значительно меньше, хотя я не знаю точной цифры. Для этого имеются три причины: 1) значительный процент обещанного еще не выполнен; 2) были выплачены суммы новым организациям, которые не входили в число первых 16; 3) имеются какие-то неясные для меня махинации в бухгалтерии.

За предстоящую кампанию РУР представила бюджетный запрос на 15 млн долларов, но после упорной борьбы комитет утвердил 8,5 млн долларов. В действительности даже эта цифра обманчива, так как НВФ сохраняет право пересматривать бюджет каждые три месяца. Исходя из его общей установки, любое изменение бюджета РУР может быть только в сторону снижения.

3. РУР извлек лишь одну выгоду из своего сотрудничества с НВФ — ту, что кампания НВФ довела обращение РУР до многих районов, в которые РУР не была в состоянии проникнуть ранее. В связи с этим РУР привлекла довольно значительное число лиц через НВФ.

Со всех других сторон отношения между РУР и НВФ всегда были плохими и делаются все хуже. Первоначальный контракт был очень плохим для РУР и это может быть объяснено только неопытностью тогдашнего директора РУР и тем, что большинство членов правления РУР не сумело рассмотреть сущность НВФ за его внешностью. РУР имеет три основных противоречия с НВФ: 1) размер отпускаемых РУР средств и по абсолютной величине, и по сравнению с суммами, отпускаемыми другим организациям; 2) невероятно слабый характер лозунгов кампаний НВФ; 3) постоянные попытки НВФ вмешаться, на деле помешать, кампаниям РУР по сбору вещей и продуктов³¹.

За прошедший год, со сменой исполнительного директора и непрекращающимися конфликтами, правление РУР единодушно приготовилось бороться с НВФ до конца. В прошлом месяце мистер Картер³² послал резкое официальное письмо в НВФ с предупреждением о разрыве контракта с 31 декабря 1944 г. Эти действия, как и текст самого письма, получили единодушное одобрение исполнительного комитета РУР. Совсем не обязательно, что это должно привести к разрыву с НВФ, но это, по крайней мере, даст подписание нового контракта, дающего РУР больше прав и выгоды.

4. После всего сказанного мало что нужно говорить о политических тенденциях НВФ. Несколько отдельных фактов, однако, помогут яснее осветить картину: 1) Литература НВФ, предназначенная для кампаний, почти исключительно гуманитарная, а не антифашистская. Никогда не делалось никаких попыток представить идею Объединенных Наций. 2) Щедрость НВФ к литовскому и польскому комитетам военной помощи и одной-двум другим организациям, которые не имеют никакого отношения к помощи. 3) Пытаясь урезать средства, отпускаемые для РУР, НВФ делал определенную попытку передать 7,5 млн долларов из бюджета РУР на ленд-лиз.

Перевел (подпись) Е. Перфильев

³¹ В оригинале все три пункта подчеркнуты.

³² Эдвард Кларк Картер (Edward Clark Carter, 1878–1954) — общественный деятель США, организатор помощи СССР и Китаю в годы Второй мировой войны, возглавлял «Помощь России в войне».

Библиография

- Васин А.Н., Велембовская К.М. Комитет «Помощь России в войне». Американская гуманитарная помощь СССР в годы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 84–99.
- Жарков И.А. М. Финли и советская историография античной истории. Иркутск, 2008.
- Карпюк С.Г. Мозес Финли: документы из московских архивов. Беседа Финли с 3-м секретарем советского посольства А.А. Ермолаевым // Вестник древней истории. 2018. Т. 78. № 1. С. 113–121.
- Карпюк С.Г. Переписка Мозеса Финли с советскими дипломатами, декабрь 1942 – август 1943 г. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2018. Т. 18. № 2. С. 283–292.
- Позняков В.В. Американская гуманитарная помощь советскому народу (1941–1945) // Американский ежегодник. 1991. М., 1992. С. 38–56.
- Carter E.C. Russian War Relief // Slavonic and East European Review. American Series. 1944. Vol. 3. № 2. P. 61–74.
- Finley M. Empire in the Greco-Roman World // Greece and Rome. 1975. Vol. 25. P. 1–15.
- Green K. Technological Innovation and Economic Progress in Ancient World // Economic History Review. 2000. Vol. 53. № 1. P. 29–59.
- Kazakevich (Grace) E. M.I. Finley: a Note on His Life and Work // Вестник древней истории. 2016. Т. 76. № 3. С. 780–784.
- Moses Finley and Politics / Ed. W.V. Harris. Leiden – Boston, 2013.
- Naiden F.S. Finley's War Years // American Journal of Philology. 2014. Vol. 135. № 2. P. 243–266.
- Naiden F.S. Moses Finley's Communist Party Membership // American Journal of Philology. 2017. Vol. 138. № 4. P. 739–742.
- Porter S.N. Humanitarian Diplomacy after World War II: The United Nations Relief and Rehabilitation Administration // Foreign Policy Breakthroughs: Cases in Successful Diplomacy / Eds R. Hutchings, J. Suri. New York, 2015. P. 21–46.
- Tompkins D.P. Moses Finkelstein and the American Scene // Moses Finley and Politics / Ed. W.V. Harris. Leiden, 2013. P. 5–30.
- Tompkins D.P. The Making of Moses Finley // M.I. Finley: An Ancient Historian and His Impact / Eds D. Jew, R. Osborne, M. Scott. Cambridge, 2016. P. 13–30.

References

- Karpyuk S.G. Mozes Finli: dokumenty iz moskovskikh arkhivov. Beseda Finli s 3-m sekretarem sovetского posol'stva A.A. Ermolaevym [Moses Finley: Documents from Moscow archives] // Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. 2018. Vol. 78. № 1. P. 113–121. (In Russ.)
- Karpyuk S.G. Perepiska Mozeza Finli s sovetскими diplomatami, dekabr' 1942 – avgust 1943 g. [Moses Finley's correspondence with Soviet diplomats, December 1942 – August 1943] // Mnemon. Issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira [Mnemon. Research and publications on the history of the ancient world]. 2018. Vol. 18. № 2. P. 283–292. (In Russ.)
- Poznyakov V.V. Amerikanskaia humanitarnaia pomoshch' sovetскому narodu (1941–1945) [American Humanitarian Relief to the Soviet People (1941–1945)] // Amerikanskii ezhegodnik [American Yearbook]. 1991. Moscow, 1992. P. 38–56. (In Russ.)
- Vasin A.N., Velembovskaya K.M. Komitet “Pomoshch' Rossii v voine”. Amerikanskaia humanitarnaia pomoshch' SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [“Russian War Relief”: American Humanitarian Relief to the USSR in the Years of Great Patriotic War] // Novaya i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary History]. 2013. № 4. P. 84–99. (In Russ.)
- Zharkov I.A. M. Finli i sovet'skaia istoriografiia antichnoi istorii [Finley and the Soviet Historiography of Antiquity]. Irkutsk, 2008. (In Russ.)
- Carter E.C. Russian War Relief // Slavonic and East European Review. American Series. 1944. Vol. 3. № 2. P. 61–74.
- Finley M. Empire in the Greco-Roman World // Greece and Rome. 1975. Vol. 25. P. 1–15.
- Green K. Technological Innovation and Economic Progress in Ancient World // Economic History Review. 2000. Vol. 53. № 1. P. 29–59.
- Kazakevich (Grace) E. M.I. Finley: a Note on His Life and Work // Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. 2016. Vol. 76. № 3. P. 780–784.

Moses Finley and Politics / Ed. W.V. Harris. Leiden – Boston, 2013.

Naiden F.S. Finley's War Years // American Journal of Philology. 2014. Vol. 135. № 2. P. 243–266.

Naiden F.S. Moses Finley's Communist Party Membership // American Journal of Philology. 2017. Vol. 138. № 4. P. 739–742.

Porter S.N. Humanitarian Diplomacy after World War II: The United Nations Relief and Rehabilitation Administration // Foreign Policy Breakthroughs: Cases in Successful Diplomacy / Eds R. Hutchings, J. Suri. New York, 2015. P. 21–46.

Tompkins D.P. Moses Finkelstein and the American Scene // Moses Finley and Politics / Ed. W.V. Harris. Leiden, 2013. P. 5–30.

Tompkins D.P. The Making of Moses Finley // M.I. Finley: An Ancient Historian and His Impact / Eds D. Jew, R. Osborne, M. Scott. Cambridge, 2016. P. 13–30.

DOI: 10.31857/S013038640014273-8

© 2021 г. А.Г. ОНИЩЕНКО

АНГЛО-ЕГИПЕТСКИЙ ДОГОВОР 1936 года КАК ИНСТРУМЕНТ БРИТАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ. ПОДГОТОВКА, ЗАКЛЮЧЕНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Онищенко Антон Германович — аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: anton_onishchenko1994@inbox.ru

Researcher ID: AAY-7855-2020

Аннотация. В статье рассматривается подготовка к заключению англо-египетского соглашения 1936 г. в контексте внутренних и внешних факторов, влияющих на политику Великобритании в Египте. Автор ставит перед собой задачу рассмотреть его в контексте вызовов, которые были брошены британскому присутствию в Египте. В качестве внутреннего фактора рассматривается внутривнутриполитическая ситуация в стране, в которой на тот момент активизировались антибританские силы, что создало угрозу британскому присутствию в регионе. Анализируется и внешний фактор — международная обстановка, сложившаяся в Восточном Средиземноморье, также влиявшая на положение Великобритании в Египте. В частности, делается акцент на агрессивном внешнеполитическом курсе Италии, который включал в себя захват Эфиопии и создание потенциальной угрозы британскому присутствию в Египте. Все это способствовало началу переговоров по заключению англо-египетского договора. Автор также анализирует ход переговоров, предшествовавший заключению данного соглашения, а также рассматривает отдельные пункты документа с точки зрения выгоды для британского присутствия в регионе. В статье делается вывод, что англо-египетский договор был большой дипломатической победой Великобритании. Английские власти под давлением оппозиции в Египте пошли на уступки — обещали прекратить оккупацию страны, восстановили конституцию 1923 г., даровав стране некоторые элементы политической автономии. Это укрепило военно-политическое присутствие британцев, а также внесло раскол в антибританские силы внутри Египта. Рассматривая англо-египетский договор в более широкой исторической перспективе, автор приходит к выводу, что политика Великобритании в Египте обретает черты неокOLONиализма.

Ключевые слова: Великобритания, внешняя политика, колониальная политика, Египет, англо-итальянские отношения, борьба за сферы влияния.

A.G. Onishchenko

Anglo-Egyptian Treaty of 1936 as an Instrument of the British Foreign Policy. Preparation, Conclusion, Results

Anton Onishchenko, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: anton_onishchenko1994@inbox.ru

Researcher ID: AAY-7855-2020

Abstract. In the article, the author explores the preparation for the conclusion of the Anglo-Egyptian Treaty of 1936 in the context of internal and external factors affecting the British in Egypt. This agreement was investigated by Russian and foreign historians, but the author analyzes this problem in the context of the challenges which became threats to the British presence in Egypt. Egyptian internal affairs are considered as the first factor: in the mid-1930s the anti-British forces became much more active, and British presence in the region was endangered. The international relations in the Eastern Mediterranean which also influenced the positions of Great Britain are explored as an external factor. Particularly, the author pays attention to the aggressive foreign policy of Mussolini's Italy which included the conquest of Ethiopia and forming of a potential threat to the British presence in Egypt. The author explores the British policy in the country and the reasons for the conclusion of the Anglo-Egyptian Treaty from the perspective of these challenges. He also analyzes negotiations between Great Britain and Egypt. The author investigates some of the individual points of the Treaty and benefits which the Foreign Office gained from it. In the article, the author concludes that the Anglo-Egyptian Treaty of 1936 is a significant diplomatic victory for Great Britain. Egypt acquired some elements of political autonomy, while the British could strengthen their presence in the region. Considering the Anglo-Egyptian Treaty in a broader historical perspective, the author concludes that the British policy in Egypt takes on the features of neocolonialism.

Keywords: Great Britain, foreign affairs, colonial affairs, Egypt, Anglo-Italian relations, competition for areas of influence.

Заключение англо-египетского договора 1936 г. считается важным событием в истории англо-египетских отношений межвоенного периода. М.С. Бурьян выделяет 1936 г. как рубеж между двумя периодами эпохи британского присутствия в Египте¹. В зарубежной историографии англо-египетский договор 1936 г. рассматривается не только как эпохальный документ, но и как большая дипломатическая победа Великобритании в условиях вызовов, которые были брошены влиянию в Восточном Средиземноморье в середине 1930-х годов². Высоко оценивал факт заключения соглашения между Великобританией и Египтом занимавший в то время пост министра иностранных дел Энтони Иден. В своих воспоминаниях он отмечал, что англо-египетский договор 1936 г. стоит считать единственным «работавшим» соглашением, которое было заключено в эпоху «международного беззакония»³.

К середине 1930-х годов Египет по-прежнему играл важную роль в системе морских коммуникаций Британской империи. Построенный в 1869 г. Суэцкий канал, а также Красное море обеспечивали кратчайший путь из Индии в метрополию. Кроме того, порт Александрии был одним из ключевых пунктов базирования имперского флота в Восточном Средиземноморье, что обеспечивало Великобритании контроль над данной акваторией. Важность военно-стратегического положения Египта высоко оценивалась британскими политическими кругами, ярким примером чего является парламентская речь Остина Чемберлена от 23 декабря 1929 г.: «Отношения между Египтом и нами были не вопросом выбора, а результатом географического положения, занимаемого Египтом как одной из главных дорог и артерий имперских коммуникаций. Именно поэтому произошла интервенция в Египет. Именно этим обусловлена оккупация Египта британскими войсками, и прежде всего защитой жизненно важных интересов»⁴.

¹ Бурьян М.С. К вопросу об истории подписания англо-египетского договора 1936 года // Идеология и политика. Ч. 1. М., 1986. С. 19.

² См., например: Marlowe J. Anglo-Egyptian Relations. 1800–1953. London, 1954. P. 335–374; Monroe E. Britain's Moment in the Middle East. London, 1963. P. 99–135.

³ Eden A. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. London, 1962. P. 394.

⁴ Цит. по: Morewood S. British Defence of Egypt 1935–1940: Conflict and Crisis in the Eastern Mediterranean. London – New York, 2005. P. 11.

* * *

К середине 1930-х годов Великобритания столкнулась с рядом вызовов, которые несли серьезную угрозу позициям империи в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Основным источником возникших проблем стали изменения во внешнеполитическом курсе Италии. С конца 1934 г. планы Бенито Муссолини по превращению Средиземного моря в «*mare nostrum*» («наше море») начали претворяться в жизнь. Этому предшествовало форсирование развития военно-промышленного комплекса, а также принятие доктрины итальянского военного теоретика Джулиано Дуэ, провозгласившего приоритет развития военной авиации, которая станет доминирующим фактором в грядущих войнах. Кроме того, в комплекс мероприятий по расширению влияния в Средиземноморье входило и строительство военно-морского флота.

Благодаря удачному расположению Апеннинского полуострова, а также наличию неплохо оснащенных военно-морских баз на островах Сицилия, Лампедуза и Пантеллерия Италия стала силой, способной угрожать британскому военно-морскому присутствию. К середине 1930-х годов Италии удалось нарушить баланс сил в Средиземноморье в свою пользу⁵. Тогда же Муссолини инициировал подготовку к вторжению в Эфиопию: с декабря 1934 г. итальянские корабли с солдатами и офицерами на борту начинают пересекать Суэцкий канал⁶, а 15 июля 1935 г. авиасоединения, базировавшиеся на севере страны, перебрасываются на южную оконечность Апеннинского полуострова⁷. В августе на юг Италии передислоцируются три крупные военные дивизии.

Агрессивные тенденции во внешнеполитическом курсе Италии несли среди прочего угрозу и Египту. Во-первых, в случае завоевания Эфиопии Египет и тесно связанный с ним Судан оказались бы почти полностью окружены итальянскими владениями. Во-вторых, о важности завоевания Египта говорил и сам Муссолини. Еще в 1919 г. он утверждал, что в будущем в Египте надо раздуть пламя революционного движения, чтобы впоследствии воспользоваться этим. В декабре 1934 г. Муссолини снова заговорил о необходимости завоевания Египта, поскольку лишь с его захватом, по словам дуче, Италия может стать по-настоящему великой⁸. Кроме того, в последние века античности Египет являлся частью Римской империи, на что также указывал Муссолини, говоря о своем стремлении реконструировать данное историческое образование⁹. В-третьих, в конце 1934 г. в соседней Египту Ливии началось строительство трансливийской автомагистрали, которая должна была заметно улучшить мобильность итальянских войск. В это же время на ливийскую территорию были переброшены две моторизованные дивизии.

В британских политических кругах с тревогой наблюдали за действиями Муссолини. Если Эфиопия не рассматривалась в Форин офис как сфера влияния, которую необходимо защищать¹⁰, то угроза британскому присутствию в Египте Лондоном игнорироваться не могла. В августе 1935 г. в Восточное Средиземноморье передислоцировались 120 военных кораблей, 14 из которых встали на якорь в порту Александрии. Кроме того, в Египет были стянуты дополнительные сухопутные и военно-воздушные силы — 20 тыс. солдат и офицеров и 35 самолетов¹¹.

⁵ Савинов А.В. Англо-итальянские отношения в период средиземноморского кризиса 1935–1936 гг. // Проблемы итальянской истории. 1982. М., 1983. С. 101.

⁶ Morewood S. British Defence... P. 34.

⁷ Савинов А.В. О некоторых аспектах британской политики в период средиземноморского кризиса 1935 г. // Проблемы британской истории. 1980. М., 1980. С. 200.

⁸ Morewood S. British Defence... P. 29.

⁹ Mallett R. Mussolini and the origins of the Second World War, 1933–1940. New York, 2003. P. 16.

¹⁰ The Maffey Report // Documents on the British Foreign Policy. Vol. 14. The Italo-Ethiopian Dispute, March 21, 1934 – October 3, 1935. London, 1976. P. 743–788.

¹¹ Morewood S. British Defence... P. 40.

Таким образом, Великобритания продемонстрировала решимость сохранить свое присутствие в Египте в случае возникновения военной угрозы. Однако долго содержать такие огромные военные силы в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке Великобритания не могла, о чем будет сказано ниже.

Помимо негативно с точки зрения британских интересов в регионе складывавшейся обстановки в международных отношениях к середине 1930-х годов обострилась внутриполитическая ситуация внутри самого Египта. Весна 1934 г. ознаменовалась подъемом национально-освободительной борьбы, а также расширением влияния антибританских националистических сил¹². В июне 1934 г. в Каире произошла массовая демонстрация, где помимо экономических требований прозвучали политические лозунги. После весьма жесткого ее подавления начались стачки по всей стране, которые угрожали перерасти в общенациональное восстание. К началу 1935 г. в Египте сложилась взрывоопасная обстановка, которая заставила задуматься о корректировке методов сохранения британского присутствия в регионе.

В связи с этим на пост верховного комиссара Египта назначается Майлс Лэмпсон. Его кандидатура считалась наиболее приемлемой, поскольку он уже имел опыт разрешения кризисных ситуаций. До этого Лэмпсон работал послом Великобритании в Китае в ходе маньчжурского кризиса 1931–1933 гг. И с его прибытием в Египет стиль управления страной начинает претерпевать определенные изменения.

В отличие от своих предшественников, Лэмпсон стремится вникнуть во все сложности управления Египтом. Во многих его дневниковых записях за январь–апрель 1935 г. сообщается о многочисленных переговорах с представителями разных политических сил¹³, в том числе и с лидером противостоящей британским властям партии ВАФД Нахас-пашой¹⁴, с британскими и египетскими офицерами¹⁵, а также с представителями прессы¹⁶. Очевидно, что таким образом Лэмпсон хотел составить детальное представление о происходивших внутри страны процессах, но также это указывает и на стремление верховного комиссара к более осторожному и продуманному подходу в деле укрепления пошатнувшегося положения Великобритании в Египте.

Вместе с тем в Форин офис стремились не допустить каких-либо политических изменений в стране. В первую очередь это касалось ВАФД: британцы рассматривали эту партию как оппозиционную силу, которую нельзя допустить к участию в политической жизни страны¹⁷. Уступки по любым вопросам, будь то восстановление конституции 1923 г.¹⁸ или создание коалиционного правительства, оценивались в британских политических кругах как угроза британскому присутствию в Египте¹⁹. В связи с этим Лэмпсону приходилось придерживаться консервативной линии, которую отстаивал Форин офис,

¹² Новейшая история арабских стран Африки, 1917–1987. М., 1990. С. 11.

¹³ *Politics and Diplomacy in Egypt: The Diaries of Sir Miles Lampson, 1935–37* (Oriental & African Archives) / Ed. M.E. Yapp. London, 1997. P. 92, 97.

¹⁴ ВАФД – ведущая политическая партия в Египте в середине 1930-х годов, которая на тот момент представляла антибританские силы и стремилась к ослаблению британских позиций в стране. Подробнее об истории и ее деятельности в эпоху британского протектората см.: *Deeb M. Party Politics in Egypt, 1919–1939*. London, 1979.

¹⁵ *Politics and Diplomacy in Egypt...* P. 80.

¹⁶ *Ibid.* P. 82, 107.

¹⁷ *Ibid.* P. 61.

¹⁸ Египетская конституция 1923 г. была создана по образцу бельгийского Основного закона 1831 г., который считался одним из самых либеральных вариантов среди принятых на тот момент конституций. Она предусматривала весьма обширные политические свободы и создание двухпалатного парламента, нижняя палата которого избиралась напрямую народом. В 1930 г. ее заменили новой конституцией, которая заметно урезала политические свободы египтян, в связи с чем для ВАФД было так важно возвращение варианта 1923 г. (подробнее см.: *Vatikiotis P.J. The History of Modern Egypt: from Muhammad Ali to Mubarak*. London, 1985. P. 147).

¹⁹ *Politics and Diplomacy in Egypt...* P. 120.

однако нельзя не отметить, что политика лавирования, учета конкретной внутривнутриполитической ситуации, а также выстраивания компромиссов стала новой чертой в британском курсе в отношении Египта, который с 1930 г. опирался в основном на силу оружия и безусловно лояльные себе политические силы внутри страны, в первую очередь — королевский двор.

Однако события ноября—декабря 1935 г. продемонстрировали невозможность продолжения консервативного курса в Египте. На фоне начавшейся 3 октября итало-эфиопской войны в стране разразился острый политический кризис. 9 ноября Форин офис передал египетскому правительству заявление о несвоевременности восстановления конституции 1923 г. (что было главным требованием оппозиции) в связи с усложнившейся международной обстановкой²⁰. В результате началась активизация оппозиционных сил. Лэмпсон отмечает, что ему пришлось столкнуться с рядом требований, исходивших от представителей ВАФД, среди которых помимо реставрации конституционного порядка фигурировали формирование коалиционного правительства и прекращение британской оккупации²¹. Заявление об отказе от восстановления конституции имело эффект разорвавшейся бомбы. Середина ноября ознаменовалась рядом крупных волнений, прокатившихся по всей стране, а 21 ноября состоялась общенациональная забастовка, которая вынудила англичан провести показательные маневры флота. Кроме того, во время забастовки в Порт-Саиде к его берегам были переброшены крейсер и два эсминца²². В декабре положение ухудшалось с каждым днем. 8 декабря прошла новая общенациональная забастовка. Лэмпсон в те дни писал, что британские местные власти пребывали в настоящей панике и что в ходе долгих переговоров с Форин офис ему удалось убедить представителей ведомства разрешить восстановление конституции 1923 г.²³ 12 декабря после переговоров с Лэмпсоном Национальный фронт²⁴, который возглавляли представители ВАФД, направил королю Фуаду петицию по поводу реставрации Основного закона, которая на следующий день была одобрена.

По сути 13 декабря 1935 г. можно назвать днем поражения консервативного курса Великобритании в Египте. События 1934–1935 гг. доказали, что политика, основывавшаяся на подавлении оппозиции, не только не способствовала укреплению британских позиций в Египте, но, напротив, вела к их расшатыванию. Британский журнал «Economist» после заявления Форин офис от 9 ноября справедливо отмечал: «Как это ни парадоксально звучит, возникает реальная опасность того, что ошибка, которую британское правительство совершило по отношению к Египту в 1919 г. ... вот-вот повторится. Колесо истории сделало полный оборот. Все это указывает на крайнюю необходимость решения вопроса о будущем англо-египетских отношений»²⁵.

Весьма своевременным стало требование Национального фронта подписать новый англо-египетский договор, которое было озвучено в связи с восстановлением конституции 1923 г. Стоит отметить, что намерения официально оформить отношения между Великобританией и Египтом, четко прописав механизмы взаимодействия, возникали и раньше. По наблюдению М.С. Бурьяна, с 1922 по 1930 г. британские власти предприняли не менее шести попыток заключить англо-египетский договор. Особенно популярным было стремление оформить соглашение в начале 1930-х годов, когда в Египте утвердилась пробританская диктатура. В Форин офис полагали, что только

²⁰ Голдобин А.М. Национально-освободительная борьба народа Египта, 1918–1936 гг. М., 1989. С. 256.

²¹ Politics and Diplomacy in Egypt... P. 336.

²² Голдобин А.М. Указ. соч. С. 258.

²³ Politics and Diplomacy in Egypt... P. 392–393.

²⁴ Объединение ведущих политических партий Египта, созданное в начале декабря 1935 г.

²⁵ The Economist. 9.XI.1935. P. 4.

так возможно обеспечить жизненно важные интересы Великобритании в стране²⁶. Между тем, как указывает С. Морвуд, главное отличие англо-египетского договора 1936 г. от всех остальных попыток заключалось в том, что на этот раз за стол переговоров искренне желали сесть обе стороны²⁷.

Стремление Великобритании к соглашению с Египтом было обусловлено не только обострившейся внутривосточной обстановкой. Более того, после восстановления конституции 1923 г. и согласия британцев сесть за стол переговоров протестов стало заметно меньше, а ВАФД продемонстрировала способность к компромиссу, несмотря на то, что позиции Великобритании внутри страны серьезно пошатнулись, а у оппозиционной политической силы появились шансы активно влиять на политическую жизнь в стране.

Ключевым фактором подписания англо-египетского соглашения стала именно обстановка в международных отношениях в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, которая сложилась к концу 1935 г.

Весомым фактором, который определял политику Великобритании в Египте, по-прежнему оставался внешнеполитический курс Италии. Конец декабря 1935 г. ознаменовался новым наступлением итальянских войск в Эфиопии. В результате массированных бомбардировок, в том числе с помощью применения химического оружия, а также получения дополнительного подкрепления, Италии удалось добиться перелома в ходе боевых действий в Эфиопии. Агрессивная политика итальянцев и ее успехи не на шутку перепугали в первую очередь представителей оппозиционных политических сил Египта. Как точно подметили еще 21 ноября 1935 г. в британской прессе, «воистину, египтянам пришлось выбирать между “британскими розгами” и “итальянскими бичами”»²⁸.

В то же время англичане не стали препятствовать итальянской агрессии в Эфиопии, проводя в отношении Италии политику умиротворения. Отсутствие стремления среди британских политических кругов дать отпор Муссолини было связано с целым комплексом причин. Это было обусловлено как ограниченностью военно-финансовых возможностей Великобритании, вынужденной сосредоточить свои усилия на дальневосточном направлении из-за агрессивной политики Японии в регионе, так и симпатиями к фашистскому режиму Муссолини со стороны большинства представителей британской элиты²⁹. Ниже будут раскрыты отдельные аспекты тенденций, проявлявшихся со стороны Великобритании в англо-итальянских отношениях.

А.М. Голдобин отмечает, что после начала боевых действий в Эфиопии в египетских политических кругах были сильны проэфиопские настроения вне зависимости от политической платформы. Он подчеркивает, что в данном случае ВАФД поддержала Англию против Италии, в связи с чем главная оппозиционная британским властям политическая сила в стране решила сесть за стол переговоров. Итало-эфиопский конфликт сыграл на руку Великобритании, которая смогла воспользоваться страхом перед Муссолини и тем самым заставила ВАФД пойти на сделку с теми, кого раньше считала главным врагом³⁰.

Между тем нельзя полностью согласиться с доводами А.М. Голдобина, поскольку и в британских политических кругах ситуация была весьма неоднозначная, и англичане сами чувствовали растущую угрозу со стороны Италии. С одной стороны, Италия по-прежнему продолжала угрожать Египту, хотя на ее руководство произвел впечатление внезапный демарш, инициированный Великобританией в августе 1935 г. Во-первых,

²⁶ Бурьян М.С. К вопросу об оценке англо-египетского договора 1936 г. в британской буржуазной историографии // Развивающиеся страны. Политика и идеология. М., 1985. С. 48.

²⁷ Morewood S. British Defence... P. 86.

²⁸ The Economist. 21.XI.1935. P. 6.

²⁹ Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939 гг.). М., 1962. С. 301.

³⁰ Голдобин А.М. Указ. соч. С. 256–257.

в начале 1936 г. итальянские соединения стали регулярно появляться на египетско-ливийской границе. В связи с этим Лэмпсон настоятельно рекомендовал британским военным кругам заняться укреплением обороноспособности пограничных территорий. Во-вторых, как указывал тот же Лэмпсон, представители итальянской общины в Египте занимались шпионской деятельностью и докладывали о происходящем внутри страны непосредственно итальянским властям³¹. Все это вызывало обеспокоенность в египетском департаменте Форин офис, который, по верному замечанию С. Морвуда, был очагом антиитальянских настроений среди британских военных и политических кругов³².

Не последнюю роль играла и итальянская антибританская пропаганда. Еще в 1933–1934 гг. в Египте был инициирован ряд мероприятий, направленных на создание положительного образа Италии: создавались школы и больницы, поощрялась активность проитальянских фашистских молодежных движений. Повсеместно создавались детские дома для сирот, а для привлечения более взрослого населения организовывались специальные конференции восточных народов. Также материально поддерживалось мусульманство, да и в целом выражались симпатии к религии большинства египтян³³. В феврале–марте 1933 г. итальянская королевская семья посетила Египет, что, по сообщению британского верховного комиссара Рональда Кэмпбелла, явно повысило авторитет фашистской Италии в глазах местного населения³⁴.

Однако главным орудием итальянской пропаганды стало активно входившее в обиход радио. Станция «Радио Бари», вещавшая на арабском языке с лета 1935 г., активно транслировала антибританские сообщения, порой не останавливаясь перед передачей явно ложной информации в эфир³⁵. Активная итальянская радиопропаганда оставалась орудием против британского присутствия в Египте и в течение 1936 г. Об этом, в частности, упоминает М. Лэмпсон, когда говорит о необходимости прекращения «итальянских махинаций внутри Египта»³⁶. Более точные данные приводит С. Морвуд, выделяя главный тезис итальянской пропаганды того времени: «В случае союза с Италией египетско-ливийская граница будет в безопасности, а египетские интересы, наконец, учтены»³⁷.

Таким образом, ситуацию, которая привела к идее заключения англо-египетского договора 1936 г., можно резюмировать словами британской исследовательницы Э. Монро: «Экспансионистская политика Муссолини выявила уязвимость Британии. В то же время завоевание Эфиопии испугало египтян и заставило их прекратить межпартийную борьбу и сесть за стол переговоров с англичанами»³⁸. В разговоре с журналистом издания «Daily Mail», отвечая на вопрос, действительно ли Италия готовится нанести удар по Египту, Лэмпсон отметил, что в его окружении этого не исключают. Он сказал, что Муссолини каждый раз, когда выступает на публике, говорит о возрождении Римской империи, а его «познания истории подсказывают ему, что Египет также входил в состав этого древнего государства»³⁹.

Однако возникает вопрос: если Италия действительно угрожала английскому присутствию в Египте, то что мешало Великобритании сосредоточить такое количество войск, которое обеспечило бы надежную оборону в регионе? Здесь важно учитывать, что, несмотря на всю важность Египта как для обеспечения британского присутствия на Ближнем Востоке, так и для жизнеспособности системы имперских военных

³¹ Politics and Diplomacy in Egypt... P. 405, 422.

³² Morewood S. British Defence... P. 81.

³³ Fiore M. Anglo-Italian Relations in the Middle East, 1922–1940. London, 2010. P. 35.

³⁴ Documents on British Foreign Policy (далее – DBFP). Ser. 2. Vol. 14. P. 113.

³⁵ Williams M. Mussolini's Propaganda Abroad: Subversion in the Mediterranean and the Middle East, 1935–1940. London, 2006. P. 3.

³⁶ Politics and Diplomacy in Egypt... P. 542.

³⁷ Morewood S. British Defence... P. 90.

³⁸ Monroe E. Op. cit. P. 84.

³⁹ Politics and Diplomacy in Egypt... P. 547.

коммуникаций, в перечне внешнеполитических приоритетов Великобритании он находился лишь на третьем месте. Как отмечает Э. Холт, с точки зрения британских политических кругов, Египет был небольшим локальным государством, а египетский департамент не имел столь мощного влияния, чтобы оказывать воздействие на общую канву британской внешней политики⁴⁰.

В первой половине 1936 г. основные усилия Форин офис были сконцентрированы вокруг двух проблем: политика в отношении европейских государств и дальневосточное направление. Даже в рамках англо-итальянских отношений Египет занимал периферийную позицию по сравнению с вопросами, касавшимися «абиссинской проблемы», — исход итало-эфиопской войны становился все более очевидным. Большое внимание уделялось и сдерживанию Италии в Средиземноморье. В переговорах с Грецией и Турцией, которым Великобритания ранее предоставила гарантии независимости, поднимался вопрос о заключении средиземноморского пакта⁴¹. Эту же тему весной 1936 г. Великобритания стремилась использовать для нормализации отношений с Францией, несколько испортившихся в связи с последствиями заключения печально известного соглашения Хора—Лавалья⁴².

Серьезное беспокойство доставляла и Германия, спровоцировавшая в марте 1936 г. «рейнский кризис». Ремилитаризация Рейнской области вызвала бурные обсуждения как в парламенте, так и в Форин офис. Между тем Иден занял здесь сдерживающую позицию. Несмотря на то, что 19 марта Великобритания выступила с заявлением о военной поддержке Франции и Бельгии в случае нападения Германии⁴³, в Форин офис гораздо больше рассчитывали на возможность договориться с Гитлером. Немалую роль здесь сыграла принятая 9 марта программа перевооружения британской армии. В связи с этим в британских правящих кругах считали, что необходимо максимально затянуть переговоры с Гитлером, тем самым выиграв время, чтобы усиление британского военного потенциала было успешно завершено. С этим, в частности, были связаны попытки заключить соглашение с Германией, которые активно обсуждались в Форин офис в начале июля 1936 г.⁴⁴

На Дальнем Востоке насущным был вопрос защиты восточноазиатских владений Великобритании в связи с агрессивным внешнеполитическим курсом Японии. К 1934 г. войска Страны восходящего солнца начали продвижение в глубь Китая, а в декабре того же года японцы денонсировали Вашингтонский договор 1922 г., вследствие чего они сняли с себя ограничения в сфере военно-морского строительства. Опасность британским владениям на Дальнем Востоке стала очевидной. Подобное нарушение баланса сил привело к идее немедленного усиления британского присутствия в Дальневосточном регионе путем увеличения численности имперского флота, а также форсированного строительства военно-морской базы в Сингапуре, которая на тот момент пребывала в плачевном состоянии⁴⁵. Характерно то, что в январе 1935 г. Великобритания провела у берегов Юго-Восточной Азии крупнейшие военные учения со времен Первой мировой войны⁴⁶.

Таким образом, большим препятствием, которое не давало возможности дать серьезный отпор Италии в Египте и подавить сопротивление внутри страны, являлась ограниченность военных и финансовых возможностей Великобритании. Этим также

⁴⁰ *Holt A.* “No more Hoares to Paris”: British foreign policymaking and the Abyssinian Crisis, 1935 // *Review of International Studies*. British International Studies Association. 2011. № 37. P. 1391.

⁴¹ DBFP. Ser 2. Vol. 16. P. 473.

⁴² Ibid. P. 2.

⁴³ Ibid. P. 193.

⁴⁴ Ibid. P. 752–757.

⁴⁵ *Haggie P.* *Britannia at Bay: The defense of the British Empire against Japan, 1931–1941.* Oxford, 1981. P. 30.

⁴⁶ *Савинов А.В.* О некоторых аспектах... С. 198.

обуславливалась и общая линия в англо-итальянских отношениях, характерная для Форин офиса в середине 1930-х годов. Роберт Ванситтарт, на тот момент занимавший пост постоянного заместителя министра иностранных дел, сетовал на то, что Великобритания не может позволить себе отправлять огромные военно-морские силы в Восточное Средиземноморье каждый раз, когда возникает угроза британским интересам в регионе⁴⁷.

Кроме того, в британских правящих кругах опасались резких действий против Италии, которые могут спровоцировать войну⁴⁸. Это, в частности, помимо французского фактора, стало причиной столь мягких санкций против Италии в связи с ее агрессией против Эфиопии. Немаловажную роль играло и стремление Великобритании помешать вероятному союзу Германии и Италии, который бы окончательно нарушил баланс сил в Европе, а также симпатия представителей британских правящих кругов в отношении фашистского режима. Как отмечал тот же Ванситтарт в мемуарах, сложно было отрицать, что «Италия, как и Германия, активно вооружается», однако в Лондоне сохранялось убеждение, что итальянцы, «являясь в душе наследниками прекрасного», никогда не станут милитаристами, тогда как немцы вряд ли могут быть чем-либо иным⁴⁹.

Таким образом, несмотря на потенциальную угрозу, которую Италия несла позициям Великобритании в Восточном Средиземноморье, в Форин офис пошли по пути наименьшего сопротивления. Обострение внешнеполитической обстановки вокруг Египта стало, пожалуй, основной причиной, по которой Великобритания решила пойти на уступки и сесть за стол переговоров для формирования англо-египетского соглашения. Лэмпсон в мае 1936 г. писал, что в связи с агрессивным внешнеполитическим курсом Италии, а также нестабильной обстановкой в Палестине союз с Египтом жизненно необходим для сохранения британских сфер влияния в регионе⁵⁰. Кроме того, он полагал, что заключение англо-египетского соглашения «положит конец любым итальянским интригам в Египте»⁵¹. В британской прессе писали, что раз уж сопротивление Италии для сохранения британского присутствия в Египте невозможно, то необходимо обратиться к самому Египту в этом вопросе⁵².

В связи с этим заключению англо-египетского договора придавалось большое значение в контексте сохранения британского присутствия в Египте. Из дневниковых записей Лэмпсона становится ясно, насколько в Форин офис боялись провала этих переговоров. Об этом, в частности, регулярно писал и сам верховный комиссар Египта, подчеркивая, что отсутствие англо-египетских соглашений окончательно заставит пересмотреть всю политику Великобритании в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке⁵³.

Заранее стоит отметить, что при анализе переговоров, предшествовавших заключению англо-египетского договора, мы сконцентрируем внимание на военных вопросах, поскольку именно они в наибольшей мере проливают свет на проблемы сохранения британского присутствия в регионе. Именно военные вопросы находились в центре внимания, поскольку первостепенными их признал сам Иден⁵⁴. Что же касается других аспектов, то они остались практически без изменений с момента восстановления конституции 1923 г. Тем самым Великобритания согласилась признать и уважать «подлинную» независимость Египта, окончательно отказавшись от политики давления, которая применялась с 1930 г.

⁴⁷ Цит. по: *Morewood S. British Defence...* P. 93.

⁴⁸ *Morewood S. Anglo-Italian rivalry in the Mediterranean and Middle East, 1935–1940 // Paths to War.* London, 1989. P. 175.

⁴⁹ *Vansittart R. Lessons of My Life.* London, 1942. P. 31.

⁵⁰ *Politics and Diplomacy in Egypt...* P. 569.

⁵¹ *Ibid.* P. 542.

⁵² *The Economist.* 24.12.1935. P. 5.

⁵³ *Politics and Diplomacy in Egypt...* P. 427.

⁵⁴ *Ibid.* P. 595.

15 января 1936 г. в британском кабинете министров началось обсуждение военных аспектов будущего англо-египетского договора. Иден изначально признал неизбежность прекращения оккупации Египта британскими войсками. Во-первых, присутствие британских войск в стране вызывало негодование у представителей оппозиционных политических сил Египта. Лэмпсон пишет, что вывод войск был одним из первых требований египетской делегации на переговорах, открывшихся 2 марта. Во-вторых, в Форин офис окончательно пришли к убеждению, что такой шаг позволит избавиться от военного и финансового бремени, связанного с оккупацией страны. Ванситтарт в переписке с Лэмпсоном отмечал, что у Великобритании нет возможности на постоянной основе держать в Египте 40-тысячную армию. Лэмпсон тоже не сомневался, что оборона Египта и подавление волнений в стране забирают у Великобритании слишком много средств, и что египтянам стоило бы заниматься этим самим. В ноябре–декабре Лэмпсон активно занимался вопросами модернизации египетской армии, ведя переговоры с представителями как британских, так и местных военных кругов⁵⁵.

Однако наибольшие споры при обсуждении условий договора вызывал вопрос о «ключевых пунктах», в которых, как полагали англичане, необходимо было оставить британские гарнизоны. Не подвергалось сомнению, что Великобритания должна оставить свои войска в зоне Суэцкого канала, поскольку он являлся ключевым элементом системы имперских морских коммуникаций, обеспечивавшим кратчайший путь в Индию. Этот вопрос был решен практически сразу и впоследствии вошел в статью 8 англо-египетского договора. В ней также оговаривалась численность войск, которая оставалась в зоне Суэцкого канала, — 10 тыс. солдат и офицеров, а также 400 пилотов ВВС. Помимо этого в статью 8 вошел пункт, согласно которому строительство и поддержка военных морских и сухопутных коммуникаций, а также снабжение военных баз входило в задачи египетского правительства. Кроме того, египтяне брали на себя ответственность за ремонт железных дорог⁵⁶. Таким образом, Великобритания избавлялась от необходимости содержать египетскую армию и коммуникации, на поддержку которых уходило немало средств. В ходе переговоров о модернизации египетской армии Лэмпсон сетовал, что техническое перевооружение местных военных соединений, а также содержание более 20 тыс. солдат и офицеров заставляет Англию отправлять в Египет «целые корабли, груженные британскими деньгами»⁵⁷.

Между тем если пункт, касающийся присвоения особого статуса зоне Суэцкого канала, ни у кого не вызывал возражений, то вопрос необходимости содержания британских гарнизонов в других населенных пунктах стал предметом дискуссии на протяжении всего хода переговоров. В Форин офис помимо Суэцкого канала планировали оставить войска в Каире и Александрии⁵⁸. В ведомстве исходили из соображений, что Каир — столица Египта, которую необходимо держать под военным контролем хотя бы из-за регулярно вспыхивавших в городе на протяжении последних двух лет крупных забастовок. Александрия же была главным египетским портом, где стояли британские корабли. Это также делало ее ключевым военно-стратегическим пунктом для контроля египетских территорий, а также обеспечения британских сфер влияния в Восточном Средиземноморье.

30 апреля Лэмпсон вновь получил инструкции из Форин офис, в которых выражалось желание ведомства оставить британские гарнизоны в Каире и Александрии⁵⁹.

⁵⁵ Ibid. P. 324, 337, 362, 375, 397, 411, 470, 564.

⁵⁶ Treaty of Alliance between His Majesty, in respect of the United Kingdom, and His Majesty the King of Egypt. London, 1937. P. 6.

⁵⁷ Politics and Diplomacy in Egypt... P. 362.

⁵⁸ Eden A. Anglo-Egyptian Conversations. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. 01 May 1936. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7730505> (дата обращения: 30.02.2020).

⁵⁹ Politics and Diplomacy in Egypt... P. 529.

Однако еще в начале переговоров стало ясно, что египетская делегация не согласится на расположение оккупационных войск где-либо, кроме зоны Суэцкого канала, которую представители ВАФД сразу признали территорией особого значения для Великобритании. Еще на первых стадиях переговоров египетская делегация выдвинула требования о полном выводе из Египта британских войск, особо отметив такие пункты, как Каир и Александрия. Об этом же писал Лэмпсон в Форин офис 3 мая, указывая, что вопрос расположения британских гарнизонов в этих городах будет очень сложно продвинуть, учитывая жесткую позицию ВАФД по этой проблеме⁶⁰. Египтяне оказались непреклонны и при попытках компромисса в отношении занятия британцами Александрии: так, в середине июня Иден предлагал ограничить сроки пребывания гарнизонов в городе 10 годами, рассчитывая, что египетская делегация остановится на компромиссе в виде семилетнего срока оккупации⁶¹.

Однако и эту идею пришлось оставить, в том числе и из-за событий мая 1936 г. Именно в этот момент Италия добилась победы в Эфиопии и вынудила императора Хайле Селассие сдаться. Это означало, что Египет окончательно оказался в окружении итальянских владений, что делало его военно-стратегическое положение особенно уязвимым. Кроме того, в мае 1936 г. в самом Египте прошли парламентские выборы, которые наглядно продемонстрировали настроения египетского общества. С большим преимуществом победу на выборах одержала ВАФД, представители которой составили большинство на парламентских заседаниях. Кроме того, 28 апреля 1936 г. умер король Фуад, и престол перешел к его 16-летнему сыну Фаруку. В завещании покойного говорилось, что правление страной передается регентскому совету, куда вошли и представители Великобритании. Однако ВАФД, имевшая большинство в парламенте, добилась отклонения этого документа, передав всю полноту власти молодому монарху⁶².

Таким образом, Великобритания потеряла контроль над королем, что лишь усилило панические настроения как в египетском департаменте, так и в целом в Форин офис. 16 мая Ванситтарт писал Лэмпсону, что потеря Египта будет означать передачу его Италии, чего Великобритания никак не могла допустить. В это время в Форин офис все сильнее опасались, что англо-египетские переговоры могут обернуться провалом, и Лэмпсону пришлось потратить немало времени, убеждая своих коллег, что необходимо придерживаться плана, но от гарнизонов в Каире и Александрии придется отказаться⁶³. Кроме того, нельзя сказать, что египетская делегация окончательно взяла инициативу в свои руки, поскольку весть о захвате Эфиопии также напугала и ее представителей, которые не желали видеть Египет итальянским⁶⁴.

Следовательно, нельзя согласиться с доводами советских ученых, что Великобритания располагала мощными средствами давления, которые позволяли ей навязать свои условия египтянам во время переговоров по англо-египетскому договору⁶⁵. Неудача, связанная с переговорами по поводу сохранения британских гарнизонов в Каире и Александрии, наглядно свидетельствует о том, что Форин офис не имел возможности отстоять все условия, выгодные для Великобритании. Немалую роль в этом играла международная обстановка, в условиях которой британцы опасались провала на переговорах.

Что же касается других пунктов, то также не совсем обоснованными выглядят утверждения, согласно которым египтяне упустили возможность настоять на принятии своих

⁶⁰ Ibid. P. 464, 531.

⁶¹ *Eden A. Anglo-Egyptian Conversations. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. 25 June 1936.* URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7730563> (дата обращения: 30.02.2020).

⁶² *Голдобин А.М.* Указ. соч. С. 263.

⁶³ *Politics and Diplomacy in Egypt...* P. 564, 578.

⁶⁴ *Голдобин А.М.* Указ. соч. С. 262.

⁶⁵ Там же. С. 265–266; *Бурьян М.С.* К вопросу об оценке... С. 53.

условий и позволили навязать себе британскую точку зрения⁶⁶. Ряд положений, которые вошли в итоговую версию договора, на тот момент были выгодны обеим сторонам.

В частности, это касается упразднения Европейского бюро, которое фактически представляло из себя британскую полицию, отвечавшую за порядок внутри страны. Ликвидация этого ведомства оговаривалась в статье 13⁶⁷ данного договора и отвечала требованиям обеих сторон. У египетской делегации Европейское бюро ассоциировалось с кровавыми разгонами восстаний, а также несправедливыми судами, в результате которых осуждались те, кто боролся за свои права. Как пишет Лэмпсон, с точки зрения представителей ВАФД, ликвидация Европейского бюро означала бы, что египтяне смогут взять вопросы правосудия и охраны правопорядка под свой контроль. Тем самым, по мнению членов египетской делегации, это снизило бы уровень напряженности между британскими властями и простыми египтянами, а также уменьшило бы вероятность кровавых столкновений, которые возникали в том числе и на почве национальной неприязни друг к другу⁶⁸.

В британском внешнеполитическом ведомстве добивались снижения военного и финансового бремени, которое ложилось на Великобританию в связи с регулярно вспыхивавшими восстаниями, которые необходимо было подавлять. Следует напомнить, что именно репрессивная политика в отношении бунтующих египтян в 1934 г. и спровоцировала внутривластный кризис, который стал причиной изменения стиля руководства со стороны британского Верховного комиссариата. Таким образом, в Форин офис полагали, что упразднение Европейского бюро позволит снизить расходы на подавление массовых выступлений, перекладывая это бремя на плечи самих египтян⁶⁹.

То же самое касается и переговоров по статусу Судана, в котором, согласно статье 11 англо-египетского договора⁷⁰, восстанавливалось положение, прописанное по англо-египетскому кондоминиуму 1899 г. С точки зрения Идена, решение суданской проблемы было вторым по важности вопросом после проблемы обороны самого Египта⁷¹. В данном случае Великобритании также удалось снизить уровень финансовых расходов, поскольку в договоре прописывалось, что на территории Судана будут дислоцироваться и британские, и египетские войска. По факту же большую часть военного контингента составили именно египтяне⁷². В Форин офис справедливо полагали, что методы управления Суданом, сложившиеся в начале 1920-х годов и основывавшиеся исключительно на поддержке британских ставленников в местном политическом аппарате, а также на силе британского оружия, совершенно устарели. Располагавшийся на границе с завоеванной Италией Эфиопией, Судан стал источником потенциальной угрозы и постоянного беспокойства из-за необходимости усиленной охраны протяженной суданско-эфиопской границы. Лэмпсон также писал, что восстановление и расширение египетских прав в Судане благоприятно настроит египетскую делегацию, которая давно стремилась к получению больших полномочий и рассматривала невозможность управлять Суданом как нарушение своих прав, прописанных в англо-египетском кондоминиуме 1899 г.⁷³

Таким образом, появление египетской армии на территории Судана, а также предоставление возможности египетского представительства в суданском политическом

⁶⁶ Голдобин А.М. Указ. соч. С. 265.

⁶⁷ Treaty of Alliance... P. 12.

⁶⁸ Politics and Diplomacy in Egypt... P. 614.

⁶⁹ Morewood S. British Defence of Egypt... P. 94.

⁷⁰ Treaty of Alliance... P. 10.

⁷¹ Eden A. Anglo Egyptian Conversations. Memorandum. 01 May 1936. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7730505> (дата обращения: 30.02.2020).

⁷² Бурьян М.С. К вопросу об истории подписания... С. 26.

⁷³ Politics and Diplomacy in Egypt... P. 512, 523.

аппарате устраивало обе стороны, а Великобритания тем самым смогла решить сразу три вопроса: снижение затрат на содержание армии и военно-политического аппарата, благоприятный настрой египетской делегации на переговорах, а также избавление от проблемы постоянного патрулирования суданско-эфиопской границы, которая, с точки зрения египетского департамента Форин офис, представляла собой очаг потенциальной угрозы со стороны Италии.

В то же время Великобритания оставила за собой возможность вводить британские войска в Египет в случае, если он будет находиться в опасности перед лицом угрозы военного вторжения. Статья 7 англо-египетского договора утверждала право размещения морских и сухопутных вооруженных сил Великобритании на территории Египта в случае объявления войны, непосредственной угрозы боевых действий, а также в случае неблагоприятно складывавшейся международной обстановки, которая будет угрожать как самому Египту, так и обеспечению жизненно важных интересов Великобритании⁷⁴. В данном случае действительно можно утверждать, что британцы оказывали давление на египетскую делегацию. Лэмпсон в ходе переговоров регулярно напоминал представителям ВАФД об уровне угрозы, исходившей от Италии, а также об эфиопских событиях⁷⁵. Кроме того, сами египтяне не были уверены, что смогут в одиночку отразить вторжение. С. Морвуд, однако, отвергает это мнение, демонстрируя высокий уровень модернизации египетской армии, не последнюю роль в которой сыграл сам Лэмпсон. Американский исследователь утверждает, что причиной, по которой египетская делегация поддалась на увещевания Лэмпсона по поводу того, что без британских войск Египет не сможет справиться с военной угрозой, кроется в низком уровне военной теоретической подготовки египетской делегации, не было компетентных военных советников и среди представителей ВАФД⁷⁶.

Таким образом, несмотря на все препятствия, долгий ход переговоров и многочисленные опасения по поводу вероятности краха замыслов Форин офис, 26 августа 1936 г. договор был подписан. Что касается аспектов военной обороны Египта, прописанных в соглашении, то перечислим главные из них: 1) военная оккупация египетской территории британскими войсками полностью прекращалась. Отныне содержание военных морских и сухопутных коммуникаций становилось зоной ответственности египетского правительства; 2) исключение составила зона Суэцкого канала, признанная особой территорией для обеспечения жизненно важных интересов Великобритании; 3) египтянам возвращались права в Судане, прописанные в англо-египетском кондоминиуме 1899 г., а также позволялось разместить свои войска на суданской территории; 4) упразднилось Европейское бюро, которое ранее отвечало за обеспечение правопорядка в населенных пунктах Египта; 5) Великобритания оставляла за собой право размещения войск в случае войны, ее потенциальной угрозы, а также неблагоприятной международной обстановки, складывавшейся вокруг Египта.

* * *

Таким образом, стоит констатировать, что в контексте задачи по сохранению британского присутствия в условиях обострившейся обстановки в международных отношениях в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке подписание англо-египетского договора 1936 г. стало большой дипломатической победой для Великобритании.

В середине 1930-х годов британцы столкнулись как с внутренней, так и с внешней угрозой своему присутствию в Египте. Внутри страны в 1934 г. активизировались антибританские оппозиционные силы, результатом чего стали многочисленные восстания. Назначение на пост верховного комиссара Египта Майлса Лэмпсона обозначило

⁷⁴ Treaty of Alliance... P. 5.

⁷⁵ Politics and Diplomacy in Egypt... P. 487, 610.

⁷⁶ Morewood S. British Defence of Egypt... P. 88–89.

изменения в стиле руководства, который теперь исходил из необходимости достижения компромиссов с местными элитами. Однако вместе с тем эволюция политики Великобритании в Египте была неполная, поскольку Форин офис по-прежнему придерживался консервативного курса, который был нацелен на сохранение режима, установленного в 1930 г. Допущение главной оппозиционной партии Египта, ВАФД, к политической жизни в стране, а также восстановление конституции 1923 г. по-прежнему рассматривались британцами как меры, которые могут навредить британскому присутствию в Египте и еще больше расшатать внутривнутриполитическое положение.

События ноября–декабря 1935 г. продемонстрировали ошибочность такого курса. По стране прокатились самые мощные народные выступления за всю историю британского господства в Египте. В связи с этим Великобритании пришлось пойти на восстановление конституции 1923 г., а также начать переговоры по требованию ВАФД для заключения англо-египетского договора.

Однако куда большую роль в стремлении Форин офис найти компромисс с местными элитами играла неблагоприятно складывавшаяся международная обстановка. Несмотря на то, что Италия прекратила попытки подготовить вторжение в Египет и стала более умеренной в данном вопросе, итальянцы по-прежнему стремились ослабить позиции Великобритании в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Дать серьезный отпор Италии британцам мешала ограниченность военных и финансовых ресурсов, которые Лондон мог выделить на это направление. Гораздо большего внимания Форин офис требовали европейские дела, где на повестку дня встали вопросы ремилизации Германией Рейнской зоны, вопрос санкций в отношении Лиги Наций и конференция в Монтрё, а также Дальний Восток, где японский агрессивный курс становился все более опасным для восточноазиатских владений Великобритании.

Сложившаяся международная обстановка серьезно угрожала британскому присутствию в Египте, в связи с чем подписание англо-египетского договора стало способом решения этой проблемы. В Великобритании полагали, что если не удастся зайти со стороны Италии, то необходимо зайти со стороны самого Египта. Несмотря на ряд сложностей, возникших в ходе переговоров, договор все же был подписан 26 августа 1936 г.

Англо-египетским соглашением Великобритания сумела решить целый ряд задач. Во-первых, заметно удалось снизить затраты на поддержание британского присутствия в Египте. То, что из страны выводились британские войска, было на руку и самой Великобритании, которая перекладывала основные вопросы военной обороны Египта, а также содержания морских и сухопутных коммуникаций на плечи египетского правительства. Особенно это касается пунктов, касавшихся Судана, где египтяне были установлены в правах и получили возможность ввести свои войска на суданскую территорию. Таким образом, британцам не нужно было теперь содержать большой контингент вооруженных сил для охраны суданско-эфиопской границы, которая в контексте захвата Италией Эфиопии также становилась пунктом напряженности.

Между тем Великобритания обеспечила свои интересы, касавшиеся охраны Суэцкого канала. В его зоне по-прежнему оставались британские гарнизоны. Все это, наряду с упразднением Европейского бюро, чье содержание также являлось дополнительным финансовым бременем, так как вынуждало Великобританию тратить немало средств на охрану правопорядка, заметно удешевило содержание британского присутствия в Египте.

Во-вторых, подписанием англо-египетского договора британцам удалось добиться стабилизации внутри страны. ВАФД, которая раньше была самой опасной оппозиционной силой, способной нанести ущерб британскому присутствию в стране, удалось втянуть в переговоры и предложить ей такие условия, которые она сочла уместными. Так, например, прекращение военной оккупации, упразднение Европейского бюро и восстановление прав по Судану вполне устроило египетскую делегацию. На время переговоров

и после подписания англо-египетского договора прекратились сотрясавшие страну восстания, а ВАФД, в мае 1936 г. обеспечившая себе парламентское большинство, превращалась в союзника Великобритании. Тем самым британцы смогли внести раскол в Национальный фронт, объединявший все оппозиционные политические силы. От ВАФД отвернулась наиболее радикально настроенная часть антибританских сил, которая представляла меньшинство и в связи с этим не могла оказывать серьезное влияние на политическую жизнь Египта.

В-третьих, подписанием англо-египетского соглашения завершились попытки официального оформления взаимоотношений между Великобританией и Египтом. Это создавало формальную основу для военного союза между двумя странами, который закреплял за британцами данную сферу влияния. Тем самым итальянская пропаганда лишалась возможности утверждать, как она постоянно делала, что британское присутствие в Египте незаконно.

Таким образом, есть основания полагать, что англо-египетский договор 1936 г. стал большой дипломатической победой Великобритании, которая поспособствовала стабилизации ситуации внутри страны, а также облегчила военное и финансовое бремя для англичан. Но значение англо-египетского соглашения этим не исчерпывается. Фактически оно означало завершение эволюции политики Великобритании в отношении Египта. Признание конституции 1923 г., упразднение института Верховного комиссариата, а также демонстрация уважения к независимости Египта означали завершение трансформации британского курса в стране, который от репрессивной и не идущей на уступки системы перешел к более компромиссному и демократичному способу обеспечения своих интересов.

Кроме того, нужно констатировать, что англо-египетский договор 1936 г. стал вехой в истории не только британского протектората в Египте, но и в истории британского колониализма в целом. Его подписание означало смену стратегии в англо-египетских отношениях со стороны Форин офис. Вместо прямого колониального контроля и формальной независимости контролируемых территорий со стороны британцы продемонстрировали политическую гибкость и предоставление Египту (хотя и в урезанном варианте) шанса обрести политическую автономию во внутренних делах. Таким образом, можно сказать, что политика Великобритании в отношении Египта в середине 1930-х годов и впоследствии стала предтечей неоколониализма и включила в себя некоторые черты, которые будут свойственны такому стилю управления сферами влияния впоследствии.

Библиография

- Бурьян М.С. К вопросу об истории подписания англо-египетского договора 1936 г. // Идеология и политика. Ч. 1. М., 1986. С. 18–27.
- Бурьян М.С. К вопросу об оценке англо-египетского договора 1936 г. в британской буржуазной историографии // Развивающиеся страны. Политика и идеология. М., 1985. С. 46–61.
- Голдобин А.М. Национально-освободительная борьба народа Египта, 1918–1936 гг. М., 1989.
- Новейшая история арабских стран Африки, 1917–1987. М., 1990.
- Савинов А.В. О некоторых аспектах британской политики в период средиземноморского кризиса 1935 г. // Проблемы британской истории. 1980. М., 1980. С. 197–204.
- Савинов А.В. Англо-итальянские отношения в период средиземноморского кризиса 1935–1936 гг. // Проблемы итальянской истории. 1982. М., 1983. С. 100–127.
- Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939 гг.). М., 1962.
- Deeb M. Party Politics in Egypt, 1919–1939. London, 1979.
- Documents on the British Foreign Policy. Vol. 14. The Italo-Ethiopian Dispute, March 21, 1934 – October 3, 1935. London, 1976.

Documents on the British Foreign Policy. Vol. 16. The Rhineland crisis and the ending of sanctions, March 2 – July 30, 1936. London, 1977.

Eden A. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. London, 1962.

Fiore M. Anglo-Italian Relations in the Middle East, 1922–1940. London, 2010.

Haggie P. Britannia at Bay: The defense of the British Empire against Japan, 1931–1941. Oxford, 1981.

Holt A. “No more Hoares to Paris”: British foreign policymaking and the Abyssinian Crisis, 1935 // Review of International Studies. British International Studies Association. 2011. № 37. P. 1383–1401.

Mallett R. Mussolini and the origins of the Second World War, 1933–1940. New York, 2003.

Marlowe J. Anglo-Egyptian Relations. 1800–1953. London, 1954.

Monroe E. Britain's Moment in the Middle East. London, 1963.

Morewood S. Anglo-Italian Rivalry in the Mediterranean and Middle East, 1935–1940 // Paths to War. London, 1989. P. 167–198.

Morewood S. British Defence of Egypt 1935–1940: Conflict and Crisis in the Eastern Mediterranean. London – New York, 2005.

Politics and Diplomacy in Egypt: The Diaries of Sir Miles Lampson, 1935–37 (Oriental & African Archives) / Ed. M.E. Yapp. London, 1997.

Treaty of Alliance between His Majesty, in Respect of the United Kingdom, and His Majesty the King of Egypt. London, 1937.

Vansittart R. Lessons of My Life. London, 1942.

Vatikiotis P.J. The History of Modern Egypt: from Muhammad Ali to Mubarak. London, 1985.

Williams M. Mussolini's Propaganda Abroad: Subversion in the Mediterranean and the Middle East, 1935–1940. London, 2006.

References

Bur'jan M.S. K voprosu ob istorii podpisanija anglo-egipetskogo dogovora 1936 g. [On the Problem of the History of the Conclusion of the Anglo-Egyptian Treaty of 1936] // Ideologija i politika [Ideology and Policy]. Vol. 1. Moskva, 1986. P. 18–27. (In Russ.)

Bur'jan M.S. K voprosu ob otsenke anglo-egipetskogo dogovora 1936 g. v britanskoj burzhuaznoj istoriografii [On the Problem of Estimation of Anglo-Egyptian Treaty of 1936 in British Bourgeois Historiography] // Razvivajushiesja strany. Politika i ideologija [Developing Countries. Policy and Ideology]. Moskva, 1985. P. 46–61. (In Russ.)

Goldobin A.M. Nacional'no-osvoboditel'naja bor'ba naroda Yegipta, 1918–1936 gg. [The Liberation Movement of Egyptian People, 1918–1936]. Moskva, 1989. (In Russ.)

Novejsjaia istoriia arabskikh stran Afriki, 1917–1987 [The Contemporary History of African countries, 1917–1987]. Moskva, 1990. (In Russ.)

Savinov A.V. O nekotoryh aspektah britanskoj politiki v period sredizemnomorskogo krizisa 1935 g. [Towards Some Aspects of the British Policy during the Mediterranean Crisis of 1935] // Problemy britanskoj istorii. 1980. [The Problems of British History. 1980]. Moskva, 1980. P. 197–204. (In Russ.)

Savinov A.V. Anglo-ital'janskije otnoshenija v period sredizemnomorskogo krizisa 1935–1936 gg. [The Anglo-Italian Relations in the Period of Mediterranean Crisis, 1935–1936] // Problemy ital'janskoj istorii. 1982 [The Problems of Italian History. 1982]. Moskva, 1983. P. 100–127. (In Russ.)

Truhanovskij V.G. Vneshnjaja politika Anglii na pervom jetape obshhego krizisa kapitalizma (1918–1939 gg.) [The British Foreign Policy during the First Stage of the Crisis of Capitalism, 1918–1939], Moskva, 1962. (In Russ.)

Deeb M. Party Politics in Egypt, 1919–1939. London, 1979.

Documents on the British Foreign Policy. Vol. 14. The Italo-Ethiopian Dispute, March 21, 1934 – October 3, 1935. London, 1976.

Documents on the British Foreign Policy. Vol. 16. The Rhineland crisis and the ending of sanctions, March 2 – July 30, 1936. London, 1977.

Eden A. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. London, 1962.

Fiore M. Anglo-Italian Relations in the Middle East, 1922–1940. London, 2010.

Haggie P. Britannia at Bay: The defense of the British Empire against Japan, 1931–1941. Oxford, 1981.

Holt A. “No more Hoares to Paris”: British foreign policymaking and the Abyssinian Crisis, 1935 // Review of International Studies. British International Studies Association. 2011. № 37. P. 1383–1401.

Mallett R. Mussolini and the origins of the Second World War, 1933–1940. New York, 2003.

Marlowe J. Anglo-Egyptian Relations. 1800–1953. London, 1954.

Monroe E. Britain's Moment in the Middle East. London, 1963.

Morewood S. Anglo-Italian Rivalry in the Mediterranean and Middle East, 1935–1940 // *Paths to War*. London, 1989. P. 167–198.

Morewood S. British Defence of Egypt 1935–1940: Conflict and Crisis in the Eastern Mediterranean. London – New York, 2005.

Politics and Diplomacy in Egypt: The Diaries of Sir Miles Lampson, 1935–37 (*Oriental & African Archives*) / Ed. M.E. Yapp. London, 1997.

Treaty of Alliance between His Majesty, in Respect of the United Kingdom, and His Majesty the King of Egypt. London, 1937.

Vansittart R. Lessons of My Life. London, 1942.

Vatikiotis P.J. The history of modern Egypt: from Muhammad Ali to Mubarak. London, 1985.

Williams M. Mussolini's Propaganda Abroad: Subversion in the Mediterranean and the Middle East, 1935–1940. London, 2006.

DOI: 10.31857/S013038640014274-9

© 2021 г. **И.М. СУПОНИЦКАЯ**

ОБЩЕСТВО ПРОТИВ ДЖОЗЕФА МАККАРТИ

Супоницкая Ирина Марковна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: irina.ms@mtu-net.ru

Scopus Author ID: 56568314900; ORCID: 0000-0003-4314-7398

Аннотация. История преследований в эпоху маккартизма изучена довольно обстоятельно, но тема противостояния ему общества нуждается в дальнейшем рассмотрении. В статье дается ответ на вопрос, почему американцы, известные своей социальной активностью, четыре года терпели деятельность сенатора Джозефа Маккарти, терроризировавшего всех — от Сената до университетов, прессы, деятелей культуры? Почему не было массового движения против маккартизма? На основании широкого круга источников (правительственных документов, материалов прессы, мемуаров) автор рассматривает отношение различных слоев населения к маккартизму и приходит к заключению, что большинство американцев разделяло антикоммунистические настроения. Это объясняется не только ухудшением отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки после Второй мировой войны, перешедших в войну холодную. Немаловажным фактором стала раскрытая после войны советская шпионская сеть, действовавшая в США в 1930—1940-е годы. Советский шпионаж позволил ускорить испытание в СССР атомной бомбы, что, по мнению американцев, угрожало новой войной. Джозеф Маккарти воспользовался ростом антикоммунистических настроений, сделав на них политическую карьеру. Но его методы борьбы с так называемыми «подрывными элементами» вызвали недовольство, поскольку нарушали права и свободы граждан. И хотя в стране не было массового движения, именно общество поднялось на защиту своих свобод, против сенатора выступили журналисты, политики, даже президенты. Победа общества над маккартизмом доказала его приверженность либеральным ценностям и готовность их отстаивать. Американцы до сих пор не забыли урок маккартизма.

Ключевые слова: Джозеф Маккарти, маккартизм, антикоммунизм, подрывные элементы, холодная война.

I.M. Suponitskaya

The Society v. Joseph McCarthy

Irina Suponitskaya, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: irina.ms@mtu-net.ru

Scopus Author ID: 56568314900; ORCID: 0000-0003-4314-7398

Abstract. The history of persecution in the era of McCarthyism has already been studied in detail, but the theme of society's opposition to it still needs to be further explored. The paper answers the question: why did Americans, known for their social activism, tolerate the activities of Senator Joseph McCarthy for four years while he was terrorizing everyone — from the Senate to universities, the press, and cultural figures? Based on a wide range of sources (government documents, press materials, memoirs), the author examines the attitude of various segments of the population towards McCarthyism and concludes that most Americans shared anti-communist sentiments. This was largely due to the deterioration of relations between the Soviet Union and the United States of America after World War II, which turned

into the Cold War. A significant factor was the disclosure after the war of the Soviet spy network operating in the United States in the 30–40s. Soviet espionage accelerated the testing of the atomic bomb in the USSR, which according to the Americans created the threat of a new war. McCarthy used the growing anti-communism in the country, making his political career. But his methods of fighting the so-called “subversive elements” caused discontent because they violated the rights of citizens. And although there was no mass movement in the country, it was the society that rose to defend its freedoms. Journalists, politicians, even Presidents opposed the senator. The victory of the society proved its commitment to liberal values and readiness to defend them. The Americans have not yet forgotten the lesson of McCarthyism.

Keywords: Joseph McCarthy, McCarthyism, anticommunism, Cold War, disruptive elements.

9 февраля 1950 г. малоизвестный сенатор от Висконсина Джозеф Маккарти, выступая в Западной Вирджинии, заявил, что держит в руках список из 205 коммунистов, работающих в госдепартаменте США. Списка никто так и не увидел, а число коммунистов в нем со временем сократилось. Позднее сенатор признался журналистам, что это была «всего лишь политическая речь» и ее не нужно «воспринимать всерьез»¹. Но она стала началом взлета политической карьеры Маккарти, сделавшей его имя нарицательным.

История гонений инакомыслящих в эпоху маккартизма достаточно хорошо изучена², но отношение американского общества к Маккарти, сопротивление маккартизму менее известно³ и до сих пор вызывает вопросы. Как общество, созданное сразу на принципах верховенства закона и приоритета прав личности, могло допустить необоснованное преследование тысяч людей, их увольнение с работы, «черные списки», обрекавшие человека на остракизм, запрет на выезд за границу? Почему американцы, всегда отличавшиеся активностью и бравшие на себя решение важных проблем, когда власть не справлялась с ними, не поднялись и несколько лет терпели деятельность сенатора-демагога, ввергнувшего людей в атмосферу страха и недоверия друг к другу? Воцарившееся при маккартизме мракобесие отбросило Соединенные Штаты чуть ли не в средневековье, которого они не знали. Эти вопросы и сейчас беспокоят американцев, не желающих повторения одной из самых постыдных страниц своей истории.

Впрочем, маккартизм инициировал вовсе не Маккарти, а президент Г. Трумэн, подписавший в 1947 г. указ о проверке лояльности государственных служащих, направленный против «подрывных лиц, представляющих угрозу нашим демократическим процессам», иными словами, чистке госаппарата от коммунистов⁴. При нем активно заработал созданный еще в 1938 г. в Палате представителей комитет по расследованию антиамериканской деятельности, появилось дело голливудской десятки — кинорежиссеров и сценаристов (Дж. Лоусон, Д. Трамбо, А. Мальц и др.), которые отказались отвечать на вопрос о членстве в компартии, сославшись на Первую поправку Конституции США, и были осуждены к году тюрьмы и штрафу; они открыли своими именами «черные списки», лишившись работы.

Маккарти только воспользовался волной антикоммунизма в личных целях, сделав его центральной темой своей будущей избирательной кампании, правда, опоздал — после чистки 1947 г. в госаппарате коммунистов не осталось. Трумэн понимал, что мишенью Маккарти и стоявших за ним консервативных республиканцев были не только

¹ *Bayley E.R.* Joe McCarthy and the Press. Madison, 1981. P. 36.

² См., к примеру: *Caute D.* The Great Fear: The Anti-Communism Purge Under Truman and Eisenhower. New York, 1978; *Oshinsky D.M.* A Conspiracy So Immense: The World of Joe McCarthy. New York, 1983; *Schrecker E.* Many are the Crimes: McCarthyism in America. Boston — New York, 1998.

³ Среди немногих работ на эту тему см.: *Bayley E.R.* Op. cit.; *Fried R.M.* Men against McCarthy. New York, 1976; *Schrecker E.W.* No Ivory Tower: McCarthyism and the Universities. New York, 1986.

⁴ Executive Order 9835 // Harry S. Truman Presidential Library & Museum. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/executive-orders/9835/executive-order-9835> (дата обращения: 26.10.2020).

коммунисты, но и демократическая партия и «новый курс» Ф.Д. Рузвельта, чье долгое правление они расценивали как «двадцать лет предательства», поэтому сразу назвал сенатора лжецом, «самым ценным активом Кремля»⁵.

Хотя Трумэн предостерегал от массовой антикоммунистической кампании и огульного осуждения добропорядочных граждан, намереваясь ограничиться лишь чисткой государственного аппарата, куда во время «нового курса» пришло много молодых реформаторов либеральных и радикальных взглядов, антикоммунистическая истерия затронула все сферы жизни страны, в том числе образование и культуру. В школах и университетах запрещалось брать на работу коммунистов, вводилась присяга на лояльность, к концу 50-х годов она требовалась в 32 штатах⁶.

В университете Вашингтона в Сиэтле после увольнения в 1949 г. трех профессоров, причем один из них был не коммунистом, а радикалом, свыше 100 студентов подписали письмо в их защиту. Администрация объяснила свои действия тем, что компартия является не обычной политической партией, но конспиративной организацией с жесткой дисциплиной⁷.

В Калифорнийском университете почти три года шли споры о присяге⁸. В тексте принятой в 1950 г. присяги содержалась не только клятва верности Конституции Соединенных Штатов и штата Калифорния, но и признание неучастия в партиях и организациях, которые призывают к насильственному свержению американского правительства (имелась в виду компартия), а также обязательство не входить в такие организации в следующие пять лет⁹. 31 профессор, среди них ученые с мировым именем, не коммунисты, были уволены, так как отказались подписать присягу, усмотрев в ней нарушение академической свободы. Несмотря на петиции протеста, поддержку преподавателей, студентов других университетов, Калифорнийский университет все-таки подчинился и отказался принимать коммунистов на работу, потеряв 110 ученых¹⁰.

В 1952 г. Верховный суд Калифорнии восстановил уволенных, а в 1967 г. признал акт о присяге (The Levering Act) неконституционным. Идею присяги высмеял в 1961 г. Дж. Хеллер в романе «Поправка-22». Однако сопротивление было сломлено, 28 колледжей Калифорнии согласились сотрудничать с комитетом по антиамериканской деятельности штата, число увольнений росло. Так же поступили университеты Колорадо и Айдахо, в которые ФБР послало своих агентов¹¹. Калифорнийский университет не забыл этого позорного события своей истории. К 50-летию принятия присяги были собраны материалы и документы о жертвах, 7–8 октября 1999 г. в Беркли прошел симпозиум, на котором выступали пострадавшие¹².

В комитете по антиамериканской деятельности Палаты представителей 25 февраля 1953 г. начались слушания о деятельности подрывных элементов в системе высшего

⁵ President Harry S. Truman Responds to Senator Joseph R. McCarthy's Accusations of Disloyalty // History Matters: The U.S. Survey Course on the Web. URL: <http://historymatters.gmu.edu/d/8078> (дата обращения: 26.10.2020).

⁶ Schrecker E.W. Op. cit. P. 113–116.

⁷ Ibid. P. 101–105.

⁸ The loyalty oath controversy, the University of California, 1949–1951. Summary of Loyalty Oath events. URL: https://www.lib.berkeley.edu/uchistory/archives_exhibits/loyaltyoath/timelinesummary.html (дата обращения: 25.10.2020).

⁹ Levering oath. Oath of Allegiance for Persons Employed by the State of California and State Civil Defense Workers. Присяга названа по имени республиканца Х. Леверинга, написавшего ее проект. URL: http://www.lib.berkeley.edu/uchistory/archives_exhibits/loyaltyoath/levering.html (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁰ Schrecker E.W. Op. cit. P. 117–124; Cauter D. Op. cit. P. 423.

¹¹ Cauter D. Op. cit. P. 424, 428.

¹² Loyalty Oath 50th Anniversary Symposium, October 1999. URL: http://www.lib.berkeley.edu/uchistory/archives_exhibits/loyaltyoath/program.html (дата обращения: 25.10.2020).

образования. Главной мишенью стал Гарвардский университет. Перед руководством университетов встала проблема: как совместить академическую свободу с преследованиями за политические убеждения. К середине 50-х годов около 1 тыс. ученых имели подобные проблемы. Одни заявили, что не потерпят коммунистов, стремящихся свергнуть американское правительство, другие отстаивали академическую свободу. Ассоциация американских университетов, в которую входили 37 президентов ведущих вузов США и Канады, заявила в 1953 г., что «долг университетов и их членов — оказывать помощь официальным расследованиям»¹³. Независимость сохранили только частные университеты, поскольку не финансировались штатами или федеральным правительством.

Исследователь маккартизма Э. Шрекер упрекнула академическое сообщество в том, что оно не смогло отстоять собственную свободу и своих коллег, задавшись вопросом: почему не было даже незначительных протестов в академической среде? Почему Американская ассоциация университетских профессоров оказалась «бумажным тигром», а ученые не поднялись против маккартизма? «Антикоммунистическая истерия была столь мощной, что ни одна организация... не смогла защитить статус и идеалы академической профессии. ...Отказавшись взять на себя риск, большинство профессоров колледжей должны разделить определенную ответственность за репрессии... Трудно отделаться от мысли, что неудача в деле защиты академической свободы разрушила моральную чистоту академии», — заключила историк¹⁴. Позднее многие преподаватели признали, что им следовало решительнее противостоять маккартизму. В результате в 50-х годах колледжи и университеты стали больше зависеть от федерального правительства. Сотрудничая с маккартистами, академическое сообщество вело себя так же, как другие институты страны.

Шрекер объяснила подобную позицию прежде всего страхом, который был столь велик, что даже поддержать коллегу предпочитали анонимно, боясь быть уволенными. При всей справедливости упрека Шрекер упустила из виду важное обстоятельство: многие представители академического сообщества искренне разделяли антикоммунистические взгляды, господствовавшие в американском обществе, как, к примеру, историк Д. Бурстин, позднее директор библиотеки Конгресса. Вызванный в 1953 г. вместе с другими преподавателями Гарварда в комитет по антиамериканской деятельности, он рассказал, что вступил в компартию в 1938 г., пробыв в ней менее года. Объяснил он свое членство интересом к материалистической интерпретации истории, но позднее пришел к мысли, что марксизм не подходит для Америки, и отказался от него. Советско-германский пакт 1939 г. ускорил разрыв с компартией. Бурстин полагал, что коммунисты не должны преподавать в школах и университетах, поскольку такие люди интеллектуально несвободны¹⁵.

Американцам, чья страна основана на принципе неприкосновенности частной собственности, чужда идеология коммунизма. Первая волна антикоммунизма в США была вызвана октябрьским переворотом 1917 г. в России и призывом большевиков к мировой революции. Чистка госаппарата от коммунистов началась в 1947 г. после представленных президенту Трумэну докладов ФБР о советском шпионаже 30–40-х годов, составленных на основе рассказов перебежчиков (И.С. Гузенко, Э. Бентли, У. Чемберса). Испытание в СССР атомной бомбы, похожей на американскую, подтвердило подозрения о шпионаже, в котором участвовали и американские коммунисты. Холодная война, советский шпионаж, угроза атомной войны, победа коммунистов в Китае усилили антикоммунизм в США, способствуя популярности маккартизма. Если в 1946 г., по данным Гэллага, 44% опрошенных поддерживали запрещение компартии, то в 1949 г. — 68%¹⁶.

¹³ *Caute D.* Op. cit. P. 461; *Schrecker E.W.* Op. cit. P. 188.

¹⁴ *Schrecker E.W.* Op. cit. P. 336–337, 340.

¹⁵ *Thirty Years of Treason: Excerpts from Hearings before the House Committee on Un-American Activities, 1938–1968* / Ed. E. Bentley. New York, 1971. P. 610.

¹⁶ *Caute D.* Op. cit. P. 215.

Деятели Голливуда (Х. Богарт, Дж. Гарленд, Б. Ланкастер, Ф. Синатра), выступившие сначала в поддержку своих десяти коллег, вскоре отказались от нее, заявив, что не хотят иметь ничего общего с коммунизмом. Известный актер Хамфри Богарт утверждал, что защищал свободу слова, экрана и Билль о правах, а не коммунизм в Америке, назвав себя «либеральным демократом»¹⁷. Против десятки выступил Альянс кинематографистов за сохранение американских идеалов с президентом Джоном Уэйном и Гильдия киноактеров во главе с Рональдом Рейганом. «Коммунизм потерпел поражение в Голливуде, — заявил в 1951 г. в комитете по расследованию антиамериканской деятельности Р. Рейган, — потому что подавляющее большинство... выступало и выступает против коммунизма»¹⁸.

Маккарти почувствовал эти настроения в обществе и занялся разоблачением шпионов и подрывных элементов, благодаря чему вторично был избран в Сенат, превратившись в одного из ведущих политиков. Его поддерживали не только республиканцы за резкие атаки на деятелей демократической партии (Э. Стивенсона, Д. Ачесона, даже президента Трумэна), он был дружен с директором ФБР Э. Гувером, имел доступ к его материалам, близок к влиятельному и богатому клану ирландцев Кеннеди (Роберт Кеннеди работал в его комитете, Маккарти стал крестным отцом его первого ребенка). Когда историк А. Шлезингер-мл. как-то попенял Джону Кеннеди, что тот, будучи молодым сенатором-демократом, не выступил против Маккарти, Джон ответил, что половина его избирателей в Массачусетсе видят в Маккарти героя¹⁹.

Однако часть общества вступила в борьбу с Маккарти, усмотрев в его политике наступление на права и свободы человека и не желая погружения страны в атмосферу страха и взаимных подозрений. Это студенты, выступившие в защиту своих преподавателей, учителя, ученые и деятели культуры, политики, конгрессмены, даже президенты и, конечно, журналисты.

Самое радикальное решение предложил А. Эйнштейн, склонявшийся к демократическому социализму. Свою позицию он изложил в письме нью-йоркскому учителю школы, опубликованном в «New York Times». Единственно правильный путь ученый видел в несотрудничестве в духе Ганди. «Каждый интеллеktуал, вызванный в комитеты, должен отказаться давать показания. Он должен быть готов к суду и разорению, пожертвовав своим личным благосостоянием в интересах культурного благосостояния своей страны. ...Для безупречного гражданина стыдно подчиняться такой инквизиции... она нарушает дух Конституции. Если найдется достаточно людей, чтобы сделать столь серьезный шаг, они добьются успеха. Если нет, тогда интеллеktуалы этой страны не заслуживают ничего большего, чем рабство, которое им готовится»²⁰.

Некоторые люди так и поступали, дорожа нравственными принципами и попадая в черные списки; их увольняли с работы, лишали заграничных паспортов. Когда после осуждения членов голливудской десятки перестала помогать Первая поправка Конституции США о свободе выражения своих взглядов, стали ссылаться на Пятую поправку Конституции (не свидетельствовать против себя). Лилиан Хеллман ввела новую форму сопротивления. Не желая стать информатором и предателем своих товарищей, она в 1952 г. заявила, что будет рассказывать только о себе. Перед посещением комитета по расследованию антиамериканской деятельности в мае 1952 г. она обратилась с письмом к его главе Дж.С. Вуду, где объявила, что готова отвечать на все вопросы о себе, но категорически отказывается говорить о других. «Для меня причинять вред невинным людям,

¹⁷ Bogart H. I'm No Communist // Photoplay, May 1948. P. 53. URL: http://www.oldmagazinearticles.com/1948-Humphrey_Bogart_on_Hollywood_Blacklist_editorial-pdf (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁸ Thirty Years of Treason... P. 294.

¹⁹ Schlesinger A.M. Jr. A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House. Boston, 1965. P. 12.

²⁰ Einstein A. Letter to William Frauenglass // New York Times. 12.XII. 1953.

которых я знаю много лет, — бесчеловечно, непорядочно и бесчестно»²¹. Если комитет не посчитается с ее предложением, предупредила Хеллман, ей придется прибегнуть к Пятой поправке Конституции, что она и сделала.

Этой позицией, названной «гамбитом Хеллман», воспользовались и другие, в том числе драматург Артур Миллер. Глава комитета по антиамериканской деятельности обещал ему не спрашивать о знакомых, но все-таки вопросы были заданы. Миллер ответил: «Моя совесть не позволяет мне называть имя другого человека»²². Апелляционный суд оправдал писателя, посчитав, что глава комитета нарушил данное им слово, Миллер остался на свободе, хотя попал в черный список и лишился загранпаспорта. Однако вскоре людей стали увольнять за нежелание выдавать товарищей, что трактовалось как отказ от сотрудничества, несмотря на нарушение Пятой поправки Конституции.

Так произошло с биохимиком проф. А. Новиковым из университета Вермонта. Сын еврейских иммигрантов из Российской империи, он в молодости, в 1935 г., вступил в компартию, позднее отошел от коммунистических идей. В 1953 г. Новикова вызвали в сенатский комитет по внутренней безопасности, где он заявил: «Я не коммунист». Когда же его попросили назвать коллег по партии, отказался, сославшись на Пятую поправку. Новиков обратился за поддержкой к Эйнштейну, недавно критиковавшему подобные методы, но это не помогло — Маккарти назвал физика «врагом Америки». Новиков был уволен, позднее работал в медицинском колледже им. А. Эйнштейна в Нью-Йорке. Через 30 лет университет Вермонта в знак извинения и признания заслуг вручил профессору почетный диплом²³. Не спасли научные достижения и проф. М. Никерсона, награжденного «за выдающийся вклад в области фармакологии». Он состоял в коммунистической партии, затем вышел из нее, но не раскаялся и был уволен.

В октябре 1953 г. президент Д. Эйзенхауэр дополнил указ Трумэна № 10 450 положением об увольнении федеральных служащих, использующих Пятую поправку на слушаниях в комитете Конгресса по обвинению их в нелояльности²⁴. Так во время маккартизма были нарушены свободы граждан, входящие в Билль о правах Конституции США. Перед американским обществом встала проблема соотношения индивидуальных прав и национальных интересов. «Национальная безопасность, — пишет Шрекер, — оказалась выше индивидуальных прав»²⁵. Поиск разумного баланса между этими равно важными ценностями — задача демократического государства, необходимая для сохранения доверия к нему общества. Американцы не могли допустить уничтожения или ограничения своих прав и свобод, видя в нем угрозу принципам, на которых возникло их общество, поэтому маккартизм не мог долго продержаться в США. При нем баланс между защитой индивидуальных прав и свобод, самых дорогих для страны, и национальной безопасностью непропорционально и необоснованно был смещен в пользу последней, что быстро почувствовало общество.

После переизбрания в Сенат Маккарти возглавил комитет по правительственным операциям и входивший в него постоянный подкомитет по расследованиям, энергично взявшись повсюду разоблачать подрывные элементы. Первая атака была направлена против радиостанции «Голос Америки», куда якобы проникли коммунисты, сторонники «нового курса» и радикалы. Организованная в 1942 г. радиостанция расширилась с началом

²¹ *Hellman L.* I Cannot and Will Not Cut My Conscience to Fit This Year's Fashions. Letter to HUAC, May 19, 1952 // History Matters. The US Survey Course on the Web. URL: <http://history-matters.gmu.edu/d/6454> (дата обращения: 24.10.2020).

²² *Thirty Years of Treason...* P. 822.

²³ *Caute D.* Op. cit. P. 417.

²⁴ *Eisenhower D.D.* Executive Order 10491 (Amendment of Executive Order No. 10450 of April 27, 1953, Relating to Security Requirements for Government Employment) // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-10491-amendment-executive-order-no-10450-april-27-1953-relating-security> (дата обращения: 24.10.2020).

²⁵ *Schrecker E.W.* Op. cit. P. 336.

холодной войны, вещая на многих языках, с 1947 г. и на русском. Расследование в Сенате взбудоражило всю организацию, один из сотрудников даже покончил с собой, но комитет ничего не обнаружил. Таков же был результат проверки зарубежных библиотек, созданных госдепартаментом и содержащих, по мнению руководителей комитета, множество прокоммунистических книг. Нашли лишь несколько, в том числе писателя-коммуниста Говарда Фаста. Часть книг сожгли, что вызвало возмущение общества и президента Эйзенхауэра²⁶. Другим объектом нападок Маккарти стала программа международного научного обмена, основанная в 1946 г. при государственном департаменте по инициативе сенатора-демократа Дж. Фулбрайта. Последний на слушаниях демонстративно не отвечал на вопросы Маккарти.

Постепенно Маккарти, обещавший найти множество шпионов, превратился в посмешище, ибо выявил только «попутчиков» коммунистов на уровне профессоров колледжей. В Америке все чаще отделяли маккартизм от антикоммунизма. Трумэн после ухода с поста президента заметил, что Маккарти стал известен миру из-за вошедшего в обиход в связи с ним понятия «маккартизм», означавшего «использование лжи и необоснованного обвинения против любого гражданина под видом защиты американизма и безопасности»²⁷.

Жестко критиковали сенатора видные политики-демократы. А. Гарриман считал Маккарти «самым опасным человеком» в Америке, усматривая в его деятельности даже «начало фашистского движения», Х. Хамфри — угрозу американской демократии, Э. Стивенсон — «новый тип политической демагогии». Против Маккарти выступили многие либеральные организации, в том числе Национальный комитет за эффективный Конгресс, основанный Элеонорой Рузвельт в 1948 г., Американский комитет за свободу культуры, обсуждали методы борьбы с ним²⁸.

Республиканец Эйзенхауэр уже во время избирательной кампании заявил, что согласен с Маккарти по целям — необходимости борьбы с коммунизмом, но не приемлет его методов. Он не мог простить сенатору оскорбительных обвинений в адрес своего уважаемого коллеги, госсекретаря генерала Дж. Маршалла, получившего Нобелевскую премию мира в 1953 г. за план послевоенной реконструкции Европы. В 1945–1947 гг. Маршалл ездил в Китай, но миссия окончилась безрезультатно, Маккарти упрекал его чуть ли не в предательстве за «сдачу Китая» Кремлю. Став президентом, Эйзенхауэр, в отличие от Трумэна, открыто критиковавшего сенатора, выбрал другую тактику — не иметь с ним дела, игнорировать его.

В 2003 г., через 50 лет закрытого хранения, были преданы гласности материалы слушаний сенатского подкомитета по расследованиям Маккарти, которые позволили его нынешним коллегам по комитету С. Коллинс и К. Левину заключить в предисловии: «Стремление сенатора Маккарти разоблачить подрывную деятельность и шпионаж привело к возмутительному произволу. Его тактика запугивания разрушила карьеру людей, не связанных с проникновением [шпионов] в наше правительство. Его развязный тон заставил Сенат и подкомитет пересмотреть правила регулирования будущих расследований и побудил суды действовать в защиту конституционных прав свидетелей на слушаниях в Конгрессе»²⁹.

Примером подобного расследования Маккарти может служить история известного журналиста Джеймса Векслера, редактора газеты «New York Post». Студентом Колумбийского университета он вступил в Лигу коммунистической молодежи и в 1937 г.

²⁶ Latham E. The Communist Controversy in Washington: From the New Deal to McCarthy. Cambridge (MA), 1966. P. 337–348.

²⁷ Цит. по: Oshinsky D.M. Op. cit. P. 349.

²⁸ Fried R.M. Op. cit. P. 225, 265–266.

²⁹ Executive Sessions of the Senate Permanent Subcommittee on Investigations. Vol. 1. Washington, 2003. P. XI–XII.

вместе с женой поехал в СССР. Однако, поняв ситуацию в стране и узнав о массовых репрессиях, после возвращения они порвали с коммунизмом. В 1953 г. Векслера, автора нескольких антикоммунистических книг, часто выступавшего с критикой Маккарти и ФБР, вызвали в сенатский комитет, где он подвергся унижительному допросу. «Я чувствую, — заявил Маккарти, который, по наблюдению журналиста, вел себя и как “прокурор и как судья”, — что вы не порвали с коммунистическими идеалами, ...что вы служите им очень и очень активно. ...Хотя я не знаю, есть ли у вас партийный билет»³⁰. На упреки за критику газетой сенатского комитета и ФБР Векслер возразил: «Мы не считаем какое-либо правительственное агентство свободным от критики». Более того, журналист перешел в атаку, заметив, что вопросы, заданные комитетом, являются вмешательством в дела газеты, ее право на независимую деятельность³¹. В этой полемике победил журналист, считавший Маккарти демагогом, материалы этих слушаний опубликовала «New York Times».

Несмотря на сильное давление сенатора на своих оппонентов, независимая пресса и телевидение сыграли важную роль в борьбе с ним. Газета «Washington Post» одна из первых начала критику Маккарти, постоянно освещая в редакционных статьях его деятельность, за что была им названа «Daily Worker», по органу компартии США. Такова же была позиция самой крупной газеты штата Висконсин, «Milwaukee Journal», сразу после речи Маккарти в Западной Вирджинии обозвавшей его лжецом и хвастуном. Тот в ответ призвал к экономическому бойкоту газеты, но излюбленный прием сенатора на этот раз не сработал. Другой неутомимый борец с Маккарти — журнал «Progressive», основанный в 1909 г. сенатором от Висконсина Р. Лафоллетом-ст., посвятил ему два специальных номера; второй из них, «Маккарти: документальный отчет», вышел в апреле 1954 г. и был куплен администрацией Эйзенхауэра, его материалы способствовали падению сенатора³².

Маккарти составил список левой печати, куда вошел и журнал «Time» влиятельного издателя Генри Люса, основавшего также «Life» и «Fortune», за сообщение от 22 октября 1951 г. о том, что сенатор так и не представил комитету Тайдинга ни одного имени коммуниста в госдепартаменте. Маккарти потребовал от крупных корпораций не иметь дело с «прокоммунистическим» журналом Люса. Он к тому же призвал к «патриотическому бойкоту» радиопередачи другого своего постоянного оппонента, известного независимого журналиста Дрю Пирсона, в результате чего тот лишился спонсора, расторгнувшего с ним контракт на 5 тыс. долл. в неделю, а некоторые газеты отказались с ним сотрудничать. Сенатор называл Пирсона «голосом международного коммунизма», «дегенератом и лжецом». Однажды в клубе пьяный Маккарти напал на журналиста, конфликт погасил Р. Никсон, случайно оказавшийся рядом³³.

Большая заслуга в противостоянии сенатору принадлежала журналисту радио и телевидения Эдварду Марроу, прославившемуся во время Второй мировой войны репортажами из Лондона. Часто он заканчивал их фразой «Спокойной ночи и удачи», не будучи уверенным в следующем эфире, так как Лондон по ночам бомбили. 9 марта 1954 г. Марроу посвятил Маккарти одну из своих популярных полчасовых передач на канале CBS, представив наиболее яркие выдержки из его речей, где тот противоречит сам себе.

Журналист закончил передачу открытым вызовом: «Грань между расследованием и преследованием очень тонка, и младший сенатор (сенатор с небольшим стажем. — И.С.) Маккарти часто переходит ее. Его главное “достижение” в том, что он смог внести смутение в умы людей, [запугивая их] как внутренней, так и внешней угрозой коммунизма. Мы не должны смешивать несогласие с неоялостью. Мы должны всегда

³⁰ Bayley E.R. Op. cit. P. 143.

³¹ Wechsler J.A. To Be Called Before the McCarthy Committee // McCarthyism / Ed. Th.C. Reeves. New York, 1978. P. 43, 52.

³² Bayley E.R. Op. cit. P. 148–159, 184.

³³ Ibid. P. 166–169; Oshinsky D.A. Op. cit. P. 180–185.

помнить, что обвинение не является доказательством, и что осуждение зависит от доказательств и надлежащей правовой процедуры. Мы не хотим жить в страхе. Мы не хотим ввергаться страхом в эпоху безумия, ...мы происходим не от пугливых людей, которые боялись писать, говорить, общаться, защищать дело, непопулярное в данный момент.

Сейчас не время молчать для тех, кто выступает против методов Маккарти, или тех, кто его одобряет. Мы можем отрицать наше наследие и нашу историю, но мы не можем избежать ответственности за результат. Гражданин республики не может отказаться от своих обязанностей. ...Мы заявили о себе как о защитниках свободы, где бы она ни существовала в мире, но мы не можем защищать свободу за границей, отказываясь от нее у себя дома. Действия младшего сенатора от Висконсина вызвали тревогу и беспокойство среди наших союзников за рубежом и принесли удовлетворение нашим врагам. Кто в этом виноват? Конечно, не он. Не он создал ситуацию страха. Он лишь воспользовался ею, и довольно успешно. Кассий был прав: «Ошибка, милый Брут, не в наших звездах, а в нас самих», — закончил журналист цитатой из шекспировского «Юлия Цезаря»³⁴, добавив, как обычно: «Спокойной ночи и удачи».

Марроу предложил Маккарти указать на неточности, допущенные в материале, но в ответ последовало лишь обвинение в симпатиях к коммунистам. Эта передача стала началом политического конца могущественного сенатора, понизив его рейтинг. Коллеги считали поступок Марроу геройским; до него журналист Мартин Агронский из ABC поплатился за критику Маккарти отказом спонсоров от его услуг³⁵. В Америке Эдварда Марроу уважали за гражданскую позицию, он был награжден Президентской медалью Свободы, учреждена премия его имени за достижения в области журналистики. Ему принадлежат слова: «Наша история будет такой, какой мы ее сделаем».

К середине 1953 г. Маккарти достиг пика своей карьеры, в его комитете по расследованию росло число слушаний и свидетелей, связанных с шпионажем и подрывной деятельностью, но сам он превратился в проблему для Белого дома. Известные издатели и бизнесмены обратились к Эйзенхауэру с письмом, где просили остановить Маккарти, который деморализует иностранные службы, выставляя Америку посмешищем в глазах мира. Его атаки раздражали и республиканцев, даже президента. Когда Эйзенхауэр заметил, что к избирательной кампании 1954 г. проблема коммунизма «станет делом истории и памяти», сенатор возразил, что она останется насущной³⁶.

Впрочем, отдельные голоса республиканцев, противников Маккарти, раздавались и раньше. Менее чем через четыре месяца после его «разоблачительной» речи в Западной Вирджинии в феврале 1950 г. на конфликт отважилась Маргрет Смит, сенатор-республиканец от штата Мейн. После смерти мужа-конгрессмена она заняла его место и четыре раза избиралась от своего штата в Палату представителей, а в 1948 г. победила на выборах в Сенат, став в ту пору единственной женщиной в верхней палате Конгресса. Смит поддерживала пафос Маккарти в противостоянии коммунизму, но, не дождавшись обещанного списка, как вспоминала позднее, усомнилась «в обоснованности и справедливости обвинений Маккарти».

Сначала она колебалась, стоит ли выступать ей, новичку в Сенате, но потом решилась. Ее поддержали представители прессы, в том числе известный журналист Уолтер Липпман; она подготовила текст выступления, решив не называть имени Маккарти и критиковать только его методы. В 15-минутной речи заявила о «национальном чувстве страха и разочарования», о том, что в прежде уважаемом Сенате царит атмосфера

³⁴ *Murrow E.R.* A Report on Senator Joseph R. McCarthy. See It Now. CBS-TV. 1954. March 9 // The Beat Begins: America in the 1950s. URL: <http://www.plosin.com/beatbegins/archive/Murrow540309.htm> (дата обращения: 23.10.2020). Конфликт журналиста и сенатора лег в основу фильма Дж. Клуни «Спокойной ночи и удачи», 2005.

³⁵ *Bayley E.R.* Op. cit. P. 194.

³⁶ *Oshinsky D.A.* Op. cit. P. 358; *Fried R.M.* Op. cit. P. 273–274.

«великого психологического страха», «умственного паралича и немоты» из-за опасения стать объектом оскорблений, что слишком часто он превращается в «форум ненависти и символ убийства». Ее возмутили атаки на людей, которых она считала вне подозрений.

Смит укоряла сенаторов, громче всех заявлявших о ценности принципов американизма, но на деле игнорировавших важнейшие из них — право каждого американца критиковать, протестовать, придерживаться непопулярных взглядов и независимо мыслить. Американцам, заявила она, надоело бояться высказывать свое мнение из-за опасения, что оппоненты объявят их «коммунистами» или «фашистами». «Свобода слова в Америке не является тем, чем была раньше, одни злоупотребляют ею, другие не могут воспользоваться». В заключение Смит выступила против политической программы «безответственной сенсационности», сказав, что не хочет, чтобы республиканская партия «ради политической победы оседлала четырех всадников клеветы — страх, невежество, нетерпимость и необоснованное обвинение»³⁷. Хотя имя Маккарти не прозвучало, все поняли, о ком идет речь. Она представила свою речь в виде документа, назвав «Декларацией совести», которую подписали еще шесть сенаторов-республиканцев.

Благодаря «Декларации» Маргрет Смит получила национальную известность, позднее считала ее своим высшим достижением, став одним из первых сенаторов, открыто выступивших против Маккарти, и до конца придерживалась своей позиции, в то время как большинство ее коллег хранило молчание, опасаясь обвинений Маккарти в свой адрес. Лишь в 1954 г. Сенат согласился с мнением «леди из Мэйна» и вынес резолюцию о порицании поведения Маккарти.

Реакция общества на Декларацию была разной. Одни говорили о «свежем ветре честности», повеявшем из Мейна, который сможет унести «все миазмы из души нации», другие — об «акте политического мужества». Журнал «Newsweek» выпустил номер со словами на обложке «Сенатор Смит: женщина — вице-президент?». Критики обвинили Смит в «любви к Москве», Маккарти назвал ее и коллег «Белоснежкой и шестью гномами»³⁸. Президент Трумэн высоко оценил поступок республиканки, пригласив на ланч. «Госпожа Смит, — сказал он, — ваша “Декларация совести” была самым прекрасным, что произошло здесь в Вашингтоне за все время моего пребывания в Сенате и Белом доме»³⁹.

Маккарти тоже не оставил без внимания и последствий речь коллеги по партии. Еще перед выступлением Смит, столкнувшись с ней, он предупредил, что контролирует 27 голосов Висконсина; она расценила это как угрозу при возможном выдвижении на пост вице-президента в 1952 г. После выступления он удалил ее из постоянного подкомитета по расследованиям, заменив другим новичком — сенатором Р. Никсоном из Калифорнии. Позднее безуспешно пытался оказывать финансовую помощь противнику Смит во время переизбрания ее в сенаторы, пользовался любым случаем, чтобы очернить ее. Если карьера Маккарти вскоре бесславно завершилась (он умер в 1957 г. от цирроза печени, вызванного алкоголизмом), то М. Смит оказалась должником (умерла в 97 лет), проработав в Сенате до 1973 г. Смит поддерживала поправки о равных правах для женщин, их службу в армии, пользовалась уважением нации, в 1989 г. президент Дж. Буш-ст. наградил ее Президентской медалью Свободы.

Свою политическую карьеру Маккарти разрушил сам, инициировав расследование о проникновении подрывных элементов в американскую армию. В октябре 1953 г. он объявил о «крайне опасном шпионаже», ставящем под удар « всю нашу защиту от

³⁷ *Smith M.Ch.* A Declaration of Conscience, June 1, 1950 // U.S. Congress. Senate. Congressional Record. 81st Congress, 2nd sess. Washington, 1951. P. 7894–7895.

³⁸ US Senate. A Declaration of Conscience, June 1, 1950. URL: <https://www.senate.gov/about/powers-procedures/investigations/mccarthy-hearings/a-declaration-of-conscience.htm> (дата обращения: 26.10.2020).

³⁹ *Smith M.Ch.* A Declaration of Conscience. June 1, 1950 // U.S. Senate. URL: https://www.senate.gov/artandhistory/history/common/generic/Speeches_Smith_Declaration.htm (дата обращения: 23.10.2020).

атомной атаки». Его комитет начал слушания о деятельности шпионской сети в военной лаборатории корпуса связи армии США в форте Монмут. Во время войны там работали Ю. Розенберг и его товарищи Дж. Барр и А. Сарант. После войны Розенберга уволили, в 1950 г. он с женой был арестован, а в июне 1953 г. обоих казнили как советских шпионов. Друзья Розенберга уехали из США в СССР, где под другими именами стали одними из основателей микроэлектроники и ее научного центра в Зеленограде⁴⁰. Советская шпионская сеть, действовавшая в 1930–1940-е годы, была разгромлена, о чем доложил в рапорте от 23 декабря 1949 г. глава разведки в США во время войны А. Горский⁴¹.

Маккарти поэтому не мог обнаружить сообщников Розенберга в форте Монмут, как надеялся. Зато армия выступила против него и главного адвоката комитета по расследованию Роя Кона, обвинив в давлении на нее, чтобы получить привилегии для бывшего помощника Маккарти и приятеля Кона Д. Шайна во время его воинской службы. 24-летний Кон прославился борьбой с коммунистами и сыграл важную роль в вынесении смертного приговора чете Розенбергов. Маккарти нанял его по рекомендации Э. Гувера. Сенатор объяснил обвинение армии контратакой на его поиск коммунистов. 36 дней, с 22 апреля по июнь 1954 г., проходили слушания в сенатском комитете, их впервые показывали по телевидению. Этого оказалось достаточно, чтобы американцы поняли, кто такой Маккарти: они увидели беспардонного демагога, который унижал свидетелей, нарушал парламентские процедуры и правила обычной вежливости. Его рейтинг снизился с 50% в январе до 34% в июне. Специальный адвокат армии Джозеф Уэлч, напротив, вел себя сдержанно и корректно, но закончил жестко: «В конце концов, неужели у вас не осталось чувства приличия, сэр?»⁴². Он прервал объяснения сенатора и попросил пригласить следующего свидетеля, вызвав аплодисменты присутствующих. После завершения слушаний Эйзенхауэр встретился с адвокатом в Белом доме и поблагодарил за хорошую работу.

Последний удар по репутации Маккарти нанес другой давний противник и коллега по партии, сенатор от Вермонта Ральф Фландерс. 11 июня 1954 г. он внес в Сенат резолюцию об отстранении Маккарти от руководства комитетом, поскольку полагал, что его деятельность приносит вред, так как 90% обвинений оказались безосновательными⁴³. Но под влиянием коллег Фландерс смягчил формулировки, ограничившись осуждением сенатора за «неподобающее поведение», «противоречащее сенатской этике». Резолюцию поддержали многие демократы. Созданная в Сенате комиссия обсудила все претензии к Маккарти, в том числе оскорбление и клевету в отношении бригадного генерала Р. Цвикера во время слушаний по делу армии. 2 декабря 1954 г. Сенат 65 голосами против 22 принял резолюцию, осуждавшую поведение Маккарти⁴⁴.

Она вызвала протесты его сторонников, полагавших, что в правительстве против него действовали скрытые силы, поскольку он сопротивлялся «советизации» Америки и мира; один из их лозунгов — «Москва тоже ненавидит Маккарти».

Вскоре сенатор умер, а страна постепенно стала «выздоровливать» от маккартизма, хотя рубцы от него до сих пор не заживают, что показал фильм Клуни «Спокойной ночи

⁴⁰ См. о них: *Radosh R., Milton J. The Rosenberg File: A Search for the Truth*. New York, 1984; *Usdin S.T. The Rosenberg Ring Revealed: Industrial-Scale Conventional and Nuclear Espionage* // *Journal of Cold War Studies*. 2009. Vol. 11. P. 91–143; *Супоницкая И.М. Дело Розенбергов* // *Вопросы истории*. 2016. № 8. С. 92–105. О судьбе А. Саранта и Дж. Барра в СССР Д.А. Гранин, лично знавший последнего, написал в 1994 г. документальный роман «Бегство в Россию».

⁴¹ Gorsky Report: Dec. 23, 1949 // *History News Network*. URL: <https://historynewsnetwork.org/article/11581> (дата обращения: 21.10.2020).

⁴² Цит. по: *Oshinsky D.A. Op. cit.* P. 463–464.

⁴³ *Fried R.M. Op. cit.* P. 292.

⁴⁴ United States Senate. The Censure Case of Joseph McCarthy of Wisconsin (1954). URL: http://www.senate.gov/artandhistory/history/common/censure_cases/133Joseph_McCarthy.htm (дата обращения: 25.10.2020).

и удачи». Восстановлены посмертно имена Д. Трамбо, сценариста фильма «Римские каникулы», получившего премию «Оскар», и А. Мальца, автора сценария фильма «Сломанная стрела», награжденного премией Гильдии писателей Америки. Но при вручении «Оскара» в 1999 г. режиссеру Э. Казану актеры, которых он предал, устроили демонстрацию протеста⁴⁵. Не смогли забыть маккартизма и уволенные учителя и преподаватели. Некоторые университеты (Калифорнийский, Вермонт) признали прежние ошибки. Деятельность комитета Маккарти осудили современные сенаторы, заявив: «Эти слушания — часть нашего национального прошлого, которое мы не должны забывать и не должны позволить повториться»⁴⁶. Президент Трумэн, открывший антикоммунистическую кампанию, в мемуарах назвал ее «трагедией и позором нашего времени»⁴⁷.

Хотя в послевоенной Америке для антикоммунизма были серьезные основания, маккартистская кампания сопровождалась такими нарушениями прав и свобод граждан, что это не могло не вызвать возмущения американского общества, заставившего Верховный суд отменить неконституционные решения. За увлечение коммунистическими идеями, модными среди интеллектуалов в 1920–1930-х годах, пришлось дорого расплатиться позднее. Начавшись как борьба с советскими шпионами, маккартизм превратился в массовую репрессивную акцию, в результате которой пострадали тысячи людей, была разрушена их жизнь, нанесен ущерб их профессиональной деятельности, чести и доброму имени. Значительная доля вины лежит на Джозефе Маккарти, поэтому американцы всегда будут видеть в маккартизме мрачную страницу своей истории, выпадающую из национальной традиции американского либерализма.

Несмотря на отсутствие массового движения, общество постоянно сопротивлялось Маккарти, добившись, наконец, его осуждения. Борьба закончилась победой общества, всей политической системы страны, доказавшей свою действенность и верность принципам, заложенным при основании республики, прежде всего — приоритету прав и свобод личности. Но урок маккартизма американцы запомнили надолго, если не навсегда.

Библиография / References

Супоницкая И.М. Дело Розенбергов // Вопросы истории. 2016. № 8. С. 92–105.

Супоницкая И.М. Предатели и жертвы в эпоху маккартизма // Вопросы истории. 2017. № 5. С. 135–146.

Suponitskaya I.M. Delo Rozenbergov [The Case of the Rosenbergs] // Voprosy istorii [Questions of History]. 2016. № 8. P. 92–105. (In Russ.)

Suponitskaya I.M. Predateli i zhernty v epokhu makkartizma [The Traitors and Victims in the age of McCarthyism] // Voprosy istorii [Questions of History]. 2017. № 5. P. 135–146. (In Russ.)

Bayley E.R. Joe McCarthy and the Press. Madison. 1981.

Bogart H. I'm No Communist // Photoplay, May 1948. P. 53. URL: http://www.oldmagazine-articles.com/1948-Humphrey_Bogart_on_Hollywood_Blacklist_editorial-pdf (access date: 25.10.2020).

Bushnell M. Then Again: UVM's very own victim of McCarthyism // VTDigger, November 18, 2018. URL: <https://vtdigger.org/2018/11/18/uvm-victim-mccarthyism/> (access date: 24.10.2020).

Caute D. The Great Fear: The Anti-Communism Purge Under Truman and Eisenhower. New York, 1978.

Executive Sessions of the Senate Permanent Subcommittee on Investigations. U.S. Government Printing Office. Vol. 1. Washington, 2003.

Fried R.M. Men against McCarthy. New York, 1976.

Gorsky Report: Dec. 23, 1949 // History News Network. URL: <https://historynews-network.org/article/11581> (access date: 21.10.2020).

⁴⁵ Подробнее о нравах той поры см.: *Супоницкая И.М.* Предатели и жертвы в эпоху маккартизма // Вопросы истории. 2017. № 5. С. 135–146.

⁴⁶ Executive Sessions... Vol. 1. P. XII.

⁴⁷ Memoirs by Harry S. Truman. Vol. 2. Years of Trial and Hope, 1946–1952. London, 1956. P. 291.

Hellman L. I Cannot and Will Not Cut My Conscience to Fit This Year's Fashions. Letter to HUAC, May 19, 1952. URL: <http://historymatters.gmu.edu/d/6454> (access date: 24.10.2020).

Latham E. The Communist Controversy in Washington: From the New Deal to McCarthy. Cambridge (MA), 1966.

Memoirs by Harry S. Truman. Vol. 2. Years of Trial and Hope, 1946–1952. London, 1956.

Murrow E.R. A Report on Senator Joseph R. McCarthy // See It Now. CBS–TV. 1954. March 9, URL: <http://www.plosin.com/beatbegins/archive/Murrow540309.htm> (access date: 23.10.2020).

Oshinsky D.M. A Conspiracy So Immense: The World of Joe McCarthy. New York, 1983.

Radosh R., Milton J. The Rosenberg File: A Search for the Truth. New York, 1984.

Schlesinger A.M. Jr. A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House. Boston, 1965.

Schrecker E. Many are the Crimes: McCarthyism in America. Boston – New York, 1998.

Schrecker E.W. No Ivory Tower: McCarthyism and the Universities. New York, 1986.

Smith M.Ch. A Declaration of Conscience, June 1, 1950 // U.S. Congress. Senate. Congressional Record. 81st Congress, 2nd sess. Washington, 1951. P. 7894–7895.

Smith M.Ch. A Declaration of Conscience. June 1, 1950 // U.S. Senate. URL: https://www.senate.gov/artandhistory/history/common/generic/Speeches_Smith_Declaration.htm (access date: 23.10.2020).

The loyalty oath controversy, the University of California, 1949–1951. Summary of Loyalty Oath events. URL: https://www.lib.berkeley.edu/uchistory/archives_exhibits/loyaltyoath/timelinesummary.html (access date: 25.10.2020).

Thirty Years of Treason: Excerpts from Hearings before the House Committee on Un-American Activities, 1938–1968 / Ed. E. Bentley. New York, 1971.

U.S. Congress. Senate. Congressional Record. 81st Congress, 2nd sess. Washington, 1951.

Usdin S.T. The Rosenberg Ring Revealed: Industrial-Scale Conventional and Nuclear Espionage // Journal of Cold War Studies. 2009. Vol. 11. P. 91–143.

Wechsler J.A. To Be Called Before the McCarthy Committee // McCarthyism / Ed. Th.C. Reeves. New York, 1978.

DOI: 10.31857/S013038640011288-4

© 2021 г. Н.Н. КИМ

КАК В ЮЖНОЙ КОРЕЕ ВСПОМИНАЮТ ВОССТАНИЕ В КВАНДЖУ 18 мая 1980 года: ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ ВОКРУГ ПРАКТИК КОММЕМОРАЦИИ В XXI веке

Ким Наталья Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

Статья подготовлена в результате проведения исследования № 19-01-032 в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” в 2019–2021 гг.» и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

E-mail: nkim@hse.ru

Researcher ID: J-8327-2015

Аннотация. С 1997 г. в Южной Корее ежегодно проходят церемонии памяти жертв восстания в Кванджу, охватившего город 18–27 мая 1980 г. Начавшись с мирных демонстраций против введения чрезвычайного положения по всей стране военным режимом Чон Ду Хвана, противостояние с властями переросло в вооруженное столкновение гражданского населения с регулярной армией. Хотя восстание в Кванджу было подавлено правительством, оно оказало огромное влияние на дальнейшее развитие движения за демократизацию в Южной Корее, в результате которого в 1987 г. состоялся мирный переход от военно-авторитарного режима к демократическому. Поддержание памяти о народном восстании считается сегодня важной государственной задачей, неразрывно связанной с формированием в корейском обществе институтов гражданского общества. При этом до сих пор не существует однозначного отношения к восстанию разных политических сил. Споры консерваторов и либерально-прогрессивных групп вокруг организации церемониала памяти свидетельствуют о различном восприятии ими недавнего прошлого и раскрывают, как поддержание в должной форме памяти об этом прошлом может повлиять на формирование национальной идентичности. Если политическая карьера современных либерально-прогрессивных политиков началась с участия в движении за демократизацию в 1970–1980-е годы, то консерваторы больше связаны с теми партиями и политическими силами, которые стояли у власти в Южной Корее в период военного авторитаризма. Раскрытие правды о нарушениях гражданских прав и свобод предшествующих администраций расценивается консерваторами как удар по их репутации, который может привести к ослаблению их политических позиций.

Ключевые слова: восстание в Кванджу, Движение за демократизацию 18 Мая, Южная Корея, политика памяти, коммеморации, политический конфликт.

N.N. Kim

How South Koreans Remember the May 18 Gwangju Uprising: Political Collisions Around Commemorative Practices in the 21st Century

Natalia Kim, School of Asian Studies – National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

The article was prepared as a result of research № 19-01-032 in the framework of the program “Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics in 2019–2021” and as part of the state support of leading universities of the Russian Federation “5–100”.

E-mail: nkim@hse.ru

Researcher ID: J-8327-2015

Abstract. Since 1997, South Korea has annually held commemoration ceremonies for the victims of the Gwangju Uprising that unfolded in the capital of South Jeolla Province from May 18 to May 27, 1980. Beginning with peaceful demonstrations of Gwangju citizens against a state of emergency imposed across the country by the military regime of Chung Doo-hwan, the confrontation with the authorities turned into an armed clash with a regular army. Although the Gwangju Uprising was suppressed by the government, it had a huge impact on the further development of the democratization movement, which resulted in a peaceful transition from a military authoritarian regime to a democratic one in 1987. Maintaining the memory of the Gwangju Uprising is considered today a major state task, aimed at the formation of civil society institutions in South Korean society. However, different political groups have unambiguous views on May 18 Democratization Movement. The controversy between conservatives and liberal-progressive groups over the organization of the commemoration ceremonies of the Gwangju Uprising demonstrates different perceptions of the recent past, as well as how maintaining the memory of this past in proper form can influence the formation of national identity. If the political career of modern liberal-progressive politicians began with participation in the movement for democratization in the 1970s–1980s, then the conservatives are more connected with those parties and political forces that ruled in South Korea during the period of military authoritarianism. Revealing the truth about violations of civil rights and freedoms by the previous administrations is regarded by conservatives as a blow to their current reputation that can weaken their political position.

Keywords: May 18 Gwangju Uprising, May 18 Democratization Movement, commemoration, South Korea, political conflict, memory politics.

В современной политике толкование исторического прошлого очень часто становится предметом жестких разногласий различных политических сил внутри государства. Более того, интерпретация событий прошлого может быть предметом разногласий между государствами, непосредственно влияя на международные отношения в том или ином регионе. Для европейских стран, включая Россию, общим «местом памяти» является Вторая мировая война и одновременно – она же главный предмет исторических споров об истоках, причинах войны, о победе над Германией, о происхождении нацизма и пр. Для стран Дальнего Востока – Китая, Кореи и Японии – таковым является война на Тихом океане и поражение Японской империи. Хотя вопрос о том, когда и где началась Вторая мировая война в Азии, является дискуссионным, но так или иначе для Китая и Кореи принципиальное значение имела именно капитуляция

Японии, а не Германии в войне, ибо именно агрессией Японии, японским милитаризмом были обусловлены многочисленные жертвы и страдания китайского и корейского народов.

Главным пунктом разногласий между КНР, Южной Кореей, с одной стороны, и Японией — с другой, стал вопрос ответственности последней за злодеяния милитаристского прошлого — «Нанкинскую резню», принудительные трудовую и военную мобилизации, эксперименты над людьми (деятельность Отряда 731), сексуальное рабство («женщины для утешения») и пр. «Войны памяти» между сторонами разыгрались с некоторым запаздыванием во времени: проблема трактовки событий «Нанкинской резни» стала актуальной в 1970-е годы, после установления дипломатических отношений между КНР и Японией, вопрос о «женщинах для утешений» — с конца 1980-х годов, споры вокруг японских учебников по истории, превратно интерпретирующих политику Японии в Китае, Корею, — с 1990-х годов¹.

Причиной продолжающегося по сей день конфликта вокруг ответственности Японии за агрессивную политику в отношении Китая и Кореи во многом является непоследовательность позиции японского политического истеблишмента в данном вопросе. Левые и леволиберальные силы внутри Японии отстаивают необходимость признания ответственности правительства Японии за причиненный ущерб народам Азии, тогда как консерваторы выступают за более сдержанное представление милитаристского прошлого, поддерживая жертвенный образ Японии в войне². И хотя после заявления премьер-министра Т. Муроямы в 1995 г., публично признавшего агрессивный характер политики Японии в Азии, правительство официально продолжает придерживаться данной линии, периодические выпады консерваторов в сторону приукрашивания действий Японии в Китае, Корею вкупе с посещениями японскими политиками синтоистского храма Ясукуни, в котором канонизированы в том числе военные преступники класса А, провоцируют очередной виток напряженности в отношениях между странами³.

По замечанию В.Э. Молодякова, «в Японии историческая память народа не является фактором, который оказывает прямое воздействие на государственную политику или должен учитываться в предвыборной борьбе»⁴. При этом он признает, что полностью «сбрасывать со счетов» данный фактор тоже нельзя, учитывая международный резонанс проблемы ответственности Японии. В КНР в силу особенностей политического режима доминирует все-таки унифицированный подход к интерпретации исторического прошлого, тогда как в Южной Корее события эпохи японского колониализма и новейшей истории являются порой предметом жестких споров как внутри общества профессиональных историков, так и политиков.

В XXI в. Южная Корея приступила к широкомасштабному пересмотру событий прошлого, сделав историческую политику одним из главных направлений национальной политики. Демократизация Южной Кореи в конце XX в. обернулась отказом от политики «репрессивного забвения», практиковавшейся на протяжении длительного времени в период авторитарных режимов Пак Чон Хи, Чон Ду Хвана (1961–1987 гг.). А. Ассман писала, что репрессивное забвение «более эффективно посредством “структурного насилия”, под которым подразумеваются скрытые формы цензуры, временные ограничения доступа к общественным и культурным ресурсам»⁵.

¹ Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // Ежегодник Япония. М., 2014. С. 19–20.

² Молодяков В.Э. Историческая память японцев // Ежегодник Япония. М., 2008. С. 294–301.

³ Гринюк В.А. За что воевала Япония? // Россия и АТР. 2015. С. 36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/za-cto-voevala-yaponiya> (дата обращения: 09.08.2020).

⁴ Молодяков В.Э. Указ. соч. С. 299.

⁵ Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М., 2016. С. 30.

И для того чтобы «молчание было прервано», необходимо изменить «не только рамки памяти, но и властные отношения»⁶.

В докладе «правительства участия» Но Му Хёна (2003–2008 гг.), посвященном вопросам упорядочивания прошлого, было отмечено, что Южная Корея должна освободиться от груза прошлого, ибо неразрешенные проблемы колониального наследия в конечном счете привели к разделению нации, а впоследствии и к насаждению авторитарного режима. «Даже если поздно, мы должны критично осмыслить варварскую историю прошлого и извлечь из этого уроки. Государство обязано искать прощение у жертв и при необходимости обозначить ответственных. Это самый быстрый и правильный путь исправления ошибок прошлого»⁷. В итоге правительство спровоцировало масштабные споры вокруг прошлого, ибо, как бы ни были благородны его намерения, речь шла о политизации памяти, и оно не могло этого не понимать. В настоящей статье предметом исследования является память о восстании в Кванджу, в частности коммеморативные практики, на примере которых показано, как историческая память преломляется в политическом конфликте. На основе анализа коммеморации восстания в Кванджу за последние 20 лет, рассматриваемой в контексте ревизии новейшей истории Кореи, показано, что споры между консерваторами и прогрессистами вокруг церемониала дней памяти в действительности являются отражением их разного понимания целей исторической политики.

КАК ТРАКТОВАЛИ ВОССТАНИЕ В КВАНДЖУ В 1980-е годы?

Восстание в г. Кванджу, провинция Южная Чолла, является одним из трагических событий в новейшей истории Республики Корея (РК). С 18 по 27 мая 1980 г. город был охвачен массовыми протестами жителей против военного режима Чон Ду Хвана (1980–1987 гг.), переросшими в вооруженное сопротивление властям и жестоко подавленными силами регулярной южнокорейской армии⁸. Выступая под лозунгами защиты демократических прав и свобод, участники восстания позиционировали себя противниками военной диктатуры. Но ввиду того, что восстание было подавлено, а южнокорейское население в целом дезинформировано относительно его подлинных причин, на протяжении последующих семи лет президентства Чон Ду Хвана правительство пыталось сформировать негативный облик восставших: считалось, что это были бандиты, чьи действия спровоцировали прокравшиеся в Южную Корею северокорейские шпионы-коммунисты. Об истинном положении дел в Кванджу в мае 1980 г. говорили только участники демократического движения, находящиеся под надзором полиции. В 1985 г. под авторством популярного корейского писателя Хван Сок Ёна была издана первая работа мемуарного жанра о событиях в Кванджу «Преодолев смерть, преодолев мрак эпохи: дневник народного восстания в Кванджу». Книга произвела шокирующее впечатление на читателей, так как была основана на реальных историях очевидцев майских событий. Вскоре после выхода

⁶ Там же.

⁷ Пхольгвачжок квэгоса-ый чонни. Хвахэ-ва сансэн-ый мирэ-рыль хянхэ (Всеобъемлющее упорядочение истории прошлого. На пути к примирению и гармоничному будущему). Чамъё чонбу чончхэк погосо. Чончхэк кихве вивонхве (Политический отчет правительства участия. Комитет планирования реформ). Сеул, 2008. С. 4. (На кор. яз.)

⁸ Непосредственно после восстания Управление по чрезвычайной ситуации предоставило следующие данные о погибших на 31 мая 1980 г.: гражданские – 144 человека, военные – 22, полицейские – 4, всего – 170 (в июле число выросло до 189, прибавились 18 гражданских и 1 военный). В отчете министра обороны Юн Сон Мина в июне 1985 г. цифры о погибших выросли до 194 человек. URL: <https://archives.kdemo.or.kr/photo-archives/view/00755845>. По данным на декабрь 2001 г. количество погибших составило – 218 человек, пропавших без вести – 363, пострадавших – 5088. URL: <http://www.polinews.co.kr/news/article.html?no=462928> (дата обращения: 10.08.2020).

книги весь ее тираж был изъят, а люди, причастные к ее публикации, в том числе Хван Сок Ён, арестованы.

1987 г. изменил течение политической истории Южной Кореи. В результате Демократического движения 10 июня, объединившего разные слои корейского общества в борьбе за изменение Конституции и переход к прямым президентским выборам, в стране началась политическая либерализация, а вместе с ней стало меняться отношение к событиям в Кванджу. Если ранее только гражданские организации, боровшиеся за демократизацию Южной Кореи, пытались донести до общественности правду о восстании, то теперь и на уровне правительства признали необходимость «обновить память» о тех событиях, ибо в новых политических условиях они становились неотъемлемой частью истории борьбы за демократизацию, без которой невозможен был бы «демократический транзит» 1987 г.

Обновление коллективной памяти требует времени и усилий со стороны как правительства, располагающего необходимыми инструментами формирования коллективных образов прошлого, так и гражданского общества, готового принять и усвоить новую информацию о прошлом. В силу того, что на протяжении длительного времени на политическом поле Южной Кореи доминировали консерваторы, процесс замещения старых образов новыми до сих пор сопровождается коллизиями между различными общественно-политическими группами. И даже в XXI в., спустя десятилетия после восстания в Кванджу, отношение к тем событиям со стороны консерваторов остается неоднозначным, что нашло отражение в организации церемонии дней памяти.

ОТ МЯТЕЖНИКОВ ДО БОРЦОВ ЗА ДЕМОКРАТИЮ: ОБНОВЛЕНИЕ ПАМЯТИ О ВОССТАНИИ В КВАНДЖУ

В настоящее время события, охватившие Кванджу 18–27 мая 1980 г., официально именуют «Движением за демократизацию 18 Мая». Но часто употребляют и «народное восстание 18 Мая», «восстание в Кванджу 18 Мая». Когда же восстание разразилось, корейское правительство чаще всего использовало термины «вооруженный мятеж», «бунт». Премьер-министр Пак Чхун Хун называл участников восстания мятежниками, непорядочными людьми и советовал гражданам не выходить на улицу⁹. Первое время восстание в Кванджу официально именовалось «события в Кванджу», что не раскрывало сути разразившегося там конфликта. Вместе с тем жители Кванджу называли те события «правое дело» и «народное восстание». Эти определения подхватили участники демократического движения в Южной Корее. Постепенно сам город становился символом протеста для тех, кто так или иначе был причастен к борьбе с военно-авторитарным режимом Чон Ду Хвана. Участники движения за демократизацию со всех концов страны стали приезжать в Кванджу, чтобы посетить могилы погибших на кладбище в районе Манвольдон (отсюда происходит название кладбища — Манволь).

После восстания в Кванджу жители города стали создавать общества памяти: Общество родственников погибших за правое дело в Кванджу 18 Мая, Общество раненых за правое дело в Кванджу 18 Мая, объединявших родственников погибших и раненых в ходе подавления восстания. Именно эти общества совместно с гражданскими объединениями за демократизацию стали ежегодно нелегально проводить церемонии памяти в честь тех, кто погиб в Кванджу. Благодаря их деятельности в южнокорейском обществе стал формироваться новый образ восстания в Кванджу как «народного восстания». 19 мая 1984 г. восемь протестных организаций опубликовали декларацию «Марш против насилия и за мир», в которой чрезвычайная

⁹ Чхве Ён Тхэ. 5.18 ханжэнь-ый мёнчхин мунчже (Как называть восстание 18 Мая) // Минчжучжуй-ва ингвон (Демократия и гражданские права). Сеул, 2015. № 12. С. 116. (На кор. яз.)

ситуация в Кванджу называлась «народным восстанием 18 Мая». На следующий год, в июне 1985 г., общества памяти, а также другие организации, входившие в Совещание общественных движений провинции Южная, обратились публично к президенту Чон Ду Хвану и министру обороны Юн Сон Мину с вопросом, почему они до сих пор именуют гражданские протесты мая 1980 г. «событием в Кванджу». По мнению членов Совещания, такое определение восстания скрывает факт резни и используется правительством намеренно, чтобы никто никогда не узнал об отважности, искренности и настойчивости участников «правого дела» в Кванджу¹⁰.

Изменение Конституции и президентские выборы 1987 г. внесли существенные изменения в политику памяти южнокорейского правительства. Впервые с 1972 г. в результате всеобщего прямого голосования гражданами Южной Кореи был избран президент. И хотя им стал в очередной раз представитель военной элиты — Ро Дэ У, но в силу массовых протестов, охвативших страну в июне–августе 1987 г., политическая ситуация кардинально поменялась. Ро Дэ У как президент Республики Корея более не мог просто игнорировать требования демократической оппозиции. Еще до выборов 1987 г. в ходе движения за демократизацию звучали призывы «разобраться с прошлым», выяснить и обнародовать объективные факты о событиях в Кванджу в мае 1980 г. Но это стало возможным только после 1987 г., когда началась постепенная либерализация политического режима. Лидеры демократической оппозиции в парламенте — Ким Дэ Чжун (Партия мира и демократии), Ким Ён Сам (Демократическая партия за воссоединение) и Ким Чжон Пхиль (Новая демократическая республиканская партия) предложили создать специальный комитет для расследования обстоятельств восстания в Кванджу. В итоге в июне 1988 г. был создан Специальный комитет по выяснению истины о «Движении за демократизацию в Кванджу 18 Мая». Деятельность комитета принесла свои плоды — уже в ноябре 1988 г. президент Ро Дэ У (1988–1993 гг.) выступил с заявлением, назвав события в Кванджу «движением за демократизацию». Таким образом, впервые с 1980 г. власти официально признали, что это не был мятеж, инспирированный коммунистами. Более того, Ро Дэ У пообещал, что будут восстановлены честь и достоинство участников восстания, а выжившим участникам, раненым, родственникам погибших будет выплачена компенсация. Два года спустя в РК был принят закон, по которому вышеуказанные категории граждан, жители Кванджу, могли получить денежную компенсацию. Главное же — было кардинально пересмотрено отношение к мятежникам, восстановлены их честь и достоинство как павших в борьбе за демократию.

Параллельно с движением за пересмотр названия событий в Кванджу и за объективное разбирательство обстоятельств восстания в Южной Корее все сильнее звучали призывы наказать виновных в массовой резне в Кванджу, учредить День памяти и перезахоронить погибших на новом национальном кладбище. Под давлением широкой общественности начался длительный судебный процесс над двумя бывшими президентами Чон Ду Хваном и Ро Дэ У, приговоренными в августе 1996 г. соответственно к высшей мере наказания (смертной казни) и тюремному заключению сроком на 22 года и 6 месяцев (впоследствии помилованы)¹¹. В 1994 г. началось строительство нового кладбища, завершившееся в 1997 г. открытием мемориального комплекса —

¹⁰ Там же. С. 121.

¹¹ Чон Ду Хван был главой Штаба по чрезвычайной ситуации, который осуществлял общее руководство страной, в том числе принимал решения о подавлении восстания в Кванджу. Ро Дэ У являлся членом данного штаба и одновременно с этим командующим столичным военным округом в мае 1980 г. В декабре 1996 г. мера наказания Чон Ду Хвану и Ро Дэ У была смягчена на пожизненное заключение и тюремный срок 17 лет соответственно. В декабре 1997 г. президент Ким Ён Сам помиловал обоих, и они были освобождены: Open Archives. Korean Democracy Foundation. URL: <https://archives.kdemo.or.kr/contents/view/116> (дата обращения: 11.08.2020).

Национального кладбища 18 Мая, на территории которого расположены могилы погибших участников восстания, мемориальный холл, скульптурные композиции, памятник и другие объекты¹². В мае 1997 г. правительство РК учредило День памяти движения за демократизацию 18 Мая, празднуемый с тех пор ежегодно 18 мая. В этот день в Кванджу, Сеуле и ряде других крупнейших городов Южной Кореи проходят церемонии памяти, цель которых сохранить и увековечить память о всех погибших в борьбе с военно-авторитарным режимом.

Правительство Ким Дэ Чжуна (1998–2003 гг.) и все последующие в официальном названии Дня памяти движения за демократизацию 18 Мая не упоминают топоним «Кванджу». По мнению южнокорейского исследователя Чхве Ён Тхэ, это серьезное упущение правительства, так как восстание началось именно в Кванджу и не распространилось на другие районы Кореи. Более того, все его участники были жителями именно Кванджу. Он считает, что самое правильное называть события в Кванджу «восстанием в Кванджу 18 Мая»¹³. Но для многих участников движения за демократизацию восстание в Кванджу стало символом борьбы. Применение огнестрельного оружия по отношению к мирным демонстрантам, а впоследствии и подавление восставших силами регулярной армии вызвали бурю негодования у участников демократического движения, проживавших в других городах Кореи.

Как вспоминал президент Мун Чжэ Ин в интервью южнокорейскому телеканалу MBC по случаю 40-летия восстания в Кванджу, он и его товарищи, вовлеченные в студенческое движение в Сеуле («Сеульская весна», май 1980 г.), узнав о том, что жителям Кванджу пришлось в одиночку противостоять регулярной армии, стали ощущать себя должниками перед восставшими: «Не только я, но и другие люди, участвующие в демократическом движении, испытывали чувство долга перед жителями Кванджу. Я думаю, что впоследствии это чувство долга охватило все демократическое движение и содействовало его дальнейшему развитию. После 1980 г. жители Кванджу, включая души погибших в восстании, стали символом движения за демократизацию Республики Корея»¹⁴. Таким образом, события в Кванджу, хотя и имели локальный характер, способствовали усилению движения за демократизацию во всей стране. Между тем в академических кругах в настоящее время широко используют термины «народное восстание в Кванджу», «движение за демократизацию в Кванджу», чем подчеркивается значение города Кванджу в событиях 40-летней давности¹⁵.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ ВОКРУГ ДНЯ ПАМЯТИ ВОССТАНИЯ В КВАНДЖУ

После победы Ким Ён Сама (1993–1998 гг.), лидера демократической оппозиции на президентских выборах 1992 г., проводимая корейским правительством политика

¹² Могилы со старого кладбища Манволь были перенесены на новое кладбище. Захоронений на новом кладбище больше, поскольку здесь упокоились и те участники восстания, что скончались после 1980 г. В настоящее время кладбище насчитывает 861 захоронение. Большая часть захоронений расположена за главным памятником мемориального комплекса – Башней народного восстания 18 Мая. URL: <https://518.mpva.go.kr/> (дата обращения: 11.08.2020).

¹³ Чхве Ён Тхэ. Указ. соч. С. 144.

¹⁴ Мун тэтхоннён «Ли Мён Бак, Пак Кын Хе чонбу, 5.18 кинёмсик пхёмха-э пунно» (Президент Мун выразил негодование по поводу того, что правительства Ли Мён Бака и Пак Кын Хе игнорировали церемонию памяти 18 Мая) // Aju Business Daily, 17.V.2020. URL: <https://www.ajunews.com/view/20200517110130732> (дата обращения: 11.08.2020). (На кор. яз.)

¹⁵ В «Новейшей истории Кореи», изданной Обществом исследований истории Кореи и широко используемой в качестве учебного пособия в южнокорейских вузах, события мая 1980 г. именуются «народным восстанием в Кванджу 18 Мая»: Хангук хёндэса (Новейшая история Кореи). Под ред. Хон Сок Рюля, Пак Тхэпюна, Чон Чханхёна. Т. 2. Сеул, 2019. С. 212. (На кор. яз.)

памяти в отношении восстания в Кванджу кардинально изменилась. Если в 1990 г. был принят «Закон о компенсации жертвам восстания в Кванджу», направленный на реабилитацию чести и достоинства участников событий, то администрация Ким Ён Сама пошла дальше, стремясь установить истину о событиях в Кванджу в мае 1980 г. В декабре 1995 г. был принят «Специальный закон о Движении за демократизацию 18 Мая», а также «Специальный закон о сроках исковой давности по преступлениям, связанным с нарушением конституционного порядка». Благодаря этим законам стало возможно начать судебный процесс против бывших президентов Чон Ду Хвана и Ро Дэ У, обвиняемых в государственном перевороте 12 декабря 1979 г. и массовой резне в Кванджу в мае 1980 г. Завершив строительство мемориального комплекса Национального кладбища 18 Мая и учредив День памяти движения за демократизацию 18 Мая, администрация Ким Ён Сама создала все условия для того, чтобы церемония памяти о восстании в Кванджу проходила ежегодно и имела статус официального мероприятия.

С 1997 г. ежегодно в Кванджу на территории Национального кладбища 18 Мая и в Сеуле на площади напротив здания мэрии проходят церемонии памяти с участием высших должностных лиц. Ким Дэ Чжун (1998–2003 гг.) был первым корейским президентом, который лично посетил церемонию памяти в Кванджу в 1998 г. Активное участие в организации церемонии памяти принимают различные общественные организации, объединяющие потомков и родственников погибших и раненых в восстании. В последние годы среднее количество посетителей Дня памяти в Кванджу составляет около 2 тыс. человек. В 2020 г. впервые за 40 лет церемония памяти состоялась на площади перед зданием администрации провинции Южная Чолла в Кванджу, т.е. на том месте, где прошли последние бои между правительством и гражданским ополчением в ночь на 27 мая 1980 г. Таким образом в Кванджу в настоящее время три основных места для проведения церемоний памяти: площадь перед зданием администрации провинции, Национальное кладбище 18 Мая и старое кладбище Манволь.

На церемонии памяти исполняется «Марш во имя любимых», написанный композитором Ким Чжон Рюлем на слова Хан Сок Ёна в память о двух молодых людях — участниках демократического движения: Пак Ки Сун (погибла в 1978 г.) и Юн Сан Воне (погиб в ходе восстания в Кванджу 27 мая 1980 г.). Хотя они не были знакомы при жизни, по существующей в Корее традиции друзья и родственники Юн Сан Вона провели посмертный обряд «свадьбы душ», похоронив их в одной могиле. В Корее издавна считалось «плохим знаком» умереть неженатым (незамужней). Песня была написана в 1982 г. В феврале того же года впервые была исполнена на кладбище Манволь, где похоронены Пак Ки Сун и Юн Сан Вон, и довольно быстро превратилась в народный гимн, исполняемый на всех церемониях памяти восстания в Кванджу. С 1997 г. «Марш во имя любимых» пели хором все участники официальной церемонии. Но с приходом к власти в Южной Корее консервативных правительств Ли Мён Бака (2008–2013 гг.) и Пак Кын Хе (2013–2017 гг.) ситуация изменилась: только хор исполнял марш, а участники церемонии по желанию подпевали. Строки песни содержат призыв на борьбу с несправедливым режимом:

И пусть пройдут годы,

Но земля будет помнить наш горячий воинственный клич, который мы выкрикиваем, очнувшись ото сна.

Я иду вперед, те, кто выжил,— за мной!

Я иду вперед, те, кто жив,— следуй за мной!¹⁶

¹⁶ URL: <http://www.518.org/sub.php?PID-0106> (дата обращения: 12.08.2020).

Если президенты Ким Ён Сам, Ким Дэ Чжун являлись участниками движения за демократизацию, лидерами политической оппозиции в период военно-авторитарных режимов Пак Чон Хи, Чон Ду Хвана, то Ли Мён Бак и Пак Кын Хе (старшая дочь Пак Чон Хи) имели совершенно иной политический опыт и не солидаризировались с теми, кто в свое время пострадал в борьбе за демократические идеалы.

В 2010 г. на церемонии памяти по случаю 30-летия восстания в Кванджу произошел скандал вокруг «Марша во имя любимых». Организатор официальной церемонии памяти, министерство по делам ветеранов и патриотов, предложило вместо марша исполнить другие песни — народную песню провинции Кёнги «Панатхарён» и «Кымгансан». Эта инициатива вызвала негодование у лидеров общественных организаций, объединивших родственников погибших и раненых в восстании в Кванджу. Они отказались участвовать в официальной церемонии и предпочли собраться отдельно на старом кладбище Манволь¹⁷. Вместе с тем часть недовольных данным решением граждан пыталась прорвать кордон полиции, чтобы попасть на церемонию, выкрикивала антиправительственные лозунги и пела «Марш во имя любимых».

Исполнение данной песни считается своего рода традицией, поскольку с начала 1980-х годов ее пели на всех церемониях памяти, проводимых фактически нелегально в годы президентства Чон Ду Хвана. В ней отражается дух демократического движения и противостояния военно-авторитарному режиму, поэтому в демократических кругах полагают, что никоим образом нельзя исключать ее исполнение из программы церемонии, а если и исполнять, то всем вместе, выражая тем самым солидарность со всеми несправедливо павшими и пострадавшими. Но на протяжении почти всего периода действия администраций Ли Мён Бака и Пак Кын Хе «Марш во имя любимых» пел только хор. Каким образом исполнять марш, в конечном счете стало предметом постоянного конфликта между участниками движения за демократизацию (прогрессистами) и консерваторами из партии власти (Ханнарадан, Сэнуридан). В 2015 г. на 35-й юбилейной церемонии памяти часть родственников участников восстания и оппозиционные политики из Демократической партии собрались на площади Демократии 18 Мая в Кванджу, тогда как официальная церемония прошла на Национальном кладбище. Консерваторы аргументировали нежелание исполнять всем вместе «Марш во имя любимых» тем, что он использовался в 1991 г. в съемках северокорейского фильма о восстании в Кванджу, что породило спор: кого понимать под «любимым», упоминаемым в тексте, и что значит «новый день»¹⁸.

Все сторонники демократических объединений были возмущены неучастием президентов страны — Ли Мён Бака и Пак Кын Хе — в церемонии памяти. Ли Мён Бак и Пак Кын Хе лишь однажды в первый год их избрания президентами участвовали в церемонии памяти. В последующие годы вместо них приезжали премьер-министры или вице-премьеры. При этом ни один из них ни разу не приезжал на церемонию памяти в Кванджу в частном порядке до их избрания президентами. В 2017 г. после импичмента Пак Кын Хе к власти в РК пришло либерально-прогрессивное правительство Мун Чжэ Ина, которое изменило порядок организации церемонии памяти: «Марш во имя любимых» пели хором все участники, а президент стал посещать церемонии памяти в Кванджу, хотя и не ежегодно.

¹⁷ 5.18 танчхе тэпхё 3 мён кинёмсик бойкхот (Три представителя организаций 18 Мая бойкотировали церемонию памяти) // Ёнхап ньюсы, 17.V.2010. URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20100517-207500054?site-mapping_related (дата обращения: 12.08.2020). (На кор. яз.)

¹⁸ [Чжэ 35 чжунён 5.18 минчжухва ундон кинёмсик] Коккуро канын «кальдын-ква пунёль кыкпок» (Церемония 35-летия Движения за демократизацию 18 Мая оборачивается конфликтом и расколом). URL: www.gistnews.co.kr/?p=268 (дата обращения: 13.08.2020). (На кор. яз.)

В 2017 г. не прошло и десяти дней с избрания Мун Чжэ Ина президентом РК, а он лично посетил церемонию памяти в Кванджу, отдав дань уважения погибшим в восстании. В 2020 г. в интервью компании МВС президент Мун Чжэ Ин открыто осудил решение администраций консерваторов, чтобы марш исполнял лишь хор, а не все участники церемонии, и игнорирование президентами самой церемонии, в то время как родственники погибших собирались отдельно в знак несогласия с процедурой организации данного мероприятия. По мнению президента, это создавало очень неловкую ситуацию для большинства участников церемонии памяти. В 2015 и 2016 гг. Мун Чжэ Ин присутствовал на Дне памяти в Кванджу как лидер Демократической партии, депутат парламента. И в знак протеста решению Управления по делам ветеранов и патриотов он и другие представители оппозиционной партии встали и спели марш¹⁹.

Весной 2018 г. правительство Мун Чжэ Ина инициировало конституционную реформу. В частности одно из предложений касалось изменений преамбулы Конституции РК 1987 г.²⁰ С тех пор, как была принята Конституция, ознаменовавшая начало VI Республики, в нее не было внесено ни одной правки. Правительство полагало, что будет целесообразным упомянуть в преамбуле Конституции не только Первоапрельское восстание 1919 г. и Апрельскую революцию 1960 г., но и Движение за демократизацию 18 Мая (восстание в Кванджу) и Июньскую борьбу 1987 г., без которых невозможно было бы представить современное южнокорейское общество. В текущей редакции преамбула начинается со слов: «Мы, народ Кореи, гордящийся своей великолепной историей и традициями, берущими свое начало с незапамятных времен, поддерживая благие начинания Временного правительства Республики Корея, основанного в результате движения независимости 1 Марта 1919 г., и демократические идеалы восстания против несправедливости, которое произошло 19 апреля 1960 г., возлагаем на себя миссию демократических реформ и мирного объединения родного государства»²¹.

По мнению Мун Чжэ Ина, преамбула Конституции повествует о демократических идеалах, унаследованных от Революции 19 Апреля 1960 г., но в действительности после нее еще почти 30 лет действовал военно-авторитарный режим. И если смотреть хронологически на развитие демократического движения, то после Апрельской революции 1960 г. наиболее значимыми были протесты в Масане—Пусане в октябре 1979 г., восстание в Кванджу в мае 1980 г., Июньская борьба 1987 г. и совсем недавние события — Революция свечей (2016—2017 гг.)²².

Представленный на рассмотрение Национального собрания РК проект конституционной реформы вызвал ожесточенные споры и в конечном счете был отклонен. В части изменения преамбулы Конституции наибольшее недовольство консерваторов вызвало предложение включить упоминание Революции свечей — термин, введенный в общественный дискурс либерально-прогрессивной прессой и не используемый в консервативных кругах.

РЕВИЗИЯ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Споры вокруг того, как именовать события исторического прошлого, в особенности новейшей истории (с 1945 г. по настоящее время), а также как их интерпретировать,

¹⁹ URL: <https://www.ajunews.com/view/20200517110130732> (дата обращения: 11.08.2020).

²⁰ Мун Чжэ Ин кэхонан пари: 6 качжи чэнчжом чонни (Предложения Мун Чжэ Ина по конституционной реформе: 6 ключевых пунктов). URL: <https://www.bbc.com/korean/news-43455050> (дата обращения: 12.08.2020). (На кор. яз.)

²¹ Конституция Республики Корея. URL: <https://vseokoree.com/vse-o-koree/zakony-i-normativnye-pravovye-akty/konstituciya-respubliki-ko> (дата обращения: 12.08.2020).

²² URL: <https://www.ajunews.com/view/20200517110130732> (дата обращения: 11.08.2020).

были порождены в Южной Корее прежде всего представителями леволиберальной общественности (исторических школ). Именно они инициировали ревизию новейшей истории Кореи после «демократического транзита» 1987 г. Они полагали, что необходимо правдиво изображать факты насилия собственного правительства по отношению к гражданскому обществу, сокрытие же таковых приводит к искаженному восприятию прошлого у целых поколений, подвергает стигматизации целые социальные группы, представители которых так или иначе были причастны к борьбе с государственным насилием.

До 1987 г. корейское правительство несколько раз формировало «исторические комиссии», которые занимались расследованием случаев антинациональной, прояпонской деятельности среди корейцев в колониальный период (1910–1945 гг.), преступлений против гражданских лиц, совершенных правительством Ли Сын Мана (1948–1960 гг.), южнокорейскими военными в годы Корейской войны (1960 г.). Так, в 1948 г. был создан Специальный комитет по расследованию антинациональной деятельности, а в 1960 г. после Апрельской революции начался судебный процесс над теми, кто не только был причастен к фальсификации результатов выборов президента и вице-президента, но и замешан в преступлениях против гражданского населения во время Корейской войны. Для функционирования данных комиссий создавалась правовая база, позволявшая проводить независимое судебное разбирательство и наказывать виновных, вплоть до смертного приговора и пожизненного заключения. Но эти комиссии просуществовали недолго и в целом никак не повлияли на политику памяти в РК.

Военно-авторитарные режимы Пак Чон Хи и Чон Ду Хвана формировали унифицированный взгляд на корейскую историю: историческое образование находилось под жестким контролем государства, события недавнего прошлого в школьных учебниках освещались очень коротко и единообразно. Забвение памяти о случаях государственного насилия было нормой исторической политики в 1948–1987 гг.

После изменения Конституции и проведения прямых президентских выборов в 1987 г. консервативное правительство Ро Дэ У предприняло первые попытки раскрыть правду о трагических событиях новейшей истории, но произошло это лишь под давлением политической оппозиции в национальном парламенте, настойчиво требующей выяснить обстоятельства событий мая 1980 г. При Ро Дэ У впервые был принят закон, который восстанавливал честь и достоинство участников восстания в Кванджу. В либерально-прогрессивных политических кругах и историческом обществе это считалось большим достижением, поскольку создало прецедент пересмотра оценок исторического прошлого. Более последовательно историческую ревизию стали проводить либерально-прогрессивные правительства Ким Ён Сама, Ким Дэ Чжуна и Но Му Хёна (2003–2008 гг.). Благодаря тому, что представители Демократической партии три раза подряд выигрывали на президентских выборах в РК, они смогли сформировать обширную законодательную базу для действия различных исторических комиссий по установлению истины о событиях прошлого.

Активным сторонником пересмотра оценок исторических событий и обновления памяти о прошлом был президент Но Му Хён. Он считал крайне важным для дальнейшего развития институтов гражданского общества в Южной Корее выявить обстоятельства нарушений прав человека, совершенных правительствами в период военно-авторитарного режима, восстановить честь погибших и пострадавших, достичь примирения между теми, кто выступал против правительства, и теми, кто защищал его интересы. Цель исторической ревизии была политически мотивирована. Публикация правдивых сведений о преступлениях авторитарных правительств в отношении мирного гражданского населения могла ослабить политические позиции

консерваторов в Южной Корее²³. Не случайно всякая инициатива прогрессистов сформировать комиссию по выяснению случаев коллаборационистской деятельности или нарушений прав человека в РК после 1948 г. вызывала сопротивление со стороны консерваторов в парламенте в начале 2000-х годов.

В марте 2003 г. был принят закон, направленный на установление истины о коллаборационистской, антинациональной деятельности корейцев в годы колонии, а в мае 2005 г. учрежден соответствующий правительственный комитет. Как только закон был принят, демократическая оппозиция развернула движение за его редакцию с тем, чтобы расширить сферу его правоприменения, против чего выступали консерваторы. По итогам деятельности данного комитета был издан отчет о случаях сотрудничества корейцев с японцами, а в 2009 г. опубликован «Именной словарь корейских коллаборационистов» (705 человек), ставший предметом ожесточенных дискуссий в обществе. В 2005 г. была учреждена Комиссия по установлению истины и примирению, занимавшаяся расследованиями различных инцидентов в корейской истории с 1910 по 1993 г., в том числе государственного насилия, фабрикации дел южнокорейским правительством. Комиссия функционировала в течение пяти лет и опубликовала итоговый отчет в 2010 г. С 2011 г. в РК действует правительственный Комитет по вопросам исторического прошлого, занимающийся в последние годы выяснением главным образом случаев принудительной мобилизации корейцев на различные работы в 1931–1945 гг. как внутри, так и за пределами Японской империи (составление поименного списка пострадавших, восстановление их чести и достоинства, выплата материальной компенсации).

Действующий президент Мун Чжэ Ин как политический преемник Но Му Хёна в целом придерживается идентичной позиции по вопросу ревизии оценок корейской истории. Выступая на церемонии памяти по случаю 40-й годовщины восстания в Кванджу 18 мая 2020 г., он сказал, что корейское правительство приложит все усилия для выяснения истинной картины восстания — подавления выступления гражданского населения вооруженными силами, атаки восставших с вертолетов и сокрытия информации об этом: «Правда о государственном насилии должна быть обязательно раскрыта». По словам Мун Чжэ Ина, цель установления истинного прошлого заключается не в наказании виновных, а в том, чтобы правильно записать историю своей страны, встав на путь прощения и примирения²⁴. Но достижение примирения в корейском обществе представляется чрезвычайно сложной задачей. Политические коллизии, которые возникают вокруг сохранения памяти о восстании в Кванджу, свидетельствуют о расколе общества в «войне памяти».

Библиография

Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М., 2016.

Гринюк В.А. За что воевала Япония? // Россия и АТР. 2015. С. 34–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/za-cto-voevala-yaponiya> (дата обращения: 09.08.2020).

Конституция Республики Корея. URL: <https://vseokoree.com/vse-o-koree/zakony-i-normativnye-pravovye-akty/konstituciya-respubliki-ko> (дата обращения: 12.08.2020).

Молодяков В.Э. Историческая память японцев // Ежегодник Японии. М., 2008. С. 294–301.

Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // Ежегодник Японии. М., 2014. С. 19–20.

²³ Ли Ган Юна, Ли Чжи Хо. Тэтхоннён Но Му Хён ве силыпхэхээннынга? (Почему проиграл президент Но Му Хён?). Сеул, 2015. С. 60–61. (На кор. яз.)

²⁴ 5.18 чхвеху-ый ханчжончи-э сон Мун тэтхоннён «таси оволь-ый чоннамдочхон кванчжон-ыль киокхэя» (Президент Мун заявил, что мы должны вновь вспомнить площадь 18 Мая перед зданием Администрации провинции Южная Чолла). URL: http://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A002642000 (дата обращения: 13.08.2020). (На кор. яз.)

[Чжэ 35 чжунён 5.18 минчжухва ундон кинёмсик] Коккуро канын «кальдын-ква пунёль кыкпок» (Церемония 35-летия Движения за демократизацию 18 Мая оборачивается конфликтом и расколом). URL: www.gistnews.co.kr/?p=268 (дата обращения: 13.08.2020). (На кор. яз.)

5.18 танчхе тэпхэ 3 мён кинёмсик боикхот (Три представителя организаций 18 Мая бойкотировали церемонию памяти). URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20100517207500054?site-mapping_related (дата обращения: 12.08.2020). (На кор. яз.)

5.18 чхвеху-ый ханчжончи-э сон Мун тэтхоннён «таси оволь-ый чоннамдочхон кванчжон-ыль кюкхэя» (Президент Мун заявил, что мы должны вновь вспомнить площадь 18 Мая перед зданием Администрации провинции Южная Чолла). URL: http://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A002642000 (дата обращения: 13.08.2020). (На кор. яз.)

Ли Ган Юна, Ли Чжи Хо. Тэтхоннён Но Му Хён ве сильпхэхэныннга? (Почему проиграл президент Но Му Хён?). Сеул, 2015. (На кор. яз.)

Мун тэтхоннён «Ли Мён Бак, Пак Кын Хе чонбу, 5.18 кинёмсик пхёмха-э пунно» (Президент Мун выразил негодование по поводу того, что правительства Ли Мён Бака и Пак Кын Хе игнорировали церемонию памяти 18 Мая). URL: <https://www.ajunews.com/view/20200517110130732> (дата обращения: 11.08.2020). (На кор. яз.)

Мун Чжэ Ин кэхонан пари: 6 качжи чэнчжом чонни (Предложения Мун Чжэ Ина по конституционной реформе: 6 ключевых пунктов). URL: <https://www.bbc.com/korean/news-43455050> (дата обращения: 12.08.2020). (На кор. яз.)

Ним-ыль вихан хэнчжингок (Марш во имя любимых). URL: <http://www.518.org/sub.php?PID=0106> (дата обращения: 12.08.2020). (На кор. яз.)

Пхольгвачжок квагоса-ый чонни. Хвахэ-ва сансэн-ый мирэ-рыль хянгэ (Всеобъемлющее упорядочение истории прошлого. На пути к примирению и гармоничному будущему). Чамьё чонбу чончхэк погосо. Чончхэк кихвевивонхве (Политический отчет правительства участия. Комитет планирования реформ). Сеул, 2008. (На кор. яз.)

Хангук хёндэса (Новейшая история Кореи) / Под ред. Хон Сок Рюля, Пак Тхэ Гюна, Чон Чхан Хёна. Т. 2. Сеул, 2019. (На кор. яз.)

Чхве Ён Тхэ. 5.18 ханчжэн-ый мёнчхин мунчже (Как называть восстание 18 Мая) // Минчжужуый-ва ингвон (Демократия и гражданские права). 2015. № 12. С. 116–121. (На кор. яз.)

References

Assman A. Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei [Oblivion of history-obsession with history]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Grynyuk V.A. Za chto voevala Iaponiia? [What did Japan fight for?] // Rossiia i ATR [Russia and the Asia-Pacific region]. 2015. P. 34–40. (In Russ.)

Konstituciya respubliki koreya [Constitution of the Republic of Korea]. URL: <https://vseokoree.com/vse-o-koree/zakony-i-normativnye-pravovye-akty/konstituciya-respubliki-ko> (access date: 12.08.2020). (In Russ.)

Molodyakov V.E. Istoricheskaja pamiat' iapontsev [Historical memory of the Japanese] // Ezhegodnik Iaponiia [Yearbook Japan]. Moskva, 2008. P. 294–301. (In Russ.)

Streltsov D.V. Problemy istoricheskogo proshlogo v poslevoennykh otnosheniiakh Iaponii so stranami Vostochnoi Azii [Problems of the historical past in post-war relations of Japan with the countries of East Asia] // Ezhegodnik Iaponiia [Yearbook Japan]. Moskva, 2014. S. 19–20. (In Russ.)

[The 35th Anniversary 5.18 Democratization Movement Commemoration Ceremony] Turns into “Overcoming Conflict and Division”. URL: www.gistnews.co.kr/?p=268 (access date: 13.08.2020). (In Korean)

Choi Young-Tae. On the Name of 5.18 Uprising. Revolve around Gwangju and Minjung // Journal of Democracy and Human Rights. Seoul. 2015. № 12. (In Korean)

Comprehensive ordering of the history of the past. Towards reconciliation and a harmonious future. Political report of the participation government. Reform planning Committee. Seoul, 2008. (In Korean)

Lee Gup-yun, Lee Ji-heo. Why Did Roh Moo-hyun President Fail? Seoul, 2015. (In Korean)

March for the Beloved. URL: <http://www.518.org/sub.php?PID=0106> (access date: 12.08.2020). (In Korean)

Moon Jae-in says “We Have to remember May 18th Square in front of Provincial Office of South Cholla”. URL: http://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A002642000 (access date: 13.08.2020). (In Korean)

Moon Jae-in's Constitutional Amendment Proposal: Summary of 6 Issues. URL: <https://www.bbc.com/korean/news-43455050> (access date: 12.08.2020). (In Korean)

Moon President Is Angry at the Lee Myun-bak and Park Geun-hye Governments because They Disdained May 18th Commemoration Ceremony. URL: <https://www.ajunews.com/view/20200517110130732> (access date: 11.08.2020). (In Korean)

The Contemporary History of Korea / Eds Heon Seok-ryul, Park Tae-gyun, Jeong Chang-hyen. Vol. 2. Seoul, 2019. (In Korean)

Three Representatives of 5.18 Organizations Boycotted the Commemoration Ceremony. URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20100517207500054?site-mapping_related (access date: 12.08.2020). (In Korean)

DOI: 10.31857/S013038640014287-3

© 2021 г. **Ф.О. ТРУНОВ**

ПОДХОДЫ КАНЦЛЕРОВ ФРГ К. АДЕНАУЭРА И А. МЕРКЕЛЬ К РЕШЕНИЮ ПОЛИТИКО-ВОЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Трунов Филипп Олегович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: Itrunov@mail.ru

Researcher ID: AAC-7844-2020; ORCID: 0000-0001-7092-4864

SCOPUS ID: 57211605240

Аннотация. В статье предпринята попытка осуществить компаративный анализ подходов К. Аденауэра и А. Меркель к решению задач в области обороны и безопасности. Двух канцлеров Германии, помимо руководства ХДС, длительного срока пребывания на посту главы федерального правительства и особого «почерка», объединяет схожесть стоящих внешнеполитических задач. В обоих случаях «коллективный» Запад сталкивался не только с масштабными вызовами безопасности извне, но и серьезными проблемами внутри. На этом фоне существенно изменялась роль самой ФРГ. Она стремится принимать на себя повышенную ответственность не только на региональном (евроатлантическая подсистема), но и на глобальном уровне (во втором случае особенно при А. Меркель). При этом отличительной чертой германской внешней политики выступает наращивание и активное использование военного потенциала, что, однако, не сопровождается обвинениями в ремилитаризации.

Выделяются стратегические императивы внешней политики К. Аденауэра, прослеживаются их эволюция к концу 2010-х годов и сохранение значимости в «эру Меркель». На конкретных примерах показывается, как формулы «растворения» и «рамочного государства» в НАТО использовались ФРГ для реализации лидерских амбиций. Отмечается неприятие обоими канцлерами «навязывания» Федеративной Республике партнерами по Альянсу (прежде всего, США) скорости и промежуточных результатов роста военных расходов. На примерах решения «саарской проблемы» и участия в урегулировании вооруженного конфликта в Мали исследуются попытки ФРГ принятия роли «старшего партнера» в рамках двустороннего тандема с Францией.

Делается вывод о доминировании значимости национальных интересов для К. Аденауэра, как и для А. Меркель. Рассматривая ФРГ органичной частью «коллективного» Запада, оба канцлера активно использовали потенциал интеграционных и союзнических структур.

Ключевые слова: Аденауэр, Меркель, ФРГ, внешняя политика, переговорный процесс, «коллективный» Запад, НАТО, бундесвер, германо-французский тандем.

Ph.O. Trunov

The Approaches of Konrad Adenauer and Angela Merkel to the Solution of Political-Military Problems

Philipp Trunov, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: Itrunov@mail.ru

Researcher ID: AAC-7844-2020; ORCID: 0000-0001-7092-4864

SCOPUS ID: 57211605240

Abstract. The article attempts to carry out a comparative analysis of the approaches of Konrad Adenauer and Angela Merkel to solving problems in the field of defense and security. In addition to a long term in the leadership of the CDU and as head of the federal government, as well as a particular political style, the two German Chancellors are united by the similarity of their foreign policy tasks. In both cases, the “collective” West faced not only large-scale security challenges coming from without but also serious problems emanating from within. Against this background, the role of the FRG itself changed significantly. It seeks to assume increased responsibility not only at the regional (Euro-Atlantic subsystem) but also at the global level (in the latter case, especially under A. Merkel). At the same time, a distinctive feature of German foreign policy is the build-up and active use of military potential, which, however, is not accompanied by accusations of remilitarization.

The article highlights the strategic imperatives of K. Adenauer’s foreign policy, traces their evolution towards the end of the 2010s, and their continued significance in the “Merkel era”. Based on concrete examples, the article shows how Germany has used the concepts of “dissolving” and “framework nation” in NATO for the realization of its leadership ambitions. It is also shown that both Chancellors reject the “imposition” of the speed and intermediate results of the growth of military spending on the Federal Republic by the Alliance partners (primarily, by the United States). On the examples of the “Saarland Question” and participation in the settlement of the armed conflict in Mali, the author examines Germany’s attempts to assume the role of a “senior partner” in its bilateral tandem with France. The author concludes that the importance of national interests dominates the political agenda of both Konrad Adenauer and Angela Merkel. Considering Germany as an organic part of the “collective” West, both Chancellors have actively used the potential of integration and allied structures for the realization of German national interests.

Keywords: Konrad Adenauer, Angela Merke, FRG, foreign policy, negotiation process, the “collective” West, NATO, Bundeswehr, German-French tandem.

Наряду с «канцлером объединения» Г. Колем, канцлеры К. Аденауэр и А. Меркель образуют триаду «политических должителей» высшего уровня Федеративной Республики Германия (ФРГ). По отношению к их пребыванию у власти в полной мере применим термин «эра». Одна из ключевых причин их длительного нахождения у руля государственного управления состоит в том, что на время их канцлерства приходились переломные моменты истории ФРГ — как во внутри-, так и особенно во внешнеполитическом плане. Периоды с конца 1940-х до середины 1950-х годов, рубежа 1980–1990-х годов и 2010-х годов характеризовались существенным увеличением роли и места ФРГ в международной системе координат. Развитие этой тенденции в немалой степени определялось эффективными действиями самих канцлеров, что обеспечивало их высокую электоральную поддержку. Наибольшие трудности в достижении стоявших перед ними целей встали перед Аденауэром и Меркель.

Во-первых, возникали значительные проблемы обретения поддержки США. Первоначально федеральному канцлеру предстояло в принципе продемонстрировать и доказать, в том числе в военном плане, лояльность ФРГ формирующемуся «коллективному» Западу. Лишь к концу 1950-х годов это положение было достигнуто в полной мере, что проиллюстрировала тесная координация усилий сторон в ходе Второго берлинского военно-политического кризиса в 1961 г. Аналогичные трудности, характеризовавшиеся тенденцией к их увеличению, встали и перед Меркель. Придя к власти в 2005 г., госпожа канцлер была вынуждена преодолевать последствия кризиса отношений с США при ее предшественнике Г. Шрёдере. С 2017 г. при президенте США Д. Трампе диалог ФРГ–США вновь пошел на спад, который оказался наиболее глубоким и многомерным и затяжным. Этот спад проявился не только в политико-военной, но и в экономической и ценностно-идеологической сферах. Проблемы в отношениях между Германией и США, уже в основном в латентных формах, продолжали накапливаться на протяжении первых двух сроков канцлерства Меркель (2005–2009 и 2009–2013 гг.), что, в частности, проявилось в ходе ливийского 2011 г. и сирийского 2013 г. военно-политических кризисов. Увеличение частоты и глубины спадов в отношениях ФРГ с США в «эпоху Трампа»

объяснялось не только субъективными причинами — попурием 45-м президентом США сложившихся принципов и ценностей трансатлантической солидарности (иллюстрацией чему стали «стратегические шоки» в отношении партнеров США по НАТО), но и объективными факторами. Ключевой из них — последовательное стремление ФРГ к увеличению своей роли и места не только на региональном (евроатлантическом), но и на глобальном уровне. Рост опасений США в отношении Германии находится в прямо пропорциональной зависимости от результатов и скорости достижения этих целей ФРГ. Причем, если динамика изменения влияния на международной арене Белого дома в целом развивается по нисходящей траектории, то официального Берлина — по восходящей. Отношение ФРГ к решению проблем международной безопасности отличалось более взвешенным, чем у США, подходом к использованию своего военно-политического инструментария. В этой связи даже в эпоху «пост-Трампа» сложно ожидать возвращения качества отношений двух стран на уровень «классической» холодной войны.

Во-вторых, это трудности выхода (и тем более реализации) на «стратегические сделки» со значимыми акторами вне «коллективного» Запада — в первую очередь с Советским Союзом и Россией как его правопреемницей. Так, Аденауэр считал, что восстановление диалога с СССР возможно только, когда «будет устранено неравенство вооружений Востока и Запада»¹. Ключевым компонентом этого канцлер видел восстановление военной мощи самой Боннской республики. Примечательно в этой связи, что установление дипломатических отношений между ФРГ и СССР (сентябрь 1955 г.) в ходе визита Аденауэра в Москву произошло одновременно с развертыванием первых частей бундсвера, что началось вскоре после вступления Германии в НАТО (май 1955 г.). По сравнению с «эрой Аденауэра» внешнеполитическая линия ФРГ при Меркель была в существенно большей степени направлена на поиск точек соприкосновения с Россией. В условиях стратегического ухудшения отношений Запада и РФ с 2014 г. Германия внесла весомый вклад в недопущение неконтролируемой эскалации напряженности, особенно в военно-политической сфере. Поддерживая введение санкций в отношении России со стороны Евросоюза, Германия, особенно до июля 2014 г., стремилась снизить их потенциальную скорость и масштаб. Официальный Берлин не препятствовал поиску немецким бизнесом путей восстановления хозяйственных отношений с Россией в обход санкций и последовательно поддерживает реализацию проекта «Северный поток–2».

Де-юре основной двусторонних отношений является «большой» договор о дружбе и основах отношений, подписанный М.С. Горбачевым и Г. Колем 9 ноября 1990 г. сроком на 20 лет с возможностью автоматической пролонгации. Однако в условиях начала новой холодной войны диалог РФ и ФРГ демонстрировал серьезную взаимную потерю доверия: в апреле 2014 г. официальный Берлин поддержал идею «заморозки» большинства существовавших переговорных каналов с Россией — как дву-, так многосторонних. На фоне развития вооруженного конфликта на востоке Украины германо-французский тандем инициировал запуск четырехстороннего «нормандского формата» (создан 6 июня 2014 г.) для демонстративно вынужденного взаимодействия с РФ по его урегулированию. Лишь с 2017 г., в условиях осознания общности угроз безопасности, исходящих с территории нестабильных государств (прежде всего на Ближнем Востоке и в Северной Африке), а также закрепления основных характеристик противостояния холодной войны на новом существенно не меняющемся уровне, начался подъем отношений сторон в общеполитической плоскости. Был запущен и стал успешно функционировать «сочинский формат», более конструктивным стало взаимодействие по урегулированию

¹ Центральный научно-исследовательский институт глобальных и региональных проблем Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Архив посла А.И. Степанова (далее: ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 3-р.

украинского (с учетом активации «нормандского формата» с участием нового президента Украины В.А. Зеленского) и сирийского вооруженных конфликтов, стороны перешли к полноценному сотрудничеству по решению «ливийской проблемы» с начала 2020 г. Вместе с тем достигнутые результаты недостаточны, чтобы быть признанными за отправные точки для поиска «стратегической сделки».

Фундаментальная причина рассмотренных явлений состоит в том, что ФРГ последовательно рассматривала себя как органичную часть «коллективного» Запада и лишь с учетом этого обязательства была готова развивать отношения с игроками за пределами Евро-Атлантического сообщества. Бóльшая, по сравнению с «эрой Аденауэра», гибкость ФРГ в отношениях с нашей страной обусловлена, с одной стороны, уменьшением внешнеполитического потенциала и влияния России по сравнению с советским периодом, с другой — последовательным ростом потенциала и влияния Германии после объединения страны в 1990 г. В этой связи ключевой задачей для ФРГ становится не только сохранение, но и упрочение позиций на мировой арене.

Достижение этой цели, равно как и демонстрация дееспособности Боннской республики в первое десятилетие ее существования, требовало существенного роста военного потенциала ФРГ. Это стало третьим общим знаменателем деятельности канцлеров Аденауэра и Меркель. Определяя формы, скорость и итоги процессов перспективного военного строительства, канцлер-основатель ФРГ и первая фрау-бундесканцлерин должны были в принципе избежать обвинений страны в ремилитаризации и проявлении державных устремлений — в первую очередь с учетом исторической ответственности Германии за развязывание Второй мировой войны.

В этой связи задача данной статьи — провести сравнительный анализ подходов ФРГ к решению ключевых политико-военных проблем при Аденауэре и Меркель в пиковые периоды их пребывания у власти. Широкому спектру вопросов внешней политики каждого из этих канцлеров посвящены научные исследования как иностранных (в первую очередь германских² и англосаксонских), так и российских исследователей³. Отечественным германистом Н.В. Павловым был подготовлен труд, где прослеживалось развитие внешней политики Германии от О. фон Бисмарка до Меркель⁴. Однако работы, исследующие непосредственно подходы этих двух политических «тяжеловесов» к решению международных проблем в компаративном ключе, по существу, отсутствуют. Автором была предпринята попытка сопоставить подходы канцлеров Аденауэра и Меркель к строительству вооруженных сил ФРГ; в этой публикации затрагивались преимущественно военные вопросы⁵.

Настоящая публикация включает общеполитические аспекты, в том числе сопоставление характера диалога ФРГ в 1949–1963 гг. и 2005–2020 гг. с США, Советским Союзом и его правопреемницей Россией, а также с Францией. Особое внимание в статье уделено взаимосвязи внешней и внутренней политики — прежде всего, в контексте глубоких сдвигов партийно-политического ландшафта ФРГ, которые произошли при «поздней» Меркель.

² *Hellmann G.* Sicherheitspolitik // *Handbuch zur deutschen Außenpolitik* / Eds S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden, 2007. S. 605–617; *Roos U.* Deutsche Außenpolitik. Eine Rekonstruktion der grundlegenden Handlungsregeln. Wiesbaden, 2010. 370 s.; *Kornelius St.* Angela Merkel: Die Kanzlerin und ihre Welt (Zeitgeschichte). Berlin, 2013. 288 s.; *Bredow von W.* Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär. Wiesbaden, 2015. 301 s.; *Die neue Wirklichkeit der Außenpolitik: Diplomatie im 21. Jahrhundert* / Hg. V. Stanzel // *Stiftung Wissenschaft und Politik*. 2018. № 23. November. 76 s.

³ *Кузнецов А.В.* Экономическая мощь Германии как основа лидерства страны в Европе // *Пределы лидерства Германии в Европе*. М., 2018. С. 9–14.

⁴ *Павлов Н.В.* История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М., 2012. 800 с.

⁵ *Трунов Ф.О.* Особенности наращивания военного потенциала ФРГ при К. Аденауэре и А. Меркель // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. № 12. С. 106–124.

Источниковую базу исследования пополнил новый источник — Архив Чрезвычайного и Полномочного посла А.И. Степанова (1930–2018), в котором собран большой массив документов, посвященных внешней политике немецкоязычных государств Европы — Германии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейна. Автор статьи использовал материалы фонда № 1 Архива А.И. Степанова — «Внешняя политика ФРГ при К. Аденауэре»⁶.

ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ ДИВЕРГЕНЦИЯ?

Основополагающей целью внешней политики Аденауэра было полноценное и всеобъемлющее (политическое, ценностно-идеологическое, экономическое и военное) встраивание ФРГ в формирующуюся систему «коллективного» Запада. Эта формула, с точки зрения первого канцлера ФРГ, должна была обеспечить решение трех тесно связанных задач. Во-первых, обеспечить территориальную оборону и безопасность ФРГ в реалиях начинавшейся холодной войны. Во-вторых, позволить в перспективе объединить Германию на основе Конституции ФРГ. В-третьих, заложить основы легального, признанного западными державами, — США, Великобританией и Францией — восстановления страны и превращения ФРГ в одного из наиболее экономически и политически влиятельных игроков в Европе и мире.

Ключевым компонентом внутриполитического измерения процесса встраивания в систему «коллективного» Запада для Аденауэра являлось обеспечение доминирования двух народных партий — блока христианских демократов (ХДС/ХСС), созданного при ведущем участии канцлера, и социал-демократов (СДПГ) — в реалиях стабильно функционирующей парламентской республики. При этом отец-основатель ФРГ стремился максимально укрепить центристские силы и не допустить усиления политических флангов — крайне правого и особенно крайне левого. Аденауэр учитывал и опыт Веймарской республики: одной из ключевых причин ее постоянных внутренних кризисов и крушения была слабость партий центристской направленности.

Основой внешнеполитической доктрины Аденауэра, особенно в военно-политической сфере, было принятие официальным Бонном роли «младшего партнера», ведомого «старшими партнерами» — США, Великобританией и Францией. Это, однако, отнюдь не означало отказа от последовательного движения ФРГ к равноправному положению с западными державами не только де-юре, но и де-факто. Для обретения поддержки западных держав, без чего ему не мыслилось превращение Западной Германии в дееспособный политический субъект, Аденауэр пошел на пересмотр многих фундаментальных основ внешней политики прусско-германского государства.

Первый императив. Традиционному позиционированию прусско-германского государства исключительно в национальном качестве Аденауэр предпочел «растворение» ФРГ во вновь возникавших интеграционных и союзных структурах Запада. Для этого Аденауэр был согласен на сохранение и даже углубление раскола прежде единой Германии, что рассматривалось канцлером как сугубо временное явление. Аденауэр активно содействовал максимальному дистанцированию бывших союзников по антигитлеровской коалиции — трех западных держав и СССР. Роль ведущего партнера западных демократий должна была постепенно занять ФРГ, отойдя от положения Германии как прежнего общего врага. По сути, это переформатирование отношений явилось первым шагом на пути к пересмотру итогов Второй мировой войны, в том числе определяющего вклада СССР в Победу. В этой связи канцлер указывал: «Когда окончилась война, у ведущих союзников существовало единодушное намерение оставить Германию как бесильное, политически и экономически бессильное образование, не имеющее никакого влияния... Изменение взглядов на политику, которую они должны избрать в отношении Германии, у западных союзников происходило сначала медленно и постепенно, а затем

⁶ ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1–29.

все сильнее и скорее, когда все яснее становилась экспансионистская политика Советской России»⁷. За скобками Аденауэр оставил весомый вклад официального Бонна в изменение подхода формирующегося Запада. Так, канцлер жестко реагировал на попытки общественных организаций ФРГ искать пути улучшения отношений с СССР. В частности, в западногерманской печати был подвергнут жесткой обструкции глава евангелистской церкви Гессена М. Нимёллер за совершенный им визит в Советский Союз⁸. Параллельно осуществлялся комплекс мер по демонизации СССР — Аденауэр неоднократно подчеркивал тяжелое положение немецких беженцев из бывших оккупированных Третьим рейхом стран Восточной Европы. Вопреки данным официальной картотеки правительства ФРГ о наличии в СССР 106 тыс. германских военнопленных (по состоянию на начало 1952 г.), Аденауэр считал, что их не менее 700 тыс.⁹ Развитием этой линии стало жесткое неприятие официальным Бонном советской концепции создания единой нейтральной Германии¹⁰. Консенсус по данному вопросу, достигнутый Аденауэром с западными державами, стал одним из первых успехов на пути интеграции ФРГ в систему «коллективного» Запада и одновременно будущего объединения Германии по сценарию Боннского кабинета.

Второй императив. В «эру» Аденауэра ФРГ начала последовательно придерживаться концепции «стратегической сдержанности», которая означала максимально сдержанный подход к наращиванию и особенно использованию военно-силового потенциала. Это выражалось, прежде всего, в согласии руководства Боннской республики на «растворение» ФРГ — не только в политическом и экономическом, но и собственно в военном отношении — в Евро-Атлантическом сообществе. Применительно к воссоздаваемым вооруженным силам ФРГ это означало их максимальную степень интегрированности в НАТО, а также ЗЕС. Формула «растворения», с одной стороны, должна была снять опасения как лидеров «коллективного» Запада (США, Великобритания и Франции), так и средних и малых государств Европы (в первую очередь Бенилюкса) относительно неконтролируемости ими процесса восстановления мощи ФРГ. Первый канцлер ФРГ неоднократно подчеркивал, что «он отклоняет ремилитаризацию Германии путем создания национальных вооруженных сил»¹¹. Однако уже на этапе обсуждения «плана Плевена» (1952 г.) Аденауэр впервые четко обозначил стремление ФРГ создать войска, сухопутную основу которых составляли бы 12 дивизий и которые использовались бы в интересах Запада в Европе¹². Тем самым была обозначена будущая формула использования внешнеполитического инструментария ФРГ: вне пределов Евро-Атлантического сообщества — лишь политические (дипломатические и идеологические) и экономические, а внутри него, особенно на территории Западной Германии, — также и иные, в частности военные, средства и методы воздействия. Бонн избежал роста числа изначально созданных соединений (12 дивизий, ядро которых было создано в 1956–1962 гг.)¹³, при этом последовательно наращивая потенциал каждой из них. Эта лимитированность количества военных механизмов оперативного уровня (но отнюдь не их потенциала) также являлась составляющей приверженности концепции «стратегической сдержанности».

⁷ Там же. Д. 25. Л. 122-о.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 1-р.

⁹ Там же. Д. 14. Л. 47-р.

¹⁰ Там же. Д. 25. Л. 124-о.

¹¹ Там же. Д. 30. Л. 32-р.

¹² Там же. Д. 18. Л. 124-о.

¹³ Armee im Kalten Krieg. 05.02.2015. URL: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/streitkraefte/grundlagen/geschichte/anfaenge/ut/p/z1/hU67DolwFP0WB9beKwREN5yEMJBAInQxBWBF-EpKBT9fDJ0JxLOdZw5QyIH2bGoFM63qmVx4Qb3b2Y-z2D7atuv5iOE-Sy5h5NqICNd_AbrYulEAla-05FMvGYXvDhRQo0Aeb2IsMShvJDWHV5yEUDetryRNVBasQARVSlev1oC8dXwDV_M411SpF7kxZh hPFlo4zzMRSgnJSaU6C39VGjUayL-TMHT5j4rpzjYvQHa73Ab/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL292256800I1TPHJ52005 (дата обращения: 12.02.2020).

Насколько данные императивы определяли и определяют политическую линию Меркель? При «зрелой» Меркель истеблишмент ФРГ в полной мере столкнулся с проблемой ускорения и возрастания масштаба фрагментации партийно-политического ландшафта страны. Ключевой характеристикой этой тенденции являлось усиление политических сил, расположенных на крайних участках флангов — в первую очередь правого. Если успехи, оказавшиеся в итоге весьма ограниченными, внесистемной партии «Пиратов» в 2009–2012 гг. оказались симптомом фрагментации партийно-политического ландшафта, то бурным развитием этой фрагментации стали высокие результаты крайне правой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), показанные на выборах в Бундестаг в 2017 г. К началу 2020-х годов АдГ демонстрировала способность не только сохранить, но и упрочить свои политические позиции. Об этом свидетельствовали результаты политических партий на выборах в Бундестаг с 1990 г.

С определенной долей вероятности АдГ может стать этаблированной партией. Однако эта возможность не меняет существующей проблемы: резкой и, возможно, безвозвратной потери электоральной поддержки партиями-«китами». Если на парламентских федеральных выборах в первой половине 1990-х годов они суммарно набирали 77–78%, то в 2009 г. — 56,8%, а в 2017 г. — лишь 53,4% голосов избирателей¹⁴. Проблема масштабной утраты электорального доверия наиболее остра для СДПГ, однако в полной мере она возникает и перед блоком ХДС/ХСС, что осознается истеблишментом «народных» партий. Иллюстрацией этого стал «клинч» в 2018 г. между председателем ХДС Меркель и председателем ХСС Х. Зеehoфером, продемонстрировавший наличие серьезных расхождений между двумя партиями-«сестрами». Итогом цикла политических кризисов стал отказ Меркель от выдвижения своей кандидатуры на пост канцлера ФРГ на парламентских выборах, запланированных на 2021 г.

Ключевую роль в современном «кризисе доверия» партия-«китам» играют внешне-политические причины, во многом порождающие наиболее болезненные проблемы в объединенной ФРГ — в первую очередь неконтролируемый приток мигрантов и рост террористической угрозы. Они стали производными оборонительной в своей сути и основанной на реактивных действиях стратегии Германии и ее партнеров по НАТО и ЕС в отношении сирийского и ливийского вопросов. В отличие от Афганистана (с 2001 г.) или Мали (с 2013 г.), в Сирии западные страны не предприняли заметных эффективных попыток регулировать вооруженный конфликт. Западная коалиция, действовавшая в Ираке и Сирии, не сумела не только существенно ослабить, но даже затормозить стремительный рост влияния «Исламского государства»¹⁵ и дружественных ему сил. На этом общем фоне особенно выделяется линия правительства ФРГ. Германия присоединилась к коалиции в ноябре 2015 г., через год после ее создания, и отказалась от боевого применения бундесвера; основные усилия ФРГ были направлены на «разгрузку» партнеров. Это решение, обусловленное широким спектром причин и полностью отвечающее логике концепции «стратегической сдержанности», актуализировало вопрос о реальной готовности и, главное, способности ФРГ принимать на себя лидерские функции. Эта проблема возникла и в связи с необходимостью определения вклада Германии (финансового, политического, технологического и главное войскового — личным составом и различными видами вооружений и военной техники) в усиление НАТО, в том числе в разрывывание группировок Альянса в Восточной и Северной Европе.

В 2017–2019 гг. правительство ФРГ и лично канцлер Меркель оказались под плотным огнем критики сразу с двух сторон: внешней, в первую очередь администрации США Д. Трампа, требовавшей от Германии повышения военных расходов как минимум до 2% от ВВП, и внутренней, особенно АдГ и партии Левых. Лейтмотивом и внешней,

¹⁴ Ergebnisse der Bundestagswahlen. URL: <https://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (дата обращения: 12.02.2020).

¹⁵ Запрещенная в России террористическая организация.

и внутренней критики правительства ФРГ было желание выяснить, насколько оно готово реализовывать свои державные устремления в настоящем и будущем.

Целью АдГ, как следует из программных установок партии, является полное обретение ФРГ реального суверенитета, то есть желание избавиться от существующих механизмов и инструментов внешнего контроля над процессом подготовки, принятия и реализации внешнеполитических решений или, как минимум, реформировать эту систему в своих интересах. Германия должна сохранить членство в международных организациях в сфере безопасности, не имеющих наднациональной составляющей, — ООН, НАТО и ОБСЕ. АдГ выступает за их реформу с целью увеличения влияния и роли ФРГ в мире де-юре (обретения постоянного места в Совете Безопасности ООН) и де-факто (увеличения реальной роли европейских стран-участниц при принятии и реализации решений в НАТО). По мнению АдГ, войска бундесвера, потенциал которых должен быть существенно нарашен, должны быть переданы под национальное командование и ни в коем случае не вливаться в состав общеевропейской армии¹⁶. В целом отношение АдГ к участию в интеграции в ЕС как наднациональном образовании, в том числе в военном плане, — резко отрицательное¹⁷. В программных документах АдГ затрагивается вопрос полного свертывания иностранного военного присутствия в Германии. Решение этого вопроса является одной из ключевых внешнеполитических задач для германской партии Левых¹⁸, которая, как и АдГ, усиливает свои позиции, хотя и более медленными темпами.

Показательна жесткость, которую администрация США Д. Трампа проявляла к ФРГ в целом и особенно выполнению ею обязательств по НАТО. Как ни парадоксально, эта жесткость имеет ту же глубинную причину, что и в случае критики АдГ и партии «Левых» — недовольство ходом процесса укрепления позиций Германии в рамках «коллективного» Запада и в мире. Если оппозиция внутри ФРГ считает скорость этого процесса слишком низкой, а его результаты не очень успешными, то Белый дом, напротив, — чрезмерно быстрыми.

Стремясь противостоять растущей критике как внутри страны, так и извне, руководство ФРГ во главе с Меркель последовательно реализует курс, базирующийся на стратегических императивах, определенных еще в «эру» Аденауэра и, разумеется, эволюционировавших с учетом изменившихся геополитических реалий, в том числе возможностей самой ФРГ.

Утвердившись в конце 1990-х годов в роли региональной державы, то есть войдя наряду с США, Великобританией и Францией в ряд наиболее влиятельных участников Евро-Атлантического сообщества, Боннская федеративная республика трансформировалась в Берлинскую. Демонстрируя преемственность, Берлинская республика продолжила движение по траектории роста влияния, стремясь к положению не регионального, а полноценного глобального игрока. Неотъемлемой частью этого процесса стало постепенное утверждение ФРГ в роли параллельного (и во многом альтернативного) США центра притяжения в рамках евроатлантической региональной подсистемы. Показательно в этой связи углубление, включая увеличение степени институционализации, дву- и многосторонних межгосударственных контактов объединенной ФРГ со средними и малыми государствами ЕС. Применительно к политико-военной области наибольший рост демонстрировало сотрудничество ФРГ с Нидерландами, Румынией, Литвой, Норвегией и Швецией. Будучи органично встроена в состав Евро-Атлантического сообщества, Германия все более активно использовала его для

¹⁶ Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. Berlin, 2017. S. 16–20.

¹⁷ Ibid. S. 58–65.

¹⁸ Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Paul Schäfer (Köln), Inge Höger, Jan van Aken, weiterer Abgeordneter und der Fraktion die Linke. Ausländische Streitkräfte in Deutschland // Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode, Drucksache 17/5586. 14.04.2011. 15 S.

продвижения своих национальных интересов, в полной мере ориентируясь на первый из стратегических императивов, определенных в «эру» Аденауэра.

В своей основе последовательно соблюдается и второй императив Аденауэра — «стратегическая сдержанность». На фоне свертывания холодной войны и объединения Германии как составляющей этого процесса, ФРГ стала де-факто (с 1991 г.) и де-юре (с 1994 г.) использовать бундесвер вне зоны ответственности НАТО¹⁹, постепенно расширяя географический ареал его применения до глобального. Первой отличительной чертой применения Германией военного потенциала являлось применение контингентов в заграничных миссиях исключительно под эгидой профильных международных структур (ООН, НАТО, ОБСЕ, с начала XXI в. ЕС и даже Африканского союза)²⁰, что отражало приверженность официального Берлина идее «растворения» бундесвера. При этом ФРГ в целом (исключая военно-воздушные операции Альянса в Боснии (1995 г.) и Косово (1999 г.), участие в которых подтверждало возвращение Германией статуса региональной державы) последовательно избегала собственно силового использования бундесвера, что показали иракский (2003 г.), ливийский (2011 г.) и сирийский (2013 г.) военно-политические кризисы, инициированные партнерами ФРГ по НАТО. Предпочтение отдавалось не силовым формам использования бундесвера — участию в операциях по миротворчеству и поддержанию мира, военно-тренировочной деятельности (т.е. реформе секторов безопасности стран, встающих на путь постконфликтного развития). Тем самым, с одной стороны, обеспечивалось легитимное, с германской точки зрения, или как минимум легальное (основанное на поддержке партнеров по НАТО и ЕС, в ряде случаев — международного сообщества в целом) военное присутствие на глобальном уровне. С другой стороны, ФРГ последовательно демонстрировала приверженность принципу «стратегической сдержанности» в вопросах развития и использования вооруженных сил, который был де-факто внедрен в практику при первом канцлере ФРГ.

С начала 1990-х годов бундесвер готовился к применению вне зоны ответственности НАТО. Расширение Альянса на восток привело к отодвиганию зоны ответственности НАТО от границ ФРГ. В отличие от «классической» холодной войны армия Германии оказывалась уже не на «передовой», а в глубине территории стран НАТО. Одним из следствий этого было длительное ослабление потенциала «тяжелых» вооружений и техники, предназначенных для решения задач по обеспечению территориальной обороны. По мере расширения НАТО на восток Германия стала на ротационной основе участвовать в комплектовании военно-морских и военно-воздушных механизмов Альянса, учрежденных прежде всего в интересах новых стран НАТО на севере и юге Европы. Однако масштабы этой деятельности в 2004 — середине 2010-х годов были ограниченными. Иная ситуация стала возникать в реалиях новой холодной войны: в соответствии с решениями Варшавского саммита НАТО (2016 г.) ФРГ приняла на себя функции «рамочной нации» в комплектовании «тяжелой» батальонной тактической группы (БТГ) многонационального состава в Литве²¹ из числа войск сил передового развертывания (СПР) НАТО. Формула «рамочной нации» предполагает выделение от 40% и более от общей численности группировки совместного (с участием нескольких государств) комплектования и командования этой группировкой.

Однако наиболее важным и масштабным направлением использования бундесвера в рамках военных группировок Альянса стали не СПР (первый, расположенный вблизи границ зоны ответственности НАТО, стратегический эшелон), а силы быстрого

¹⁹ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin, Federal Ministry of Defense, 2009. P. 36. 52—54.

²⁰ Ibid. P. 52—99.

²¹ Enhanced forward presence beim litauischen Tag der Streitkräfte. 23.11.2019. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsatz-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/efp-beim-litauischen-tag-der-streitkraefte-156840> (дата обращения: 12.02.2020).

реагирования (СБР) — второй эшелон, дислоцированный в основном в глубине территории стран-участниц блока с возможностью быстрого выдвижения к его границам. Так, в сентябре 2014 — сентябре 2015 г. Германия совместно с Нидерландами и Норвегией приняла на себя основную нагрузку в комплектовании СБР. За этот год численность СБР была увеличена с 15 до 40 тыс.; в их составе были заявлены к созданию войска постоянной боевой готовности — «острие копья», древко которого представляли силы быстрого реагирования в целом. В ходе крупнейших с начала XXI в. учений НАТО «Соединение трезубца 18» на территории Норвегии бундесвер принял на себя функции «рамочной нации» в комплектовании сухопутной бригады войск постоянной боеготовности. Не менее важно и другое — Германия продемонстрировала практическую способность выстраивать масштабную военно-логистическую цепочку комбинированным (морским, воздушным, железнодорожные перевозки в порты погрузки и выгрузки) путем для практической поддержки партнера (в данном случае — Норвегии)²². Соответственно, если в годы «классической» холодной войны ФРГ была реципиентом значительных иностранных (союзнических по НАТО) военных контингентов, то в реалиях новой холодной войны XXI в. Германия уже сама готова развертывать значительные (от бригады до дивизии) силы на территории государств-партнеров по НАТО. С 1 января 2019 г. Германия на 12 месяцев досрочно приняла на себя нагрузку в деле комплектования сухопутного соединения сил постоянной боеготовности в составе СБР²³.

Планы строительства вооруженных сил, определенные в 2017 г. на долгосрочную перспективу (до начала 2030-х годов), своей главной целью имеют обретение бундесвером практической возможности в случае необходимости принимать функции «рамочной нации» при комплектовании всех основных типов группировок НАТО и ЕС²⁴. Это является свидетельством сохранения ФРГ приверженности формуле «растворения» и использования для реализации лидерских амбиций в рамках евро-атлантических институтов.

Аналогичную направленность имеют действия ФРГ — как в «эру» Аденауэра, так и канцлерства Меркель — в вопросах определения объемов военных расходов в согласовании с партнерами по НАТО. На стадии обсуждения вопроса о вступлении Западной Германии в Альянс американский Белый дом настаивал на ежегодных военных ассигнованиях ФРГ в размере 13 млрд марок (для сравнения: Великобритания в 1952 г. тратила на военные цели 16 млрд марок). Несмотря на последовательное стремление вступить в НАТО и риск нанести ущерб отношениям со всеми западными державами, Аденауэр подчеркивал, что внесение таких сумм в реалиях 1950-х годов являлось неподъемной нагрузкой для ФРГ²⁵. Одновременно канцлер указывал на необходимость использования не менее 85% всех военных расходов на территории самой ФРГ²⁶. При этом Аденауэр считал, что вступление страны в Альянс автоматически снимет с нее обязанность оплачивать содержание контингентов войск западных держав на германской земле, перешедших из разряда оккупационных в союзные. В качестве уступки Аденауэр рассматривал отказ от производства ФРГ тяжелых вооружений для вновь создаваемых западногерманских войск (в первую

²² Trident Juncture 2018: Die logistische Rückführung. Stand vom: 16.11.2018. URL: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe/!ut/p/z1/hY_NCoMwEITfyI2KSXo0SI50aOm_uZSgwVpsliGVHvrwjRS8SfcwsDO737Ig4ApCy7FrpeuMlr3vK4FvjPlj1lZRxE8UoZwXtEwiFCIawxku_0aEj9FCpQgOjYlKM8gio8RwAAGiUUFtHKTOqVd57W10hkbDMA6fkpe1vok6BqoUJ-ixkMynwg_D203MMSFZzvYT8CFH-Z53ZT09DdVd6qZXO1OnP2N4rmlRJO0XRxWM9Q!!/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEH/#Z7_B8LTL2922LU800ILN8O52010O6 (дата обращения: 12.02.2020).

²³ NATO Response Force (NRF) Fact Sheet 1.01.2019 // NATO. Mode of access: URL: <https://jfcbs.nato.int/page5725819/nato-pesponse-force-nrf-fact-sheet> (дата обращения: 12.02.2020).

²⁴ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (дата обращения: 12.02.2020).

²⁵ ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 124-о.

²⁶ Там же. Д. 17. Л. 86-р.

очередь 12 дивизий наземных сил)²⁷ — соответствующая техника и боеприпасы к ней должны были закупаться у западных держав.

Аденауэру удалось отстоять позицию по большинству пунктов переговорной повестки. Так, в 1955 г. в момент вступления в НАТО расходы Бонна на военные цели составили 7,383 млрд марок²⁸ — вдвое меньше суммы, изначально обозначенной Вашингтоном. В свою очередь Боннская республика пошла на ряд уступок западным партнерам. В ее бюджете статья военных расходов (в размере 6,1–6,2 млрд марок) стала фигурировать уже с 1953 г.²⁹, то есть еще до вступления в НАТО. Вместе с тем Западной Германии не удалось снять с себя бремя финансовой нагрузки на содержание иностранных войск. В данном случае западные державы смогли в полной мере удовлетворить настоятельные просьбы Аденауэра о наращивании их военного присутствия с целью «сдерживания» советских войск в Восточной Германии³⁰. Однако это положение частично компенсировалось тем, что ФРГ в итоге стала производить большую часть тяжелой техники и вооружений для бундесвера³¹. Соответственно, именно западногерманские, а не британские и американские фирмы стали основными реципиентами расходов на закупку вооружений и военной техники.

С конца 1950-х годов ФРГ начала стремительно наращивать свои военные расходы — с 6,853 млрд марок в 1958 г. они возросли до 11,007 в 1959 г., 17,233 млрд в 1962 г. и 19,779 млрд в 1963 г., в 1,5 раза превысив показатель, на котором настаивали США к середине 1950-х годов. Причины этого роста объясняются не только результатами западногерманского «экономического чуда», во многом осуществленного благодаря «плану Маршалла», но и имеют военную подоплеку.

С одной стороны, к 1962 г. было завершено формирование в базовой комплектации «ядра» бундесвера; ФРГ в военном плане стала осознавать себя полноценным членом НАТО. С другой — во время Берлинского (1961 г.) и Карибского (1962 г.) кризисов официальный Бонн отчетливо осознал опасность расположения ФРГ на передовой холодной войны.

Принципиально соглашаясь с необходимостью значительного объема и динамичного роста военных расходов ФРГ, Аденауэр, при всей ценности отношений с США и членства в НАТО, не был готов принять «навязывания» параметров этих показателей со стороны Вашингтона. Эта же формула лежала и в основе подхода Меркель к выполнению военно-финансовых обязательств. Их «неполноту» администрация президента США Трампа пыталась использовать как инструмент давления на Германию. В ходе первых личных переговоров с 45-м президентом США в марте 2017 г. Меркель в принципе согласилась с необходимостью вывода военных расходов ФРГ на отметку в 2% ВВП³². Этот показатель в качестве общей для стран НАТО цели, намеченной на 2024 г., был принят на Уэльском саммите Альянса в 2014 г. Однако министр обороны ФРГ У. фон дер Ляйен категорически отвергла обвинения в «недовыплатах» на военные цели, оцененных администрацией Трампа в 375 млрд долл. Эта сумма «недовылат» за весь период с середины 1990-х годов, когда расходы ФРГ на военные цели были существенно ниже 2% ВВП. В ходе Брюссельского саммита НАТО 11–12 июля 2018 г. Германия, предварительно согласовав свои действия с ближайшими партнерами по Альянсу Францией,

²⁷ Там же. Д. 18. Л. 124-о.

²⁸ Defence Expenditures of NATO countries. Press Release № 2 (63) // Brussels, NATO Press Service, 17 December 1963. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_1963_12/20100830_1963-002.pdf (дата обращения: 12.02.2020).

²⁹ Ibid.

³⁰ ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 44-р.

³¹ The Bundeswehr on Operations... P. 12–15.

³² Joint Press Conference with President Trump and German Chancellor Merkel. 17.03.2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-press-conference-president-trump-german-chancellor-merkel/> (дата обращения: 12.02.2020).

Нидерландами, а также Литвой, выступила против предложения Трампа об увеличении нижней планки расходов на военные цели до 4% ВВП. В результате эта сумма осталась прежней — 2% ВВП³³.

Как и Аденауэр, Меркель последовательно отстаивает право ФРГ самостоятельно определять скорость и промежуточные результаты роста затрат на оборонные цели. Так, если в 2016 г. доля военных расходов от ВВП Германии составляла 1,19% (в среднем по европейским странам НАТО — 1,44%), то в 2018 г. в ФРГ она увеличилась лишь до 1,23% (в других европейских странах НАТО — 1,51%)³⁴. К середине 2020-х годов ФРГ планирует нарастить свои военные расходы до 1,5–1,6% ВВП³⁵, существенно отставая от большинства континентальных партнеров по Альянсу. В современной ФРГ прослеживается, как и в «зрелом Аденауэре», прямо пропорциональная зависимость темпов увеличения данного показателя и динамики роста численности личного состава и единиц парка вооружений и военной техники бундесвера. В «эру Меркель» (и после ее объявленного ухода с поста федерального канцлера в 2021 г.) скорость обоих процессов ниже: в 1955–1962 гг. было развернуто 12 дивизий сухопутных войск, в 2018–2032 гг. планируется создать лишь 3 дивизии³⁶. Однако продолжительность фазы планомерного наращивания войск и вооружений существенно больше, чем в «эру Аденауэра». Аналогия прослеживается и в том, что основными поставщиками военной продукции станут германские фирмы, а также тесно связанные с ними предприятия партнеров по ЕС. При этом решается и еще одна задача — расширение присутствия профильных компаний ФРГ на общеевропейском рынке вооружений и военной техники³⁷.

ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКИЙ ТАНДЕМ: ВОПРОС ЛИДЕРСТВА ФРГ

Насколько сопоставимы по своим особенностям отношения между официальным Парижем и Бонном (Берлином) в период канцлерств Аденауэра и Меркель? Для тандема Франции и ФРГ ключевой является проблема лидерства, которая обостряется при возникновении споров относительно территорий, считающихся официальным Парижем зоной своего исключительного влияния. В качестве примера рассмотрим «саарский вопрос» в первой половине 1950-х и «малийскую проблему» в середине — второй половине 2010-х годов.

На первый взгляд, вопрос о лидерстве во вновь возникавшей двусторонней «связке» Бонна и Парижа в начале 1950-х годов не должен был стоять в принципе. Де-юре позиции Франции — одной из держав-победительниц, обладавшей оккупационными правами в отношении Германии, еще сохранявшей колониальную империю и игравшей одну из ключевых ролей в институтах стран Запада, были намного сильнее. Париж выступил инициатором двух амбициозных концепций — «плана Шумана» и «плана Плевена» в традиционно чувствительных для Германии и Франции сферах — тяжелой и военной промышленности, которые составляли базу строительства совместных вооруженных сил. Стремясь к установлению долгосрочного прочного сотрудничества с Францией, Аденауэр не собирался поступать ради этого национальными интересами Германии. На рубеже 1940–1950-х годов Бонн от весьма осторожной линии по «саарскому

³³ Brussels summit declaration. 12 July 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (дата обращения: 12.02.2020).

³⁴ Defence Expenditure of NATO countries (2011–2018). PR-CP (2019) 034. Brussels, 2019. P. 8.

³⁵ Germany plans military spending hike, but is it enough to appease NATO? 6.02.2019. URL: <https://www.dw.com/en/germany-plans-military-spending-hike-but-is-it-enough-to-appease-nato/a-47394560> (дата обращения: 12.02.2020).

³⁶ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (дата обращения: 12.02.2020).

³⁷ Lippert B., Ondarza N., Perthes V. European Strategic Autonomy Actors, Issues, Conflicts of Interests // Stiftung Wissenschaft und Politik. 2019. № 4. March. P. 16–24.

вопросу» перешел к четкому обозначению своих интересов. Канцлером ФРГ была избрана наступательная тактика в деле решения «саарского вопроса». В выступлении перед Бундстагом в январе 1952 г. Аденауэр подчеркнул, что «Германия имеет в Сааре политические и экономические интересы, Франция же — исключительно экономические интересы, которые прежде всего касаются свободного доступа к углю и стали Саара. Эти интересы были бы удовлетворены в результате включения Саара в общий рынок по углю и стали»³⁸. Аденауэр отметил, что в ходе переговорного процесса по созданию общеевропейских институтов, французская сторона ни разу не поставила вопрос о Сааре³⁹. Однако официальный Париж попытался действовать без согласования с немецким партнером. Франция учредила посольство в Сааре и содействовала его превращению, по подобию Люксембурга, в самостоятельное небольшое государство на франко-западногерманской границе. В ответ Аденауэр указал, что «в широких немецких кругах поколебалась вера в действительные намерения Франции сотрудничать с федеральным правительством»⁴⁰.

Продолжая свою линию, канцлер увязал участие ФРГ в создании европейского оборонительного сообщества с решением «саарского вопроса» в западногерманских интересах. Вступление ФРГ в НАТО связывалось со статусом Саара⁴¹.

Это стало одной из причин, хотя и отнюдь не ключевой, провала «плана Плевена», продемонстрировав твердость Аденауэра в отстаивании национальных интересов даже в ущерб развитию много- и двусторонних отношений с западными партнерами. Итогом действий западногерманской стороны, все более активно использовавшей возможности общественной дипломатии, стало вхождение Саара в состав ФРГ по результатам второго референдума. При этом, как и ожидал Аденауэр, расхождения по Саару оказали лишь кратковременное и ограниченное негативное влияние на развитие германо-французского тандема: они были урегулированы и не превратились в камень преткновения отношений Бонна и Парижа.

С середины 2010-х годов малийское направление стало ключевым на африканском континенте с точки зрения объема прилагаемых военно-политических усилий ФРГ. До этого Германия, за исключением неудачного участия в операции в Сомали по оказанию гуманитарной и медицинской помощи в 1992–1994 гг.⁴², отказывалась от развертывания значительных (более 0,5 тыс. военнослужащих) контингентов в Африке. Угроза полного крушения института государства в Мали в 2012–2013 гг. вкупе с уже де-факто состоявшимся распадом Ливии могли в краткосрочной перспективе привести к возникновению мощного и крайне сложно контролируемого потока нелегальных мигрантов в ЕС и одновременной активизации сил международного терроризма. В обоих случаях масштаб и острота кризиса были сопоставимы с аналогичными явлениями в 2015–2016 гг., вызванными укреплением сил «Исламского государства» и дружественных ему структур на территории Сирии и Ирака⁴³. Осознание рисков нестабильности, исходящих из Мали, стало лейтмотивом подключения ФРГ к урегулированию вооруженного конфликта в этой африканской стране, традиционно входящей в зону интересов Франции.

На первых этапах урегулирования вооруженного конфликта в Мали 2013–2015 гг. ключевая роль принадлежала Франции, последовательно осуществившей операции «Сервал» (собственно боевая) и «Бархан» (широкий комплекс мер по поддержанию мира). Бундесвер в ограниченных объемах (суммарно до 0,4 тыс. военнослужащих)

³⁸ ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 171-о.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Д. 21. Л. 41-о.

⁴¹ Там же. Д. 22. Л. 51-о.

⁴² The Bundeswehr on Operations... P. 52–54.

⁴³ Hanish M. A new quality of engagement Germany's extended military operation in northern Mali // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper. 2015. № 8. P. 1–2.

использовался в рамках концепции «разгрузки». Германские военные осуществляли функции по охране тылов, логистическую и медицинскую поддержку в рамках Международной миссии поддержки Мали, перестроенной в Многопрофильную комплексную миссию ООН по стабилизации в Мали (Минусма). В составе Миссии ЕС по подготовке личного состава вооруженных сил Мали работали инструкторы из ФРГ. Примечательно, что в аналогичных формах — причем де-юре также для поддержки именно Франции — бундесвер применялся в это время в Ираке и Сирии для борьбы с «Исламским государством» и дружественными ему силами.

В 2016–2017 гг. численность контингента бундсвера в составе миссии Минусма возросла более чем в 5 раз — с 0,2 до 1,1 тыс. военнослужащих⁴⁴. Бундесвер стал использоваться для осуществления широкого комплекса наземных мер по поддержанию мира в северных (на тот момент наиболее беспокойных) и центральных провинциях Мали. К 2018 г. ФРГ приняла на себя роль «рамочного государства» не только в деле обучения кадров растущей правительственной малийской армии, но по осуществлению разведки в зоне Минусма, охране и логистической поддержке двух ключевых военных баз — «Гекко» (г. Куликоро) и «лагерь Кастро» (г. Гао). В Мали ФРГ сосредоточила существенно больший, чем это было в Афганистане, и более разнообразный парк боевой авиации, разведывательной и вспомогательной техники, в том числе вертолеты и беспилотные разведывательные аппараты⁴⁵.

Одна из основополагающих причин этих действий — наличие постоянной поддержки официального Парижа, просьб Франции об оказании содействия в урегулировании ситуации в Мали. Одна из них, обращенная к ФРГ и другим странам ЕС, была высказана президентом Франции Э. Макроном в марте 2018 г.⁴⁶ Де-юре являясь одним из многих направлений создания общеевропейских вооруженных сил, малийское направление де-факто является для германо-французского тандема ключевым именно с точки зрения кооперации вооруженных сил Германии и Франции. Позиция Франции обусловлена осознанием ограниченности собственных возможностей и стремлением компенсировать их недостаток, привлекая максимально широкий круг государств-партнеров. При этом Франция остается лидером-координатором усилий по урегулированию кризиса.

Однако де-факто на эту роль все активнее начинает претендовать ФРГ. Формально ее военное присутствие в Мали меньше французского: 1,3 тыс. немецких военнослужащих против 4 тыс. французских⁴⁷. Однако Германия укрепляет свои позиции как «рамочного государства» в деле переобучения войск Мали, партнера Франции в реализации мер по поддержанию мира. ФРГ оказывает помощь вооруженным силам Буркина-Фасо, Мавритании, Мали, Нигера, Чада в планировании боевой и военно-учебной деятельности. ФРГ создала сеть военных баз в регионе⁴⁸. Кроме того, германская сторона сыграла определяющую роль в выработке мирных договоренностей между властями Мали и лидерами «умеренных» туарегов. Эти мирные соглашения были подписаны 15 мая

⁴⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/10819, 11.01.2017. S. 2–3.

⁴⁵ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019. S. 8–12.

⁴⁶ Macron fordert von Deutschlands stärkeres Engagement in Mali. 20.05.2017. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-05/militaereinsatz-frankreich-emmanuel-macron-mali-deutschland-europa> (дата обращения: 12.02.2020).

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8971, 03.04.2019. S. 8–12.

и 20 июня 2015 г. в Алжире — стране, также относимой к зоне французского влияния⁴⁹. Реализация данных мер ФРГ позволяет говорить о ее как минимум сопоставимом с Францией политико-военном вкладе в урегулирование «малийской проблемы».

В случае Мали прослеживается аналогия с линией правительства Аденауэра в отношении «саарского вопроса». Германия, изначально действуя весьма осторожно, постепенно, но неуклонно реализовывала сугубо наступательную тактику в чувствительных для официального Парижа сферах. Не ставя де-юре вопроса о лидерстве в двустороннем тандеме, ФРГ уверенно принимает на себя данную роль де-факто, стремясь действовать в авангарде в наиболее значимых областях практического сотрудничества.

Как и в случае с Сааром, когда в итоге был принят факт его вхождения в состав ФРГ, официальный Париж не только одобряет, но и поддерживает сохранение и по возможности наращивание присутствия бундесвера в Мали. В итоге это с высокой долей вероятности приведет к признанию за Германией роли государства-координатора международных усилий в деле стабилизации усилий в регионе.

ВЫВОДЫ

В подходе Меркель к решению политико-военных проблем отчетливо прослеживается идущая от Аденауэра преемственность. Это обусловлено схожестью линий развития «коллективного» Запада в целом и ФРГ в частности в «эры» канцлеров Аденауэра и Меркель. С одной стороны, евроатлантическая региональная подсистема в обоих случаях проходила проверку на прочность. При Аденауэре она находилась в стадии формирования (в том числе в институциональном плане), а в «эру Меркель» столкнулась с мощными вызовами не только извне, но и изнутри (укрепление правых популистов и радикалов, феномен «трампизма»). С другой стороны, в обоих случаях существовали объективные предпосылки для изменения роли и места ФРГ в евроатлантической региональной подсистеме — причем не только в общеполитическом, идеологическом и экономическом отношениях, но и военном плане.

Как ни парадоксально на первый взгляд, в подходе Аденауэра и Меркель к решению политико-военных проблем доминировала реализация именно национальных интересов. Оба канцлера стремились к лидерству ФРГ. При этом использовались возможности союзнических и интеграционных структур, которым ФРГ шла на частные уступки. Отстаивая национальные интересы, Аденауэр, равно как и Меркель, не боялся идти на временное ухудшение отношений как с отдельными западными державами, так и с «коллективным» Западом в целом, не ставя при этом под сомнение первоочередную значимость для ФРГ членства в институтах Евро-Атлантического сообщества.

Рассматривая себя в качестве органической части «коллективного» Запада, ФРГ при «зрелых» Аденауэре и Меркель стремилась использовать возможности Запада для утверждения лидерства Германии — в первом случае в основном регионального, а во втором — и глобального. Составной частью этой линии являлось наращивание военного потенциала и активизация его использования, при этом не сопровождавшееся обвинениями правительств Аденауэра и Меркель в ремилитаризации ФРГ. В перспективе во внешней политике Германии следует ожидать сохранения значимости императивов Аденауэра при условии их эволюции.

Библиография/ References

Кузнецов А.В. Экономическая мощь Германии как основа лидерства страны в Европе // Пределы лидерства Германии в Европе. М., 2018.

⁴⁹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/8090, 13.04.2016. S. 4–6.

Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М., 2012.

Трунов Ф.О. Особенности наращивания военного потенциала ФРГ при К. Аденауэре и А. Меркель // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 12. С. 106–124.

Kuznetsov A.V. Ekonomicheskaja moshch' Germanii kak osnova liderstva stran v Evropu [The economic power as the base of country's leadership in Europe] // Predely liderstva Germanii v Evrope [The limits of German leadership in Europe]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Pavlov N.V. Istoriia vneshnei politiki Germanii ot Bismarka do Merkel' [The history of German foreign policy from Bismark to Merkel]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Trunov F.O. Osobennosti narashchivaniya voennogo potentsiala FRG pri K. Adenauere i A. Merkel' [Features of building up the military potential of the FRG under K. Adenauer and A. Merkel] // Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Contours of global transformations: politics, economics, right]. 2019. № 12. S. 106–124.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/8090, 13.04.2016. S. 4–6.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8971, 03.04.2019. S. 8–12.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/10819, 11.01.2017. S. 2–3.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019. S. 8–12.

Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Paul Schäfer (Köln), Inge Höger, Jan van Aken, weiterer Abgeordneter und der Fraktion die Linke. Ausländische Streitkräfte in Deutschland // Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/5586, 14.04.2011. 15 s.

Armee im Kalten Krieg. 05.02.2015. URL: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/streitkraefte/grundlagen/geschichte/anfaenge/ut/p/z1/hU67DolwFP0WB9beKwREN5yEMJBAInQxBWrBF-EpKBT9fDJOJxLOdZw5QyIH2bGoFM63qmVx4Qb3b2Y-z2D7atuv5iOE-Sy5h5NqICNd_AbrYuIEAia-05FMvGYXvDhRQo0Aeb2IsMShvJDWHV5yEUDetryRNVBasQARVSlevIoC8dXwDV_M411-SpF7k-xZhhPFlo4zzMRSgnJSaU6C39VGjUayL-TMHT5jI4rpzjYvQHa73Ab/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9n-QSEh/#Z7_B8LTL29225680011TPHJ52005 (access date: 12.02.2020).

Bredow von W. Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär. Wiesbaden, 2015.

Brussels summit declaration. 12 July 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (access date: 12.02.2020).

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (access date: 12.02.2020).

Defence Expenditure of NATO countries (2011–2018). PR-CP (2019) 034. Brussels, 2019.

Defence Expenditures of NATO countries. Press Release № 2 (63) // Brussels, NATO Press Service, 17 December 1963. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_1963_12/20100830_1963-002.pdf (access date: 12.02.2020).

Die neue Wirklichkeit der Außenpolitik: Diplomatie im 21. Jahrhundert / Hg. V. Stanzel // Stiftung Wissenschaft und Politik. 2018. № 23. November. 76 s.

Ergebnisse der Bundestagswahlen. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (access date: 12.02.2020).

FP beim litauischen Tag der Streitkräfte. 23.11.2019. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/efp-beim-litauischen-tag-der-streitkraefte-156840> (access date: 12.02.2020).

Germany plans military spending hike, but is it enough to appease NATO? 6.02.2019. URL: <https://www.dw.com/en/germany-plans-military-spending-hike-but-is-it-enough-to-appease-nato/a-47394560> (access date: 12.02.2020).

Hanish M. A new quality of engagement Germany's extended military operation in northern Mali // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper. 2015. № 8. P. 1–2.

Hellmann G. Sicherheitspolitik // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / Eds S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden, 2007.

Joint Press Conference with President Trump and German Chancellor Merkel. 17.03.2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-press-conference-president-trump-german-chancellor-merkel/> (access date: 12.02.2020).

Kornelius St. Angela Merkel: Die Kanzlerin und ihre Welt (Zeitgeschichte). Berlin, 2013.

Lippert B., Ondarza N., Perthes V. European Strategic Autonomy Actors, Issues, Conflicts of Interests // Stiftung Wissenschaft und Politik. 2019. № 4. March. P. 16–24.

Macron fordert von Deutschlands stärkeres Engagement in Mali. 20.05.2017. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-05/militaereinsatz-frankreich-emmanuel-macron-mali-deutschland-europa> (access date: 12.02.2020).

NATO Response Force (NRF) Fact Sheet 1.01.2019 // NATO. Mode of access: URL: <https://jfcbs.nato.int/page5725819/nato-pesponse-force-nrf-fact-sheet> (access date: 12.02.2020).

Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. Berlin, 2017.

Roos U. Deutsche Außenpolitik. Eine Rekonstruktion der grundlegenden Handlungsregeln. Wiesbaden, 2010.

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin, 2009.

Trident Juncture 2018: Die logistische Rückführung. Stand vom: 16.11.2018. URL: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe/lut/p/z1/hY_NCoMwEITfyI2KSXo0SIs0aOm_uZSgwVpsLiGVHvrvjRS8SfcwsDO737Ig4ApCy7FrpeuMlr3vK4FvjPljj1ZRxE8UoZwXtEwiFCIawxku_0aEj9FCpQgOjYlKM8gio8RwAAGiUUFttHKTOqVd57W10hkbDMA6fkpe1vok6BqoUJ-ixkMynwg_D203MMSFZzvYT8CFH-Z53ZT09DdVd6qZXO1OnP2N4rmlRJO0XRxWM9Q!!/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922LU800ILN8O52010O6 (access date: 12.02.2020).

DOI: 10.31857/S013038640014288-4

© 2021 г. П.В. СТЕГНИЙ

«Я БУДУ ЦАРСТВОВАТЬ ИЛИ ПОГИБНУ».

Новые материалы Государственного архива РФ о переписке великой княгини Екатерины Алексеевны с английским послом Чарльзом Хенбери-Уильямсом в 1756–1757 годах

Стегний Петр Владимирович — доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол (Москва, Россия).

E-mail: pstegny@inbox.ru

Researcher ID: AAC-8102-2021

Аннотация. В статье рассматривается малоизученный эпизод царствования императрицы Елизаветы Петровны, связанный с тайной перепиской Екатерины II, тогда еще великой княгини, с английским послом в Петербурге Чарльзом Хенбери-Уильямсом (1756–1757 гг.). Переписка, опубликованная в России и Великобритании, представляет собой уникальный по объему и значимости источник. Она дает возможность представить потаенную сторону дипломатии, связанную с процессом масштабных геополитических сдвигов накануне и во время «дипломатической революции» 1756 г. и Семилетней войны. Переписка с английским послом раскрывает властные амбиции Екатерины во время августовского и октябрьского кризисов хронической болезни императрицы, политическую подоплеку ее связи со С.А. Понятовским. Предметом исследования является новый источник, выявленный в Государственном архиве РФ, — «Записка о сзре Хенбери Уильямсе, его отношениях с Екатериной II и политике его времени». Этот документ был подготовлен в начале 1860-х годов Д.Н. Блудовым для Александра II, а затем хранился в личной библиотеке русских императоров. «Записка» Д.Н. Блудова состоит из пяти глав. Первые две посвящены биографии Уильямса и начальному периоду его работы в Петербурге (1755–1756 гг.). Третья и четвертая — собственно переписке посла с великой княгиней Екатериной Алексеевной, т.е. с отъезда Понятовского из России до его возвращения в Петербург в качестве чрезвычайного польско-саксонского посланника. В пятой главе рассматриваются события до отъезда Уильямса из России (октябрь 1757 г.). Материал статьи сгруппирован по трем смысловым блокам, характеризующим основные направления дипломатической деятельности Уильямса в Петербурге, его участие в интригах группировок при елизаветинском дворе и роль в истории с Понятовским. Приводятся также уточненные сведения о личности Уильямса, его деятельности до приезда в Петербург, обстоятельствах отъезда из России, а также характеристика итогов его миссии¹.

Ключевые слова: Чарльз Хенбери-Уильямс, великая княгиня Екатерина Алексеевна, А.П. Бестужев, «дипломатическая революция» 1756 г., Семилетняя война.

P.V. Stegny

“I Shall Either Perish or Reign”. New Materials from The State Archive of Russian Federation on the Correspondence Between Grand Duchess Catherine and the British Ambassador Charles Hanbury Williams in 1756–1757

¹ Основные тезисы статьи изложены в выступлении автора на «круглом столе», посвященном 100-летию Государственного архива РФ, 15 сентября 2020 г.

Piotr Stegny, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (Moscow, Russia).

E-mail: pstegny@inbox.ru

Researcher ID: AAC-8102-2021

Abstract. The article deals with a little-studied episode of the reign of Empress Elizaveta Petrovna, related to the secret correspondence of Catherine II, then still a Grand Duchess, with the British Ambassador in St. Petersburg Charles Hanbury Williams (1756–1757). The correspondence published in Russia (1909) and the United Kingdom (1928) is a unique source in terms of volume and significance. It provides an opportunity to show the hidden side of diplomacy in the times of large-scale geopolitical shifts on the eve of and during the Diplomatic Revolution of 1756 and the Seven Years' War. Moreover, the correspondence with the British Ambassador reveals Catherine's power ambitions during the August and October crises of the Empress's chronic illness, the political background of her relationship with S.A. Ponyatovsky. The subject of the research is a new source found in the State Archive of the Russian Federation – “A Note on Sir Hanbury Williams, His Relationship with Catherine II, and the Politics of His Time”. The “Note” consists of five chapters. The material of the article is grouped into three blocks characterizing the main directions of Sir Williams' diplomatic activity in St. Petersburg, his participation in the intrigues at the court of Elizaveta Petrovna, and his role in the romantic affair between the Grand Duchess and Stanisław Ponyatovsky. The article also provides updated information about Williams' personality, his activities before his arrival to St. Petersburg, the circumstances of his departure from Russia, as well as analysis of the results of his mission.

Keywords: Sir Charles Hanbury Williams, Grand Duchess Catherine Alekseevna, Alexey Bestuzhev, Diplomatic Revolution of 1756, Seven Years' War.

Тайная переписка будущей императрицы Екатерины II с английским послом в Петербурге Чарльзом Хенбери-Уильямсом, опубликованная директором Главного Петербургского архива МИД России С.М. Горяиновым в 1909 г., продолжает привлекать внимание историков в России и за рубежом². После первой волны публикаций³, завершившейся английским изданием переписки⁴, в последние годы отмечается новая вспышка интереса к этой теме⁵. Причем ряд публикаций, отечественных и зарубежных, существенно расширяют характер и методику исследований⁶.

История «дипломатической революции» 1756 г. хорошо документирована, в том числе опубликованными донесениями дипломатов из различных европейских столиц. Но даже на этом фоне переписка Екатерины с Уильямсом, насчитывающая 157 писем (70 от Екатерины и 87 от Уильямса) за период с 31 июля 1756 г. по июнь 1757 г., занимает

² Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны с английским послом Чарльзом Хенбери-Уильямсом / Под ред. С.М. Горяинова. СПб., 1909.

³ Бильбасов В.А. Первые политические письма Екатерины II. СПб., 1887; Горяинов С.М. Станислав-Август Понятовский и Екатерина II // Вестник Европы. 1908. Кн. 1–3; Архангельский Д. Переписка Великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Хенбюри Уильямса как исторический памятник // Русская старина. Кн. XI. 1910. С. 333–348; Чечулин Н.Д. Царствование Екатерины II // Государи дома Романовых. Т. 2. М., 1913; Horn D.C. Sir Charles Hanbury Williams and European diplomacy (1748–58). London, 1930.

⁴ Correspondence of Catherine the Great when Grand-Duchess, with Sir Hanbury-Williams and Letters from Count Poniatowski. London, 1928.

⁵ Butterwick-Pawikowsky R. Poland's Last King and English Culture: Stanislaw August Poniatowski, 1732–1798. London, 1998; Крючкова М.А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009; Черкасов П.П. Елизавета Петровна и Людовик XV: русско-французские отношения. 1741–1762. М., 2010; Елисеєва О.И. Молодая Екатерина. М., 2010; Акимов Т.И. Проблемы просвещенного правления в письмах Великой княгини Екатерины Алексеевны к английскому послу Ч. Уильямсу // Cultural Studies. Letters in Literature and Culture, V. Daugavpils, 2013. P. 37–44; Лабутина Т.Л. Британский посол Чарльз Уильямс и его секретная переписка с Великой княгиней Екатериной Алексеевной // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 161–174; Ее же. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. М., 2019.

особое место⁷. Ценность, даже уникальность переписки заключается в том, что она позволяет увидеть ту потаенную сторону дипломатии и — шире — процесса подготовки масштабных геополитических решений, которая обычно оседает в закромах частных, реже — государственных архивов. Переписку Екатерины с Уильямсом можно смело поставить в один ряд с комплексом документов Секрета короля, опубликованных после Французской революции⁸.

И тем не менее этот источник вряд ли можно считать хорошо изученным. Это связано, как представляется, с объективными трудностями восприятия широкого круга вопросов, затрагиваемых в переписке, в отрыве от контекста внутривосточной борьбы конца елизаветинского царствования и, главное, судьбоносных для Екатерины событий кануна Семилетней войны. С учетом этого, как сообщает С.М. Горяинов, Александр II поручил государственному секретарю Д.Н. Блудову подготовить Историческую записку о переписке великой княгини с английским послом в связи с событиями царствования Елизаветы Петровны. Блудов провел основную археографическую работу, установил хронологическую последовательность писем, многие из которых были не датированы. После его смерти (19 февраля 1864 г.) «Записка» была завершена его преемником на посту государственного секретаря В.Н. Паниным и сотрудником II Отделения Собственной его величества канцелярии тайным советником Е.И. Бреверном. В мае 1864 г. переписка была передана вице-канцлером А.М. Горчаковым в Госархив (но поскольку к этому времени с ней уже поработал Блудов, не исключено, что в России она появилась ранее, возможно, в связи с широко отмеченным в 1862 г. столетним юбилеем воцарения Екатерины II).

«Записка» расширяет наши знания о проблеме провенанса переписки. Из приложенного к ней сопроводительного письма В.Н. Панина на имя Николая II следует, что она была получена от Джорджа Генри Роуза, бывшего посланника Великобритании в Баварии, Пруссии и США. Но поскольку сам Роуз умер в 1855 г., можно предположить, что ее передал его сын (возможно, по завещанию), полный тезка отца. Биографы Уильямса установили, что после его смерти переписка с Екатериной какое-то время хранилась в семье его младшей дочери Шарлотты, бывшей замужем за капитаном Робертом Бойль-Уолсингемом.

Записка Блудова представляет собой обширный труд (598 листов с оборотами) под названием «Записка о сзре Хенбери Уильямсе, его отношениях с Екатериной II и событиях его времени». Она была выявлена в Государственном архиве РФ (фонд Рукописные материалы библиотеки Зимнего дворца) еще в 2002 г.⁹, но, к сожалению, все еще не введена в научный оборот¹⁰. «Записка» написана на французском и предназначалась для личного сведения императора, ею интересовались и долго держали у себя Александр II и Александр III. Собственно они, а затем и Николай II знакомились с перепиской Екатерины с Уильямсом по «Записке», а не по трудночитаемым оригиналам писем.

⁶ З.С. Константинова выявила и опубликовала ранее неизвестную работу Уильямса об эпохе Петра I: Константинова З.С. Ч.Г. Уильямс и Россия // Новый век. 2005. № 4. С. 12–25. Также см.: Butterwick-Pawlikowski R. “In the Greatest Wildness of My Youth”: Sir Charles Hanbury Williams and Mid-Eighteenth-Century Libertinism // Journal for Eighteenth Century Studies. Vol. 41(1). 2017. P. 3–23; Тоеева А.В. Чарльз Хенбери Уильямс — воспитатель английского вкуса русской императрицы // Английский вкус императрицы. Царское Село Екатерины Великой. СПб., 2019. С. 19–31.

⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 5. Оп. 1. Д. 79. Ч. 1, 2.

⁸ Boutaric E. Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier, etc. Paris, 1866; Broglie A. de. Le Secret de Roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatique, 1752–1774. Vol. 1. Paris, 1878.

⁹ Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002. С. 12, 81–83.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Рукописные материалы библиотеки Зимнего дворца. Оп. 1. Д. 137. Notice sur sir Hanbury Williams, ses relations avec Catherine II et les affaires de son temps (далее — «Записка»).

Николай II дал разрешение на публикацию переписки (но не «Записки») после революции 1905 г. Он, кстати, затрагивал вопросы, связанные с перепиской, в беседах с потомком Уильямса Джоном Хенбери-Уильямсом, главой английской военной миссии в России во время Первой мировой войны¹¹.

«Записка» состоит из пяти глав. Две первые посвящены биографии Уильямса и начальному периоду его работы в Петербурге (июль 1755 г. — июль 1756 г.). Третья и четвертая — собственно переписке посла с великой княгиней Екатериной Алексеевной (31 июля 1756 г. — июль 1757 г.), т.е. с отъезда С.А. Понятовского из России до его возвращения в Петербург в качестве чрезвычайного польско-саксонского посланника. В пятой главе рассматриваются события до отъезда Уильямса из России (октябрь 1757 г.). Факты и оценки, излагаемые участниками переписки, комментируются, а в необходимых случаях перепроверяются на основании документов, опубликованных немецкими и французскими историками XIX в. Ф. Раумером, Э. Херманном, Г. де Раксиде Флассаном. В конце «Записки» приводится ряд выдержек из дипломатических документов из архивов Дрездена, Берлина, Лондона и Парижа¹².

Характер настоящей статьи не предполагает подробного изложения документа. Свою задачу автор видит в том, чтобы привлечь внимание к этому важному источнику. Исходя из этого, основное внимание в статье уделено третьей и четвертой главам «Записки», посвященным непосредственно переписке великой княгини с английским послом. Материал, преимущественно новый, сгруппирован по трем смысловым блокам, характеризующим основные направления деятельности Уильямса в Петербурге, его участие во внутриполитической борьбе и роль в истории с Понятовским. Приводятся также, следуя логике «Записки», уточненные сведения о личности Уильямса, его работе до приезда в Петербург, обстоятельствах отъезда из России, а также характеристика итогов его миссии.

ЧАРЛЬЗ ХЕНБЕРИ-УИЛЬЯМС ДО ПРИЕЗДА В ПЕТЕРБУРГ

Ко времени появления сэра Чарльза в русской столице ему было 46 лет, характер и привычки его уже вполне сформировались. Выходец из родовитой семьи, он был младшим сыном майора Джона Хенбери из Понтипула, одного из директоров Компании южных морей и владельца металлургических заводов в графстве Монмутшир. Немалое состояние вместе со второй частью фамилии — Уильямс — унаследовал от друга отца, умершего бездетным (любопытный штрих: приемный отец Чарльза разбогател в России, куда был вынужден бежать, после того как убил своего противника на дуэли). Образование получил в Итоне, где мальчики семьи Хенбери учились последние четыре века. В колледже его товарищами были Генри Филдинг, Уильям Питт-старший, Гораций Уолпол, Генри Фокс и его брат Стивен, будущий лорд Илчестер. Итонцы не теряли связи друг с другом и после окончания колледжа.

В молодости сэр Чарльз, как и многие английские аристократы его круга, вел жизнь великосветского повесы. Он вырос в атмосфере утонченного разврата закрытых клубов с их раблезианской атмосферой и культом Приапа и Венеры — и литературными занятиями (склонность к ним проявилась у него еще в колледже). Стал одним из первых членов Общества дилетантов, культивировавшего любовь к античности. После смерти отца в 1733 г. унаследовал его место в парламенте. В 1732 г. женился на леди Френсис Коннингсби, дочери графа Томаса Коннингсби. В браке родились две дочери. Старшая, Френсис, вышла замуж за графа Эссекса (Екатерина в переписке Уильямса с Понятовским будет проходить под псевдонимом леди Эссекс), младшая, Шарлотта, — за моряка, ирландца Роберта Бойль-Уолсингема. Но в целом брак его оказался несчастливим,

¹¹ *Hanbury-Williams J.* The Emperor Nicholas II, as I Knew Him. London, 1922. P. 2, 22.

¹² *Flassan de Raxis G. de.* Histoire de la diplomatie française. Vol. 1—6. Paris, 1809; *Raumer F. von.* Friedrich II und seine Zeit (1740—69). Leipzig, 1836; *Hermann E.* Geschichte des Russischen Staats, Hamburg, 1853.

с конца 1740-х годов супруги жили раздельно. В Петербурге Уильямс был один, переписывался только с дочерьми. Писем от жены нет.

В Палате представителей Уильямс был центром кружка, многие члены которого — лорд Джон Херви, Томас Виннингтон, Джон Сальвин — вышли на первые роли в британской политике. Особо близкие отношения сложились у него с Генри Фоксом, оставившим заметный след в истории английского парламентаризма. Оба они начинали свою карьеру в партии тори, но позже примкнули к вигам. Уильямс приобрел себе имя едкими политическими памфлетами, в которых критиковал противников премьер-министра Роберта Уолпола. По протекции Виннингтона, занявшего крупный пост в Адмиралтействе, он был назначен в 1739 г. казначеем морского ведомства. Сохранил свой пост и после того как Р. Уолпол был вынужден уйти в отставку в 1742 г.

Путь наверх Уильямс прокладывал благодаря своим связям и поэтическим талантам. Он не был крупным поэтом, но несколько его од и стихотворений, написанных на злобу дня, принесли ему известность в лондонском свете, похвалы Г. Фокса и Г. Уолпола, признанного авторитета в английской словесности, а позже и Вольтера. Стихи Уильямса переписывались и циркулировали в списках в аристократических салонах (писал он, выражаясь современным языком, в либертарианском духе, и сборник его стихов, изданный после смерти в Лондоне, вызвал раздражение консервативной публики). Гораций Уолпол говорил: «Его сатирический талант вызывал опасения у людей ограниченных, и мало кто прощал ему его тщеславие»¹³.

Сатира — дело небезопасное, особенно когда она затрагивает сильных мира сего. Уильямс имел неловкость написать сатирическую оду по случаю свадьбы ирландского аристократа лорда Боле с герцогиней Манчестерской. Соотечественники новобрачного были представлены в ней в весьма невыгодном свете¹⁴. Последовал оглушительный скандал, впрочем, предсказуемый. Ходили слухи, что горячие ирландцы готовились вызвать Уильямса на дуэль, и друзья убедили его на какое-то время уехать из Лондона, скрывшись в своем имении Колдбрук-Парк.

В 1746 г. Уильямс счел за лучшее подать в отставку и обратился к королю с просьбой направить его за границу. Георг II благоволил к нему, как говорили, из-за оды, написанной Уильямсом в честь его сына, герцога Камберлендского. Уильямс подумывал о дипломатической синекуре в Турине, но административного ресурса его друга Фокса в тот момент оказалось недостаточно, и в 1747 г. он был отправлен в Дрезден, став перед тем благодаря стараниям друзей кавалером ордена Бани.

Закljučая краткий обзор жизни Уильямса, авторы «Записки» пишут: «Таким образом этот поэт и прожигатель жизни сделался дипломатом, и дипломатом ловким, обладающим большими способностями к делам. Очень скоро он доказал, что автор сатирических стихов и од владел пером так же хорошо и даже лучше, когда дело заходило о написании депеш... Он умел доложить о своих политических шагах широкими мазками, не теряя внимания читателя». Этот «блестящий говорун, обладавший утонченными манерами и искрометным юмором, легко углублял характеры самые различные, превосходно умел извлекать выгоды из маленьких слабостей своих партнеров и устанавливать отношения с теми, кто обладал влиянием на крупных игроков на политической арене»¹⁵.

¹³ «Записка». Л. 5.

¹⁴ В оде Уильямса, в частности, говорилось:

“Nature, indeed, denies them sense,
But gives them legs and impudence
That beats all understanding”.

(Природа, обделив умишком,

Их одарила ляжками

И дерзостью с излишком). (Перевод мой. — П.С.)

¹⁵ «Записка». Л. 7 об.—8.

Характеристика, скажем прямо, излишне комплиментарная. Это показал уже первый приступ Уильямса к дипломатическим делам. В столицу Саксонии он прибыл в мае 1747 г. Дрезден в английской дипслужбе считался второстепенным постом. Значение его повысилось только в связи с продолжавшейся войной за австрийское наследство и планами Георга II как курфюрста Ганновера активизировать политику Великобритании в Германии. Саксония, успевшая повоевать и на стороне Франции, и с 1742 г. в составе австрийской коалиции, пыталась посредничать между Австрией и Францией. Французские дипломаты, знавшие о тяжелом финансовом положении Саксонии, обсуждали возобновление с ней субсидного договора. В связи с этим Уильямсу предписывалось содействовать двум имперским послам, российскому и австрийскому, чтобы воспрепятствовать сближению Дрездена с Парижем и удержать его в орбите англо-австрийского союза 1742 г. Сэру Чарльзу следовало также обеспечить проход в Нидерланды русских вспомогательных войск, которые должны были поставить заключительную точку в войне.

В Дрездене Россию представлял Михаил Петрович Бестужев, брат всемогущего канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, а Австрию — Миклош Эстергази. С обоими ему предстояло иметь дело и в Петербурге, где они не входили в число его друзей. Дело в том, что с первых шагов Уильямс приобрел репутацию дипломата, склонного к интригам и к тому же не умевшего держать язык за зубами. Попытки поссорить фаворита Августа III всеильного канцлера Генриха Брюля с французским послом Дезэссаром сильно повредили ему во мнении коллег.

Положение Уильямса не облегчало и то, что в свой первый приезд в Дрезден он не был полномочным министром. Чтобы выполнить поручение по обеспечению прохода русских войск через территорию Польши, ему пришлось повторно аккредитоваться у курфюрста Августа III как короля Польши, с которой Саксония была связана личной унией. Первые неудачи показали Уильямсу, что Великобритания в сравнении с Россией и Австрией не располагала влиянием на германские владетельные княжества.

Уже через год, в начале мая 1748 г., Уильямс вновь обратился к королю с просьбой перевести его в Турин. В ожидании ответа он не поехал вместе со всем двором в Варшаву на открытие сейма. Вместо этого он, оставшись один в Дрездене, сочинил развернутую справку по истории Польши до 1382 г., эпохе королей династии Пястов. Факт любопытный, поскольку дает основание предполагать, что уже в это время его серьезно интересовали польские дела, в частности вопрос о том, кто займет польский трон после смерти Августа III.

Вместо Турина Уильямсу предложили перевестись в Берлин уже полномочным посланником. В августе 1749 г. он выехал в Лондон, проведя в Саксонии чуть более двух лет. Сразу же по возвращении он представил руководству три меморандума, в которых изложил свои предложения по активизации британской политики в германском мире. В их основе лежали две главные идеи: о предоставлении финансовых субсидий мелким германским государствам и избрании восьмилетнего сына Марии Терезии эрцгерцога Иосифа «римским королем» (императором Священной Римской империи германской нации). Это понравилось Георгу II, озабоченному защитой своих ганноверских владений от возможного нападения со стороны Франции и Пруссии. Одобрил идеи Уильямса и руководитель английской внешней политики герцог Ньюкасл. Так родился план Ньюкасла—Уильямса, определивший германскую политику Великобритании при Ганноверской династии.

В Берлине Ньюкасл поручил Уильямсу заниматься наблюдением за ситуацией в Германии, предстоящими выборами «римского короля» и польскими делами, где в связи с возрастом и состоянием здоровья Августа III вставал вопрос о выборах нового короля. Предстояло ему и внимательно следить за острыми перипетиями отношений Ганновера и Пруссии: Георг II и Фридрих II, находившиеся в близких родственных отношениях (дядя и племянник), терпеть не могли друг друга. Кроме того, в секретных инструкциях, данных Уильямсу, его функции в Берлине были, как вскоре выяснилось, весьма неудачно

совмещены с задачами британской политики в Саксонии, куда еще не успел прибыть его преемник. Уильямсу, в частности, предписывалось препятствовать возобновлению субсидного договора Дрездена с Версалем.

Фридрих II встретил Уильямса подчеркнуто холодно. Как докладывал посол в Лондон, «моя аудиенция с прусским королем продолжалась 5 и ½ минуты». Этого в принципе и следовало ожидать. Еще до отъезда Уильямса в Берлин злые языки в Лондоне живо обсуждали, «как два поэта будут читать друг другу свои бездарные оды и чем все это закончится». Мы не знаем мнения Фридриха о стихах Уильямса, но в дипломатии он считал его опасным интриганом. Уильямс, со своей стороны, не стеснялся в выражениях, издеваясь над «иногда жестокими, иногда дурацкими» методами великого монарха. В своих депешах и частных письмах британский дипломат весьма саркастически отзывался о последствиях войны, которую прусский король начал захватом Силезии, в самых черных красках описывал его «деспотизм и цинизм». По мнению Г. Уолпола, он делал это в угоду Георгу II¹⁶.

Серьезно осложнила положение Уильямса в Берлине и его поездка на польский сейм летом 1750 г. На сейм он опоздал, но его контакты с влиятельной «фамилией» Чарторийских имели далеко идущие последствия для его профессиональной карьеры. Чарторийские, сторонники реформ, на этом этапе еще поддерживали идею сохранения польского трона в руках Саксонии, но задумывались и о возвращении к временам Пястов. Положительно отнеслись они и к кандидатуре эрцгерцога Иосифа на предстоящих выборах в Священной Римской империи, давая понять, что готовы переориентироваться с Франции на Англию, если на это согласится британский парламент.

Вернувшись в Берлин в конце октября, Уильямс оказался в состоянии почти полной изоляции как со стороны прусского официоза, так и значительной части дипкорпуса. Король был крайне недоволен его поездкой в Польшу, относительно которой его планы никак не совпадали с интересами саксонской династии Веттинов. В конце 1750 г. Фридрих потребовал отзыва дипломата из Берлина, сославшись на то, что своим поведением он наносит ущерб двусторонним отношениям. Однако конкретных претензий к Уильямсу король предпочел не высказывать. В Лондоне также сочли за лучшее отозвать Уильямса из Берлина, одновременно, однако, назначив его снова в Дрезден, на этот раз уже в качестве полномочного посланника.

В саксонской столице, где были наслышаны о пикировках Уильямса с прусским королем, его встретили как героя. В Европе уже начались перемены, которые вскоре закончились «ниспровержением альянсов». Саксония, окончательно запутавшаяся в сложном маневрировании между Австрией, Францией и Пруссией, остро нуждалась в пополнении финансов. Субсидный договор с Великобританией, подписанный Уильямсом в 1751 г., принес Августу III 32 тыс. ф. ст. в год. Но ратифицирован английским парламентом он был только в январе 1752 г. после вмешательства Генри Фокса, который вскоре стал членом Кабинета.

Однако в целом план Ньюкасла—Уильямса по обеспечению безопасности Ганновера путем выплаты субсидий мелким германским государствам не сработал. Двое из девяти членов Коллегии курфюрстов отказались принимать в нем участие. Неосуществимой из-за позиции Австрии оказалась и идея ранних выборов императора Священной Римской империи. Это ясно показал уже визит Уильямса в Вену в марте 1753 г. И хотя осенью того же года Ньюкасл направил ему сообщение о новых, расширенных полномочиях по переговорам с германскими государствами, идея обеспечения безопасности Ганновера путем подписания субсидных договоров была заблокирована Пруссией.

Наибольших успехов во время второй миссии в Саксонии Уильямс добился в польских делах. На сейме 1752 г. он теснее сблизился с партией Чарторийских, недовольных

¹⁶ Там же. Л. 16–17.

Брюлем и начавших говорить о желании отойти от Саксонии. В 1753 г. Уильямс составил план, предусматривавший проведение выборов польского короля до смерти Августа III, с тем чтобы предотвратить, с одной стороны, французские попытки посадить на польский трон принца Конти, а с другой — вмешательство России в польские дела. Однако после сейма 1754 г. Чарторыйские, убедившись в невозможности реформ в Польше при саксонском правлении, начали зондировать возможность продвижения на польский престол «природного поляка» (представителя древней династии Пястов), имея в виду, естественно, своего кандидата.

Таковыми кандидатами были Станислав Август, сын Станислава и Констанции Понятовских, и его дядя Август Чарторыйский, но он сам снял в 1762 г. свою кандидатуру. Уильямс познакомился с ним в 1750 г. в Берлине, причем, что любопытно, с подачи русского посла Г.К. фон Кейзерлинга, бывшего своим человеком в доме Чарторыйских и преподававшего когда-то молодому Станиславу Августу логику и математику. Уильямс взял молодого Понятовского под свое покровительство. Покидая Варшаву в 1752 г., он снабдил 20-летнего поляка шифром для тайной переписки с фамилией Чарторыйских.

Уильямс считал Понятовского своим приемным сыном. По просьбе Чарторыйских он взялся довершить его воспитание, подготовив будущего короля к государственной деятельности. Когда семья в 1751 г. направила графа Станислава в ознакомительную поездку по Европе (Grand Tour, завершающий штрих в аристократическом образовании), Уильямс снабдил Понятовского рекомендательными письмами и проделал часть пути вместе с ним. Во время поездки Понятовский был введен в придворные круги Австрии, Саксонии, Пруссии, Англии, познакомился в Вене с Н.Л. фон Цинцендорфом, в Париже с мадам Жоффрен, переписку с которой вел долгие годы, и президентом Ш.Л. Монтескье, вдохновившим позже Екатерину на написание «Наказа» Уложенной комиссии. В Дрездене он жил у Уильямса, был представлен им Брюлю и стал своим человеком в доме канцлера¹⁷.

Сближение Уильямса с Чарторыйскими не прошло мимо внимания Бестужева, зорко следившего за тайными ходами европейской дипломатии. В начале 1755 г. он по своим каналам, возможно, через канцлера Брюля, с которым находился в приятельских отношениях, нашел способ довести до сведения Уильямса, что Россия готова к совместному противодействию экспансии Пруссии. Располагая 16-тысячным войском на границе, она могла бы выставить еще столько же, если удастся достичь соглашения по сумме субсидий. При этом Бестужев дал понять, что готов вести переговоры по этому вопросу с Уильямсом, так как отношения с английским посланником в Петербурге Гаем Диккенсом его не устраивали.

Переговоры по подписанию субсидного договора с Великобританией велись в Петербурге с 1749 г. Диккенс, у которого не сложились отношения с Бестужевым, давно просил отозвать его на родину, ссылаясь на то, что при русском дворе должен находиться дипломат в полном расцвете сил, деятельный и способный присутствовать на бесчисленных празднествах при дворах, балах и маскарадах, посещать театры и оперу.

В апреле 1755 г. новый государственный секретарь по иностранным делам лорд Холдернесс принял решение о переводе Уильямса в Петербург. Он был назначен чрезвычайным и полномочным послом, поскольку это давало ему право на место за столом рядом с императрицей, а также потому, что Австрия была представлена в Петербурге на уровне посла.

МИССИЯ УИЛЬЯМСА В ПЕТЕРБУРГЕ

«Около Троицына дня прибыл в Россию английский посланник кавалер Уильямс. В свите его находился граф Понятовский, поляк, отец которого держал сторону Карла XII, шведского короля», — читаем мы в мемуарах Екатерины.

¹⁷ Поездку по Европе Понятовский совершал в компании Гарри Дигби, племянника Роберта Фокса. Этот молодой человек был также одним из протеже Уильямса наряду с его племянником Уильямом Капелем.

Действительно, Уильямс прибыл в Петербург в начале июня 1755 г., но Понятовский с приездом несколько запоздал: среди официальных лиц, сопровождавших посла на высочайшую аудиенцию 12 июня, его имени мы не видим. В свите Уильямса он не появился и 23 июня во время представления посла «малому двору». Впервые его имя упоминается в связи с балом в Ораниенбауме 28 июня по случаю именин великого князя Павла Петровича. «Помню, что за ужином английский посол кавалер Уильямс был за моим столом, и мы вели с ним приятную беседу: он был умен, сведущ, объездил всю Европу — с ним было нетрудно разговаривать»¹⁸. Существенно, что посол сразу же обратил внимание великой княгини на то, что Понятовский послан «фамилией» Чарторийских с тем, чтобы он «воспитал в нем дружественные чувства к России»¹⁹.

Главной задачей сэра Чарльза было скорейшее подписание субсидного договора о направлении русских войск для защиты ганноверских владений английского короля. Опираясь на архив своего предшественника Гая Дикенса и помощь британского консула барона Якова Вольфа, находившегося в Петербурге уже 10 лет, Уильямс провел рекогносцировку. Через две недели после приезда он уже докладывал в Лондон, что идею заключения субсидного договора поддерживает не только канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, но и вице-канцлер М.И. Воронцов.

Для такой оперативности имелись свои причины: посла уполномочили обещать Бестужеву 10 тыс. ф. ст. при ратификации субсидного договора (в дипломатической практике XVIII в. это было общепринятым делом), а «в случае крайней необходимости» — выплачивать ему регулярную пенсию. Уже в июле Уильямс начал осторожно зондировать Бестужева относительно пенсии. Начал с пяти тысяч, затем предложил восемь. Бестужев обиделся. Сошлись на десяти. Помимо Бестужева было решено финансово стимулировать вице-канцлера М.И. Воронцова, его секретаря А.В. Олсуфьева, секретаря Бестужева Д.В. Волкова, а также, по настоянию посла, саксонского представителя барона И.Ф.А. фон Функа, который в течение двух лет не получал жалования от своего двора²⁰.

Уже через два месяца после приезда, 29 июля (9 августа) 1755 г., Уильямс сообщал, что подписал предварительный текст субсидного договора, предусматривавшего направление в Ганновер 55-тысячного корпуса русских войск в обмен на ежегодную выплату 500 тыс. ф. ст. Срок действия договора составлял четыре года. Императрица включила в него две секретные статьи. Первая — о незаключении сепаратного мира (на Ахенском конгрессе в 1748 г., завершившем войну за австрийское наследство, русских дипломатов не допустили к переговорам). Вторая — о том, что корпус русских войск, дислоцированный в Ливонии, должен был пересечь границу Пруссии через три месяца после получения соответствующей просьбы британской стороны.

Сообщение Уильямса Георг II получил в Ганновере, где шли переговоры по субсидным соглашениям с Баварией, Саксонией и Гессеном. Продвигались они трудно — торг шел за каждый фунт стерлингов. Внимательно изучив договор, подписанный Уильямсом, Георг II представил себе, насколько затратной является его политика защиты Ганновера при помощи английского золота. В итоге лорд Холдернесс пришел к выводу, что посол выполнил не все пожелания короля по срокам предоставления войск и объемам субсидий. Уильямсу полетели указания «исправить все, что еще можно было исправить»²¹.

¹⁸ Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 1. Берлин, 1900. С. 345.

¹⁹ Там же. С. 346.

²⁰ Характерная деталь. При обсуждении этого вопроса Бестужев настоял, чтобы гарантийный взнос в 100 тыс. ф. ст., которые Великобритания должна была выплатить России при ратификации договора, был увеличен на 50 тыс., подчеркнув, что эти средства предназначены для «личного кошеляка императрицы», на ремонт одного из ее дворцов в окрестностях Петербурга. Англичане согласились на 25 тыс., но в конечном счете гарантийный взнос, включая эту сумму, не был выплачен. — Horn D.C. Op. cit. P. 14.

²¹ «Записка». Л. 59 об.

Депеша лорда Холдернесса от 17(28) августа стала для Уильямса холодным душем. Понятовский впоследствии вспоминал, что, прочитав первую страницу, посол бросил ее на пол, хлопнул себя по лбу и обхватил голову руками. После нескольких минут молчания, Уильямс поднял голову и спросил Понятовского, может ли тот поверить, что вместо того, чтобы оценить его усердие, король выражает ему свое неудовольствие. Посол погрузился в глубокую ипохондрию. Понятовский увидел в этом одну из причин его последующего психического расстройства²².

Между тем реакция Георга II носила скорее эмоциональный характер. Дело в том, что Уильямс по ошибке направил в Лондон экземпляр договора, предназначавшийся для России. В нем в соответствии с правилом альтерната подпись Елизаветы Петровны шла первой, перед подписью английского короля. Уильямсу не составило труда пометить экземпляры. Более существенные замечания касались двух секретных статей: в первой сумма дополнительных дотаций была снижена с 50 до 25 тыс. ф. ст., во второй — Россия обязалась сократить сроки направления войск в Восточную Пруссию.

19(30) сентября 1755 г. окончательно согласованный текст договора был направлен в Лондон. Тем не менее задержка с его оформлением имела нежелательные последствия. Во-первых, Фридриху II из-за утечек информации в голландской прессе стало известно о его подготовке. Стремясь предотвратить формирование против него мощной коалиции, он выступил с инициативой встречи с Георгом II, в ходе которой дядя и племянник договорились о прусских гарантиях территориальной целостности Ганновера. Во-вторых, не остались в бездействии и французы. В начале октября в Петербурге появился «в качестве простого путешественника» шотландский эмигрант, сторонник Стюартов Маккензи Дуглас, начавший тайные переговоры с вице-канцлером Воронцовым и партией Шуваловых о восстановлении дипломатических отношений России с Францией, прерванных после раскрытия «заговора Шетарди» в 1744 г. Таким образом, субсидный договор между Россией и Англией стал катализатором формирования новой расстановки сил накануне Семилетней войны.

Первым шагом в этом направлении стало подписание 5 января 1756 г. «конвенции нейтралитета» между Англией и Пруссией, получившей название Вестминстерского договора. В соответствии с ним стороны обязывались поддерживать мир в Германии против всякой державы, которая посягнет на целостность германской территории. Подписание Вестминстерского договора, ставшее полной неожиданностью для дипломатов Европы, поставило Уильямса в крайне сложное положение. Из противника короля-философа ему предстояло превратиться в его союзника. Задача непростая, поскольку поворот в английской политике разрушил всю систему аргументов, которые Уильямс использовал в России, внушая Бестужеву и Воронцову, что Англию лучше иметь в качестве союзника, чем врага. Справедливости ради надо отметить, что он сам узнал об англо-прусском сближении лишь из депешы лорда Холдернесса от 16(26) декабря, причем в Лондоне в тот момент еще надеялись сохранить факт подписания договора с прусским королем в тайне. Уильямсу запрещалось обсуждать этот вопрос не только с российскими представителями, но и с австрийским послом Эстергази. «Можно представить себе впечатление, которое должно было произвести это на Уильямса, который с начала своей дипломатической карьеры только и делал, что разжигал ненависть к прусскому королю», — отмечают авторы «Записки»²³.

Перемены, происходившие в большой европейской политике, повлекли за собой задержку с ратификацией Россией субсидного договора (английский парламент ратифицировал его 11 декабря 1755 г.). Уильямс докладывал, что «работает день и ночь, чтобы

²² Cox W. An Historical Tour of Monmouthshire. Vol. 2. London, 1782. P. 275. У. Кокс, первый биограф семьи Уильямс, слышал эту историю от самого Понятовского в Варшаве в 1785 г. — «Записка». Л. 51 об.

²³ Там же. Л. 61 об.

сгладить негативное впечатление от Вестминстерского договора в Петербурге»²⁴. Действия Лондона он объяснял стремлением сохранить мир на континенте, хотя было очевидно, что Георга II мало интересовало все, что не касалось защиты его ганноверских владений. В частном письме от 26 декабря лорд Холдернесс писал Уильямсу: «Поскольку мы платим волынщику, то не понимаем, почему мы не можем услышать ту мелодию, которую заказываем» (as we pay the piper, it is not understandable for us to have the tune we like)²⁵. Уильямсу не оставалось ничего другого, как называть Вестминстерский договор шедевром дипломатии.

1(14) февраля 1756 г. Елизавета Петровна ратифицировала субсидный договор, но сопроводила его Секретнейшей декларацией, согласно которой российские гарантии Ганноверу распространялись только на агрессию со стороны Пруссии, но не Франции. Бестужеву выплачивали обещанные 10 тыс. ф. ст. Однако герцог Ньюкасл, явно недооценивавший раздражение главных лиц в Петербурге, принял решение не признавать Секретнейшую декларацию и не прилагать ее к тексту договора. 8 мая Уильямс вернул ее Бестужеву. В ответ канцлер вновь направил текст декларации в Лондон, на этот раз через российского чрезвычайного посланника А.М. Голицына. Англичане, понимая, что фактический отказ России помогать Англии в случае угрозы Ганноверу со стороны Франции обесценивает субсидный договор, отказались принимать ее. Тогда посланник, уходя, оставил ее на столе. Таким образом, договор не был денонсирован (хотя Воронцов и требовал этого при открытии в марте Конференции при высочайшем дворе), но и не вступил в силу, оставшись одним из примеров конструктивной двусмысленности в истории дипломатии.

Англо-прусская «конвенция нейтралитета» и русско-английский субсидный договор вызвали перегруппировку политических сил в Европе, получившую название «дипломатической революции». В новых условиях Уильямс показал себя не лучшим образом. Сосредоточившись на переговорах Дугласа в Петербурге, он просмотрел активные контакты Австрии в российской столице, которые имели гораздо более тяжелые последствия для Англии. В марте 1756 г. Россия заключила первое из серии соглашений с Австрией, согласно которому она обязалась для планировавшегося (но не состоявшегося) похода против Фридриха поставить 70-тысячный корпус. Благодаря активности французской дипломатии к австро-русскому союзу примкнул Август III, саксонский курфюрст и король Речи Посполитой. В 1757 г. в антипрусскую коалицию вступила Швеция, получившая денежные субсидии и надеявшаяся вернуть себе прусскую Померанию.

Но кульминацией «дипломатической революции» стало подписание в мае 1756 г. в Париже первого Версальского договора между Францией и Австрией. Договор носил оборонительный характер и в пик заключенному тайно англо-прусскому договору был сразу же опубликован. Стороны обязывались уважать территориальную целостность друг друга, агрессор, против которого собирались применить силу Вена и Париж, не назывался, но ясно, что речь шла о Пруссии. Цели России в начавшейся вскоре Семилетней войне к этому времени были уже сформулированы (26 марта, на одном из первых заседаний Конференции), и они носили открыто антипруссский характер: «Ослабить короля прусского, сделать его для России нестрашным и незаботным, усиливши венский двор возвращением Силезии, сделать союз с ней против турок более важным и действенным, одолживши Польшу доставлением ей королевской Пруссии. Взамен получить не только Курляндию, но и такое округление границ польских, благодаря которому мы не токмо пресекли бы нынешние беспрестанные одни хлопоты и беспокойства, но, быть может, получили бы способ соединить торговлю Балтийского и Черного морей и сосредоточить всероссийскую торговлю в своих руках»²⁶.

²⁴ Там же. Л. 63.

²⁵ Horn D.C. Op. cit. P. 8.

²⁶ Цит. по: Стегний П.В. Указ. соч. С. 81.

Предпосылки для формирования тройственной коалиции Австрии, Франции и России были теперь налицо, но процесс переговоров занял еще более года. В европейской дипломатии этого периода соединилось несоединимое — глобальные вызовы начавшейся трансформации Вестфальской системы (Черчилль назовет впоследствии Семилетнюю войну репетицией Первой мировой) и альковно-будуарный характер ответа на них (для Фридриха II надвигавшийся конфликт был «войной трех баб» — Марии Терезии, Елизаветы Петровны и маркизы Помпадур).

«Дипломатическая революция» сместила традиционные ориентиры европейской политики. Вчерашние друзья в одночасье становились врагами, привычные схемы переставали работать. В этих условиях даже такие опытные политики, как канцлер Бестужев, чувствовали, что почва уходит из-под ног, Уильямс же совсем потерялся. Уже в январе 1756 г. Бестужев начал добиваться от Лондона через дипломатов третьих стран его отзыва. В письме, переданном через саксонского посланника Функа, уезжавшего из Петербурга, он характеризовал Уильямса как интригана, который «перессорил всех и может завершить свою миссию полным разрывом отношений между Лондоном и Петербургом»²⁷. Британского дипломата выручили, как всегда, друзья в Лондоне, и прежде всего Генри Фокс, который стал в ноябре 1755 г. государственным секретарем по иностранным делам департамента Юга. Но влиятельные ходатаи были у него и в Петербурге.

Сложные задачи, которые приходилось решать Уильямсу в Петербурге, побуждали его внимательно следить за расстановкой сил при российском дворе, борьбой придворных группировок по внешнеполитическим вопросам. Императрица Елизавета Петровна под влиянием канцлера Бестужева, австрийских и саксонских дипломатов была настроена резко антипрусски. Но несмотря на это, даже после подписания Вестминстерского договора Уильямс считал, что заинтересованность России в торговле с Великобританией позволит удержать ее вне коалиции с Францией и Австрией. Бестужев имел свои причины недолюбливать и Пруссию, и Францию, которые добивались его падения через партию Шуваловых (со второй половины 1740-х годов представители этих стран в Петербурге отсутствовали). Знаменитая «система» Бестужева была ориентирована на Австрию и Англию. При «малом дворе», напротив, царил культ Фридриха II. Великий князь Петр Федорович афишировал свое преклонение перед прусским королем; Екатерина вела себя более осторожно. Она была противницей вступления России в войну, хотя и говорила Уильямсу, что считает Фридриха II «естественным врагом» России, даже питает к нему антипатию, «имея для этого личные причины»²⁸. Вице-канцлер Воронцов (Бестужев держал его на вторых ролях) с 1753 г. тайно зондировал возможность восстановления дипломатических отношений России с Францией. В то же время, понимая, что его будущее связано с «малым двором», он проявлял разумную осторожность в высказываниях относительно Пруссии.

Осенью 1755 г. Уильямс начал направлять в Лондон сообщения об ухудшении здоровья императрицы. В депеше от 21 сентября (2 октября) он доносил, что у нее астма, постоянный кашель, частые кровотечения, ноги с отеками и вода в животе, но она, несмотря на это, танцует на балах²⁹. Одновременно посол отмечал обеспокоенность, которую вызывало состояние здоровья Елизаветы Петровны при «малом дворе», возросшую напряженность в отношениях между великой княгиней и Шуваловыми. Все это, на его взгляд, свидетельствовало о том, что после смерти императрицы могут возникнуть проблемы с престолонаследием. «Возможно и такое развитие событий, что царствовать или, по меньшей мере, участвовать в правлении будет великая княгиня», — заключал он³⁰. Он сообщал, что часто видится с великой княгиней, «говорит с ней часами», за обедом его место обычно рядом с ней.

²⁷ «Записка». Л. 69–71.

²⁸ Там же. Л. 55.

²⁹ Там же. Л. 53 об.—54.

³⁰ Там же. Л. 54–56.

Характеристика, которую Уильямс дает великой княгине, немногим уступает панегирикам, которые будет направлять в Лондон его преемник лорд Бекингам: «С момента своего приезда в Россию она сделала все, чтобы заручиться доверием нации и достигла этой цели, изучила язык, которым владеет очень хорошо. Она усердно изучает страну, ее нравы и обычаи. Внешность ее очень привлекательна, она весьма любезна, обладает чрезвычайными способностями, граф Бестужев говорил, что трудно иметь более сильный и решительный характер». Иную характеристику посол дает Петру Федоровичу: он порывист, несдержан, инфантилен (говорит, что его жена разбирается в политике гораздо лучше, чем он)³¹.

Бестужев, рано разглядевший в Екатерине качества выдающегося государственного деятеля, с 1754 г. опекал великую княгиню, пытаясь обезопасить ее от интриг могущественных оппонентов. Ему приходилось опасаться Воронцова, который, понимая силу Бестужева, вел себя достаточно осторожно, и Шуваловых, которые, напротив, играли ва-банк, стремясь подорвать его влияние на великую княгиню. Шуваловы никогда не оставляли надежду добиться от императрицы изменения порядка наследования престола. Уильямс допускал, что этой задаче было подчинено и их совместное с Воронцовым лоббирование восстановления дипломатических отношений с Францией, не скрывавшей интереса к Брауншвейгской фамилии и свергнутому императору Иоанну VI Антоновичу («молодому князю Ивану»). Это обостряло конфликт Шуваловых как с «малым двором», так и с канцлером. Против нормализации отношений с Францией, кроме великокняжеской четы и Бестужева, выступали Алексей и Кирилл Разумовские. Им противостояли М.И. Воронцов, Шуваловы, брат канцлера М.П. Бестужев, обер-прокурор князь Н.Ю. Трубецкой и генерал-аншеф А.Б. Бутурлин³².

В конце 1755 — начале 1756 г. в этой непростой ситуации начинает играть роль фактор Понятовского. «Можно предположить, что не без дальних политических расчетов Уильямс поощрял рождавшуюся (с декабря 1755 г.) связь между великой княгиней и графом Понятовским, который жил у него. Хотя он мог и даже, может быть, должен был отправить Понятовского в Варшаву, едва заметив, что происходило между ним и великой княгиней»³³. Понятовский в мемуарах утверждает, что Уильямс якобы долгое время не догадывался о рождающейся связи, в которой посредничал камер-юнкер Екатерины Л.А. Нарышкин. Думается, что здесь Понятовский не вполне искренен: он, скорее всего, пытается представить всю эту историю, компрометировавшую посла, да и его самого, в более выгодном свете, тем более что чуть позже он сам называет Уильямса своим «наперсником, советником, помощником» во всем, что было связано с этим «исключительно искренним и сильным человеком». Вместе с тем Понятовский допускает, что Уильямс сам был тайно влюблен в Екатерину³⁴.

Авторы «Записки» отмечают, что, поощряя Понятовского, Уильямс «обеспечил себе прямой доступ к великой княгине и доверие последней, не имевшей до этого возможности установить близкие отношения с человеком образованным и умным... Совершенно естественно, что это осложнило его отношения с Бестужевым, от которого зависели его личные отношения и судьба великой княгини. Канцлер боялся, и не без оснований, что сэр Чарльз, превосходивший его интеллектом, может однажды заменить его в качестве доверенного лица великой княгини, более того — привлечь ее к исполнению замыслов сент-джеймского кабинета, хотя прежде она имела собственные представления о политике. Опасность, коей подвергалась при этом великая княгиня, связывалась в глазах Бестужева с тем, что неизбежная открытая конфронтация с Шуваловыми, которых он рассматривал в качестве врагов, угрожала бы и отношениям великой княгини с не

³¹ Там же. Л. 56.

³² Там же. Л. 66.

³³ Там же. Л. 66, 69.

³⁴ Понятовский С.-А. Мемуары. М., 1995. С. 101–102.

терпевшей возражений императрицей. Он знал, насколько щекотливым было положение великой княгини, и считал, что малейшая неосторожность с ее стороны могла привести к весьма плачевным последствиям и даже погубить в глазах императрицы, поставив крест на ее будущем. Кроме того, продажные придворные, те, кто получают субсидии, всегда будут ненавидеть того, кто их купил или считал, что купил. Существовало, следовательно, много причин, по которым канцлер должен был видеть в английском после человека не только неудобного, но и опасного, тем более что великая княгиня часто просила его ознакомить ее с дипломатической корреспонденцией»³⁵.

К лету 1756 г. положение Понятовского становится крайне щекотливым. Его отзыва настойчиво добивались Дуглас и Эстергази. Для этого, надо думать, имелись определенные основания. Понятовский впоследствии вспоминал: «Раньше Уильямс наставлял меня — теперь я стал, в свою очередь, ему полезен». И объяснял это весьма откровенно: «О великих тайнах не узнаешь, пока не отзвонят полночь»³⁶. Сохранить лицо Понятовскому позволило письмо отца, вызывавшего его в Варшаву для участия в очередном сейме: клан Понятовских считал, что пришло время упрочить свои позиции.

В этих условиях борьба за возвращение Понятовского в Россию, но уже в официальном качестве, становится главной заботой Екатерины. Великая княгиня через Понятовского обращается к Уильямсу с просьбой уведомить в личном порядке канцлера о ее заинтересованности в скорейшем возвращении Понятовского. Уильямс охотно соглашается. Бестужев обещает содействие. Он даже принимает Понятовского, чтобы условиться с ним о деталях взаимных действий. С этого момента отношения великой княгини с Уильямсом приобретают особо доверительный характер. 28 июня (9 июля) 1756 г. он направляет в Лондон просьбу о предоставлении Екатерине кредита в 10 тыс. ф. ст., мотивируя это необходимостью работы с «малым двором» против Маккензи Дугласа.

В конце июля Понятовский уехал из Петербурга без аудиенции, но с прощальным подарком от императрицы, переданным ему в Выборге. Перед отъездом разработал специальный шифр, при помощи которого он собирался общаться с Уильямсом и Екатериной. «Таким образом, завязалась сложная интрига, в которой каждый — великая княгиня, Бестужев и Уильямс — играл свою игру, оказавшись связанными общим секретом. Нужно, однако, отдать должное преданности обоих великой княгине, тонкости и такту последней, начавшей игру, в которой могла выиграть только она сама»³⁷.

ПОСОЛ ГЕОРГА II — ШПИОН ФРИДРИХА II

Трудно сказать, кто выступил с инициативой начала переписки. В дошедшей до нас подборке (составители «Записки» считают, что ряд писем из нее были изъяты, скорее всего, самим Уильямсом; они насчитывают в переписке четыре крупные лакуны) первое письмо — от 31 июля 1756 г. — было написано Уильямсом. Екатерина ответила на него 3 августа. Но само содержание первых писем показывает, что они продолжали переписку или устные контакты, начатые ранее³⁸.

Переписка из соображений секретности велась как бы между двумя мужчинами. Обращались Уильямс и великая княгиня друг к другу также в мужском роде — сначала *Monsieur*, затем *Mon ami* — после того, как в одном из первых писем посол напомнил, что так любимый Екатериной Генрих IV обращался к своему министру финансов Сюлли. Письма Уильямса доставлял Екатерине некто Своллоу, англичанин, близкий к камердинеру великого князя А.И. Брессану, он был назначен в 1762 г. английским консулом в Петербурге. Письма Екатерины — камер-юнкер Л.А. Нарышкин.

³⁵ «Записка». Л. 69–70 об.

³⁶ Понятовский С.-А. Указ. соч. С. 115.

³⁷ «Записка». Л. 110 об.

³⁸ На то, что инициатива переписки исходила от великой княгини, указывает и то обстоятельство, что ее письма Уильямс обозначил литерой L (Letters), свои — A (Answers).

Поводом для начала переписки стал отъезд Понятовского, «погрузивший великую княгиню в глубокую печаль», отмечают авторы «Записки». Утешением для нее, как она сама писала в первом послании Уильямсу, было обратиться к тому, с кем она могла бы говорить о нем. «Екатерина чувствовала себя одинокой в атмосфере дворцовых интриг, хотя и сама участвовала в них. Канцлер был ей предан, она это знала, но не настолько, чтобы полностью доверять ему. К тому же он сам был вовлечен в интриги, затрагивавшие слишком важные интересы, чтобы беспристрастно оценивать ситуацию в целом. Екатерина нуждалась в друге, с которым можно было бы посоветоваться, который стоял бы вне дворцовых интриг. Человеке лояльном и скромном, который по мере возможности оставался бы простым наблюдателем событий и мог бы давать ей советы, служить гидом для молодой женщины, поднимавшейся к высшей ступени власти по пути, который мог привести ее к гибели. Уильямс, со своей стороны, помимо преданности — на грани обожания, — которую внушала ему Екатерина, стремился упрочить отношения с будущей правительницей России — страны, чей союз с Великобританией находился под угрозой»³⁹.

Переписка быстро вышла далеко за рамки устройства сердечных дел великой княгини. Круг вопросов, которые обсуждали Уильямс и Екатерина, можно сгруппировать по трем основным блокам: профессиональная деятельность посла в условиях надвигавшейся войны, обеспечение прав «малого двора» на престол в случае внезапной смерти императрицы и содействие возвращению Понятовского в Россию. Своеобразие переписки как источника состоит во взаимном переплетении этих тем, среди которых не просто расставить приоритеты. Для Екатерины главной задачей, конечно, было возвращение Понятовского, вряд ли возможное без помощи Бестужева и английского посла. Ради этого, собственно, и затевалась переписка. Интерес Уильямса состоял в том, чтобы удержать Россию в орбите английской политики, не допустить ее вступления в военный союз с Австрией и Францией. В этом вопросе он рассчитывал на пропрусские и антифранцузские настроения Петра Федоровича и его супруги, приход к власти которых отвечал стратегическим интересам Англии и союзной с ней Пруссии. Масштаб стоявших перед ним задач побуждал посла идти на предельно рискованное в его положении обсуждение с Екатериной ее планов прихода к власти, борьбы придворных группировок, их маневрирования между слабеющей императрицей и «малым двором».

Действия Уильямса если не оправдывает, то хотя бы объясняет то обстоятельство, что ему пришлось действовать в исключительно сложных условиях. Дело явно шло к общеевропейскому конфликту, но процесс распада прежних союзов и формирования новых коалиций выявил несовпадение интересов ведущих держав. Наиболее мотивированной к войне была Австрия, потерявшая Силезию и готовая воевать ради ее возвращения с Пруссией, но не с союзной с Пруссией Англией. Во Франции, уже воевавшей с Англией за колонии в Северной Америке, существовала сильная оппозиция войне на континенте. Вследствие этого вплоть до присоединения России к первому Версальскому договору в декабре 1756 г. Уильямс не терял надежды на то, что Россия в интересах сохранения баланса сил между великими державами примкнет к англо-прусскому союзу. Инструкции, поступавшие ему из Лондона, поражают своей близорукостью — центр Европы для Георга II находился в его ганноверских владениях. Гораздо лучше понимал значение «русского фактора» Фридрих, интересы которого за неимением прусского посла в Петербурге предстояло представлять Уильямсу. Призрачный шанс победить в ожесточенной дипломатической борьбе двух коалиций за Россию, развернувшейся во второй половине 1756 г., требовал от него, оказавшегося в незавидной роли соглашателя прусского короля, нестандартных действий, плохо совместимых с его официальным статусом. И этот шанс был связан только с приходом к власти в России «малого двора».

³⁹ «Записка». Л. 119.

Политические вопросы в переписке Уильямса с великой княгиней появляются уже в августе 1756 г. Посол нуждался в поддержке великой княгини в вяло продолжавшихся переговорах о введении в действие субсидного договора. Расчеты на их благоприятное для себя завершение в Лондоне связывали с надеждой на то, что Россия все же примет обусловленный договором первый взнос в размере 100 тыс. ф. ст. В августе он даже передал по этому вопросу через Екатерину письмо Петру Федоровичу. Тот ответил общими фразами, поскольку на заседании Конференции уже отказался ставить свою подпись под решением о ратификации договора⁴⁰. Однако Елизавете Петровне успели внушить, что Уильямс «плохо влияет» на великого князя.

Для методов работы Уильямса характерно, что и после того, как Конференция в конце августа окончательно отказалась принимать первый взнос, он продолжал обсуждать с великой княгиней возможности его принятия. Екатерина советовала действовать через П.И. Шувалова, предложив подослать к нему для переговоров близкого к «малому двору» С.Ф. Апраксина. Имелось в виду занять у английского посла 50 тыс. ф. ст. для закупки фуража для армии, которую готовились направить в Курляндию после оккупации Фридрихом Саксонии (Уильямс пребывал в уверенности, что войска выдвигаются к границе в связи с обязательствами России по субсидному договору)⁴¹. Но выступление не состоялось, поскольку Австрия была еще не готова к войне.

19 августа из Лондона поступили 10 тыс. ф. ст. (40 тыс. руб.) для великой княгини. Деньги немалые — от двора Екатерине на личные расходы ассигновалось лишь 30 тыс. руб. ежегодно. Половину этой суммы Екатерина тут же попросила Уильямса направить в Варшаву Понятовскому, но обмен червонцев на империялы, имевшие хождение в Польше, занял у него два месяца. Уильямс, винивший в этом придворного ювелира Бернарди, занимавшегося обменом (он считал его шпионом Бестужева), писал великой княгине, что венецианец продает ей бриллианты канцлера, к тому же по завышенной цене. Екатерина долго тянула с распиской в получении денег, подписала ее инициалом С (Catherine), а после восшествия на престол выплатила свой долг полностью (два займа по 10 тыс. ф. ст.), несмотря на то что посол лорд Бекингем не требовал деньги назад⁴².

Это лишь один из эпизодов, показывающих, что оба корреспондента не вполне доверяли друг другу. Между тем вплоть до конца октября их эпистолярный диалог становился все более активным, порой балансируя на грани допустимого. Екатерина передавала Уильямсу выдержки из протоколов Конференции, депеш российских послов из Швеции, Турции, передала даже полное досье переговоров с Дугласом, полученное ею от Бестужева. Великая княгиня и посол обсуждали инспирированную Францией августовскую попытку переворота в Стокгольме, перипетии борьбы родственной Екатерине младшей ветви голштинского дома с Данией за назначение князя-епископа в Любеке. Но в их общении были и закрытые или полужакрытые для посла зоны: Екатерина не сразу информировала его о подготовленной ею в сентябре записке об обмене наследственных голштинских владений великого князя на графства Ольденбург и Дельменхорст, хотя этот вопрос представлял интерес для политики Англии в Европе при Ганноверской династии⁴³.

⁴⁰ Там же. Л. 457.

⁴¹ Там же. Л. 460. Интересно, что в переписке с Уильямсом Екатерина характеризовала Петра Шувалова как «человека податливого» (maniable), а вице-канцлера Воронцова, также, возможно, получавшего субсидии от посла, считала в этом смысле бесполезным.

⁴² В марте 1763 г. Н.И. Панин сам напомнил лорду Бекингеу, что «Ее Величество, просматривая свои старые бумаги, обнаружила неуплаченный ею долг Георгу II (в то время уже покойному) в 44 тыс. ф. ст.» (очевидно, речь шла о червонцах, курс которых к фунтам стерлингов был 1:20. Посол принял деньги после получения согласия от своего двора.) — The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador to the Court of Catherine II of Russia. 1762–1765. London, 1902. P. 164.

⁴³ «Записка». Л. 448.

Авторы «Записки» довольно точно характеризуют мотивы, которыми руководствовалась великая княгиня в своих отношениях с Уильямсом: «Все, что мы находим в бумагах великой княгини относительно ее восхищения Фридрихом II и ее привязанности к Англии, не мешает констатировать, что перепады в ее отношении к Пруссии происходили из чисто личных соображений, впрочем, хорошо понятных Уильямсу, и ее враждебного отношения к Франции. Но нет никаких оснований, по крайней мере, в то время считать их проявлением системного похода к политике, как утверждают некоторые историки. Женщина страстная, но превыше всего душой и сердцем преданная России, Екатерина никогда не забывала под влиянием личных симпатий политические интересы страны, в которой ей суждено было царствовать. Можно с полной определенностью утверждать, что в тот период она не имела другой системы политической, кроме системы ее учителя Бестужева, с некоторыми нюансами в отношении Франции и Австрии, и ее признательности английскому королю. Уильямс, следовательно, напрасно рассчитывал на поддержку с ее стороны, которую его увлекающаяся натура искала в ней и как в женщине, которой он пытался вернуть ее любовника, и как принцессе, которую он надеялся привлечь на свою сторону»⁴⁴.

Отношения Уильямса с Бестужевым развивались гораздо сложнее. Психологическая подоплека крайнего взаимного недоверия была связана с тем, что Бестужев довольно быстро понял: подписав субсидный договор с Англией, он допустил крупный просчет, сравнимый с ошибкой вице-канцлера А.И. Остермана при заключении русско-прусского союзного договора 1740 г. накануне войны за австрийское наследство (с учетом русско-австрийского договора 1726 г. Россия стала тогда как бы союзницей обеих воевавших друг с другом держав), и винил в этом Уильямса. По аналогии с русско-английской конвенцией 1747 г., где было прямо сказано об обязательствах России защищать ганноверские владения английского короля от Пруссии, Бестужев не сомневался, что общим противником России и Англии остается прусский король. Это, казалось бы, подтверждали и его переговоры с Уильямсом, имевшим репутацию непримиримого врага как Франции, так и Пруссии. Однако с Уильямсом происходит удивительная метаморфоза. Из яростного противника прусского короля он становится его сторонником, причем пытается повлиять в этом смысле на великую княгиню, а впоследствии и на Бестужева. Он устанавливает прямую связь с появившимся в Берлине в мае 1756 г. английским посланником Эндрю Митчеллом, через которого начинает снабжать Фридриха сведениями о разворачивавшихся военных приготовлениях России. Но одновременно (в соответствии с инструкциями, получаемыми через Митчелла из Берлина) выступает с идеей совместного посредничества России и Великобритании между Австрией и Пруссией — ради сохранения мира в Европе.

Бестужев, располагавший информаторами при ряде германских дворов, если не знал, то догадывался о двойной роли, которую играл английский посол. Этим, думается, объясняется недоверие, с которым он, известный своей враждой к Пруссии, воспринял сообщение Уильямса (23 августа) о выделении ему Георгом II пенсии в 12 тыс. ф. ст. ежегодно. Только перепроверив эти данные у барона Якова Вольфа, через которого посол осуществлял все финансовые дела (он был сначала консулом, затем с 1751 г. резидентом и одновременно банкиром), канцлер передал послу, что с благодарностью принимает пенсию от Англии.

Само по себе принятие пенсии от иностранного государства не было в практике XVIII в. чем-то чрезвычайным, тем более что Бестужев начинал свою карьеру в петровские времена в качестве английского дипломатического представителя в Петербурге. К тому же он сказал Уильямсу, что уведомил об этом императрицу. Тем не менее принятие пенсии вызвало у посла завышенные ожидания в отношении содействия канцлера

⁴⁴ Там же. Л. 271—271 об.

его планам. В переписке Уильямса с великой княгиней едва ли не основной становится тема жалоб на канцлера, который, по его мнению, «не отработывает» получаемых от Англии денег. В середине сентября, а затем в ноябре Екатерине с большим трудом удалось предотвратить перерастание разногласий между Бестужевым и сэром Чарльзом в открытый конфликт.

В это время Бестужев, по-видимому, искренне стремился наладить взаимодействие с Англией. Так, после оккупации Фридрихом II Дрездена (когда Елизавета Петровна заявила о намерении возглавить армию, которую одно время хотела направить на помощь Саксонии) Бестужев начал интересоваться у Уильямса, какова будет позиция Великобритании в случае внезапного нападения Пруссии на Австрию⁴⁵. Посол, понимавший, что ни с кем, кроме Франции, его страна воевать на континенте не будет, вновь начал призывать к посредничеству, хотя даже обходительный Воронцов неоднократно давал ему понять, что решение о войне с Пруссией императрицей уже принято. Одновременно он сообщил великой княгине, что прусский король выразил готовность направить в его распоряжение значительную сумму денег.

Стоит ли удивляться тому, что в середине сентября посла начали открыто обвинять в пропрусских настроениях? Бестужев, вынужденный задуматься об укреплении своих позиций, вновь посоветовал ему самому просить отзыва из России. В ответ Уильямс объявил канцлера главным врагом Англии в Петербурге, не стесняющимся при этом получать пенсию от английского короля⁴⁶. Великой княгине ничего не оставалось, как твердо заявить Бестужеву, что он должен «предпочесть ее интересы интересам других и собственным расчетам», а не «подыгрывать Австрии, помогая ей разрушить систему, которую сам выстраивал 15 лет»⁴⁷.

В ночь с 11 на 12 сентября Уильямс получил от Екатерины проект ее нового разговора с Бестужевым, который должен был носить еще более резкий характер. Но на следующий день, 12 сентября, его пригласили к канцлеру, который после обсуждения текущих вопросов сам затронул вопрос о субсидиях, выделенных прусским королем («он позвенел прусскими дукатами», — как писал Уильямс великой княгине 13 сентября). Уильямс, чувствовавший себя, когда речь заходила о финансовых вопросах, как рыба в воде, разыгрывал полное равнодушие. Тогда Бестужев прямо спросил, знает ли об этом английский король. «Разумеется, — отвечал посол. — Деньги переведены в амстердамский банк, но я не советовался с Вами, как их потратить, зная Вашу ненависть к королю Пруссии». «Но это же другое дело, — возразил канцлер. — Я не люблю прусского короля, но сделаю все для английского». Обсуждение этого вопроса он завершил фразой: «Я помогу Вам, если Вы поможете мне убедить великую княгиню не настаивать на приезде Понятовского в Петербург». Сообщая об этом Екатерине, Уильямс писал: «Чтобы не поссориться с канцлером, не следует даже пытаться установить с ним хорошие отношения»⁴⁸.

Здесь авторы «Записки» фиксируют первую лакуну в переписке Уильямса с великой княгиней. Отсутствуют письма за период с 13 по 20 сентября. Высказывая предположения, что в эти дни могла состояться еще одна негласная беседа сэра Чарльза с Бестужевым, они ссылаются на его депешу лорду Холдернессу от 17(28) сентября 1756 г.⁴⁹ В ней Уильямс докладывает, что после двух-трех попыток ему удалось «уловить» Бестужева. Решающую роль, как он полагает, сыграл размер предложенной суммы (100 тыс. экю). Реакция Бестужева в изложении Уильямса: «Если бы я знал о намерениях короля два месяца назад, многое можно было бы сделать». И затем: «С этого дня — я друг короля»⁵⁰.

⁴⁵ Там же. Л. 132.

⁴⁶ Там же. Л. 147 об.—148.

⁴⁷ Письмо великой княгини Уильямсу от 11 сентября 1756 г. — Там же. Л. 160.

⁴⁸ Там же. Л. 163 об.—164 об.; Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 155—157.

⁴⁹ Текст депеши опубликован: *Raumer F. von.* Op. cit. S. 399—401.

⁵⁰ «Записка». Л. 171.

Излагая далее слова Бестужева, Уильямс пишет: «Фридрих сам начал войну, и ничто не могло помешать императрице поддержать Австрию. Поэтому все решения на этот счет ею уже приняты. Прусский король, конечно, может считать, что русские плохо подготовлены к войне. Кроме того, как известно сэру Чарльзу, они всегда несколько медлительны в своих передвижениях. В настоящее время он (Бестужев. — П.С.) не может обещать сделать что-то конкретное, поскольку это выходит за рамки его полномочий. Но посол может заверить короля, что все, что А. фон Мардефельд⁵¹ сделал против него, он давно предал забвению и готов при первой возможности доказать королю не только на словах, что он находится в его распоряжении. Он выразил надежду, что подобное столь откровенное изменение принципов будет сохранено в самой строгой тайне»⁵².

Далее в этой депеше Уильямс дал критическую оценку состоянию русской армии: «У нее мало денег и очень мало хороших офицеров. Они идут на войну по необходимости, скорее, из-за личных соображений и амбиций». Посол выразил надежду, что «будущие победы Фридриха восстановят вскоре мир с Россией, для которой Пруссия, находящаяся в союзе с Англией, является естественным союзником, в то время как, находясь в союзе с Францией, она — самый опасный враг России». Далее следует предвзятая характеристика главнокомандующего С.Ф. Апраксина («не был на активной службе со времен крымских походов Миниха, вследствие чего не способен командовать армией; иностранные офицеры из-за этого покидают русскую службу»)⁵³. Добрые слова нашлись у Уильямса только в адрес Екатерины: «При русском дворе только великая княгиня не настроена враждебно к Англии и одобряет действия Австрии в отношении сент-джеймского кабинета. По ее словам, только союз России с Англией, Пруссией, Нидерландами и несколькими германскими принцами мог бы обеспечить или восстановить мир и спасти Европу от интриг Вены и Версаля»⁵⁴.

Вывод, который делают авторы «Записки» из депеш Уильямса, выглядит излишне жестким: «Не остается сомнений в том, что Бестужев, чтобы угодить великой княгине, а также, может быть, защитить ее от нападков противной партии, препятствовал наступательным мерам против Пруссии, принимая плату за это от ее короля. Апраксин, надо думать, помогал ему в этой интриге, приносившей им обоим реальные прибыли, способные вознаградить их за опасности, которым они подвергались, предавая свою монархию. А на будущее открывала перспективу руководить империей от имени великой княгини. Великого князя, по их мнению, можно было не принимать в расчет, он был личным врагом не одного канцлера».

Думается все же, что о логике действий и Бестужева, и Апраксина накануне войны трудно судить по донесениям английского посла, вынужденного в силу сложившихся обстоятельств отстаивать интересы будущего противника России. В исключительно сложной и запутанной ситуации «ниспровержения альянсов» они искали оптимальные с точки зрения интересов России ходы, будучи к тому же вынужденными учитывать возможную смену царствования, а с ней и политики. Уильямс же, приняв на себя миссию, невыполнимую по определению, окончательно оторвался от реальности.

Апраксин давно уже находился в поле зрения великой княгини. Еще в начале осени она передавала Уильямсу, что на балу по случаю Елизаветинского дня 5 сентября Апраксин «на минуту забылся» и откровенно рассказал о своих намерениях: «В случае, если прусский король на него нападет, он, конечно, будет сражаться. Но если тот намерен вести себя спокойно, он тоже будет придерживаться оборонительной тактики»⁵⁵. Еще более прямой разговор состоялся у Екатерины с Апраксиным на дворцовом приеме 20 сентября. На вопрос, намерен ли он атаковать Мемель, Апраксин сказал, что нет, он не

⁵¹ Посланник Пруссии в Петербурге в середине 1740-х годов.

⁵² «Записка». Л. 171 об.

⁵³ Там же. Л. 172.

⁵⁴ Там же. Л. 173.

⁵⁵ Письмо Екатерины Уильямсу от 6 сентября 1756 г. — Там же. Л. 121 об.

хочет завязнуть в болотах. «Войдете ли вы в Пруссию через Польшу?» — спросила великая княгиня. «Да, в зависимости от обстоятельств». «Следовательно, Вы считаете, что прусский король будет ожидать, когда Вы начнете кампанию? Но к Вашему приходу все уже может закончиться, и Вам придется вернуться, не встретившись с противником». «Вы считаете, — отвечал Апраксин, — что он договорится с Австрией и Саксонией, чтобы броситься на нас, когда мы останемся одни?» «Ни в коем случае, поскольку прусский король не собирается воевать с нами», — ответила Екатерина. Апраксин, которому это замечание понравилось, сказал, что его полки находятся в Курляндии и продолжают продвигаться к границе, но не располагают достаточным количеством провианта для продолжения кампании (этот разговор, записанный ею собственноручно, она также направила Уильямсу)⁵⁶.

В середине октября, когда с императрицей случился очередной приступ болезни, Екатерина писала Уильямсу: «Апраксин велел спросить у меня, приказываю ли я ему ехать или остаться при нынешних обстоятельствах (речь шла о его отъезде в армию). Он отложит или поторопит свой отъезд сообразно с моими приказаниями. Я велела ответить ему, что... я бы сильно желала, чтобы он остался тем или иным способом, что это послужит для меня знаком привязанности» (письмо от 17 октября)⁵⁷. Ответ Уильямса, данный на следующий день, показывает, на наш взгляд, за что великая княгиня ценила его советы: «Предложение Апраксина уехать или остаться сообразно с Вашими приказаниями — один только простой комплимент; Вы уже знали, что русские войска не должны перейти границу в нынешнем году»⁵⁸.

КАТАСТРОФА

Однако если Бестужеву удавалось совмещать свою политику в отношении Австрии со взглядами великой княгини, то в вопросе о переговорах с французами все обстояло с точностью до наоборот. Канцлера полностью переиграла «партия» Шуваловых, в которую входил его старший брат. Маккензи Дуглас, вновь появившийся в Петербурге 20 апреля 1756 г., уже в начале мая был представлен Воронцовым императрице. 4 июня Конференция при высочайшем дворе приняла решение о восстановлении дипломатических отношений с Францией. Когда Воронцов явился к Бестужеву и предложил ему принять верительные грамоты от Дугласа, тот вручил озадаченному канцлеру 22 письма — переписку, которая велась за его спиной с версальским двором.

В 20-х числах сентября в связи с действиями Фридриха в Саксонии Эстергази и Дуглас совместно посетили Бестужева и сделали официальное предложение русскому правительству присоединиться к Версальскому договору. Такой поворот событий крайне обеспокоил Уильямса, поскольку Бестужев, несмотря на заверения, которые он давал послу, сам был вынужден принимать участие в переговорах с французами. Более того, понимая, что появление французского посла в Петербурге может обернуться его падением, канцлер начал искать возможность наладить отношения с кланом Шуваловых.

Уильямс, понимавший, что ему предстояло стать одной из первых жертв русско-французского сближения, вынужден был оставаться не просто зрителем, но и объектом резких нападок со стороны французских дипломатов. В начале октября Дуглас передал на рассмотрение Конференции письмо госсекретаря по иностранным делам А.Л. Руйе от 4 сентября (его копию Екатерина передала Уильямсу), в котором Уильямс обвинялся в распространении слухов, искажающих содержание французской политики. «Этот беспокойный дипломат разозлен падением своего влияния и пытается восстановить его огромными суммами, которыми он располагает... Отзыв посла стал бы заслуженным наказанием за его поведение, но это не оправдает Вестминстерского договора,

⁵⁶ Там же. Л. 203 об.—204 об.

⁵⁷ Там же. Л. 239 об.; Переписка великой княгини... С. 210.

⁵⁸ «Записка». Л. 215.

заклученного королем Англии, его министрами, а не послом в России. Императрица должна открытыми глазами взглянуть на политику Англии»⁵⁹.

Письмо Руйе стало предвестником катастрофы, но Уильямс этого не почувствовал. Вечером в воскресенье 27 октября он отправился на встречу к вице-канцлеру. Визит устраивал Р.И. Воронцов с ведома, как выяснилось позже, Шуваловых. Однако, приехав к дому вице-канцлера, Уильямс увидел у подъезда карету императрицы и хотел было развернуться обратно, но его остановили и пригласили войти. В приемном зале его уже ожидали Елизавета Петровна и ее фаворит И.И. Шувалов. Воронцов появился ненадолго; вскоре он ушел в кабинет, сославшись на недомогание.

Императрица встретила Уильямса приветливо. В ходе часовой беседы, которая продолжалась и за ужином, он откровенно изложил свой взгляд на складывающуюся ситуацию. Дипломат повторил императрице то, что ранее говорил Воронцову о «джентльменском поведении» Фридриха II в Саксонии, военном гении прусского короля, поставившего под ружье 200 тыс. солдат и, наконец, изложил аргументы в пользу англо-русского посредничества между Австрией и Пруссией с целью предотвращения европейской войны. При этом Уильямс упомянул о том, что Австрия не способна противостоять прусской армии и, скорее всего, заключит с Пруссией сепаратный мир, оставив Россию один на один с последней.

Уильямс остался очень доволен своей беседой с императрицей. В отчете лорду Холдернессу, направленном утром следующего дня, он упомянул о том, что рассказывал анекдоты, смешил Елизавету Петровну и Шувалова. Особо подчеркнул, что императрица оценила изложенные им доводы (*mes arguments etaient assez goûtés*)⁶⁰.

В понедельник 28 октября Уильямс на отдельной встрече с М.И. Воронцовым детально обсудил английские идеи посредничества. Посол был так доволен беседой, что в тот же день писал Митчеллу в Берлин: «Король [Пруссии] может быть уверен, что Бестужев не получит больше ни су, если не начнет активно нам содействовать».

1 ноября во время встречи с Уильямсом вице-канцлер просил посла изложить на бумаге свои доводы в пользу идеи посредничества, «не смягчая углов», обещая передать этот документ императрице. От Воронцова Уильямс побежал к Бестужеву, спеша предупредить его о своих успехах. Бестужев, как отмечала впоследствии великая княгиня, был не в курсе происходившего.

Тем не менее Уильямс решил, что дело сделано, идея посредничества принята императрицей. В письмах тех дней к великой княгине он опровергал как необоснованные слухи о скором присоединении России к Версальскому договору, хотя Бестужев своевременно уведомил Екатерину, что все решения на этот счет приняты. В письме от 1 ноября информацию Бестужева о предстоявшем присоединении России к Версальскому договору Уильямс назвал фальшивкой. Ни в чем не доверяя канцлеру, он перешел к более широким обобщениям, говоря, что «его бросает в дрожь при мысли о судьбе страны, в которой ей когда-то будет суждено царствовать». Россия нуждается в реформах, заявлял он и напоминал, что будет готов приехать и помочь в первый год ее царствования⁶¹. Авторы «Записки» совершенно обоснованно отметили, что болезненное состояние, в котором находился Уильямс, было усугублено его «чрезмерным тщеславием и политическим легкомыслием»⁶².

Фантазии Уильямса произвели тяжелое впечатление на Екатерину. В ее ответе от 2 ноября отчетливо звучат иронические нотки, которые, очевидно, должны были вернуть посла к реальности. Поблагодарив сэра Чарльза за готовность помочь с реформами в России, Екатерина посоветовала ему поменьше болтать о политике с кем попало. Когда на следующий день после беседы Уильямса с императрицей она спросила у Бестужева,

⁵⁹ Там же. Л. 227–227 об.

⁶⁰ Там же. Л. 277–279.

⁶¹ Там же. Л. 285 об.

⁶² Там же. Л. 286.

что имел в виду сэр Чарльз, говоря о наметившихся изменениях в российском подходе к посредничеству, тот «не знал, что ответить». Миротворческие усилия посла в окружении Елизаветы Петровны расценили, по мнению Екатерины, как лишнее свидетельство того, что прусский король боится России, — послу «надо было дать идти этому делу своим ходом». Тем не менее Уильямс продолжал пребывать во власти иллюзий. В послании лорду Холдернессу, написанном в тот же день, что и письмо Екатерины, он сам подтвердил обвинение, которое будет выдвинуто против него позже, рассказав, что обещал Воронцову написать «командующему прусской армией приостановить продвижение к русской границе»⁶³.

Пытаясь разобраться в причинах несчастий, постигших Уильямса, его английский биограф справедливо отмечает, что, вызывая посла на откровенность, «императрица хотела сама убедиться, как далеко Уильямс зайдет, выступая в роли адвоката прусского короля». В еще более опасное положение поставил его Шувалов, спровоцировав разговор о посредничестве. Но Уильямс не понял сути случившегося даже после того, как Екатерина прямо написала ему 4 ноября о том, что императрица публично осуждает его поведение, называя «пруссакom» и обвиняя в слишком ревностном отстаивании прусских интересов⁶⁴.

К реальности Уильямса вернула только полученная им в конце ноября официальная нота Коллегии иностранных дел, содержавшая ответ на его предложение. В ней в сильных выражениях, которые позволял дипломатический протокол, выражалось недоумение в связи с тем, что, получив отрицательный ответ на свои первые предложения совместного посредничества, Уильямс не только повторил их вновь, но и пытался склонить Россию к их принятию, угрожая нападением Пруссии⁶⁵. Удар оказался тем более чувствительным, что текст ноты с еще более жесткими комментариями был разослан в виде циркуляра дипломатическим представителям России за границей.

Убежденный в том, что русское правительство вскоре потребует его отъезда, Уильямс решил упредить события и сам запросился домой, сославшись на болезнь. Это не было преувеличением: после унижительного по форме отказа принять идею посредничества посол не покидал своего дома и, как он отмечал в одной из депеш, «почти не мог писать и читать». Однако Уильямс не был бы самим собой, если бы по привычке не свалил вину за свои несчастья на Бестужева, который, по его словам, настраивал императрицу против него. Естественно, последовало новое охлаждение, почти разрыв с канцлером. Екатерина в письме от 7 ноября передала ему, что Бестужев начал открыто называть его своим врагом. Накал страстей с обеих сторон был столь силен, что Екатерина впервые призналась в неспособности примирить посла и канцлера. У Уильямса начинаются головные боли, лихорадка. Лежа в постели, он продиктовал очередные письма великой княгине: Бестужев победил, гетман [К.Г. Разумовский] будет выслан, он, Уильямс, не понят императрицей, Понятовскому позволят остаться в Петербурге лишь на короткое время. Встречаться с ним в частном порядке будет затруднительно. И вывод: «Честь и безопасность великой княгини требует разрыва с канцлером»⁶⁶.

В середине ноября Екатерина, стремясь сохранить рычаги воздействия на ситуацию, развернулась в сторону Шуваловых. Она составляет записку Ивану Шувалову, которую назвала «началом Вестфальского мира». На встрече с Екатериной Шувалов не скрывает радости, клянется в верности, кладет поклоны перед иконами. Бестужев, чуткий к изменениям конъюнктуры, развивает невиданную активность в вопросе о возвращении Понятовского. Однако контакты с Шуваловым лишь подтвердили их принципиальные

⁶³ Horn D.C. Op. cit. P. 18.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ Нота КИД от 23 ноября приложена к депеше Уильямса лорду Холдернессу от 1 декабря 1756 г. — Ibid. P. 19.

⁶⁶ «Записка». Л. 311.

расхождения с «малым двором». Во втором письме Шувалову Екатерина, пытаясь найти хоть какие-то точки соприкосновения, просила его «препятствовать установлению отношений с учредителями мод», многозначительно заметив: «Я знаю бесконечно больше, чем могу говорить». А когда Иван Шувалов через Кирилла Разумовского все же просил великую княгиню поддержать курс на сближение с Францией, ответила, что великий князь никогда не примет эту систему и никогда не простит тех, кто попытается заставить его это сделать». Эту же позицию Екатерина подтвердила в письме Уильямсу от 9 декабря («Я всегда выступала за английский союз и против союза с Францией») ⁶⁷.

Это единственное послание от Екатерины, текст которого Уильямс направил в Лондон по официальным каналам. Подлинность письма вызывает сомнения, хотя авторы «Записки» ее признавали. Оригинал отсутствует, копия хранится в архиве Форин Офис. В «Записке» не исключается, что Уильямс опустил из него все, что не отвечало его интересам. Возможно, посол пошел на это в условиях министерского кризиса, происходившего в те дни в Великобритании. Из правительства ушел Фокс, лидером оппозиции стал Уильям Питт, но Холдернесс после некоторых треволнений сохранил свой пост. Складывается впечатление, что Уильямс, находившийся на грани нервного срыва, решил подкрепить свою пошатнувшуюся репутацию благоприятными для Англии высказываниями великой княгини.

После 11 декабря, когда на очередном заседании Конференции в присутствии императрицы и великого князя было принято решение о присоединении к Версальскому договору, положение Уильямса в Петербурге становится невыносимым. Он удалился на загородную дачу Вольфа, где и оставался до приезда Понятовского 24 декабря 1756 г.

(окончание следует)

Библиография

Акимова Т.И. Проблемы просвещенного правления в письмах Великой княгини Екатерины Алексеевны к английскому послу Ч. Уильямсу // *Cultural Studies. Letters in Literature and Culture*, V. Daugavpils, 2013. P. 37–44.

Архангельский Д. Переписка Великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Хенбери Уильямса как исторический памятник // *Русская старина*. Кн. XI. 1910. С. 333–348.

Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 1. Берлин, 1900.

Бильбасов В.А. Первые политические письма Екатерины II. СПб., 1887.

Горяинов С.М. Станислав-Август Понятовский и Екатерина II // *Вестник Европы*. 1908. Кн. 1–3.

Елисеева О.И. Молодая Екатерина. М., 2010.

Константинова З.С. Ч.Г. Уильямс и Россия // *Новый век*. 2005. № 4. С. 12–25.

Крючкова М.А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009.

Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. М., 2019.

Лабутина Т.Л. Британский посол Чарльз Уильямс и его секретная переписка с Великой княгиней Екатериной Алексеевной // *Новая и новейшая история*. 2014. № 4. С. 161–174.

Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны с английским послом Чарльзом Хенбери-Уильямсом / Под ред. С.М. Горяинова. СПб., 1909.

Понятовский С.-А. Мемуары. М., 1995.

Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002.

Тоецева А.В. Чарльз Хэнбери Уильямс – воспитатель английского вкуса русской императрицы // *Английский вкус императрицы. Царское Село Екатерины Великой*. СПб., 2019. С. 19–31.

Черкасов П.П. Елизавета Петровна и Людовик XV: русско-французские отношения. 1741–1762. М., 2010.

Чечулин Н.Д. Царствование Екатерины II // *Государи дома Романовых*. Т. 2. М., 1913.

Boutaric E. Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier, etc. Paris, 1866.

Broglie A. de. Le Secret de Roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatique, 1752–1774. Vol. 1. Paris, 1878.

⁶⁷ Там же. Л. 335, 337, 342.

Butterwick-Pawikowsky R. Poland's Last King and English Culture: Stanislaw August Poniatowski, 1732–1798. London, 1998.

Butterwick-Pawlikowski R. "In the Greatest Wildness of my Youth": Sir Charles Hanbury Williams and Mid-Eighteenth-Century Libertinism // *Journal for Eighteenth Century Studies*. 2017. Vol. 41 (1). P. 3–23.

Correspondence of Catherine the Great when Grand-Duchess, with Sir Hanbury-Williams and Letters from Count Poniatowski. London, 1928.

Cox W. An Historical Tour of Monmouthshire. Vol. 2. London, 1782.

Flassan de Raxis G. de. Histoire de la diplomatie française. Vol. 1–6. Paris, 1809.

Hanbury-Williams J. The Emperor Nicholas II, as I Knew Him. London, 1922.

Hermann E. Geschichte des Russischen Staats. Hamburg, 1853.

Horn D.C. Sir Charles Hanbury Williams and European diplomacy (1748–58). London, 1930.

Raumer F. von. Friedrich II und seine Zeit (1740–69). Leipzig, 1836.

The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador to the Court of Catherine II of Russia. 1762–1765. London, 1902.

References

Akimova T.I. Problemy prosveshchennogo pravleniia v pis'makh Velikoi kniagini Ekateriny Alekseevny k angliiskomu poslu Ch. Uil'iamsu [Problems of enlightened government in the letters of Grand Duchess Catherine Alekseevna to the English Ambassador Ch. Williams] // *Cultural Studies. Letters in Literature and Culture*, V. Daugavpils, 2013. P. 37–44. (In Russ.)

Arkhangel'skii D. Perepiska Velikoi kniagini Ekateriny Alekseevny i angliiskogo posla sera Charl'za Khenbiuri Uil'iamsa kak istoricheskii pamiatnik [Correspondence of Grand Duchess Catherine Alekseevna and the English Ambassador Sir Charles Henbury Williams as a historical monument] // *Russkaia starina* [Russian Antiquity]. Kn. XI. 1910. P. 333–348. (In Russ.)

Bil'basov V.A. Istoriia Ekateriny II [History of Catherine II]. T. 1. Berlin, 1900. (In Russ.)

Bil'basov V.A. Pervye politicheskie pis'ma Ekateriny II [The First Political Letters of Catherine II]. Sankt-Peterburg, 1887. (In Russ.)

Chechulin N.D. Tsarstvovanie Ekateriny II [The reign of Catherine II] // *Gosudari doma Romanovykh* [The Sovereigns of the House of Romanov]. T. 2. Moskva, 1913. (In Russ.)

Cherkasov P.P. Elizaveta Petrovna i Liudovik XV: russko-frantsuzskie otnosheniia. 1741–1762 [Elizaveta Petrovna and Louis XV: Russian-French Relations. 1741–1762]. Moskva, 2010.

Eliseeva O.I. Molodaia Ekaterina [Young Catherine]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Goriainov S.M. Stanisław-August Poniatowski i Ekaterina II [Stanisław-August Poniatowski and Catherine II] // *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. 1908. Kn. 1–3. (In Russ.)

Konstantinova Z.S. Ch.G. Uil'iams i Rossiia [H. G. Williams and Russia] // *Novyi vek* [the New Century]. 2005. № 4. P. 12–25. (In Russ.)

Kriuchkova M.A. Memuary Ekateriny II i ikh vremia [Memoirs of Catherine II and their time]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Labutina T.L. Britanskii diplomaty i Ekaterina II. Dialog i protivostoianie [British Diplomats and Catherine II. Dialogue and Confrontation]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Labutina T.L. Britanskii posol Charles Williams i ego sekretnaia perepiska s Velikoi kniaginei Ekaterinoi Alekseevnoi [British Ambassador Charles Williams and his secret correspondence with Grand Duchess Ekaterina Alekseevna] // *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History]. 2014. № 4. S. 161–174. (In Russ.)

Perepiska velikoi kniagini Yekateriny Alekseevny s angliiskim poslom Charl'zom Khenburi-Vil'iamsom / Pod red. S.M. Goriainova [Correspondence of the Grand Duchess Catherine Alekseevna with the English Ambassador Charles Hanbury-Williams / Ed. S.M. Goryainov]. Sankt-Peterburg, 1909. (In Russ.)

Poniatowski S.-A. Memuary [Memoirs]. Moskva, 1995. (In Russ.)

Stegnii P.V. Razdely Pol'shi i diplomatiia Yekateriny II [Partitions of Poland and diplomacy of Catherine II]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Toyeseva A.V. Charles Hanbury Williams – the Teacher of Russian Empress' English Taste // *English Tastes of the Empress. Catherine the Great's Tsarskoye Selo*. (In Russ.)

Boutaric E. Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier, etc. Paris, 1866.

Broglie A. de. Le Secret de Roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatique, 1752–1774. Vol. 1. Paris, 1878.

Butterwick-Pawikowsky R. Poland's Last King and English Culture: Stanislaw August Poniatowski, 1732–1798. London, 1998.

Butterwick-Pawlikowski R. "In the Greatest Wildness of my Youth": Sir Charles Hanbury Williams and Mid-Eighteenth-Century Libertinism // *Journal for Eighteenth-Century Studies*. 2017. Vol. 41 (1). P. 3–23.

Correspondence of Catherine the Great when Grand-Duchess, with Sir Hanbury-Williams and Letters from Count Poniatowski. London, 1928.

Cox W. An Historical Tour of Monmouthshire. Vol. 2. London, 1782.

Flassan de Raxis G. de. Histoire de la diplomatie française. Vol. 1–6. Paris, 1809.

Hanbury-Williams J. The Emperor Nicholas II, as I Knew Him. London, 1922.

Hermann E. Geschichte des Russischen Staats, Hamburg, 1853.

Horn D.C. Sir Charles Hanbury Williams and European diplomacy (1748–58). London, 1930.

Raumer F. von. Friedrich II und seine Zeit (1740–69). Leipzig, 1836.

The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador to the Court of Catherine II of Russia. 1762–1765. London, 1902.

DOI: 10.31857/S013038640014289-5

© 2021 г. Ю.П. Аншаков

РОССИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В НИКОЛАЕВСКИЙ ПЕРИОД: СТРУКТУРА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИД

Рец. на книгу: Е.П. Кудрявцева. МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX века. М.: Издательство МГИМО–
Университет, 2019, 590 с.

Аншаков Юрий Петрович — доктор исторических наук, профессор, начальник отдела истории и археологии Самарского федерального исследовательского центра РАН (Самара, Россия).

E-mail: yuri.anshakov@mail.ru

Researcher ID: ABD-2585-2020

Yu.P. Anshakov

RUSSIA IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS DURING THE
REIGN OF NICHOLAS I: STRUCTURE AND ACTIVITIES OF THE MINISTRY
OF FOREIGN AFFAIRS

Rec. ad op.: E.P. Kudryavtseva. THE RUSSIA MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS IN
THE SECOND QUARTER OF THE 19th century. Moscow, MGIMO University Press,
2019, 590 p.

Yuri Anshakov, Samara Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (Samara, Russia).

E-mail: yuri.anshakov@mail.ru

Researcher ID: ABD-2585-2020

Тема вышедшей в свет в 2019 г. монографии доктора исторических наук Е.П. Кудрявцевой, известной в мире науки своими исследованиями в области русско-балканских связей XIX в., на первый взгляд, выглядит несколько необычно. Действительно, исследование деятельности российского Министерства иностранных дел, казалось бы, выходит за рамки русско-сербских политических отношений, бывших предметом пристального внимания автора на протяжении предшествующих лет научной работы. Еще в предыдущей книге, посвященной российскому посольству в Константинополе, Е.П. Кудрявцева начала изучение действия «дипломатического механизма» российского МИД применительно к представительству России, охватывавшему обширный регион Балканского полуострова, Малой Азии, севе-

роафриканских и левантйских провинций Османской империи¹. В новой работе предметом изысканий становится весь аппарат внешнеполитического ведомства России.

Научная востребованность монографии очевидна. Каждый исследователь, занимающийся двусторонними связями России с европейскими державами первой половины XIX в. или международными отношениями эпохи, обязательно оценивает деятельность российского МИД, обращаясь, в частности, к «Очеркам истории МИД»²,

¹ Кудрявцева Е.П. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010.

² Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб., 1902; Очерки истории Министерства иностранных дел России. В трех томах. М., 2002.

опубликованными к юбилейным датам 100-летия и 200-летия внешнеполитического ведомства России. До выхода настоящей монографии они, по существу, оставались единственными трудами, посвященными российскому МИД. Подготовленные высокопрофессиональными специалистами, эти издания охватывают соответственно 100 и 200 лет деятельности министерства со времени его создания в 1802 г. Обширность задач, стоявших перед авторами, в том числе и впечатляющие временные отрезки, подвергшиеся научному анализу, не позволили детально рассмотреть некоторые сюжеты, представляющие интерес для современных исследователей, что и постарался восполнить автор рецензируемой монографии.

Работа Е.П. Кудрявцевой представляет собой новое, оригинальное исследование истории Министерства иностранных дел России в период правления Николая I, включающее в себя обстоятельный и емкий по содержанию очерк истории международных отношений данной эпохи. Совмещение этих сюжетов безусловно оправдано заявленной темой — история МИД неразрывно связана с политикой, проводимой государством, а само министерство является инструментом, посредством которого осуществляются международные связи. Монографию можно отнести к междисциплинарным исследованиям, особенно востребованным сегодня в ряду других исторических изысканий, поскольку, с одной стороны, автором анализируется внешняя политика России, а с другой — государственное учреждение, коим являлся МИД.

В работе представлена обобщающая картина ранней истории Министерства иностранных дел России в период министерской реформы, начатой Александром I в 1802 г. Внешнеполитическое ведомство одним из последних завершило реформирование существовавшей ранее Коллегии иностранных дел, которая как структура, подчиненная МИД, продолжала существовать до 1832 г., не утратив своей работоспособности и приобретенного опыта. Этот сложный этап деятельности ведомства рассмотрен особенно внимательно, поскольку от успеха предпринятых изменений зависела как эффективность работы центрального аппарата МИД, обеспечивавшего деятельность дипломатического подразделения, так и вся внешнеполитическая активность зарубежных представительств России.

Автор ставит перед собой несколько задач: осветить деятельность российского МИД в рамках функционирования общей государственной структуры Российской империи; исследовать от-

ношения России со своими главными партнерами на международной арене того времени — с великими державами, а также с Османской империей. Фрагментарно присутствуют сюжеты об отношениях с Персией и Китаем, включая такой важный и нераскрытый до сих пор в отечественной литературе вопрос, как учреждение первых российских консульств на территории Китая. Наряду с деятельностью российских посольств и консульств в монографии рассматриваются миссии православной церкви в Пекине и Палестине, которые в какой-то степени носили характер дипломатических представительств, не имея на то официального статуса. Одновременно рассматриваются изменения в структуре министерства, кадровый состав его центрального аппарата и дипломатических представительств за границей, общие принципы формирования и кадровый состав отдельных подразделений МИД, обязанности и деятельность департаментов министерства, составлявших основу структуры всего дипломатического ведомства в целом.

Несомненный интерес представляют разделы, повествующие о взаимоотношениях России с Великобританией, Австрией, Францией и Османской империей, поскольку именно они определяли баланс и расклад сил в Европе и судьбы мировой политики. Если русско-турецкие отношения уже были предметом рассмотрения Е.П. Кудрявцевой в предыдущей монографии, то дипломатическая деятельность российских представителей в европейских «великих державах» исследована на основе научно оправданного и не впервые применяемого автором приема — характеристики взаимоотношений России с европейскими партнерами через деятельность отдельных дипломатов, участвовавших в заключении важнейших союзов и мирных трактатов, проводивших сложные переговоры в ключевые и зачастую критические моменты двусторонних отношений. Яркие портреты выдающихся российских дипломатов — К.О. Поццо ди Борго во Франции, четы Ливенов в Англии, Д.П. Татищева в Австрии, А.П. Бутенева в Османской империи — дополняют картину сложной международной жизни Европы и позволяют существенно расширить представление о роли отдельных дипломатов в проведении внешнеполитических акций МИД. Справедлива высказанная автором мысль о достаточной самостоятельности российских представителей при выстраивании внешнеполитической линии России в зависимости от складывавшейся «на местах» ситуации, поскольку им было видно то, что не учитывалось в инструкциях МИД, поступающих

из Петербурга. Исходящие от дипломатов предложения способствовали корректировке политики МИД, что положительно сказывалось на внешней политике России в том или ином регионе. Именно в этом усматривается одна из причин эффективности российской дипломатической службы. Каждый исследователь внешней политики России наверняка оценит данные о расположении и устройстве российских представительств в европейских столицах, а также о православных посылских церквях, чьи служители играли не только религиозную, но и политическую роль. Таким, например, был упомянутый в монографии протоиерей венской церкви Святого Николая М.Ф. Раевский, приверженец идеи славянского единства, установивший плодотворные отношения со всеми видными южнославянскими политическими деятелями.

В основе монографии — обширный пласт источников из крупнейших российских архивов, главным из которых является Архив внешней политики Российской империи. Неопубликованные документы составляют базу исследования, прежде всего, разнообразные материалы, свидетельствующие о реорганизации российского МИД и о тех переменах в его структуре, которые были призваны оптимизировать внутриминистерскую деятельность многочисленных служб и подразделений. Перестройка центрального аппарата должна была способствовать улучшению работы, направленной на руководство заграничными установлениями министерства.

Кроме архивных материалов в работе широко используются опубликованные источники — документы российского правительства, договоры с иностранными державами, внутриведомственные документы, дипломатическая переписка российских представителей за рубежом. Существенно обогатила исследование обширная мемуарная литература, как отечественная, так и зарубежная, благодаря которой можно проследить цели и детали внешнеполитических акций российских дипломатов, обоснованность их действий в той или иной политической ситуации.

Обращаясь к фигуре канцлера К.В. Нессельроде, возглавлявшего российский МИД в течение почти сорока лет (1816–1856 гг.), Е.П. Кудрявцева, не отрицая его преклонения перед политикой австрийского канцлера К. Меттерниха, «вождя европейского консерватизма», отмечает и те моменты, когда Нессельроде действовал вопреки политике венского двора. Это, например, проявилось в отказе России от немедленного признания королем Франции Луи Филиппа после его прихо-

да к власти; также значительна была роль К.В. Нессельроде, препятствовавшего принятию решений о немедленных военных марш-бросках Николая I в революционную Европу.

Характеризуя внешнеполитические успехи, просчеты и разочарования Николая I при реализации внешнеполитического курса России, автор замечает, что император нередко поступал излишне самоуверенно, лишь формально согласовывая свои внешнеполитические инициативы с руководством МИД. Следование принципам, легшим в основу созданного в 1815 г. Священного союза и Венской системы международных отношений, сковывало внешнеполитическую активность России, подчинив ее сохранению иллюзорной европейской «общности». Самоуверенность стала покидать Николая I слишком поздно, после Альмы и Инкермана, а падение Севастополя завершило военное поражение России в Крымской войне.

Хотелось бы высказать некоторые рекомендации: в случае переиздания монографии уделить внимание миссии А.С. Грибоедова. Этот сюжет по каким-то причинам совершенно выпал из поля зрения Е.П. Кудрявцевой, несмотря на то, что некоторые сведения о персидском посольстве, хотя и в сжатом формате, присутствуют в работе. Возможно, автор следовал объявленному в предисловии намерению сосредоточиться на взаимоотношениях России исключительно с великими европейскими державами. Желательно было бы более подробное освещение деятельности почтовой службы МИД, тем более, что в труде о Константинопольском посольстве к этому подразделению дипломатического представительства России проявлен немалый интерес и обоснована его важность в плане принятия срочных и необходимых шагов дипломатами, удаленными от центра выработки внешнеполитических решений в Петербурге.

Новая монография Е.П. Кудрявцевой, несомненно, вызовет большой интерес отечественных и зарубежных историков, еще не знакомых с представленной автором тематикой. Изучение истории Министерства иностранных дел России второй четверти XIX в. предоставляет в будущем исследователям существенные возможности для новых изысканий и открытий в сфере внешнеполитической и дипломатической истории. После Крымской войны наступила новая эпоха как во внешней политике России, так и в истории МИД, куда пришли новые люди с новыми внешнеполитическими идеями и ориентирами; это уже другая история МИД, которая ждет своего исследователя, и монография Е.П. Кудрявцевой станет важным подспорьем, позволяющим проследить динамику

изменения нового внешнеполитического курса России по сравнению с предшествующим николаевским периодом.

Библиография

Кудрявцева Е.П. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010.

Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб., 1902.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. В трех томах. М., 2002.

References

Kudryavtseva E.P. Russkie na Bosphore. Rossijskoj posol'stvo v Konstantinopole v pervoj polovine XIX veka [Russians on the Bosphorus. The Russian embassy in Constantinople in the first half of the 19th century]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Očerki istorii Ministerstva inostrannyh del. 1802–1902 [Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs. 1802–1902]. Sankt-Peterburg, 1902. (In Russ.)

Očerki istorii Ministerstva inostrannyh del [Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs]. 3 vols. Moskva, 2002. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640014290-7

© 2021 г. А.Б. Соколов

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рец. на книгу: ПРОШЛОЕ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО. ИСТОРИЯ-ПАМЯТЬ И НАРАТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. Под общей редакцией Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020, 464 с.

Соколов Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

E-mail: sokolov_1457@mail.ru

Researcher ID: AAF-6283-2019

A.B. Sokolov

THE PROBLEMS OF NATIONAL IDENTITY IN HISTORICAL MEMORY AND CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY

Rec. ad op.: THE PAST FOR THE PRESENT. HISTORY-MEMORY AND NARRATIVES OF NATIONAL IDENTITY. General Editor L.P. Repina. Moscow: Akvilon, 2020, 464 p.

Andrei Sokolov, Ushinskiy Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: sokolov_1457@mail.ru

Researcher ID: AAF-6283-2019

Появление этой книги — замечательное событие в отечественной историографии. Научная история, которую по крайней мере с середины XIX в. почитали как «учительницу жизни» или «строгую надзирательницу, наказывающую за невыученные уроки», в течение последних десятилетий подвергается острой и часто обоснованной

критике. С одной стороны, в публичном дискурсе оспаривается научный характер истории, она противопоставляется естественным наукам как область знания, имеющая мало полезных свойств, а лишь используемая на потребу сегодняшнего дня. Она позволяет обосновать какие угодно политические и идеологические позиции, зачастую

противоположные. В таком подходе не много нового. О невозможности доказать исторические законы, следовательно использовать прогностический потенциал истории, писали многие выдающиеся мыслители на рубеже XIX–XX вв. Еще Фридрих Ницше утверждал, что только память о прошлом отличает человека от животного, но излишек истории вреден и чрезвычайно опасен. Французский писатель Поль Валери называл историю самым ядовитым продуктом, который выработало человечество. «Монументальная история», порождая героев и фанатиков, обрекает человечество на войны и революции. С другой стороны, к разочарованию историей ведет историческая политика, ставшая действительно международным феноменом в последние десятилетия. Во многих странах власть стремится командовать историей, в том числе путем принятия «мемориальных законов», карающих за высказывание точки зрения, отличающейся от официальной. Тем самым пресекаются дискуссии, являющиеся сердцевиной исторического исследования. В историческом образовании в России безраздельно господствует патриотический нарратив как монополия на историческую правду. Стержнем в осмыслении этих проблем является вопрос, вынесенный в название рассматриваемого труда — о соотношении между прошлым и настоящим (а также будущим).

Существует бросающееся в глаза противоречие между очевидным всплеском интереса к прошлому, одним из проявлений которого является мемориальный бум и многочисленные практики публичной истории, и ограниченным авторитетом, которым обладает сообщество профессиональных историков. Надо признать, что в этом в большой мере виноваты мы сами, поскольку подчас считаем выше своего достоинства обращаться к непрофессионалам, тем более на равных, а предпочитаем, как трудолюбивые пчелы, жужжать в собственном улье. В тех случаях, когда обращаемся, делаем это, как правило, назидательно и иногда догматично.

Поэтому даже те, у кого есть интерес, кто не игнорирует исторических книг или популярных статей в журналах, кто смотрит фильмы о прошлом, чаще всего думают, что в работе историка мало что изменилось за последние, скажем, 200 лет. Непрофессиональный читатель или зритель может оценить маленькое открытие историка, узнать что-то новое и любопытное для себя, но вряд ли задумывается над тем, какая теория скрывается за той или иной интерпретацией. Рецензируемая книга — в первую очередь попытка ответить на вызовы, которые стоят перед историогра-

фией, попытка рассказать (по меньшей мере, профессионалам), как изменилась и как меняется методология исторических исследований, как новые трактовки старых методологических понятий или принципиально новые теоретические установки влияют на конкретно-исторические исследования. Авторы книги избегают методологических крайностей, для них характерен взвешенный и осторожный (на мой вкус, иногда слишком осторожный) подход на нынешнем этапе острых методологических дискуссий, продолжающемся более четверти века. Такой подход, выверенный и местами примирительный, в то же время инновационный и доказательный, примет сегодня, пожалуй, большинство профессиональных исследователей прошлого. Среди других методологических понятий особое значение приобрела в последние годы категория идентичности. Толчком для этого стали усиление мультикультурализма и глобализма в 1990-х годах и в начале нынешнего века и ренессанс национализма и конфессионализма, происходящий на наших глазах. Поиск идентичностей, со всеми противоречиями, сложностями, стереотипами, мифами и ошибками, явился стержневой идеей, вокруг которой выстроено содержание всех глав книги.

Позволю себе, избежав скрупулезного анализа всех глав, привлечь внимание к идеям, которые показались наиболее продуктивными. Безусловно, настрой на инновационность и методологическую четкость задает первая, вводная глава, написанная редактором книги членом-корр. РАН Л.П. Репиной. Ее основная идея связана с ключевой проблемой соотношения между исторической памятью и историографией. Как известно, основатель теории исторической памяти Морис Хальбвакс противопоставлял их, рассматривал первую как хаотичную, передающуюся преимущественно в устной традиции, сохраняющуюся лишь в течение относительно недолгого времени, пока живы непосредственные свидетели или те, кто застал их и слышал их воспоминания. Функция историографии состоит в замещении памяти, в придании ей официального характера, как правило, в соответствии с установкой, которую озвучивает власть. Близкой точки зрения придерживался авторитетный Пьер Нора, создатель концепции «мест памяти». Как замечает Репина, противопоставление такого рода было популярным на рубеже XX–XXI вв. под влиянием постмодернизма, отрицавшего прошлое как реальность (с. 26). Она придерживается иной позиции, которую, собственно, сформулировала достаточно давно, в частности в статье «Историческая память и современная

историография» (Новая и новейшая история. 2004. № 5), но привела ряд дополнительных аргументов, базирующихся на платформе новейших исторических исследований. Гибкость этой позиции весьма привлекательна для практикующих историков, поскольку позволяет утверждать, что за ними сохраняется функция главных экспертов прошлого, в то же время избежать догматичности, позволяя не игнорировать многочисленных «поворотов», которые претерпела историография в последние десятилетия. Более того, Репина не отвергает идеи «изобретения прошлого», отражением этого подхода является название книги «Прошлое для настоящего» (с. 15). С одной стороны, она постоянно возвращается к идее неотделимости истории и памяти, используя концепт «история/память» (даже в названии): «Память неотъемлема от исторического знания вообще, тем более от такой его формы, как национальная история» (с. 27). Она утверждает, что ныне главным объектом преломления усилий историков становится историческое сознание (а не объективная реальность и исторические закономерности, как провозглашал традиционный историзм). Функция профессиональной историографии — выступать в роли «разоблачительницы» бытующих в сознании околonaучных мифов о прошлом. Для автора актуально предупреждение Юрия Лотмана, что когда «текст расходится с очевидной и известной аудитории жизненной реальностью, то сомнению подвергается не он, а сама эта реальность, вплоть до объявления ее несуществующей» (с. 15). С другой стороны, Репина подчеркивает, что прежние методологические стереотипы, во многом основанные на позитивизме, плохо отражают современную ситуацию; она признает, что теперь преобладает «более мягкое определение научности», и соглашается, что «история представляет не только научную, но и социальную практику», и с этим нельзя не согласиться.

В то же время Репина не отказывается от принципа историзма. Как известно, вторая половина XX в. была наполнена интеллектуальными дискуссиями в этой области от классического «Возникновения историзма» Фридриха Мейнеке, считавшего этот принцип высшим достижением философии истории, до, скажем, Хейдена Уайта или Франклина Анкерсмита, отрицавших его познавательную ценность. В книге мы видим версию историзма, модифицированную в части, касающейся способности историка абстрагироваться от собственных предпочтений, «бесстрастно» и объективно описать прошлое. В книге отсутствует любая догматика в плане интерпретации истори-

ческих законов, однако примем во внимание, что сам концепт «прошлое для настоящего» отражает классическое, в духе историзма представление о развитии и прогрессе. Репина считает продуктивными две модели историописания: национальный нарратив и макроисторическое (цивилизационное) исследование. Она признает, что всякий нарратив конструируется на основе сознательной селекции фактов и вытеснения альтернативных интерпретаций, но указывает, что такая практика привлекательна для публики; «законы жанра “биографии нации” требуют драматического разветвления и сюжетной завершенности событийного ряда» (с. 19). В плане разработки темы идентичности основополагающим является тезис, что мнение о «вечном» характере национальных идентичностей не проходит проверку научным исследованием.

Вторая и третья главы, написанные к.и.н. И.Н. Ионовым, — это интересная попытка конструирования нарратива о России, СССР и постсоветской России на основе ключевого концепта «идентичность». В той части, в которой затрагивается история имперского периода, авторская концепция строится следующим образом. Отправной точкой И.Н. Ионов считает войны с Францией 1805–1814 гг., предопределившие переход от цивилизационной, по его определению, идентичности тогдашней элиты — дворянства — к национальной идентичности. Такого мнения придерживались многие исследователи, например британский русист Орландо Файджес в книге о культурной истории России «Natasha's Dance», название которой навеяно эпопеей Л.Н. Толстого. Да и многие современники в записках и мемуарах констатировали этот сдвиг. Согласен с точкой зрения автора, что в правление Александра I не произошло разрыва с Западом, напротив, и в политическом, и в идейном отношении его пример продолжал оставаться источником и государственной политики, и общественных движений. Отсюда, к слову, возникает потребность пересмотреть стереотип отношения к Священному союзу как «заговору монархов против народов», обратив внимание на использование его (отчасти успешно) в качестве инструмента мира. Как отметил И.Н. Ионов, декабристы пытались совместить западные идеи конституционализма и свободы с национальной традицией, которую выводили из особенностей вечевых учреждений. При Александре «универсализм и диалоговый идеал» сохранялись, о чем свидетельствуют многие примеры, приведенные во второй главе. В частности, первый проект храма Христа Спасителя А.Л. Витберга,

в большой мере стиравший сословные и конфессиональные перегородки ради экуменизма и общенациональной идеи. Об этом, кстати, еще в 1991 г. в книге «Вехи отечественной истории» подробно писал В.Г. Сироткин. Дискурс сменился при Николае I. При нем «идея прогресса стала периферийной, память и идентичность все более односторонне регулировались интересами государства» и царской власти (с. 46). Произошел переход от идеи диалога к противопоставлению «удивительного прошлого России, ее великолепного настоящего и блестящего будущего» (почти так формулировал эту идею А.Х. Бенкендорф) и катастрофического будущего Европы. Последовательно антизападнические настроения сформулировал профессор С.П. Шевырев как представитель государственнической идеологии. Однако с противопоставлением западников и славянофилов по принципу их отношения к Западу можно не согласиться. Стоит принять во внимание позицию ученых (см., например, В.Я. Гросула), которые рассматривают их как два крыла оппозиции государственнической идеологии. В самом деле, как обвинять в пренебрежении европейскими ценностями настоящего англофила, каким был Алексей Хомяков! В то же время верно наблюдение, что теория официальной народности была отделена от народной культуры.

Правление Александра II И.Н. Ионов рассматривает как время, когда были предприняты усилия по формированию гражданской идентичности подданных Российской империи, по развитию, хотя и непоследовательному, национального диалога. Правительство эксплуатировало идею славянской солидарности и пыталось превратить ее в интегрирующее ядро империи. Однако непоследовательность власти и слабость гражданского общества породили революционное движение и террор, в дальнейшем при Александре III и Николае II отказ от реформ и использование великорусского шовинизма стали главными средствами легитимации власти. Это привело к недоверию со стороны не только интеллигенции, но крестьян и рабочих, поверивших пропаганде социал-демократов, к острому недовольству населения многих окраин империи, фактически к распаду идентичности. В культуре Серебряного века проявилась, по мнению автора, «усталость от запретов власти и желание найти альтернативную идентичность» (с. 69). Кризис породил у власти желание сплотить население войнами, что, в конечном счете, вело к дискредитации власти. Как итог, «государственническая, подданныйская идентичность в условиях авторитарной власти, чрезвычай-

чайного положения, националистической политики и нарастающего недовольства тяготами Первой мировой войны не могла сопротивляться влиянию демократической гражданской идентичности и этнокультурных идентичностей» (с. 71). Концепция, изложенная И.Н. Ионовым, носит выраженный либеральный характер и включает ряд дискуссионных аспектов. В то же время она имеет стройность и целостность.

Больше вопросов, с моей точки зрения, вызывает третья глава, посвященная памяти и идентичности в советский и постсоветский периоды. В ней немало интересных наблюдений, в том числе о политике большевиков по национальному вопросу, о противоречиях поиска идентичностей в 1920-х годах, о вытеснении остатков гражданской идентичности, о теологических мотивах в выработке политической идентичности (труды классиков как вариант Священного Писания), о причинах и обстоятельствах, при которых Великая Отечественная война стала краеугольным камнем советской идентичности, и другие. Следует согласиться с суждением, что в 1930-х годах сложились новые формы политики в области формирования идентичности, сконцентрированной на вожде. Автор не скрывает своей политической позиции, он явно сожалеет об утрате приоритета общечеловеческих ценностей и об установлении системы государственного насилия. Это убедительно подтверждается многочисленными известными и менее известными примерами. Мне абсолютно близка авторская идеологическая позиция, но это не лишает права поставить некоторые вопросы. Возможно, я ошибаюсь, но сложилось впечатление, что автор уводит обсуждение в сторону механизмов государственной пропаганды, которые раскрываются им детально и многосторонне. Конечно, это имеет отношение и к исторической политике государства, и к использованию (часто ложной) памяти в политических целях. У меня нет отторжения к использованию терминов «навязанная идентичность», «негативная идентичность», но кажется, что остался не в полной мере артикулированным вопрос, а была ли «советская идентичность» (этот термин использован автором), какие компоненты она включала и вызывает ли она какие-то положительные коннотации. И.Н. Ионов прямо указывает на субъективность своего подхода к проблеме, когда речь идет о постсоветском времени, но мне кажется, что он сумел довольно точно показать, как менялись государственные приоритеты и общественные представления в сфере исторической памяти и как, с какими трудностями и противоречиями

проходил и проходит поиск российской идентичности. Основной вывод, который напрашивается после прочтения этих глав книги — о гипертрофированной роли власти в процессе самоидентификации общества, породившей неразрешенность многих проблем.

В четвертой—шестой главах, написанных д.и.н. С.И. Маловичко, решается вопрос об эволюции историописания в XVIII—XIX вв., о возникновении так называемой национальной истории, ее роли в формировании национальной идентичности и о презентации национальной истории в учебных книгах досоветского периода. Сильная сторона этих разделов в использовании сравнительного метода. Держа в фокусе внимания российскую историографию и учебную литературу, С.И. Маловичко тщательно изучил труды, появившиеся в разных странах Европы, и справедливо указал на преобладание общих черт. Полностью разделяю главную идею автора: на рубеже XVIII—XIX вв. произошел переход от историописания, строившегося на принципе универсализма, к национальной истории, от морального воспитания на исторических примерах к проповеди национальных добродетелей и национального величия. Он справедливо подчеркнул, что невнимание к этим отличиям препятствует разрешению историографических проблем. Главными признаками данного процесса автор считает переход от любительского интереса к профессиональному историографии; особое внимание к «своему» государству, идеализацию народа и его героев; этатизм; эволюцию от истории «на примерах» к новому режиму историчности (т.е. фактически к возникновению историзма); усиление практической и дидактической составляющей национальной истории, обслуживание национальных и государственных интересов (с. 169—170). Любопытна не только концепция С.И. Маловичко, но и многие частные аспекты, артикулированные автором, например трансформация жанров в историописании, вопросы терминологии и риторики исторических работ, в частности М.В. Ломоносова. Здесь автор использует достижения современной филологии, к примеру результаты работ Г.Ч. Гусейнова. С.И. Маловичко убедительно продемонстрировал, какую новую роль в формировании идентичности играет в XIX в. учебная литература. Привлекают внимание стратегии, к которым прибегают для конструирования учебного текста — патриотического нарратива. В их числе поиск «своей» крови в далекой древности, метафора «мирных предков», приписывание им положительных качеств, в частности гуманности и храбрости, метафоры «вели-

чия», «прогрессивности» и «одаренности» «своего» народа, а также его исключительности (с. 203). К этому можно добавить, что примерно в одно время, во второй четверти XIX в., в странах западной культуры возник современный урок истории как урок патриотического и политического воспитания для большого круга школьников. Его появление было вызвано становлением гражданской идентичности, расширением участия масс в политике. Новая парадигма исторического образования, пришедшая на смену прежней (моральное воспитание на примерах добродетельности), была направлена на то, чтобы охватить как можно больше детей, а не только выходцев из элиты, чтобы средствами истории передать им политическое послание власти.

Подход к истории историописания в Англии, изложенный д.и.н. В.В. Высоковой в седьмой—девятой главах, представляется достойным дискуссии. Она согласилась с Р. Козеллеком, назвавшим период с середины XVIII до середины XIX в. «временем седловины», и отметила, что «нация стала скрепляющим общество паттерном, заменив на этом “посту” церковь, династию и феодальный патернализм» (с. 216—217). Можно согласиться с использованием термина «историографическая революция» (речь идет о 1580—1640 гг.), но не выглядит доказанным утверждение, что она была следствием сформировавшейся у деятелей итальянского Возрождения национальной идеи. Да, в елизаветинской Англии успехов достигла антикварная историография; да, появился интерес к местной истории; да, зарождалось новое толкование пространства и времени и новая модель письма, но только предположительно эти сдвиги явились следствием новой идентичности. «Служение короне (государству) задавало новый патриотический дискурс» (с. 223). Служение монарху — не эквивалент служения государству в том смысле, который вкладывался в это слово в XIX столетии, а главное — здесь нет «народности» опять же в понимании XIX в. Двигаясь в этом направлении, можно историзм приписать антикварам. Неправильно относить Козеллека к «билефельдской школе». Он действительно долгие годы работал в Билефельдском университете, но к этой школе он не только не имел отношения, но относился к ней весьма скептически. Это школа социально-критической истории, лидером которой был Г.-У. Велер. Разрабатывавший вместе с Козеллеком теорию исторических понятий О. Бруннер вовсе не имел отношения к Билефельду. Критика концепции В.В. Высоковой несколько не умаляет значения многих интересных соображений,

высказанных ею об антикварной историографии. В восьмой главе автор продолжила изучение взглядов антикваров, прежде всего юристов, и раскрыла трактовку у них происхождения древней английской конституции, нормандского завоевания, изменений в земельной собственности и других вопросов. Она указала на различие подходов и отметила особую роль Д. Юма. В девятой главе В.В. Высокова рассмотрела вигскую историографию XIX в., подчеркнув, что взгляды Г. Галлама, Т. Маколея (о нем рассказано наиболее подробно) и других историков этого направления формировались как отторжение Юма, в котором они видели консерватора. При этом главное значение придается интерпретации ими характера идентичности: английской и британской. Высокова справедливо отметила, что споры о «британскости» и «английскости» не ослабли и в современной историографии.

Эту тему продолжает глава десятая, в которой д.и.н. М.В. Кирчанов исследовал в сравнительном контексте аспекты британской и российской историографий, связанные с представлениями о национальной истории. В Англии — это альтернатива между «британской» и «английской» версиями истории, в России — между традиционной государственной историей, в которой главное место отведено русской этничности, и национальными (националистическими) историями. В Англии разработка «английской версии» началась уже в XIX в. и получила новый импульс после 1980-х годов в результате усиления внимания к теме национализма и мультикультурализма. Автор раскрывает ее в основном на примере англосаксонских мотивов в историческом воображении и в меньшей степени — обратившись к интерпретациям Английской революции XVII в. В России это произошло гораздо позднее, только в 1990-х годах, и проблема остается мало артикулированной. Проявления «альтернативности» автор видит в немногочисленных попытках, скорее, намеках на небесспорность «москвоцентристской версии» истории российской государственности, а также в некоторых работах, появившихся на периферии, например в Татарстане. Однако в целом «русская историография русской истории продолжает пребывать в плену устаревших клише социально-экономической и государственной истории, не развиваясь как национальная и избегая периода переписывания и национализации прошлого, что было характерно для национальных историографий республик и других европейских регионов, которые на протяжении 1990–2000-х годов пережили процесс националистического возрождения» (с. 312).

Следующие главы монографии можно назвать *case studies*. Они демонстрируют процесс демифологизации, раскрытия мифов, буквально пронизывающих историческую память народов. К.и.н. О.В. Заиченко в 11–12 главах, по моей оценке, блестящих по исполнению, показывает долговременность поиска немецкой идентичности и выделяет в нем две фазы. Первая продолжалась с XV до конца XVIII в., вторая нашла свое выражение во время борьбы с Наполеоном, причем ключевым моментом был ответ на вызов — поражение Пруссии в 1807 г. Раздробленность Германии, простое отсутствие этого понятия на карте обусловили сложность процесса, создавая в то же время дополнительный стимул. По О.В. Заиченко, поиск немецкой идентичности осуществлялся в рамках основополагающего для всех народов мифа о «славных предках». Однако к этому добавлялись отражающие местный колорит мифы о превосходстве немецкого языка, на котором говорили «боги и герои древней Трои», над романской языковой группой (читать об этом по-настоящему увлекательно); миф о великом Герое Армии и легендарной победе над римлянами в Тевтобургском лесу. Эти мифы жили десятилетиями, на них базировались идеи о превосходстве арийской расы, о добродетелях немецкой женщины-матери и т.п. Привлекает, что Заиченко умеет убедительно разъяснить контекст, в котором конструировались и интерпретировались мифы идентичности.

В 13 главе, подготовленной к.и.н. А.Г. Васильевым, рассматривается значение сарматизма (мифа о происхождении поляков от сарматов) в процессе формирования польской идентичности. Автор показал, что «сарматская легенда» начала складываться в XV–XVI вв. и приобрела центральное значение в культуре «шляхетского народа». В XVIII в. теория сарматского происхождения стала общепринятой в польской науке и использовалась для укрепления престижа государства в международной сфере, поскольку доказывала наличие древних корней. В XIX в. она оставалась символом культурной памяти благодаря публицистике и литературе, однако тогда же возник критический подход. А.Г. Васильев указал на политическое использование «сарматского мифа», например Ю. Пилсудским или в «народной Польше». В наши дни сарматизм часто выступает как культурный код в борьбе либеральных и консервативных сил, а также «символической борьбы за доминирующую модель польской национальной идентичности».

В 14 главе д.и.н. А.А. Щелчков прослеживает влияние на боливийское общество в целом и на

самосознание индейских народов индеанизма в его общественно-политическом и идеологическом контексте. Автор указал на возникновение индеанизма в начале XX в. и на его эволюцию в течение следующих десятилетий. Особенности современного этапа «бolivийского случая» состоят в отказе от единой идентичности, согласие о сосуществовании разных идентичностей в рамках единого политического сообщества.

Что касается пожеланий общего характера, стоило, думается, подчеркнуть проблему в ракурсе реакции на вызов мультикультурализма и глобализма как одну из причин обострения дискуссий об идентичности. Можно выделить два типа реакции — отвергающую и принимающую. К первой относятся этноцид, ассимиляция и сегрегация.

Ко второй — три вида мультикультурального подхода: консервативный, либеральный и критический, а также космополитизм. Почти все эти модели представлены в историческом и обществоведческом образовании у нас или за рубежом и в учебных текстах по истории. Вероятно, их можно обнаружить и в текстах иного рода, в том числе трудах историков. Главная линия, на которой происходит трансформация, пролегает от понимания нации как общности с четкими границами (территория, язык, гражданство) к тому, как индивид идентифицирует себя. Эта тенденция ведет к новой культуре этничности, что нашло отражение в книге. Можно быть уверенным в том, что каждый читатель книги «Прошлое для настоящего» найдет для себя в ней новое и интересное.

DOI: 10.31857/S013038640014293-0

© 2021 г. Г.Н. Канинская

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рец. на книгу: ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ОТ МНОГОПОЛЯРНОСТИ К БИПОЛЯРНОМУ МИРУ (под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина). М.: Изд-во Московского университета, 2020, 885 с.

Канинская Галина Николаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

E-mail: kaninsk6@mail.ru

Researcher ID: ABD-8257-2020

G.N. Kaninskaya

WORLD WAR II AND THE TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS

Rec. ad op.: THE SECOND WORLD WAR AND THE TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS. FROM MULTIPOLARITY TO BIPOLAR WORLD (Eds. L.S. Belousov, A.S. Manykin). Moscow: Moscow University Press, 2020, 885 p.

Galina Kaninskaya, Department of World History, Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: kaninsk6@mail.ru

Researcher ID: ABD-8257-2020

В наши дни, спустя 75 лет со дня окончания Второй мировой войны, справедливо ли будет утверждать, что поставлены все точки над *i* в осознании и оценке влияния этой великой трагедии на историю человечества в XX в.? Выход в свет фундаментального коллективного труда большого формата (имеется в виду размер книги. — Г.К.) под редакцией ведущих ученых Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова академика Российской академии образования, д.и.н., проф. Л.С. Белоусова и д.и.н., проф. А.С. Маныкина служит ярким доказательством того, что для научного сообщества на исследовательском поле истории Второй мировой войны существует еще немало проблем, которые надлежит осветить, осмыслить и объяснить, так как «до сих пор многие важные вопросы остаются предметом острых научных и политических дискуссий» (с. 9).

Над написанием монографии, состоящей из IV частей, трудилось 16 авторов, и особого внимания заслуживает то, что, как отмечает в предисловии Л.С. Белоусов, «это плод пятилетней напряженной работы» (с. 8), в процессе которой авторы «не всегда и не во всем соглашались друг с другом, при обсуждении некоторых разделов книги возникали острые дискуссии, участники которых, как правило, оставались при своем мнении, а в монографии в итоге получала отражение точка зрения автора обсуждаемого текста» (с. 8). Думается, излишне перечислять здесь всех авторов поименно, но важно заметить, что каждого в научном сообществе считают высококлассным «специалистом-новистом» по изучению отдельных стран, регионов и международных отношений. Таким образом, в монографии не оказалась обойденной вниманием ни одна международная система. Каждая часть книги содержит параграфы, посвященные событиям в Европе и Азии, на Ближнем Востоке и Балканах, в Африке. Особое внимание уделено позициям СССР, США, Великобритании как лидерам «Большой тройки» и, по сути, ключевым игрокам международной политики, самым непосредственным образом повлиявшим на ту конфигурацию биполярного мира, которая просуществовала на нашей планете почти 50 лет. В этой связи также хочется отдать должное редколлегии в составе кандидатов исторических наук, доцентов В.Н. Горюхова, Е.В. Романовой и А.М. Фомина (все — МГУ), которым, как представляется, пришлось немало потрудиться ради сохранения «концептуальной целостности и логики повествования» (с. 8).

О научной новизне и оригинальности авторской постановки проблемы говорит уже подзаголовок книги: «трансформация международных

отношений от многополярности к биполярному миру». Таким образом, ход военных действий на всех фронтах вписан в глобальный контекст мировой политики и служит в ряде проявлений одновременно и причиной, и следствием ее эволюции. Военные сражения описаны, хотя и кратко, но детально, с указанием названий фронтов, фамилий командующих, а справочно-энциклопедический вид этому капитальному исследованию придают приложения, в которых суммированы данные о военном командовании по странам, приводятся многочисленные сведения: о военных потерях, об армии и флоте, об экономике (с. 863–879). Отдельно отметим проделанную работу составителей «Синхронической таблицы событий Второй мировой войны», где самым тщательным образом, день за днем с 1939 по 1945 г. сопоставлены международные, военные и внутривнутриполитические события (с. 845–862). Иными словами, пристальное знакомство с содержанием приложений позволяет не только увидеть панораму событий Второй мировой войны, но и самостоятельно провести верификационный анализ.

С методологической и концептуальной точек зрения избранный подход к изучению происшедшего заслуживает внимания по ряду причин. Во-первых, «данную монографию в определенной мере можно считать продолжением книги, написанной преимущественно тем же авторским коллективом к 100-летию начала Первой мировой войны» (с. 8)¹. Во-вторых, в плане прикладной значимости применительно к истории Второй мировой войны она вписывается в развитие заложенной традиции изучения теорий международных отношений в ряде книг, подготовленных на кафедре новой и новейшей истории МГУ под руководством А.С. Маныкина². В-третьих, работа написана на основе широкого круга новых источников, ставших доступными исследователям сравнительно недавно, в соответствии с установленными в разных странах правилами «открытия архивов». Например, авторы опирались на рассекреченные 144 тыс. страниц оцифрованных документов британской разведки. В-четвертых, в более широком — дискурсивном — плане, с учетом того, что «в наши дни фактор силы вновь обрел свое решающее, сдерживающее значение» (с. 7), исследовательский ракурс рецензируемого труда как

¹ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М., 2014.

² Основы общей теории международных отношений / Отв. ред. А.С. Маныкин. М., 2009; Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее / Под ред. А.С. Маныкина. М., 2010.

нельзя лучше соотносится с проблематикой циклов и ритмов военной и мировой истории, «глубинных факторов»³ международных отношений, геополитических и геоэкономических понятий, определяющих мировую политику, влияния идеологии на взаимные восприятия государствами друг друга и степень доверия между ними.

Ретроспектива вопросов, в том числе до сих пор дискуссионного характера, положенных в основу анализа авторским коллективом, четко обозначена А.С. Маныкиным во введении (с. 9–20). С акцентом на том, что центральной темой исследования является «ход и характер... перегруппировки сил в двух противоборствующих коалициях» (с. 14), наряду с ней выделяются такие исследовательские проблемы: причины возникновения войны, охарактеризованной как «сплетенный конфликт» (с. 10); оценка «роли периода 1939–1941 гг. в переформатировании сферы международных отношений», когда уже просматривалась «первичная биполяризация» (с. 13, 14); «вопрос о прочности и стабильности антигитлеровской коалиции» (с. 15); истоки, складывание и специфика биполярной системы в мире как «волнообразного процесса», не сводящего начало холодной войны четко к 1947–1948 гг. (с. 19); изменение «прежних региональных подсистем» под влиянием биполяризации (с. 14); влияние «нового оружия на формирование собственно военной политики» (с. 17) и трансформацию содержания такого принципиально значимого понятия, как «потенциал мощи» (с. 19).

Убедительно и наглядно концептуальная и логическая целостность монографии проступает уже в том, как в IV частях основное содержание разделено по главам. Процесс крушения устоев многополярного мира в 1939–1941 гг., которому посвящена I часть, хронологически совпадает с общепринятым в исторической науке выделением первого периода Второй мировой войны, когда отношения СССР – Запад развивались в рамках мирового треугольника «фашизм – демократия – Советский Союз» (с. 31), сказывались как «позитивные для СССР» последствия пакта 1939 г. о ненападении с Германией, так и «крайне негативные результаты не только для СССР, но и для всей международной обстановки» (с. 51). Казалось бы, что основные события этого времени уже широко известны и детально описаны предшественниками, однако в рассуждениях и выводах авторов

этого раздела монографии встречается немало новых трактовок, заслуживающих внимания. Например, что «хронологически начальной точкой генезиса Второй мировой войны можно считать 30 января 1933 г., когда президент Веймарской республики П. фон Гинденбург поручил формирование нового правительства лидеру Национал-социалистической рабочей партии (НСДАП) А. Гитлеру» (с. 31). Интересно с научной точки зрения «политика умиротворения» на Дальнем Востоке и в Азии подана через призму влияния в регионе геополитического и нефтяного факторов и конкуренции между западными партнерами, прежде всего США и Великобританией, а не только между ними и Японией (с. 52–72). По сути, с вывода о том, что Гитлер «явно не предвидел, что его противники, разделенные непримиримыми идеологическими противоречиями, сумеют забыть о них ради того, чтобы принудить Германию к безоговорочной капитуляции» (с. 84), в этой части положено начало проходящему красной нитью через всю монографию анализу идеологического компонента, латентно довлевшего над союзниками по антигитлеровской коалиции и мешавшего взаимному доверию на протяжении всей войны и тем более с момента начала организации послевоенного мироустройства. В этом контексте также верно отмечено, что «державы “оси” по праву могут быть названы коалицией или даже союзом, сформированным и оформленным документально на основе общих интересов в идейной и стратегической сферах», «где были очерчены основы их взаимодействия в ходе пересмотра существовавшей модели системы международных отношений» (с. 101).

Детальное освещение начальной стадии мирового конфликта по следующим периодам: «1) германо-польская война (сентябрь 1939 г.); 2) период затишья на Западном фронте (октябрь 1939 – март 1940 г.); 3) операция “Везерюбунг” и завершение “странной войны” (апрель–май 1940 г.)» (с. 109) и оценка его влияния на весь последующий ход мировой истории выдержаны в духе задуманной авторским коллективом исследовательской линии: «Многополярная модель, существовавшая на начальном этапе конфликта, шедшего преимущественно в Европе, все очевиднее “сворачивалась” до двух противостоящих друг другу коалиций в рамках географически расширявшейся и становившейся все более тотальной войны» (с. 274). Параграфы о влиянии эскалации военных действий в Европе на поляризацию сферы международных отношений (с. 181–196) и эволюции представлений о безопасности в Великобритании,

³ Одними из первых описали их французские специалисты: *Duroselle J.-B., Renouvin P.* Introduction à l'histoire des relations internationales. Paris, 1965.

США и Франции (с. 226–259) заслуживают самого пристального внимания. Вместе с тем, памятуя о свободе авторских позиций по ходу дискуссий, хотелось бы внести некоторые уточнения относительно Франции и «концепциях безопасности ФНК и правительства Виши» (с. 253). Не подвергая в целом сомнению тезис, что обе они «в июне 1940–1941 гг., несли на себе отпечаток растущих тенденций тотализации войны» (с. 259), подчеркнем все же, что де Голль задолго до начала войны утверждал, что она будет носить глобальный характер, тогда как вишисты во главе с маршалом Петэном этого не осознавали⁴.

Периоды, по которым в последующих трех частях монографии изложен материал о том, как происходила трансформация международных отношений в сторону биполяризации, во-первых, оригинальны по хронологии, а во-вторых, в значительной степени наполнены новыми смысловым содержанием и выводами. Во II части, охватывающей 1942–1943 гг., на высоком теоретическом уровне подводятся итоги дискуссий в мировой историографии вокруг понятия «коренной перелом» во Второй мировой войне, авторы исчерпывающе характеризуют его «как протяженный, а не одномоментный период, в результате которого Германия — ключевое государство “оси” — фактически потеряла шансы на победу и стратегическую инициативу в войне; а руководство рейха попало в “воронку возможностей”, в рамках которой каждый последующий этап войны сокращал варианты дальнейших действий Берлина и углублял уже имевшиеся проблемы» (с. 279). Приведем еще одну существенную характеристику: «Воплощением коренного перелома в войне в ноябре 1942 — декабре 1943 г. стали не только непосредственные победы СССР и его союзников на фронтах войны, причинившие Германии колоссальный людской и материальный ущерб, но и ряд других важных обстоятельств: растущее отставание рейха в сфере военной экономики ввиду потерь значимых территорий, ресурсов и последствий стратегических бомбардировок; международно-политическое ослабление коалиции “оси” на фоне укрепления “Великого альянса”; появление новых фронтов войны, что постепенно заставляло вермахт задействовать сокращающиеся силы и средства на различных направлениях» (с. 286). Справедливо отмечается также, что «события 1942–1943 гг. наглядно продемонстрировали, что лишь две державы оказа-

лись способными не только выдержать неимоверные усилия, требовавшие для сдерживания натиска держав “оси”, но и настолько нарастить свою мощь, чтобы переломить ход войны в свою пользу» (с. 310) и что «уже к концу 1943 г. на международной арене четко обозначились глубокие расслоения в числе стран, входивших до войны в “клуб великих держав”». Если одни либо потерпели катастрофу (Франция), либо вели отчаянную борьбу за выживание (Италия), то другие быстро теряли возможности для оказания ощутимого воздействия на общую динамику международных отношений и боевых действий (Германия, Япония). Даже Англия, входившая в состав “Большой тройки”, прочно взявшей инициативу в свои руки, начала сдавать свои позиции в рамках антигитлеровской коалиции» (с. 322).

Таким образом, в книге обосновательно утверждается, что формирование контуров биполярного мира намечалось уже в 1943 г., на который пришелся и пик сотрудничества союзников по антигитлеровской коалиции, тогда как в 1944–1945 гг. стало явно проступать «ослабление солидарности и взаимодействия» победителей (с. 447).

Процесс этот изучен в III части беспристрастно и пристально, через призму создававшегося в 1943–1945 гг. нового баланса сил в Восточной Европе, соперничества по поводу сфер влияния на Балканах, роста национально-освободительного движения в колониях, урегулирования положения на Дальнем Востоке, трансформации представлений о роли военной силы, конвенционального оружия и потенциале мощи. Очень интересно показано, как проходило в этот момент «вызревание идейных основ нового мирового порядка», и достоверно доказано наличие высокой степени «неопределенности в вопросе о характере будущих отношений между США и СССР» до конца войны (с. 616, 633). Правомерно заключение, что «цель идейных поисков на Западе в ходе войны состояла в том, чтобы обеспечить конкурентоспособность и эффективность капитализма и демократии в новых условиях. Социализм, о котором говорили британские лейбористские деятели, не отождествлялся с советским опытом. В свою очередь, в восприятии советских руководителей война доказала прочность и ценность советской системы. И хотя Москва не стремилась к тому, чтобы провоцировать пролетарские революции в Европе, переход к социализму в обозримом будущем... не исключался и рассматривался как одна из гарантий мира на континенте. Разная характеристика общего врага в войне, нацистской Германии: прежде всего как диктатуры в США и Англии и как империалистического государства в СССР, оставляла для

⁴ См., например: *Vergez-Chaignon B. Les Vichysto-Résistants. Paris, 2016.*

каждой из сторон возможности проекции этого образа на союзника, способного в недалеком будущем превратиться в соперника» (с. 634).

О том, как и по каким направлениям развивалось это превращение, говорится в IV части, посвященной становлению и основным характеристикам построенного на «конфликтном взаимодействии» биполярного мира на рубеже 1940–1950-х годов (с. 637–834). Этот исторический отрезок времени в мировой политике определен как «особый устойчивый тип отношений между сверхдержавами, когда в их основе лежит многомерное, продолжительное противостояние, не перерастающее, однако, в открытое столкновение» (с. 643). Здесь рассматриваются такие структурообразующие проблемы проявления «взаимодействия», как советско-американское противоборство в Восточной и Западной Европе, «детонатором раскола» которой служил германский вопрос (с. 649), а интеграционные процессы выступили катализатором процесса биполяризации, проявившейся также в момент трансформации политического пространства на Балканах, а также на периферийных территориях: на Дальнем Востоке, в Средиземноморье, на Ближнем Востоке, где в 1948 г. прогремели «первые залпы» холодной войны.

Признание факта, что «формирование биполярной модели международных отношений было прямым следствием расстановки сил внутри антигитлеровской коалиции к концу Второй мировой войны» (с. 757), не исключило объяснения всех выше перечисленных событий в альтернативной парадигме, и это следует считать несомненным достоинством книги. Выделив до наступления эпохи холодной войны в мире двухлетний период «неопределенности» — с 1945 по 1947 г., в работе справедливо подчеркнуто, что «историки вряд ли в обозримом будущем выработают приемлемую для большинства данного профессионального сообщества оценку этого важного эпизода становления биполярной системы» (с. 646). Не лишено оснований и утверждение, что «историкам даже в наше время бывает непросто отделить реальные намерения политиков того времени от более или менее открытого блефа» и что «проблема искаженного взаимного восприятия происходящего партнерами-соперниками именно в это время проявилась как нельзя более четко и оказала огромное влияние на процесс “биполяризации” международных отношений» (с. 759). Весьма актуально для наших дней, с обращением к «дилемме безопасности» (с. 779) из теорий международных отношений, написан параграф об усилении нефтяного фактора в биполярной конфронтации на Ближнем

Востоке, где в конце 1940-х годов США, по сути, «переиграли» СССР, одновременно заместили в регионе Великобританию, установили тесные отношения с Ираном и Саудовской Аравией и заложили для себя «каркас долгосрочной стратегии» (с. 787). Советское руководство на тот же период выбрало «приоритет идейных и идеологических соображений над геоэкономическими при общей заинтересованности в использовании последних в политическом арсенале» (с. 787), а в итоге геоэкономический фактор «в международном политическом процессе второй половины XX столетия» стал определяться национально-освободительным движением и «сопровождался выработкой инструментов по интеграции новых стран в мировую экономическую систему» (с. 787).

Через призму «дилеммы безопасности» анализируется в монографии и влияние фактора ядерного оружия на военные стратегии и мощь двух сверхдержав — США и СССР — и в более широком плане — соотношение геополитических и геоэкономических подходов в поисках новой модели международных отношений (с. 788–834). С утверждением, что «формировавшаяся по итогам Второй мировой войны модель безопасности в Европе отличалась новизной при сравнении как с довоенным периодом, так и с концептуальными дискуссиями времен “Великого альянса”», равно как и с тем, что «перспектива продолжить сотрудничество после победы над Германией и ее союзниками на базе сосуществования международной организации и “сфер влияния” не стала реальностью» (с. 834), нельзя не согласиться. И справедливо замечание, что «сама модель безопасности, опиравшаяся на военно-политические блоки во главе с Советским Союзом и Соединенными Штатами, к 1949 г. отчасти сформировалась в Европе, но еще не была перенесена на другие регионы мира» (с. 834).

Обобщая колоссальный труд коллег, А.С. Маныкин в заключении продолжил суждения об альтернативных возможностях в истории, озаглавив его вопросом: «Биполярный мир — аномалия или закономерный результат эволюции международных отношений?» (с. 835–843). Отвечая на него, он усматривает такую причинно-следственную связь: «чем больше и детальнее мы изучаем историю антигитлеровской коалиции (ее противник был разгромлен на полях сражений, что и положило конец его истории), тем очевиднее становится, что исторические функции данного альянса ограничивались жесткими рамками военного противостояния. Для пролонгирования этого альянса в послевоенное время требовались очень серьезные политико-дипломатические усилия, к которым ни

Вашингтон, ни Москва оказались не готовы» (с. 836). Не вдаваясь в просопографию, от себя зададимся еще одним вопросом: или намеренно не хотели подобной пролонгации? Для А.С. Маныкина очевидно, что «причина крылась в том, что наряду с факторами, цементировавшими эти объединения, в каждом из них действовали достаточно серьезные центробежные тенденции, заметно ограничивавшие их эффективность, прочность и долговечность» (с. 836). Жестко, но справедливо упомянуто и влияние фактора «раздела добычи», затруднявшего выработку консолидированной платформы, «ибо у каждой державы имелись собственные государственные интересы, которые во многом не только не совпадали, но нередко противоречили друг другу» (с. 836).

Подводя итоги, хочется прежде всего поздравить авторский коллектив с успешным завершением пятилетних научных поисков, а специалистов-историков и широкий круг читателей, «интересующихся историей международных отношений, внешней политики и войн, историей XX в. в целом», которым, как сказано в аннотации, адресована монография (с. 4), призвать самостоятельно ознакомиться с ее содержанием, так как по причинам ограниченности объема многое, о чем

хотелось бы еще написать, осталось за рамками текста рецензии.

Библиография

- Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее / Под ред. А.С. Маныкина. М., 2010.
Основы общей теории международных отношений / Отв. ред. А.С. Маныкин. М., 2009.
Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М., 2014.
Duroselle J.-B., Renouvin P. Introduction à l'histoire des relations internationales. Paris, 1965.
Vergez-Chaignon B. Les Vichysto-Résistants. Paris, 2016.

References

- Modeli regional'noy integratsii: proshloye i nastoyashcheye / Pod red. A.S. Manykina [Models of Regional Integration: Past and Present / Ed. A.S. Manykin]. Moskva, 2010. (In Russ.)
Osnovy obshchey teorii mezhdunarodnykh otnosheniy / Otв. red. A.S. Manykin [Fundamentals of the General Theory of International Relations / Ed. A.S. Manykin]. Moskva, 2009. (In Russ.)
Pervaya mirovaya voyna i sud'by yevropeyskoy tsivilizatsii / Pod red. L.S. Belousova, A.S. Manykina [The First World War and the Fates of European Civilization / Eds L.S. Belousov, A.S. Manykin]. Moskva, 2014. (In Russ.)
Duroselle J.-B., Renouvin P. Introduction à l'histoire des relations internationales. Paris, 1965.
Vergez-Chaignon B. Les Vichysto-Résistants. Paris, 2016.

DOI: 10.31857/S013038640014294-1

© 2021 г. М.А. Петрова, А.О. Хорошева

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВРОПЕЙСКИЕ ДИПЛОМАТЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ: СУДЬБА И КАРЬЕРА»

Петрова Мария Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Researcher ID: V-2400-2019; РИНЦ ID: 3378-9989

Хорошева Александра Олеговна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: alexas23@yahoo.com

Researcher ID: AAB-7328-2021; РИНЦ ID: 9976-4841

М.А. Petrova, А.О. Khorosheva

Academic Conference “European Diplomats of the Modern Age Destiny and Career”

Maria Petrova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Researcher ID: V-2400-2019; RSCI ID: 3378-9989

Alexandra Khorosheva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: alexas23@yahoo.com

Researcher ID: AAB-7328-2021; RSCI ID: 9976-4841

26–27 ноября 2020 г. в Институте всеобщей истории (ИВИ) РАН в режиме онлайн прошла научная конференция «Европейские дипломаты Нового времени: судьба и карьера», организованная Центром по изучению XIX в. Отдела новой и новейшей истории. Актуальность ее проведения во многом объяснялась всплеском интереса к истории международных отношений этой эпохи, наблюдающегося в последние годы в европейской историографии¹. Теперь исследователи обратили внимание на тех, кто раньше оставался в тени: разного рода агентов, официальных и тайных, которые вели политические и торговые переговоры, выступали в качестве посредников в сфере культуры. Наибольший вклад в развитие международных контактов вносили сотрудники внешнеполитических ведомств, аккредитованные за рубежом в качестве дипломатических представителей. Их деятельность сложно оценивать, не учи-

тывая происхождение, уровень образования, личные склонности и круг общения.

Целью конференции было через биографии этих людей рассмотреть ряд вопросов, связанных с профессионализацией дипломатической службы и формированием международно-правового статуса

¹ См., напр.: *Anderson M.S. The Rise of Modern Diplomacy 1450–1919. London – New York, 1993; Paulmann J. Internationaler Vergleich und interkultureller Transfer. Zwei Forschungsansätze zur europäischen Geschichte des 18. bis 20. Jahrhunderts // Historische Zeitschrift. Bd. 267. 1998. S. 649–685; Lehmkuhl U. Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen Historischer Kulturwissenschaft und Soziologischen Institutionalismus // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft. Bd. 21. 2001. Heft. 3. S. 394–423; Akteure der Außenbeziehungen: Netzwerke und Interkulturalität im historischen Wandel / Hg. H. von Thiesen, Ch. Windler. Köln, 2010; Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800 / Eds T.A. Sowerby, J. Hennings. London, 2017.*

дипломатических представителей. Доклады основывались главным образом на малоизвестных или впервые вводимых в научный оборот материалах Российского государственного архива древних актов и Архива внешней политики Российской империи.

Первая секция конференции была посвящена организации дипломатической службы в России и Европе в раннее Новое время. В докладе к.и.н. В.А. Ведюшкина (ИВИ РАН) рассматривалось взаимодействие Посольского приказа с дипломатами на материалах посольства стольника П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 гг., отправленного для установления дипломатических и торговых отношений с этой страной. Особенности французской дипломатической службы при Людовике XVI, а именно организационной структуре Государственного секретариата иностранных дел Франции в конце XVIII в., было посвящено выступление к.и.н. Л.А. Пименовой (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, МГУ), основанное на подробном изучении записки П.-М. Эннена – главы одной из дирекций секретариата. К.и.н. М.А. Петрова (ИВИ РАН) показала на примере биографий российских дипломатов И.М. Симолина и П.А. Левашева, какие способы построения карьеры одобрялись или порицались руководством Коллегии иностранных дел во второй половине XVIII в. и на каких принципах основывалась кадровая политика ведомства. В заключительном докладе секции д.и.н. А.В. Ревякин (Московский государственный институт международных отношений (Университет)), анализируя известные сочинения об искусстве переговоров (Руссо де Шамау, Франсуа де Кальера, аббата Мабли, Антуана Пеке), размышлял о том, как менялись представления об идеальном дипломате и принципах его воспитания в конце XVII – первой половине XVIII в., а также почему эти сочинения оказались востребованы после Первой мировой войны и получили вторую жизнь благодаря работам Жюль Камбона и Гарольда Никольсона.

Героями второй секции конференции стали иностранцы на российской дипломатической службе. К.и.н. М.Ю. Анисимов (Институт российской истории (ИРИ) РАН) рассказал о перипетиях карьеры уроженца Вюртемберга Генриха Гросса, начинавшего свой путь секретарем выдающегося дипломата и поэта Антиоха Кантемира и представлявшего интересы России во Франции, Пруссии, Речи Посполитой, Республике Соединенных провинций и Великобритании. В докладе к.и.н. А.А. Митрофанова (ИВИ РАН) анализировалась деятельность известного публициста, эмигранта-

роялиста Э.А. де Лоне графа д'Антрэга, прикомандированного к российской миссии в Венеции в качестве атташе французского короля Людовика XVIII в 1795–1797 гг. и отправлявшего в Петербург любопытные донесения о французских планах в Италии. Д.и.н. Н.П. Танышина (Российская академия народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ) попыталась разобраться в причинах непопулярности российского министра иностранных дел К.В. Нессельроде, из рода графов Берг, в исторической памяти и историографии на основе таких критериев, как его внешность, происхождение, выбор жены, политические взгляды, досуг, роль в формулировании и отстаивании национальных интересов России.

Одной из важнейших проблем в истории международных отношений традиционно является Восточный вопрос, поэтому в третью секцию были объединены доклады о деятельности российских дипломатов на Востоке. Доклад д.и.н. Е.П. Кудрявцевой (ИРИ РАН) был посвящен пребыванию в Османской империи российского дипломата А.П. Бутенева, его роли в решении важнейших внешнеполитических вопросов (сербского и греческого), в том числе в подписании выгодного для России Ункяр-Искелесийского договора 1833 г., закрывшего Дарданеллы для прохода иностранных судов. К.и.н. Т.В. Котюкова (ИВИ РАН) представила малоисследованный в историографии сюжет об организации отдельного подразделения Министерства иностранных дел – Русского Императорского политического агентства в Бухарском эмирате, являвшегося своего рода модератором российской политики за пределами русского Туркестана с 1886 по 1920 г. Кадровый состав российской миссии в Каджарском Иране в конце XIX – начале XX в. рассматривался в докладе к.и.н. А.Б. Ларина (ИВИ РАН), осветившего трудности, с которыми дипломаты сталкивались на службе и в повседневной жизни, причем в отличие от своих коллег в Бухаре они жаловались на скуку.

В докладах четвертой секции «Взгляд изнутри: дипломаты в европейских столицах», среди прочего, анализировались их впечатления от пребывания за рубежом. В докладе д.и.н. Г.А. Шатохиной-Мордвинцевой (ИВИ РАН) представлены ранее неизвестные факты о деятельности графа А.Г. Головкина, в 1731–1760 гг. посланника в Республике Соединенных провинций. Столь долгое пребывание в Гааге и женитьба на саксонской графине Катарине фон Дона, состоявшей в родстве со статхаудером Вильгельмом IV Оранским, позволили российскому дипломату войти в круг политической элиты Нидерландов.

Д.и.н. О.В. Хаванова (Институт славяноведения РАН) реконструировала некоторые детали биографии австрийского посла в России в 1753–1761 гг. графа Николауса Эстерхази, установила круг его покровителей, недоброжелателей и информантов при союзном петербургском дворе. В докладе д.и.н. А.С. Намазовой (ИВИ РАН) речь шла о деятельности посланника в Бельгии в 1859–1869 гг. графа Н.А. Орлова, назначенного в сложный для России период после поражения в Крымской войне в качестве наблюдателя за общеевропейской ситуацией и приложившего немало усилий для поддержания российских внешнеполитических интересов на международной арене. К.и.н. А.Г. Матвеева (ИВИ РАН) рассматривала проблематику депеш российских послов в Берлине в 1890–1897 гг. графа П.А. Шувалова, князя А.Б. Лобанова-Ростовского и графа Н.Д. Остен-Сакена, посвященных внутренней политике Германии. Дипломаты подробно писали о разработке социального законодательства, подъеме социал-демократии, специфике парламентского правления и взаимодействия рейхстага с монархом.

Заключительная секция докладов была объединена общей проблематикой, связанной с особенностями дипломатической службы в эпоху потрясений. Героем доклада к.и.н. А.В. Лазаревой (МГУ) стал Мартин Опиц, крупнейший немецкий поэт-кальвинист эпохи Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), который был дипломатическим агентом сначала протестантских князей Легницких и Бригских, затем главного контрреформатора Силезии герцога Карла Ганнибала цу Дона, а впоследствии вернулся на службу Легницкому дому. К.и.н. Е.В. Котова (ИВИ РАН) показала трудности, выпавшие на долю посланника по особым поручениям, затем посланника в Австрии А.М. Горчакова на Венских конференциях 1854–1855 гг., призванных наметить условия мирного договора по итогам Крымской войны, но не достигших цели.

В докладе Л.А. Садовой (ИВИ РАН) речь шла о малоизвестном аспекте деятельности Фритьофа Нансена — его тайной дипломатической миссии в Лондоне, которая стала частью пропагандистской кампании в пользу обретения Норвегией независимости в 1905 г. в целях оказать влияние на общественно-политические круги Великобритании. В докладе к.и.н. Б.С. Котова (ИВИ РАН), посвященном взглядам первого секретаря российской миссии в Белграде В.Н. Штрандтмана на происхождение Балканских войн 1912–1913 гг.,

затрагивался вопрос о целях российской политики на Балканах, показаны различия в позициях, которых придерживались сотрудники Министерства иностранных дел по этому вопросу. Проблема адаптации кадровой политики внешнеполитических ведомств к новым условиям на исходе Нового времени была поднята в докладе к.и.н. А.О. Хорошевой (ИВИ РАН). В сообщении о бельгийских дипломатах, находившихся в России в годы Первой мировой войны, анализировались причины замены карьерного дипломата К. де Бюиссрэ в самый разгар политического кризиса в России на политика-социалиста Ж. Дестре, а также характер их деятельности в Петербурге.

Каждая секция сопровождалась оживленной дискуссией, в которой помимо докладчиков активное участие принимала секретарь Общества русистов Болгарии д.и.н. Р. Михнева (Софийский университет им. Св. Климента Охридского). В ходе обсуждений рассматривались отдельные аспекты источниковедения истории дипломатии Нового времени, в частности механизмы составления донесений; поставлены проблемы подготовки сотрудников внешнеполитических ведомств, функционирования почтовой и курьерской службы, комплектования штатов миссий и распределения обязанностей между их сотрудниками, назначений на дипломатические посты; анализировались особенности коммуникации дипломатов с руководством, политическими элитами и общественными институтами страны пребывания. Участники конференции выразили надежду, что ее результаты найдут отражение в коллективной монографии.

Библиография/References

Anderson M.S. The Rise of Modern Diplomacy 1450–1919. London — New York, 1993.

Paulmann J. Internationaler Vergleich und interkultureller Transfer. Zwei Forschungsansätze zur europäischen Geschichte des 18. bis 20. Jahrhunderts // *Historische Zeitschrift*. Bd. 267. 1998. S. 649–685.

Lehmkuhl U. Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen Historischer Kulturwissenschaft und Soziologischen Institutionalismus // *Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft*. Bd. 21. 2001. Heft. 3. S. 394–423.

Akteure der Außenbeziehungen: Netzwerke und Interkulturalität im historischen Wandel / Hg. H. von Thiesen, Ch. Windler. Köln, 2010.

Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800 / Eds T.A. Sowerby, J. Hennings. London, 2017.

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте) или по электронной почте редакции: novistor57@mail.ru.
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта – 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200–230 слов) и ключевые слова (до 5–9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.

13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10–15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Ю.А. Рябчикова, Е.В. Котова

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 15.03.2021 г.
Тираж 341 экз.

70•100¹/₁₆.
Зак. 10/2а.

Уч.-изд. л. 23,4
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д.3, стр.1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

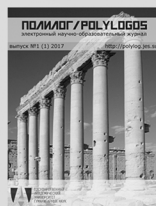
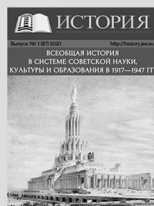
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).